

СМОЛНА

ISSN 0131 — 6656

ОЛЕГ СУВОРОВ ■ ХРОМОЙ БЕС В МОСКВЕ

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ ■ САМОУБИЙЦЫ

8

95

8'95

смена

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА

Художественно-

технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.05.95.

Подписано к печати 20.06.95.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 75 500 экз.

Заказ № 381.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Reg. № 166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака

обращаться в издательство «Пресса»:

257-28-30, 257-41-03.

8 (1570) АВГУСТ

© «Смена», 1995.

12 ПРОЗА

*Ирвин Шоу***БОГ БЫЛ ЗДЕСЬ, НО ОН ДАВНО УШЕЛ** *Рассказ*

66

*Олег Суворов***ХРОМОЙ БЕС В МОСКВЕ** *Плутовская повесть*

190

*Николай Леонов***МЕНТ ВЕРНУЛСЯ** *Криминальная повесть*

60 ПОЭЗИЯ

Глеб Горбовский

130

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

4 ВРЕМЯ И МЫ

*Галина Брынцева***БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

30

*Валерий Майоров***ФАБРИЧНЫЕ**

160

*Александр Пьянков***САМОУБИЙЦЫ**

170

*Николай Зуев***НЕОТРАЗИМЫЙ АГАССИ**

44 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

*Людмила Быченкова***ДАМСКИЙ ТАНЕЦ С САБЛЯМИ**

120

*Эльвира Попова***ПЕТРОВ-ВОДКИН**

134

ПОПЫТКА ИНОГО БЫТИЯ

Беседа с певицей Линой Мкртчян

142

Генрих Штаден

ЗАПИСКИ НЕМЦА ОПРИЧНИКА

186

**ДЖОАННА СТИНГРЭЙ: «НЕ ЛЮБЛЮ МУЖЧИН,
КОТОРЫЕ КРИЧАТ НА ЖЕНЩИН»**

■
На 1-й обложке: фотоэтиюд ВИКТОРА ГОРЯЧЕВА.
На 11-й обложке: К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН.
А. С. Пушкин в Петербурге.
1930-е гг. (Читайте стр. 120)

Зенон Галушка

**ДЕСЯТЬ ДНЕЙ
НА КАРУСЕЛИ**

Герой польского иронического детектива Доминик Грошек — старший референт учреждения, занимающегося вопросами культуры и искусства, — в свободное от работы время рисует портреты. В награду за первое место в конкурсе художников-непрофессионалов он получает приглашение из Нью-Йорка и летит за океан, чтобы пережить захватывающие приключения в стране, где все «самое-самое». Волею обстоятельств Грошек оказывается в лапах гангстеров...

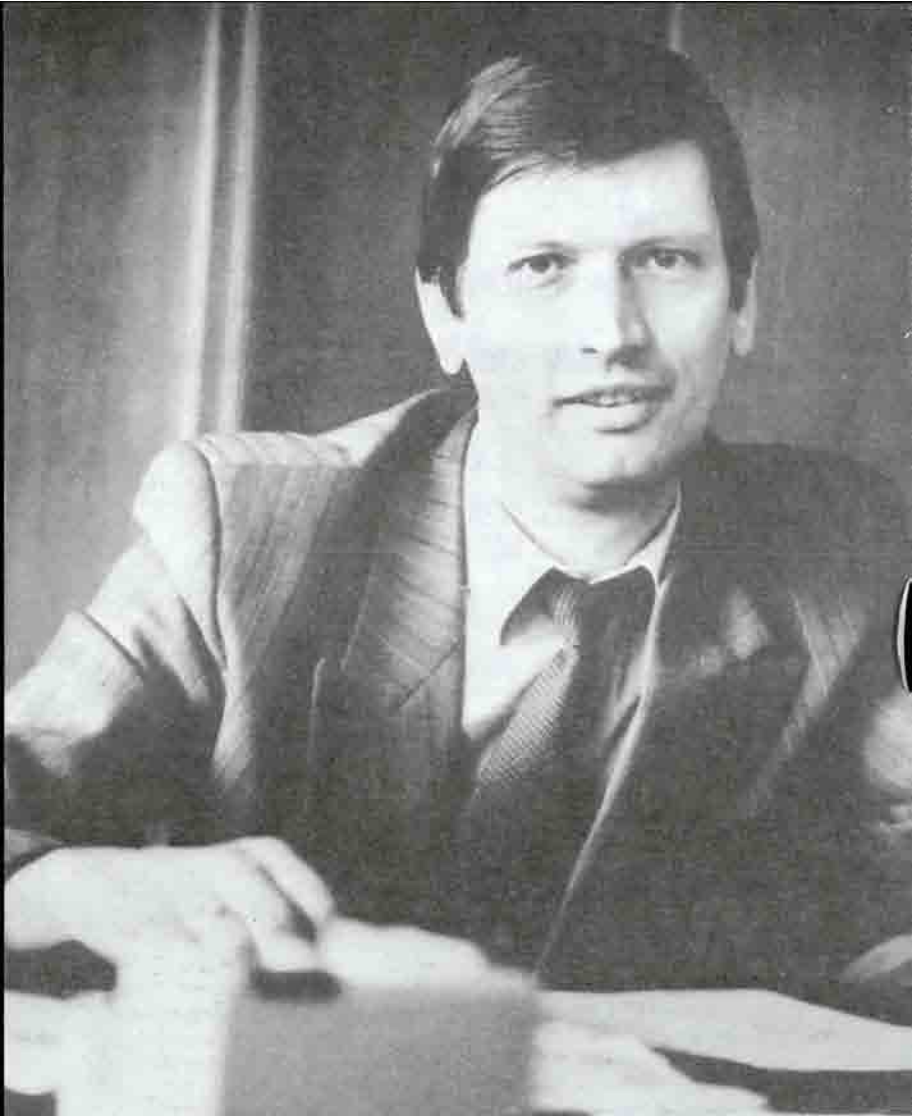
Клара Скопина

ЗАГАДОЧНЫЙ «ПЕТРОВИЧ»

Два года работы в секретных архивах, десятки бесед с разными людьми позволили писателю создать документальную повесть о трагической судьбе выдающегося конструктора ракетных двигателей В. П. Глушко.

АНОНС

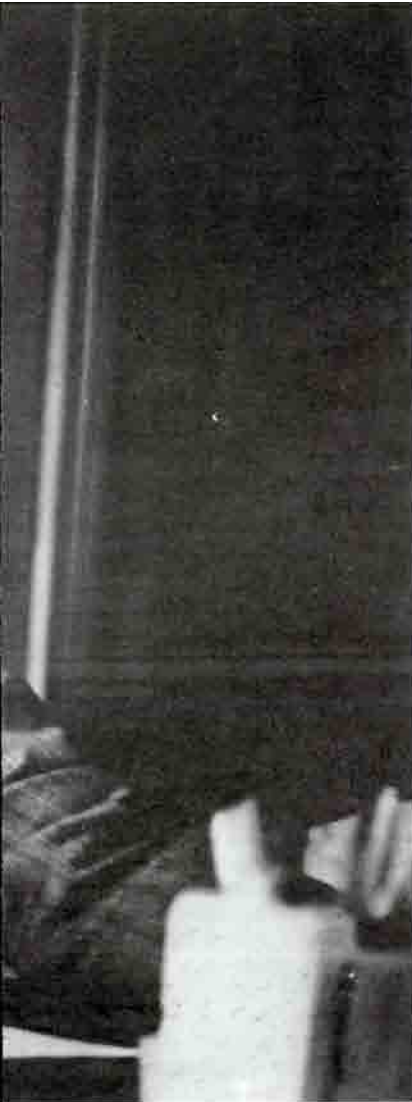
995

**ГАЛИНА
БРЫНЦЕВА**

БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРА

Фото И. ЖУРАВЛЕВА

СТЦЯ

А судьи — кто?

Особого почтения к судам в России сроду не было. Им не верили. Их боялись. Фольклор на этот счет выражался вполне определенно: «Из суда, что из пруда, сухим не выйдешь», «Подпись судейская, а совесть лакейская».

В годы Великого Телефонного Права народ проявлял свое отношение к суду иначе — например, фраза «Да здравствует советский суд — самый гуманный суд в мире!», произносимая персонажем популярной кинокомедии, встречалась дружным понимающим хохотом.

Ну а сегодня? Отношение российских граждан к отечественной судебной системе с тех пор практически не изменилось. Однако берусь утверждать, что складывается оно скорее в силу той самой недоброй исторической памяти, нежели на основе объективной общественной оценки. Ведь, чтобы оценить, надо знать. Но попробуйте, читатель, не думая долго, вспомнить фамилии руководителей МВД, Генеральной прокуратуры, ФСК, Верховного суда России. Уверена, большинство из вас сразу назовут соответственно Ерина, Ильюшенко, Степашина — этих высших должностных лиц, как и деятельность вверенных им ведомств, средства массовой информации ежедневно удерживают в фокусе вашего внимания. А вот с фамилией председателя Верховного суда РФ скорее всего случится заминка: имя Вячеслава Лебедева (именно так зовут руководителя высшего судебного органа России) отнюдь не примелькалось на газетных страницах. И о том, что происходит внутри судебной системы, общественность информирована очень слабо.

Районный суд — низовое, а значит, наиболее приближенное

к нам, обычным российским гражданам, звено этой системы. Не в Верховный же суд идем мы со всеми своими маленькими трагедиями — будь то развод, алименты, спор о невеликом теткинском наследстве или жалоба на соседа-хулигана. К ним идем, районным судьям...

Итак, знакомьтесь: Свашенко Сергей Николаевич — председатель Первомайского районного суда города Краснодара.

После избрания в 1980 году Сергея Свашенко народным судьей он оказался самым молодым вершителем правосудия Краснодарского края. Сегодня ему сорок один. Отличный возраст. Особенно, наверное, для судьи. С одной стороны, позволяющий говорить об уже накопленной жизненной и профессиональной мудрости. С другой — о не успевшей еще накопиться усталости — профессиональной и просто человеческой. Возраст успеха? Для Свашенко, пожалуй, да. И то, что коллеги выбрали его председателем совета судей края, вовсе не малое тому доказательство.

Разнарядка на правосудие

«Сергей Николаевич — хороший человек и, вне всякого сомнения, высокий профессионал, честнейший судья. Но у него есть недостаток: больно уж он добрый», — сказал доверительно один из краснодарских милицейских чинов.

Спросила у Свашенко, как он относится к такой характеристике.

— Согласитесь, доброта гораздо ближе к здравому смыслу, чем жестокость. А без здравого смысла найти ли истину? Если, конечно, вообще есть желание искать ее...

— Но если истина заключается

в том, что ваш подсудимый зверски убил человека, изнасиловал ребенка?

— Если вина его доказана и установлена судом, приговор будет соответствующим. Поймите простую вещь: сам по себе закон не содержит таких категорий, как «добрый» или «жестокий». Он квалифицирует не личность, а то, что эта личность совершила, насколько она теперь опасна для общества. И если я именем закона избавляю общество от опасности — речь не идет о моей «недоброде»... Но таких судебных процессов — с настоящими, классическими злодеями, насильниками, грабителями — небольшой процент. Громких процессов в судах края, связанных с крупными делами о коррупции, экономических преступлениях, рэкетом, наркобизнесом, организованным бандитизмом, я — вот так, сразу — и не припомню...

— А я ехала в Краснодар в полном убеждении, что попаду в один из самых криминогенных регионов России.

— Думаю, слух о крае как о российском центре беспредела все же несколько преувеличен. Кстати, Вячеслав Михайлович Лебедев был у нас в феврале и назвал цифру: по стране мы «держим» лишь 18—20-е место. Для густонаселенного региона с территорией, как, скажем, у Австрии, да еще «отягощенного курортностью», не слишком страшный показатель. Но, разумеется, все прелести крупного преступного мира у нас имеются. И в немереном количестве. Именно в немереном. Во всяком случае, нами, судьями. Ведь, чтобы суд состоялся, милиции преступника надо поймать, следователям из УВД или прокуратуры доказательно изобличить его и в конце концов доставить в зал суда. Раскрывается же правоохранительными органами лишь треть всех пре-

ступлений. Из них после досудебного расследования еще десять процентов долой: сыщики не смогли найти доказательств, грамотно провести следствие. Потому к нам в суды сегодня поступает лишь одна пятая всех совершенных уголовных дел. 80 процентов преступлений остаются безнаказанными. Это цифры не только по Краснодарскому краю — сейчас везде приблизительно так. А это значит: классический принцип правосудия всех времен и народов — неотвратимость наказания — сегодня в России на 80 процентов фикция. Ребенку ясно, кто за это в ответе и какой это мощный стимул для роста преступности. Илюшенко с Ериным и их подчиненным не суды надо критиковать, а преступников ловить, грамотно расследованием заниматься!

— А критикуют вас за что?

— Да вот за ту самую «доброту», с которой наш разговор и начался. Обычно это звучит так: «излишний либерализм судов в определении преступнику меры наказания». Это ведь в самом начале девяностых общая «перестроечная» установка на гуманизм в правосудии была. Сегодня уже другой юридический крен: ужесточить! В прошлом году Ерин к нам приезжал, на расширенном совещании в краевой администрации так и заявил — надо, дескать, «прекратить модные разговоры о гуманизации и демократизации». Но нельзя призывать правосудие к либерализму или, наоборот, к ужесточению — от него можно и должно требовать только беспристрастности и, следовательно, справедливого суда. А вся эта политическая кампанейщина, «разнарядка на правосудие» — уже попытка давления на суд. Попытка антиконституционная, противозаконная и, значит, по сути преступная.

— И часто приходится ощущать такое давление?

— Постоянно. На недавнем совещании в краевой администрации подводим итоги за прошлый год по борьбе с преступностью. Чему, вы думаете, посвящена добрая часть доклада прокурора края? Тому, что «работа судов с точки зрения эффективности борьбы с преступностью далека от желаемого!» Суды, понимаете ли, у нас в крае плохо осуждают: только 31 процент приговоров, определяющих лишение свободы, вынесли. Это, знаете ли, товарищи, очень мало! Вот в соседних областях — там лучше, больше людей сажают...

— Значит, как встарь: «даешь процент»?

— Именно! Не хотят наши друзья из правоохранительных органов понять: как суд решил, так тому и быть! Решение суда может обсуждаться лишь судом высшей инстанции. И в общественном сознании это, пожалуй, тоже еще не уложилось. Слишком свежа память о «карманных» судьях, в чью независимость и беспристрастность люди не верили и, значит, не верили в справедливость судебных решений. Счастье еще, что с 1991 года, когда началась судебная реформа и суд был провозглашен Конституцией как независимая ветвь государственной власти, у большинства судей начал вырабатываться иммунитет против разных форм давления на них. Очень укрепил этот иммунитет и принятый год спустя Закон «О статусе судей».

— Хотите сказать, что, несмотря на все установочные шарахания власти, вы независимы в своих действиях и решениях?

— Конечно, независимы. Хотите верьте, хотите нет. И большинство судей города и районов края тоже. Хотя и не все пока: кто-то

после «прокачки» местных властей устоит и по-прежнему будет руководствоваться только законом и здравым смыслом. А кто-то дрогнет, примется «поднимать показатель»... И тогда собирайся-ка, Медведев, в «зону».

Где поставишь, судья, запятую?

— Это кто ж такой — Медведев?

— Да с месяц назад я слушал уголовное дело. О грабеже.

...В зал суда его, как положено, доставили в наручниках трое конвоиров с пистолетами и дубинками, завели в клетку для подсудимых, встали с двух ее сторон в караул.

Медведев — маленький, тщедушный — с виду больше чем на пятнадцать лет не тянет, хотя семнадцать ему уже исполнилось. С родителями не повезло; воспитывался в интернате. После интерната определили жить и работать в колхоз Новокубанского района. К октябрю уборочные закончились, делать в колхозе стало нечего, и подался Медведев в Краснодар к старшей сестре.

Все случилось средь бела дня, часов в двенадцать. Потолкавшись на городском коммерческом рынке — так церемонно в Краснодаре именуют «толчок», — увидел двух пацанов. Чего его вдруг на тот подвиг потянуло, Медведев внятно так и не смог объяснить. («Объяснять» никогда у него не получалось, потому и с учебой все годы сплошные мучения были.) Может, захотелось наконец возраст свой прочувствовать, превосходство над мальцами?

— Деньги есть? Давай!

Мальчишка достал из кармана полторы тысячи.

— Мало, — посуровел голосом Медведев.

Второй выудил из куртки еще две бумажки. Тут-то случившийся рядом и наблюдавший с самого начала всю сцену милиционер в штатском и взял гражданина Медведева «с поличным». Медведев оказался в следственном изоляторе (СИЗО), где просидел до суда три с половиной месяца. А милиция увеличила процент раскрытых преступлений. Пару таких дел в месяц оперативник со следователем в суд направят — и будут в передовиках. Для отчета ведь все равно: Медведев или матерый бандюга. А ты, судья, суди!

Суди и помни, какая нынче политическая установка на правосудие и что говорил о «либеральных тенденциях» на последнем краевом совещании начальник УВД. Тем более помни, что этот дуралей, сидящий теперь в клетке, — «повторник». Три года назад на том же самом «толчке» — ну, просто один к одному! — группа подростков (где он, самый младший, за «шестерку» был) отняла у группы других подростков 95 рублей. За что все голубчики и получили условные сроки. «Сажать нельзя помиловать» — где на этот раз поставишь в судьбе Медведева запятую, судья?

— А разве стоило раздумывать на этот счет?

— А разве нет? — вопросом на мой вопрос отозвался Сергей Николаевич.

— Но ведь парень совершил повторное преступление. Есть ли гарантии, что через месяц он не нарушит закон снова?

— Таких гарантий, конечно, нет. А вот шанс, что выправится Медведев и будет нормальным человеком, я считаю, есть. Для этого требуется время: повзрослеть нужно Медведеву. Он ведь не только внешне на пятнадцать-шестнадцать лет выглядит — интеллектуальное развитие этому воз-

расту соответствует. Даже обстоятельства его дела о том говорят: среди бела дня, прилюдно у мальчишек деньги отобрал. Типично подростковое правонарушение! Через пару месяцев Медведева должны призвать в армию — там быстро взрослеют. А отправь я его на три года во взрослую (совершеннолетний ведь!) колонию, какие, по-вашему, были бы у него шансы выйти оттуда законопослушным гражданином? И какие были бы шансы у общества не получить в лице Медведева сформированного «зоной» законченного преступника?

— Минимальные, по-моему, если судить по тому, что происходит сегодня в ИТК.

— То-то и оно... В обществе (не только в правоохранительных кругах) в ходу сакраментальная фраза: «Преступник должен сидеть в тюрьме». Насколько она небезусловна, люди задумываются гораздо реже, чем произносят ее. Только суд может решать: сидеть нарушившему закон в тюрьме или нет. Я считаю, что преступнику Медведеву в тюрьме сидеть не нужно. А потому перерыл все статьи в кодексе, назначил ему наказание ниже низшего предела с отсрочкой приговора (не предполагающее лишения свободы. — Г. Б.) и штраф в 20 тысяч.

(Таких медведевых через Первомайский суд проходит очень много. «Дело, расследуемое в условиях очевидности», — говорят судьи.)

Свашенко показал на пухлую папку:

— Сейчас проведем эксперимент. Это дела, поступившие в суд за сегодняшний день. Каждый вечер я распределяю материалы в папки — членам своего суда. Эти посмотрим вместе.

Из 31 дела двенадцать мы насчитали уголовных, остальные —

гражданские. Все двенадцать «протокольной формы». Бытовые драки... Нецензурная брань... 1,9 грамма анаши, изъятые у двадцатилетнего парня все на том же коммерческом рынке (до трех лет лишения свободы, кстати!)... Угроза убийства поссорившегося с бывшей супругой пьяницы... Покупка у проходной масложиркомбината гражданкой Н. «у неустановленной личности краденых 1 кг майонеза и восьми упаковок маргарина «Солнышко» на общую сумму 21 тысяча 92 рубля...».

— Все правильно. Преступницу, что маргарин украла, старший дознаватель окружного УВД, капитан милиции П., не поймал, а гражданку Н. взял с поличным! А вы только взгляните, сколько в это дело трудов-то праведных вложено: рапорты, докладные, протокол изъятия... Теперь нам ее судить надо. Да кто ж она такая, гражданка Н.?! — полистал Сергей Николаевич материалы. — Девятнадцать лет от роду, не замужем, не привлекалась, образование среднее, воспитатель детского сада с заработком 120 тысяч рублей. Ну, и что теперь с ней делать?

— И правда — что?

Он в сердцах захлопнул папку.

— Передадим одному из наших судей, он посмотрит, может, откажет в возбуждении уголовного дела, иначе это ж уже судимость у девятнадцатилетней девчонки будет... Кстати, и она, и Медведев, и все эти люди, — Сергей Николаевич кивнул в сторону папки, — те самые люди, которых от нас требуют лишать свободы, чтобы подтвердить тем самым «эффективность» работы правоохранительных органов».

«А все-таки она вертится!»

Перефразируя знаменитую фра-

зу великого ученого упрянца, судья Свашенко мог бы, наверное, сказать о проводимой в стране судебной реформе: «А все-таки она движет российское правосудие вперед, все-таки она осуществляется!»

— А вы, Сергей Николаевич, считаете, что уже можно говорить о реальных завоеваниях судебной реформы в России? И какие, на ваш взгляд, наиболее значительные?

— Конституционный статус суда как независимой третьей власти. И суды присяжных, заработавшие уже больше года назад. Они напрочь перевернули весь былой карательно-обвинительный ход судебного разбирательства, когда судья подменял собой прокурора, стараясь осудить во что бы то ни стало. Присяжные придали суду нормальную состязательность обвинения и защиты... Упомянутый Закон «О статусе судей»: он чрезвычайно важен как надежная гарантия судебной независимости. Особенно для нашей страны, где слишком долгое время судью ни в грош не ставили. Его могли задержать по самому незначительному поводу, а то и без повода, обыскать, запихать в КПЗ. Я уж не говорю про партийно-советские указания, как ему то или иное «дело» провести надлежит. Сегодня личность судьи, его жилище, корреспонденция — неприкосновенны, а любое вмешательство в судебную деятельность преследуется законом.

— Сергей Николаевич, я процитирую публикацию из солидной и уважаемой центральной газеты: «Работники милиции и следователи прокуратуры считают, что такая защищенность судей чрезмерна, сегодня она не соответствует нравственному уровню вершителей правосудия». Речь в этой статье — одной из немногих, посвя-

щенных ходу судебной реформы. — идет о том, что, пользуясь своим статусом неприкосновенности, судьи применяют 220-ю статью Уголовно-процессуального кодекса и освобождают из-под стражи преступников. Не «за так», конечно, делает вывод автор: «Освобождение из-под стражи без всяких видимых на то оснований обвиняемых в разбойных нападениях, рэжете, грабежах и убийствах невольно наводит на мысль, что делается это неспроста...» Похожий мотив звучит и в интервью Тельмана Гдляна другой газете: «Теперь только наивный не знает, что в судах «берут»...» Насколько, по-вашему, справедливы такие обвинения в адрес судейского «цеха»? И что это за 220-я статья, «вводящая судей в искушение»?

— Начну с ответа на второй вопрос. «Перестроечные», как их называют, статьи 220-1 и 220-2 законодательно введены в УПК в рамках судебной реформы в мае 1992 года и сразу сделались еще одним крупным яблоком раздора между судебными и правоохранительными органами. Это тот самый закон, позволивший судам по жалобе адвоката выпустить на свободу под залог или подписку о невыезде находящегося под следствием и арестованного гражданина.

Судейская общественность приняла новые статьи УПК восторженно: с их введением российское уголовное право делало реальный шаг к международным нормам, к цивилизованности, входило в большее соответствие с международными договорами в сфере прав и свобод человека.

Следственные же органы отнеслись к ним, мягко говоря, с мрачной настороженностью.

За этой коллизией двух сил стояли и стоят запущенные болез-

ни уголовно-процессуального производства. Ну, например, такое явление, как незаконное содержание под стражей человека, вина которого не доказана. А порой и не может быть доказана, поскольку «взяли» его по ошибке. Или просто под горячую руку милиции попался, «на безрыбье», что называется. Удерживая подозреваемого за решеткой, следствию легко сломать его и психологически, и физически, добиться всеми имеющимися «методами» всего, чего следственная душа пожелает,— показаний, признаний...

А потом, уже в ходе судебных разбирательств, частенько выясняется: и то, и другое — липа. И уголовное дело начинает рассыпаться «на глазах у изумленной публики».

Новые статьи УПК позволяют судам препятствовать таким сценариям в постановке милицейской режиссуры.

— Но в газетной статье, которую я процитировала, приводились факты, когда на свободе оказывались настоящие, опасные преступники. Один из них после освобождения судом из-под стражи устроил кровавую «разборку с конкурентами» из другой преступной группировки, второй, дав судье подписку о невыезде, тут же скрылся в Чечне, третий расстрелял из автомата человека...

— А вот теперь я, пожалуй, отвечу на вопрос, что думаю об обвинениях в адрес моего профессионального «цеха» в мздоимстве. Они, конечно, не беспочвенны. Но — хоть и неловко произносить столь банальное — в любом человеческом, в любом профессиональном сообществе ведь есть люди честные и есть нечестные. Есть подлецы и есть чистые, порядочные. Кого больше? Больше порядочных, что опять-таки очевидно. И если уж «поверить» гармонию

алгеброй», — приведу статистику: в прошлом году российские суды удовлетворили лишь пятую часть поступивших в них жалоб адвокатов, основывающихся на 220-й статье. Из этого числа лишь 4 процента случаев, когда освобождение из-под стражи подсудимых было осуществлено судьями незаконно. Уверен, что описанные в газетной статье факты входят в эти 4 процента. В них же попали и элементарные судебные ошибки: практика применения «перестроечных» статей нова и многими судьями еще попросту не освоена профессионально. Ну, а сейчас уже я задам вам вопрос: на каких судей должны мы ориентироваться, проводя так необходимую всем нам (с этим-то никто не спорит!) судебную реформу?

— Очень хочется, чтобы вы ответили на такой вопрос сами!

— И у государства, и у общества есть простая альтернатива. Либо, зная, что среди судей есть бесчестные и есть малопрофессиональные, намеренно придерживаться, тормозить судебную реформу, что неминуемо приведет к остановке в их развитии. Либо идти в своем демократическом развитии вперед, еще решительнее реформировать судебную систему, полагаясь на то, что абсолютное большинство российских судей — честные профессионалы.

И я, как судья и как председатель судейского сообщества края, буду делать все возможное, чтобы Россия выбрала второе решение.

БОГ БЫЛ ЗДЕСЬ, НО ОН ДАВНО УШЕЛ

ИРВИН ШОУ

«Дави на жалость, девочка, — вспомнила она, нажимая кнопку звонка. Берт говорил это по телефону, когда звонил из Лондона. — Они должны раскиснуть от жалости. Заикнись о самоубийстве. Один хороший недвусмысленный намек, девочка. Можешь назвать мое имя, если хочешь. Все знают, даже в Женеве, какой я способный мальчик, и будут симпатизировать тебе. Уверен, что все будет хорошо. Трое из моих друзей прошли через это и сейчас живут припеваючи».

Берт был замешан в темных делах в пятнадцати странах, имел большие связи в преступном мире, полиция нескольких городов интересовалась им. Он знал имя и адрес каждого и чем тот мог быть полезен. Думая о Берте, любящем наводить тень на плетень, она улыбнулась, стоя в темноте лестничной клетки

перед закрытой дверью. Послышались шаги. Дверь открылась.

— Сколько вам лет, миссис Маклейн?

— Тридцать шесть,— сказала Розмари.

— Вы, конечно, американка?

— Да.

— Где живете?

— В Нью-Йорке.— Розмари решила не говорить по-французски. Так она будет казаться более беспомощной. Плывающая по течению, одинокая женщина, которая не может объясниться в чужой стране.

— Вы замужем?

— Разведена, пять лет назад.

— Дети?

— Дочка, одиннадцати лет.

— М-м... Какой у вас срок?

— Шесть недель.

— Вы уверены? — Его английский был безупречен. Учился в Пенсильвании. Маленький, моложавый, аккуратный человек с гладко зачесанными коричневыми волосами в опрятном коричневом кабинете. Его лицо сияло керамической бледностью, как тщательно вымытая обеденная тарелка. Он был один. Дверь ей открыл сам. Дипломы и свидетельства ученых степеней на нескольких языках висели на коричневатых, нейтральных стенах. Шум улицы сюда не доносился.

— Абсолютно,— ответила Розмари.

— Как себя чувствуете?

— Физически...— Она помедлила. Пока не было смысла лгать.— Физически, я полагаю, нормально.

— Мужчина?

— Я бы предпочла не говорить об этом.

— Боюсь, мне придется настаивать на своем вопросе.

Домашние заготовки: «Мы должны были пожениться, но он погиб в автомобильной катастрофе. В горной лавине. Я вовремя обнаружила, что в его семье было много психически ненормальных. Он католик и итальянец, женат, а, как вы знаете, в Италии разводы запрещены, и, кроме того, я должна жить в Нью-Йорке. Он был индусом. Обещал жениться на мне и исчез. Он был шестнадцатилетним паренком в вагонном купе, и ему нужно было возвращаться в школу». Абсурд. Полный абсурд.

Психиатр сидел в своем коричневом кабинете, терпеливо ожидая, как в саде, готовый ко лжи.

— Он женат.— Правда.— Счастливо женат.— Вероятнее всего, правда.— У него двое маленьких детей. Он намного моложе меня.— Демонстративная правда.

— Он знает?

— Нет.— Абсурдность тоже имеет свои пределы. Беспечный уик-энд в горах с мужчиной, которого раньше и в глаза не видела, который даже не очень-то нравился ей и с которым определено не хотелось встречаться вновь. Она всегда была сдержанной женщиной и никогда не допускала ничего подобного раньше и, во всяком случае, не допустит в будущем. Однако нельзя давать повод мужчине десятью годами моложе себя,

вторгаясь в лоно его семьи из шестнадцатого округа Парижа, а потом хныкать, как школьница, которую совратили из-за двух бессмысленных ночей во время снежной бури. Попалась. Банальнее ситуации не придумаешь. Она даже не была уверена, есть ли у нее его адрес. Кажется, он записал его тем последним утром и сказал, что если она когда-нибудь окажется в Париже... Но ей хотелось спать, хотелось, чтобы он поскорее ушел, и она не помнила, сунула ли листок бумаги в сумочку. Служебный адрес, сказал он тогда. Святость foyer*.

— Нет, он ничего не знает, — повторила Розмари.

— И вы собираетесь поставить его в известность?

— А что это даст? Два человека будут тревожиться вместо одного. — Однако она не могла представить его тревожащимся. Пожмет плечами. Американка приезжает в Европу, даже не зная, как... — Понимаете, произошла ужасная случайность. Ну, на лыжном курорте. Вы же знаете, что такое лыжные курорты...

— Я не катаюсь на лыжах. — Он произнес это с некоторой гордостью. Суровый практик. Не тратит времени на фривольности. Не платит больших денег, чтобы ломать ноги. Отвращение к нему волнами накатывалось на нее. Его коричневый костюм казался все противнее.

— Я была пьяна. — Неправда. — Он помог мне дойти до номера. — Опять неправда. — Я не помню, как это случилось. — Коричневый костюм дернулся. — Он вел себя очень грубо... — Ее ли это голос? — Если я сообщу ему, он только рассмеется. Он же француз. — Возможно, она нацупала верную струну. Взаимная неприязнь швейцарцев и французов. Кальвин против мадам де Помпадур. Женева, разоренная войсками Наполеона. — По его отношению ко мне могу сказать, что у него не было ни малейшего чувства ответственности. — Теперь ее слова звучали так, будто она давала показания в полиции. Было важно казаться откровенной, слишком отчаявшейся, чтобы хитрить. Кроме того, ее слова скорее всего соответствовали истине. У Жан-Жака не было причин чувствовать себя ответственным. Насколько он знал, она могла запросто за неделю побывать в постели у трех разных мужчин. Ведь она пригласила его к себе всего лишь после двадцатичетырехчасового знакомства. Pourquoi moi, Madame? Pourquoi pas quelqu'un d'autre?*

Жан-Жак! Если уж американке заводить любовника-француза, то его имя не должно быть ТАКИМ французским. Через черточку. Слишком уж банально. Она поежилась, вспомнив их уик-энд. А ее собственное имя? Розмари. Женщины, которых зовут Розмари, не делают аборт. Они выходят замуж под белой фатой, слушаются своих свекровей и встречаются по вечерам на станциях в зеленых пригородах возвращающихся с работы мужей.

— Каковы ваши доходы, мадам? — спросил психиатр. Он сидел неподвижно, его керамически бледные руки лежали на зеленом регистрационном журнале. Для жалости она была одета

* очага (франц.).

** Почему я, мадам? Почему не кто-нибудь другой? (франц.)

слишком изысканно. Женева — элегантный город. Костюмы от Диора, Баленсиага, Шанеля, сверкающие на фоне банков и рекламы самых точных часов в мире. — Бывший муж платит вам алименты?

— Он платит их нашей дочери. Я содержу себя сама.

— Ах, вы работающая женщина. — Если бы его голос был способен что-либо выразить, он бы выразил удивление.

— Да.

— В чем состоит ваша работа?

— Я покупатель.

— Да?

Разумеется, она покупатель. Каждый покупает вещи. Она чувствовала, что должна пояснить.

— Я покупаю вещи для универсального магазина. Иностранные вещи. Итальянские шелка, французский антиквариат, старинное стекло, английское серебро.

— Понимаю. Вы много путешествуете. — Еще один факт против нее. Если женщина много путешествует, она не должна забеременеть, катаясь на лыжах. Что-то в ее истории не складывалось. Неподвижные бледные руки выражали недоверие.

— Я бываю в Европе три-четыре месяца в году.

— Donc, Madame, — заметил он, — vous parles francais*.

— Tres mal**, — ответила она, стараясь произнести это как можно более по-американски, комично.

— Вы совершенно свободны?

Розмари почувствовала, что он атакует ее.

— Более или менее. — Слишком свободна. Если бы она не была так свободна, то не сидела бы сейчас здесь. Перед тем, как приехать в Европу, она разорвала трехлетний роман. Именно поэтому долго оставалась в Европе и попросилась в отпуск зимой, а не в августе, чтобы немного прийти в себя. Когда ее любовник сказал, что сможет получить развод и они поженятся, она вдруг почувствовала, что он надоед ей.

— Полагаю, ваше окружение достаточно либерально, — сказал доктор, — и атмосфера терпима.

— В определенном смысле. — Ей захотелось встать и выбежать из комнаты. — Вы не возражаете, если я закурю?

— Простите, что не предложил вам сигарету раньше. Сам я не курю, поэтому иногда забываю об этом. — Не катается на лыжах и не курит. Есть, вероятно, еще много такого, что он не делает. Доктор наклонился, взял у нее зажигалку и медленно поднес пламя к ее сигарете. Руки у нее дрожали. Вполне естественно.

Ноздри психиатра слегка расширились, выражая неодобрение к дыму в собственном кабинете.

— Когда вы путешествуете, мадам, кто занимается воспитанием дочери? Бывший муж?

— Служанка. Я наняла ее на круглосуточное попечительство. — Американизм. Возможно, вызовет некоторую подсознательную европейскую антипатию. — Муж живет в Денвере.

* Следовательно, мадам, вы говорите по-французски (франц.).

** Совсем плохо (франц.).

Я стараюсь делать мои поездки как можно более короткими.
— Служанка, — повторил человек. — С финансовой точки зрения вам вполне хватит средств и на второго ребенка.

Ее охватила паника. Маленькие, похожие на электрические покалывания в коленях и пустота в желудке. Этот человек был ее врагом. Не стоило полагаться на Берта. Что он, в сущности, смыслит в таких вещах?

— Боюсь, если обнаружится, что я собираюсь иметь ребенка, меня уволят с работы. Это в моем-то возрасте. Быть посмешищем хуже, чем... — Она не могла придумать достаточно сильного сравнения. — Кроме того, Америка не настолько свободна от предрассудков, как кажется. Мой муж будет добиваться в суде, чтобы опеку над дочерью передали ему, и, вероятно, выиграет дело. Я буду считаться неподходящей матерью. Он сильно настроен против меня. Мы не разговариваем. Мы... — Розмари остановилась. Психиатр рассматривал свои неподвижные руки. Она представила, как будет объясняться с дочерью. «Дорогая Френсис, завтра аист принесет тебе подарок...» — Я этого не перенесу, — продолжала Розмари. — Это разрушит мою жизнь. — Боже. Она никогда бы не подумала, что сможет произнести такое. — У меня бывают дни глубокой депрессии, мною овладевает беспричинный страх, кажется, что кто-то входит в мою комнату, когда я сплю, я закрываю окна и двери, боюсь переходить улицу, часто плачу на людях... — Дави на жалость, как говорил Берт. Это не так уж трудно. — Я не знаю, что могу сделать с собой, в самом деле не знаю... — Ей захотелось плакать, но не перед этим керамическим лицом.

— Уверю вас, это всего лишь временное состояние, мадам. Я считаю, что вы скоро избавитесь от него. И мне кажется, что ни ваша жизнь, ни психическое здоровье не подвергнутся какой-либо серьезной опасности, если вы сохраните ребенка. Чтобы у вас не осталось никаких сомнений на этот счет, должен сообщить, что я только тогда имею право согласно швейцарскому законодательству рекомендовать прерывание беременности, когда...

Она встала, ткнув сигарету в пепельницу.

— Благодарю. У вас есть мой адрес. Вы знаете, куда прислать счет.

Он поднялся и проводил ее до двери.

— Adieu, Madame*.

Выйдя на улицу, Розмари стала быстро спускаться к озеру по булыжной мостовой. На узкой улочке было множество антикварных магазинов, чистых, украшенных причудливой резьбой. Восемнадцатый век. Слишком картинно для такого дня, как этот. Она остановилась напротив одного из магазинов, залюбовавшись письменным столом, обитым кожей, и прекрасным буфетом красного дерева. Швейцарское законодательство. Но ведь все СЛУЧИЛОСЬ в Швейцарии. Они не имеют права, это несправедливо. Несмотря на свое настроение, она внезапно расхохоталась. Выходящий из магазина покупатель удивленно посмотрел на нее.

* До свидания, мадам (франц.).

Подойдя к берегу озера, Розмари засмотрелась на белоснежную, пенящуюся колонну фонтана, вздымавшуюся, словно лебединая шея, высоко над водой, на прогулочные суда, которые, как и в начале века, неторопливо скользили, купаясь в солнечных лучах, по направлению к Оше, Веве, Монтрё.

Ей захотелось есть. Последние дни у нее был прекрасный аппетит. Она взглянула на часы. Время как раз для ленча. Она отправилась в лучший ресторан, который знала в городе, заказала *truite au bleu** — если уж приезжаешь в страну, отведай ее национальные блюда — и попросила принести ей бутылку белого вина.

Путешествуя по Европе, отдыхайте в Швейцарии — гласили объявления в журналах.

День казался бесконечным. Она могла бы сесть на пароходик, а потом, в своем дорогом платье, прыгнуть за борт, в грязную озерную воду. А когда ее выловят, она пойдет к человеку в коричневой комнате и еще раз подискутирует с ним о состоянии своей психики.

— Варвары, — говорил Жан-Жак, — Варварская страна. Хотя во Франции, конечно, мы бываем еще большими варварами.

Они сидели за столиком на террасе павильона «Рояль» в Булонском лесу и любовались на озеро. Деревья были нежно-зелеными, день неожиданно жарким, кругом росли тюльпаны; первые в этом сезоне любители гребли скользили по воде на взятых напрокат байдарках; парень из Штатов фотографировал свою девушку. На девушке было ярко-оранжевое платье — один из трех самых модных цветов этого сезона, — и она улыбалась белоснежной американской улыбкой.

Розмари провела в Париже три дня перед тем, как позвонить Жан-Жаку. Она нашла листок бумаги в сумочке. Служебный адрес. Разборчивый почерк иностранца. *Tres bien*** по чистописанию в школе. Прилежный, умный мальчик за маленькой партой. Сложенный вчетверо листок напомнил ей запах чистого, украшенного резными панелями гостиничного номера в горах, запах старого дерева, аромат сосны, струящийся через открытое окно, терпкий привкус секса на простынях. Она чуть было снова не выбросила адрес. Теперь же была довольна, что не сделала этого. Жан-Жак отнесся к ней по-человечески. Не по-французски. Услышав в трубке ее голос, он обрадовался, хотя несколько сдержанно, и предложил позавтракать вместе. В Париже его имя не казалось чересчур французским. В Париже черточка не имела значения.

Эти три дня Розмари не звонила никому из своих парижских знакомых. Она воспользовалась телефоном только один раз, чтобы позвонить в Лондон Берту. Он посочувствовал, но ничем помочь не мог. Собирался в Афины. Обещал телеграфировать, если среди греков его осенит какая-либо идея. «Не бойся, девочка, как-нибудь выкрутишься. Наслаждайся Парижем».

* Голубая форель (франц.).

** Очень хорошо (франц.).

Розмари поселилась в гостинице на левом берегу Сены, а не в своем привычном отеле на улице Мон Табор, где ее все знали. Ей не хотелось видеть никого из знакомых. Она собиралась побыть одна и хорошенько все обдумать. Шаг, другой, третий; шаг, другой... Внезапно она почувствовала, как все в ее сознании стало переворачиваться и расплываться, как на картине художника-абстракциониста. Круги и квадраты, переплетенные между собой, то появлялись, то исчезали в ее мозгу. Ей захотелось поговорить с кем-нибудь, о чем угодно. Но она действительно не собиралась рассказывать все Жан-Жаку. Эта история сама слетела у нее с языка. Рассказывая, она много смеялась, стараясь передать в юмористическом духе беседу с человеком в коричневом костюме, была такой веселой и непринужденной, что Жан-Жак сказал только: «Нам надо обсудить все серьезно». Они сели в его великолепный зеленый спортивный автомобиль и поехали в Булонский лес вышить кофе с бренди. Сидя на террасе и наблюдая за молодыми гребцами на озере, Розмари почти не сожалела о том снежном уик-энде. Может быть, в совсем не сожалела.

Ее позабавило тогда, что она сумела увести Жан-Жака от завлекавших его молодых красоток в облегчающих лыжных костюмах. Она припомнила то почти непристойное чувство триумфа, с которым проделала это, будучи старше всех остальных — медлительный новичок-лыжница, которой почти сорок и которая не дала со склонов, как эти прелестные, жадные до удовольствий дети.

Жан-Жак нежно поглаживал ее лежащую на столе руку, и она снова чувствовала себя чертовски хорошо. Но не настолько хорошо, чтобы опять лечь с ним в постель — она ясно дала ему понять это, и Жан-Жак с достоинством принял условия игры.

Когда он достал бумажник, чтобы расплатиться по счету, Розмари заметила фотографию молодой женщины под целлулоидной пластинкой и настояла, чтобы он показал ей фото. Это была его жена — улыбающаяся спокойной улыбкой красивая женщина с широко расставленными серыми глазами. Не любит горы и ненавидит лыжи, заметил он. Приходится ездить на уик-энды одному. Каждый брак имеет свои законы. Она не будет ни во что вмешиваться. Жан-Жак держит ее руку не как любовник, а как друг, в котором она нуждается, который хочет бескорыстно помочь ей.

— Безусловно, — говорил Жан-Жак, — сколько бы это ни стоило, я заплачу...

— Мне не нужна ТАКАЯ помощь, — быстро отреагировала она.

— Когда ты должна возвращаться домой? — спросил он.

— Сейчас я должна быть здесь.

— А Америка?

Она отняла свою руку. Ей вспомнились рассказы друзей. Полутемные комнаты в сомнительных местах, двери без именных табличек, уплаченные вперед деньги, медсестры-самоучки, подпольные доктора, шатающаяся походка после двухчасовой операции...

— Мне нужно что-нибудь получше, чем моя дорогая родина,— сказала Розмари.

— Я слышал. Немного. Что же это за страны, в которых мы живем? — Он разочарованно покачал головой, глядя на цветущие тюльпаны своей идиотской страны.— Я собираюсь в Швейцарию на выходные. Открытие весеннего сезона. Поездка была запланирована много дней назад. По пути заеду в Цюрих. У меня там друзья. Постараюсь найти для тебя более подходящего доктора.

— Психиатра.

— Конечно. Я вернусь в среду. Можешь подождать?

— Да.— Еще одна неделя. Опять абстрактные картины.

— К несчастью, завтра я должен вылететь в Страсбург,— продолжал Жан-Жак.— По делу. В Швейцарию поеду прямо оттуда. Я не смогу развлекать тебя в Париже.

— Хорошо. Буду развлекаться сама. Спасибо за поддержку.— Бессмыслица. А она-то хотела раскрыть перед ним душу, высказать то, что задумала раньше.

Он посмотрел на часы.

Всегда наступает момент, подумала она, когда мужчина, даже лучший из мужчин, смотрит на часы.

Когда Розмари открыла дверь, в ее номере звонил телефон.

— Говорит Элдред Харрисон,— послышался в трубке мягкий баритон с британским акцентом.— Друг Берта. Как и все остальные.— Легкий смех.— Берт сказал, что вы в Париже совсем одна, и просил позаботиться о вас. Может, пообедаем вместе?

— Вообще-то я...— Она стала придумывать повод для отказа.

— Я обедаю с друзьями. Маленькая вечеринка. Заедем за вами в отель.

Она оглядела свой номер. Аляповатые обои, тусклое освещение. Даже читать нельзя. Комната ассоциировалась с возникавшими в ее мозгу абстрактными картинами. Неделя ожидания. Нет, нельзя сидеть здесь просто так и ждать целых семь дней.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Харрисон.

— Вот и прекрасно. В восемь нормально?

— Я буду готова.

Без пяти минут восемь Розмари сидела в вестибюле гостиницы. Она надела свое самое бесформенное платье и резко зачесала назад волосы. Ей не хотелось привлекать к себе внимание в течение этой недели, тем более англичанина.

Ровно в восемь в вестибюль вошла пара. Девушка была очень молода — миловидная блондинка со славянскими чертами и с округлыми, как у ребенка, щеками, озабоченная только тем, чтобы с ее лица не сходила улыбка. Жан-Жаку она бы понравилась, но он водил бы ее только в уединенные рестораны. Мужчина был высок ростом, слегка сутуловат, седеющие волосы тщательно уложены: со вкусом сшитый по заказу костюм соответствовал голосу в телефонной трубке.

Разглядывая их, Розмари продолжала сидеть, закинув ногу на ногу. Мужчина заговорил с консьержкой по-французски, и та указала на сидящую у окна Розмари. Они направились к ней.

— Надеюсь, что мы не заставили вас долго ждать, миссис Маклейн,— сказал Харрисон.

Она встала и протянула ему руку, улыбаясь в ответ. Сегодня больше не будет абстрактных картин.

Розмари не считала выпитое. Харрисон придерживался графика: новая порция виски каждые пятнадцать минут. Для всех, включая девушку. Ее звали Анна. Как оказалось, она была полькой. Приехала из Варшавы четыре месяца назад с сомнительными документами. Работала в гостинице, так как знала пять языков. Она мечтала поскорее расписаться с каким-нибудь американцем, чтобы ее не смогли выслать обратно в Польшу. Ей нужен был фиктивный брак, затем быстрый развод и паспорт.

Харрисон работал в британском посольстве. Он по-доброму улыбался, глядя на Анну. «Доволен,— подумала Розмари,— что ей не нужен британский паспорт». Харрисон заказал очередную порцию виски. Виски, казалось, не оказывало на него никакого влияния: он сидел все так же прямо, руки у него не дрожали, когда он подносил огонь к сигарете, голос оставался негромким и вежливым.

Стойка бара подернулась легкой дымкой, хотя Розмари чувствовала, что ее глаза как будто начинают светиться. На очереди был обед, на котором должен присутствовать какой-то молодой американец.

Заговорили о Берте, об Афинах, где военные только что захватили власть. Берту это по душе. Он любит купаться в опасности.

— Боюсь я за него,— сказал Харрисон.— Ему всегда достается. Очень уж любит рисковать своей шкурой. Уверен, что в один прекрасный день его выловят из гавани Пирея или еще откуда-нибудь. Своеобразные у него вкусы.

Розмари кивнула.

— Я говорила с ним об этом.— «Пойми, девочка,— сказал тогда Берт,— мужчина должен заниматься мужским делом».

Анна улыбалась, потягивая пятую порцию виски. Она напоминала Розмари ее собственную дочь, когда та улыбалась над стаканом с молоком своим детским мыслям.

— Я знала одного человека,— продолжала Розмари,— он работал оформителем. Тихий, приятный человек. Не крикливый, как Берт. Американец. Его избили до смерти три матроса в баре в Ливорно. Никто даже не мог предположить, что он делает в Ливорно.— Как же его звали? Она ведь помнила его имя. Часто встречала на вечеринках, говорила с ним. Она помнила даже, что он изобрел новый тип кресла, и была раздосадована, что не могла вспомнить имя. Плохой знак. Если убили человека, с кем ты разговаривала часами и кто совершил нечто важное, как, например, изобретение кресла, то уж по крайней мере имя его нужно было помнить. Очень плохой знак.

Новая порция виски. Анна все улыбалась. В баре стало заметно темнее. Розмари вдруг захотелось, чтобы Берта не было в Афинах. Танки на улицах, комендантский час, облавы, возбу-

жденные солдаты, не понимающие английского юмора. «Дави на жалость, девочка».

Харрисон повернулся к Анне:

— На улицах стало просто опасно находиться. Один мой приятель, француз, столкнулся с другой машиной на боковой улочке рядом с Оперой. Шофер так разъярился, что вылез из машины и убил моего приятеля одним ударом. На глазах у жены. Как выяснилось, это был опытный каратист.

Анна улыбнулась:

— В Варшаве было хуже.

В Варшаве она сидела в тюрьме. Всего сорок восемь часов, но в тюрьме.

Виски продолжало прибывать. Американец все не появлялся. Посетители сидели поодиночке за столиками и читали газеты. На первой полосе одной из газет был помещен большой снимок двух полноватых пожилых мужчин, с опаской наставивших шпаги друг на друга. Сегодня утром в саду в Нойле произошел дуэль между представителями палаты депутатов. Было пролито немного крови. Укол в руку. Честь восстановлена. Франция.

— Мне тогда было только шестнадцать лет,— говорила Анна.— Меня пригласили на вечер. Там был итальянский дипломат. Меня всегда приглашали на вечера, где присутствовали иностранцы, из-за моих языков. Потом всех поляков, кто был на том вечере, арестовали. Итальянский дипломат нелегально вывозил из Польши произведения искусства. Меня допрашивали часов десять в какой-то маленькой комнате в тюрьме. Они хотели, чтобы я рассказала им, как помогала вывозить за границу произведения искусства и сколько мне за это платили. Я только плакала и ничего не понимала. Когда меня приглашают на вечер, я иду. Девушка идет на вечер, когда ее приглашают. Я хотела видеть маму, но они сказали, что запрут меня в камеру и будут держать в ней до тех пор, пока я не заговорю. И никому не сообщат, что я здесь. Навсегда запрут. Меня посадили в камеру с двумя проститутками. Они смеялись надо мной, но я все плакала и долго не успокаивалась. Женщины сидели в камере месяца три и не знали, когда их выпустят. Они просто с ума сходили без мужчин. Три месяца без мужчины — это слишком много...— Анна отхлебнула виски.— На следующую ночь меня выпустили. И предупредили, чтобы я не говорила никому, где была. И вот теперь я в Париже и хочу выйти замуж за американца и жить в Америке.

При этих словах в ресторан вошел американец. Его сопровождал молодой светловолосый англичанин. Американца звали Кэрролл, его немного вытянутое и худое лицо было покрыто загаром, из-под кожаного пиджака выглядывал ворот черного свитера. Он работал фотокорреспондентом в крупном агентстве, только что вернулся из Вьетнама. Он объяснил, что ждал, пока отпечатают его снимки, но так и не дождался. Англичанин что-то делал для Би-би-си и вел себя очень робко. Американец побратски поцеловал Анну в щеку. Он не был похож на человека, готового заключить фиктивный брак.

Подали очередную порцию виски. Розмари чувствовала, как

разлившаяся по всему телу теплота начинает излучаться наружу. Молодой англичанин краснел всякий раз, когда она перехватывала его взгляд. Это было гораздо приятнее, чем сидеть одной в тускло освещенном гостиничном номере.

— Тюрьма — экстремальный опыт, — говорил Харрисон. Рассказ Анны настроил его на воспоминания. Он три года просидел в японском лагере для военнопленных. — Скорее испытание характера, причем даже более существенное, чем в бою.

Они уже сидели за столиком и поглощали холодные закуски. Ресторан славился своими закусками. Две большие тележки были заставлены тарелками с тунцом, сардинами, редиской, сельдереем в соусе, яйцами под майонезом, маринованными грибами в масле, рагу из мяса и зелени и дюжиной различных видов колбасок и паштетов. Этими маленькими радостями Парижа можно было накормить целую армию бедняков. Молодой англичанин сидел рядом с Розмари. Когда его колено случайно касалось под столом колена Розмари, он так резко отдергивал ногу, как будто это был острый штык. Виски сменилось вином — молодым бужоле. Малиновые бутылки появлялись и исчезали.

— У охранников была такая маленькая шутка, — рассказывал Харрисон. — Кто-нибудь из них на наших глазах очень медленно курил сигарету. Сотня голодных, оборванных людей, каждый из которых не задумываясь пожертвовал бы жизнью ради сигареты, затаив дыхание наблюдала за ним. Никто не двигался, просто стояли, не сводя глаз с маленького человека с винтовкой, который смотрел на нас сквозь дым и, уже не затягиваясь, ждал, пока сигарета не сторала наполовину. Потом бросал ее на землю, придавливал башмаком и отходил в сторону. Расталкивая друг друга кулаками и неистово ругаясь, толпа бросалась вперед, пытаясь выковырять из грязи табачные крошки. Охранников это очень забавляло.

— Загадочный Восток, — сказал Кэрролл. — Я тоже кое-что видел во Вьетнаме...

Розмари надеялась, что он не будет вдаваться в подробности. Она наслаждалась закусками, и ей хотелось, чтобы вино помогло наконец почувствовать себя в Париже хоть чуточку счастливее. Кэрролл оказался молчуном и не стал ничего рассказывать, а просто вынул из кармана фотографию и положил ее на стол перед Розмари. Такие фотографии часто публиковались в те дни. Старуха лет восьмидесяти, вся в черном, сидела на корточках у стены, прося милостыню с протянутой рукой. Рядом с ней притулился маленький, исхудавший от голода полуголый ребенок с затравленными, как у щенка, глазами. Мимо старухи, не обращая на нее внимания, шла стройная молодая женщина евразийской наружности, ярко накрашенная, с пышной прической; длинный разрез в подоле ее шелкового платья открывал изящную ножку. На стене, служившей фоном снимка, кто-то размашисто написал мелом: «Бог был здесь, но он давно ушел».

— Я сделал его для религиозного журнала, — объяснил Кэрролл, наливая себе еще вина.

Фотографию взяла Анна.

— Эта женщина... Будь я мужчиной, вообще не стала бы

смотреть на белых женщин. — Она протянула фото молодому англичанину, который долго рассматривал его.

— Насколько я знаю, в Китае больше нет нищих. — Он покраснел, как будто произнес что-то непристойное, и быстро положил фотографию на стол.

Элдред Харрисон по-птичьему вытянул шею, вглядываясь в снимок.

— Новое в американском искусстве. Общение посредством настенной графики, — изрек он и улыбнулся собственной шутке.

Кэрролл убрал фотографию в карман.

— Я тогда два с половиной года не видел женщин, — сказал Харрисон, принимаясь за бифштекс.

Париж, столица изысканной беседы. Флобер и его друзья. Розмари начала придумывать извинения, чтобы уйти, не дожидаясь десерта. Молодой англичанин налил ей вина, наполнив доверху глубокий стакан. Она сказала «спасибо», а он, застеснявшись, отвернулся. У него был красивый продолговатый нос, белесые брови и пухлые девичьи губы, на щеках играл румянец. Как бы, интересно, он отреагировал, подумала Розмари, если бы я сейчас спросила: «Не знает ли кто-нибудь приличного доктора, который мог бы сделать аборт?»

— В нашем лагере было много гуркхов*. Наверное, сотни две, — продолжал Харрисон, разрезая бифштекс. — Прекрасные парни. Великолепные солдаты. Японцы пытались переманить их на свою сторону. «Братья по расе, хватит прислуживать белым империалистам», — так они агитировали. Давали добавочные порции, сигареты. Гуркхи аккуратно делили пищу между всеми остальными пленными. А вот сигареты... — Харрисон покачал головой, заново переживая то, что произошло двадцать пять лет назад. — Они брали сигареты, не говоря ни слова, и на глазах у охраны рвали их на мелкие кусочки. Охранники смеялись и на следующий день снова выдавали сигареты. История повторялась. Так продолжалось более шести месяцев. Нечеловеческая стойкость. Настоящие воины эти гуркхи. Сохранять такую дисциплину в грязи, где каждый день рядом с тобой умирают люди. — Харрисон отхлебнул вина. Казалось, воспоминания усиливали его аппетит: те далекие голодные годы подчеркивали прелесть сегодняшних деликатесов. — Наконец среди гуркхов нашелся полковник, который собрал их и сказал, что так дальше продолжаться не может: это позор, раз японцы все еще надеются купить их. Нужна акция протеста, убедительная акция. На следующий день должен быть убит японец, на глазах у всего лагеря. А работали они побригадно, им выдавались лопаты. Полковнику нужен был человек, который заточил бы кромку лопаты и утром, когда станут формировать бригады, проломил бы голову ближайшему охраннику. — Харрисон покончил с бифштексом и отодвинул тарелку в сторону. — Полковник попросил добровольца выйти. Все гуркхи одновременно, как на параде, сделали шаг вперед. Не долго думая, полковник указал

* Гуркхи — так называли непальцев, служивших в британской армии. (Здесь и далее прим. переводчика.)

на ближайшего к нему человека. Этот человек всю ночь затачивал лопату большим камнем. И утром, при солнечном свете, подошел к японцу, распределявшему пленных по бригадам, и раскроил ему череп. Его, конечно, сразу же застрелили. Потом были обезглавлены еще пятьдесят человек. Однако японцы перестали давать сигареты гуркхам.

— Хорошо, что я был слишком молод для этой войны, — сказал Каролл.

— Извините меня, — встала Розмари. — Я сейчас вернусь.

Женский туалет был наверху. Она стала медленно подниматься по лестнице, держась за перила и стараясь не шататься. В туалете смочила веки холодной водой — единственное средство от виски, вин и пятидесяти обезглавленных солдат. Потом подкрасила губы, осторожно двигая рукой. Ее лицо в зеркале выглядело удивительно свежим и привлекательным — американская туристка, приятно проводящая вечер в Париже с людьми, с которыми каждый не прочь познакомиться. Если бы здесь была другая дверь, через которую можно выскользнуть незамеченной, она бы непременно это сделала.

— Армстед, — пробормотала Розмари, — Брайан Армстед. — Так звали оформителя, которого нашли мертвым в Ливорно. Он каждый день занимался гимнастикой йогов, и когда она однажды встретила его на пляже в Саутхемптоне, сразу же обратила внимание на плотное загорелое тело и мускулистые ноги с ухоженными ногтями.

Лестница в коридоре была погружена в темноту. Розмари стала осторожно спускаться по направлению слабого сияния, шедшего снизу из зала ресторана. Вдруг она вскрикнула, почувствовав, что кто-то положил ей руку на запястье.

— Миссис Маклейн, — прошептал мужской голос, — не бойтесь. Я хотел поговорить с вами наедине. — Это был молодой англичанин. Он говорил нервно и быстро. — Мне показалось, что вы взволнованы.

— Нет, почему же. — Она никак не могла вспомнить его имя. Роберт? Ральф? У нее сегодня явно плохо с именами. — Мне приходилось бывать в компании бывших солдат.

— Эдред не всегда такой, — продолжал англичанин (Родни, именно так, Родни). — Это потому, что вы американцы. Вы и фотограф. Он против того, что вы делаете во Вьетнаме. В его квартире все стены завешаны ужасными фотографиями. Эдред пацифист, поэтому тяжело переживает эту войну. Но он слишком воспитанный человек, чтобы спорить с вами в открытую, к тому же очень уважает американцев и говорит только о том, что пережил сам.

— Вьетнам? — невпопад пробормотала Розмари. Ей казалось глупым обсуждать подобные вещи в темноте перед дверью женского туалета с нервно дышащим ей в лицо молодым человеком. — Мне нет никакого дела до Вьетнама.

— Конечно, конечно, — быстро проговорил Родни. — Это только потому... потому что вы американка... На самом деле Эдред — выдающаяся личность, его действительно стоит узнать и понять.

Лизоблюд, подумала она с жестокостью.

— Можно, я провожу вас домой, миссис Маклейн? Конечно, когда вы захотите уйти.

— Я еще не настолько пьяна, — произнесла Розмари с достоинством.

— Конечно, нет, — сказал Родни. — Готов извиниться, если у вас сложилось впечатление, что я... Я хочу сказать, что вы чрезвычайно красивая женщина, миссис Маклейн.

У него не хватило бы смелости сказать это, если бы горел свет и она могла бы видеть его лицо. ЧРЕЗВЫЧАЙНО. Прямо как из пьесы.

— Вы очень любезны, Родни. Давайте-ка лучше вернемся за наш столик.

— Конечно. — Родни взял ее под руку и повел вниз по ступенькам. Его рука дрожала. Английское воспитание, подумала Розмари.

— Там был один сержант, которого мы прозвали Железным Братцем, — говорил Харрисон, когда они подошли к столику. Заметив их, он поднялся. Кэрролл обозначил вставание символическим движением. — Для японца слишком высок, — продолжал Харрисон, устраниваясь поудобнее. — Этаким квадрат с широчеными плечами и огромными ручищами. Изю рта у него все время торчала сигарета. Железным Братцем мы его прозвали потому, что он раздобыл где-то клюшку для гольфа*, с которой не расставался. Когда ему что-то не нравилось, он избивал ею кого-нибудь из наших ребят. Железный Братец. — Харрисон говорил о нем с такой теплотой, как будто японский сержант был его лучшим другом, с которым у него связаны самые приятные воспоминания. — Я ему не нравился, казалось, больше других. Время от времени он забивал кого-нибудь насмерть своей клюшкой, но делал это не из-за личной неприязни, а скорее как бы по долгу службы. Моего же существования он просто не переносил органически. Завидев меня, улыбался и говорил на том особом мяукающем английском, на котором говорят японцы: «А-а, ты еще жив?» Видимо, он услышал какое-нибудь мое замечание о нем или заметил мою неосторожную улыбку. Во всяком случае, не могу даже приблизительно сказать, сколько раз он избивал меня до бесчувствия. Однако всегда вовремя останавливался, чтобы не прикончить до конца. Мне кажется, просто ждал, пока я сам не покончу с собой. Только одна мысль — не доставить ему этого удовольствия — поддерживала во мне желание жить. Но если бы война продолжалась еще месяц или два, сомневаюсь, чтобы я выдержал. Ну что, как насчет последней бутылки вина? — Харрисон сделал знак единственному официанту, оставшемуся в пустом ресторане.

— Тюремщики, — сказала Анна. — Они везде одинаковы.

— Что же стало с этим сукиным сыном? — спросил Кэрролл. Он сидел, откинувшись на спинку стула, голова его была опущена на грудь так, что воротник черного свитера закрывал подбородок. — Знаете?

* Клюшки для гольфа часто делают с железным наконечником.

— Знаю, — бесцеремонно ответил Харрисон. — Но это не так уж важно. Миссис Маклейн, я, должно быть, вконец замучил вас своими печальными воспоминаниями. Кажется, хватил немного лишнего. Вы ведь не затем приехали в Париж, чтобы выслушивать всякие небылицы о войне, шедшей так давно, что вы в то время были еще маленькой девочкой и учились читать по складам. Если только Берт узнает о сегодняшнем вечере, он взбесится.

Если бы ты знал, приятель, зачем я приехала в Париж, подумала Розмари, чувствуя на себе умоляющий взгляд Родни.

— Мне было бы интересно узнать, что случилось дальше, — сказала она и услышала, как Родни облегченно вздохнул.

— Японцы относились к смерти с восхитительным стоицизмом, — Харрисон разлил последнюю бутылку вина. Его слова казались мелковесными, невыразительными. — Когда война окончилась, наши стали разыскивать военных преступников. Среди охранников было особое подразделение, что-то вроде германских «СС». Они допрашивали, пытали, расстреливали. Около двадцати из них еще оставались в лагере, и когда англичане пришли их арестовывать, они, все в парадной форме, выстроились на плацу по стойке «смирно». Затем упали на колени и опустили головы, а старший офицер на сносом английский командир доложил британскому майору: «Сэр, мы военные преступники. Пожалуйста, немедленно казните нас». — Харрисон покачал головой, не то смеясь, не то восхищаясь.

— Вы еще когда-нибудь встречали этого сержанта? — спросил Кэрролл.

— Железного Братца? А как же. Через несколько дней после освобождения лагеря. Когда меня выпустили из госпиталя, я весил всего девяносто восемь фунтов, а в начале войны — сто шестьдесят. Так вот, вызвали меня к коменданту лагеря. За столом сидел майор, занимавшийся розыском военных преступников. Звали его, кажется, Элсуорт. Его прислали из Северной Африки, когда они прикрыли там свою лавочку. Я никогда не замечал, чтобы он улыбался. У стола стоял Железный Братец, а около майора лежала клюшка для гольфа.

Розмари вдруг бросило в жар. Она почувствовала на лице капельки пота.

— Железный Братец выглядел как обычно. Только во рту у него не было сигареты, поэтому он казался совсем другим человеком. Отсутствие сигареты лишало его прежней значительности. Мы обменялись взглядами и больше не смотрели друг на друга. Он не подавал вида, что знает меня, а я... говоря по правде, чувствовал некоторое замешательство. После всех этих долгих лет ситуация казалась... какой-то нереальной. Неправдоподобной. Человек привыкает к определенным стереотипам поведения, и когда они нарушаются... — Харрисон передернул плечами. — Майор не стал тратить лишних слов. Он взял клюшку и положил ее на стол, прямо перед Железным Братцем. Железный Братец впился в нее глазами, и легкая тень пробежала по его лицу. Что это было, я не могу сказать даже сейчас. «Итак, —

обратился ко мне майор, — теперь клюшка ваша. Он тоже ваш». Но я не взял клюшку. «Чего же вы ждете?» — спросил майор. «Я не знаю, что должен делать, сэр», — произнес я. Майор начал ругаться. Я еще не видел, чтобы кто-нибудь был так взбешен. «Идите прочь! Вы, пленные, все такие, все! Слюнтяи! Будь моя воля, я никого из вас не пустил бы обратно в Англию. Вы вечные пленники, на вас клеймо пленников!» — Харрисон повернулся к Розмари. — Простите меня, миссис Маклейн. Я никому раньше не рассказывал конец этой истории, и поэтому, наверное, в моей памяти сохранились некоторые излишние подробности. Того майора я больше не встречал, к счастью. Его презрение ко мне было невыносимым. А Железного Братца, думаю, расстреляли.

Кэрролл подался вперед, облокотившись о скатерть с винными разводами.

— Я очень хотел бы быть уверенным в том, что поступил бы так же в подобной ситуации, — сказал он Харрисону.

— Вы серьезно? — Голос Харрисона выражал искреннее удивление. — А я все еще продолжаю задавать себе вопрос: а не был ли майор прав? Если бы я сделал так, как он хотел, сейчас, возможно, был бы совсем другим человеком.

— А я и не хочу этого, — ласково произнесла Анна.

Харрисон похлопал ее лежащую на столе руку.

— Ты еще малышка, моя дорогая. Хотя, может быть, все не так уж и важно. — Он расплатился, и все поднялись. — Может быть, кто-нибудь хочет продолжить? Я договорился встретиться с друзьями в Сен-Жермен-де-Пре.

— Мне нужно обратно в редакцию, — сказал Кэрролл.

— Мне тоже пора, — заторопилась Розмари. — У меня завтра трудный день.

На улице было темно и ветрено.

— Мы проводим миссис Маклейн, — предложил Харрисон.

— Не нужно, — быстро ответила Розмари.

— Я договорился проводить миссис Маклейн, Элдред, — неуверенно произнес Родни.

— Ах, так. Тогда вы в надежных руках. — Харрисон поцеловал Розмари руку. — Мне очень понравился сегодняшний вечер. Надеюсь, миссис Маклейн, вы позволите снова позвонить вам? Я должен написать Берту и поблагодарить его.

Кэрролл, Харрисон и Анна сели в такси, так как редакция Кэрролла была на пути Харрисона. Такси пророкотало по темной улице и скрылось. Розмари позволила Родни взять себя под руку, и они молча пошли к Елисейским полям. Порыв холодного ветра с силой налетел на Розмари, и внезапно Париж закружился у нее перед глазами. Она сильнее оперлась на руку Родни.

— Может быть, — начал он, — нам лучше взять такси...

— Ш-ш-ш... — Она остановилась в последних десяти метрах темноты перед освещенным бульваром и поцеловала его. Чтобы создать точку опоры. Чтобы удержать кружение Парижа в разумных пределах. Целуя ее, он весь дрожал, а его лицо было удивительно теплым на холодном весеннем ветру.

Из кинотеатра выходили люди. На огромном щите над входом в кинотеатр гигантская девушка в ночной рубашке направляла

пистолет размером с гаубицу на десятиметрового мужчину в вечернем костюме. Проститутки парами медленно курсировали по улице, ища клиентов. Будь она мужчиной, она непременно попробовала бы это. Хотя бы раз. Плоть Парижа против плоти Парижа. Мужчина и Женщина, сотворенные Богом. Сколько же их сейчас, в этом огромном городе? Харрисон, с его комплексом пленника, позабывший о своих азиатских мятарствах рядом с горячим молодым телом девушки из варшавской тюрьмы? Кэрролл, с одной из тех модных манекенщиц, которых он фотографирует, когда не снимает войну? А перед кроватью стоит фотография с надписью: «Бог был здесь, но он давно ушел». Жан-Жак, со своим мускулистым, опытным телом, сплетенным в законной непринужденности с телом большеглазой жены, которая не катается на лыжах?

Различные проявления и применения плоти. Ласкать, калечить, обезглавливать, убивать ударом карате на улице. Любить и презирать. Защищать и разрушать. Лежать, как Армстед, мертвым на улице в Ливорно с педикюром на мускулистых, натренированных йогой ногах. Превратиться в Берта, сидящего с греческим матросом в таверне осажденных Афин с видом на Парфенон. Или плыть лицом вниз в маслянистой воде Пирейской гавани. Или ощутить виноградный поцелуй молодого англичанина.

Из кафе вышли двое полных, изысканно одетых пожилых мужчин. Они обсуждали процентные ставки. Мимо них прошел человек в чалме. Гуркх с заостренной лопатой, готовый отомстить за поруганное сигаретами национальное достоинство. Скрытое насилие всюду преследует нас.

— Вы замерзли, — сказал Родни и поймал такси. Розмари прижалась к нему поплотнее, потом расстегнула рубашку и положила руку ему на грудь. Кожа была нежной — плоть, которая никогда не знала ран, жесткой солдатской формы и тюремных издевательств. Нежная гладкая кожа, нежные мягкие руки.

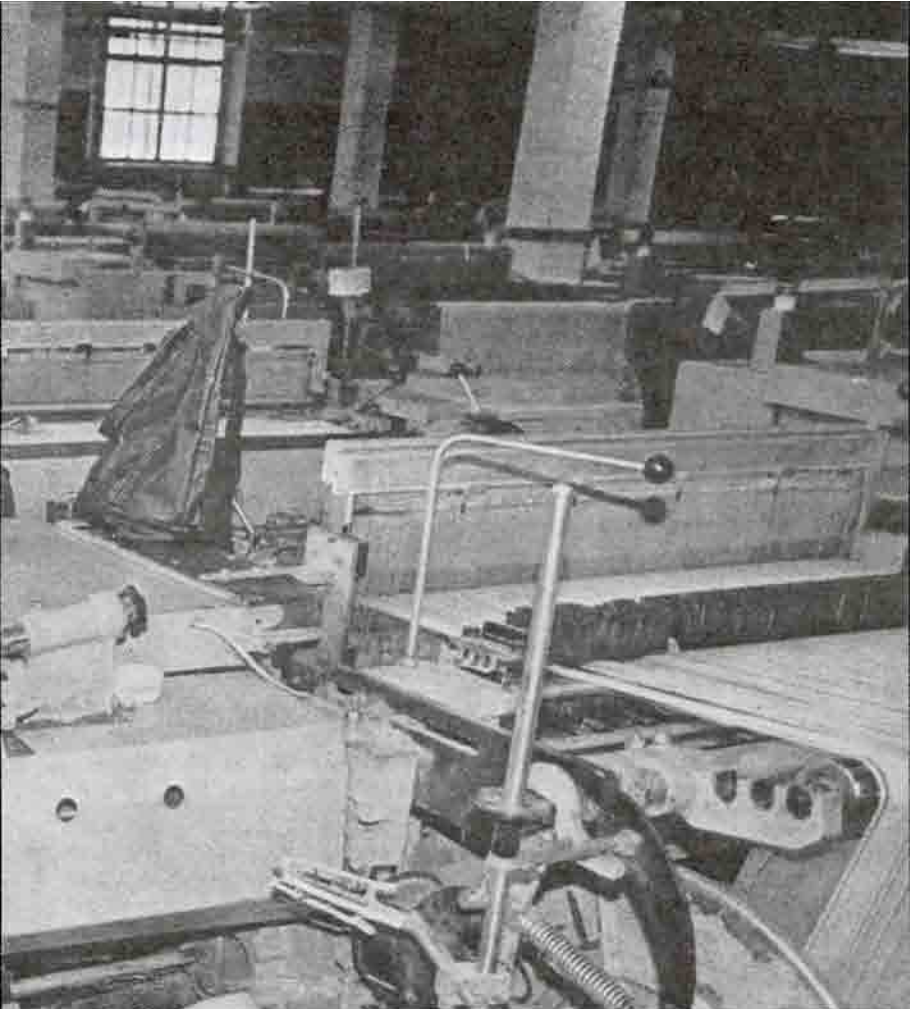
— Я не хочу оставаться одна сегодня ночью, — прошептала она в темном салоне такси.

Робкий и нетребовательный поцелуй. Винные желания парижской ночи, муки прошлого, властный зов будущего сделались вдруг реальными, достижимыми.

Они поднялись к ней в номер. Ночной портье даже не поднял головы, когда выдавал ей ключ. Они не стали включать свет и сразу начали раздеваться. Уже в кровати выяснилось, что он не хотел заниматься любовью. Просто хотел пошлепать ее. Подавив приступ смеха, она позволила ему делать с собой все, что ему вздумается. Кто она такая, чтобы ее жалели?

Под утро, перед уходом, он нежно, как и раньше, поцеловал ее и спросил, не хочет ли она пообедать с ним. Как только Родни закрыл за собой дверь, Розмари включила свет, пошла в ванную и смыла макияж. Потом взглянула на себя в зеркало и стала долго и истерически смеяться.

ФАБРИЧНЫЕ

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

Фото ВАЛЕРИЯ ШЕКОЛДИНА

Фабрика расположена в центре поселка Колобово, что в Ивановской области. Откуда ни глянь, корпуса фабричные перед глазами.

Многие из жителей говорили нам:

— Идешь нынче мимо и смотреть в ее сторону совестно. Будто кто предал ее. Тут все привыкли к окнам, светящимся допоздна. А сейчас каждый вечер —

темь сплошь...

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРОБОВ,
пенсионер, ветеран-фронтовик:

— Мне-то полегче, чем другим, — пенсия, как у фронтовика, 180 тысяч. Негусто, конечно, по нынешним временам. А каково тем, кто и этого не имеет? А таких в поселке большинство. Фронтовиков, у которых надбавки, всего-то осталось сто сорок человек... Вот и выходит, что нынче самые «зажиточные» в Колобове — пенсионеры. И семья, где они есть, вроде как и не бедствует. Хотя, конечно, на 120—180 тысяч не развернешься. На хлеб да кашу, правда, хватает. Но ведь и мясца хочется, и конфет внучатам... Мы понимаем: всем сейчас тяжело, не мы одни в такой переплет попали. Но почему нам правду не говорили, почему вралли? Дескать, вот-вот «свет в конце туннеля» появится, «процесс пошел»! Какой процесс, куда пошел? Смех один... Я помню, как после войны восстанавливали жизнь. Тогда еще хлеще было — лебеду, крапиву варили. Но твердо знали: по шажку-другому вперед все же движемся — сегодня полегче, чем вчера, завтра еще легче будет. Теперь таких перспектив не видно. А человеку без перспектив невыносимо. На фронте, под огнем, уж на что худо было, но и ясность была: вот враг, фашист. Или ты, или он! И вранья никакого, гор золотых никто не обещал... Я по на-

туре оптимист! Конечно, наладится жизнь. Но обидно: разваливают, что крепко налажено было. Неужели мы только на обломках и умеем строить?!

Коробову, как и другим пенсионерам поселка, уже не столь важно, будет работать фабрика или нет: слава Богу, государство не задерживает выплату пенсий. Что же касается дивидендов на акции, которые получили все прежние и нынешние работники предприятия (оно уже несколько лет является АОЗТ «Колобовская ткацкая фабрика»), то, как говорится, надо еще дожидаться лучших времен, когда эти дивиденды станут для большинства ощутимым приростом. В прошлом году, например, даже на таком именитом родственном предприятии (тоже, равно как и все прочие ткацкие производства области, ставшим акционерным обществом), как АО «Большая Ивановская мануфактура», возглавляемом некогда знаменитой Валентиной Голубевой, дивиденды составили четыре тысячи рублей на акцию. Итоговая сумма, и то далеко не для всех ткачих и рабочих АО, обозначилась в некий эрзац тринадцатой зарплаты. Всего лишь. Где уж тут разбогатеть? Одним словом, для подавляющего большинства работников предприятий хлопчатобумажной и текстильной промышленности (а в Ивановской области сосредоточены основные производственные мощности этих отраслей) текущая трудовая зарплата — основное средство существования.

— Да разве ж то, что получаем, можно назвать зарплатой? И как на нее прожить? — слышал от многих, с кем довелось беседовать в Колобове.

В прошлом году из-за отсутствия сырья фабрика (по свидетельству ее главного инженера Александра Волкова) работала едва на треть своих производственных возможностей. Сырье,

пряжу колобовцы в былые годы бесперебойно получали с фабрики «Шуйский пролетарий», которая, в свою очередь, производила ее из хлопка, что шел из Узбекистана.

Читатель, возможно, наслышан о криминально-нелепой ситуации в нынешних поставках узбекского хлопка в Россию. Вкратце дело тут вот в чем.

В прошлом году, благодаря госдотации, корпорацией «Росконтракт» (государственной компанией, созданной на обломках бывшего Госснаба) хлопка в суверенном Узбекистане было приобретено вполне достаточно. Но до фабрик и комбинатов дошли лишь крохи. Зато Россия, не имеющая ни одного гектара хлопковой плантации, с помощью различных отечественных фирм-невидимок вышла на одно из ведущих мест по экспорту «белого золота». И это при том, что, как утверждают специалисты, не было нарушено ни одно федеральное законоположение.

— Куда ни ткнишь, всюду «торчат» абсурдные законы и правила, — говорит Александр Волков. — Кто-то на этих «законах» капиталы себе наживает, а нам в глаза рабочим смотреть стыдно...

Позже, в Иванове, от руководящих лиц довелось слышать, что на некоторых периферийных предприятиях отрасли выплата зарплат вообще приостановлена и рабочие получают лишь пособия. В Колобове до этого тоже доходило. Три месяца, начиная с конца прошлого года, когда не поступало ни килограмма пряжи, платили всего по 20 тысяч рублей...

В поселке свыше трех тысяч жителей. Дома преимущественно деревянные. Есть с десяток панельных, построенных в хрущевские времена. В несколько этажей, но без каких-либо «излишеств» в виде, например, балконов.

Главная улица в Колобове — Первая Фабричная, что соответ-

ственно и отражает суть поселка: он рос, складывался, обустроивался да и вообще жил благодаря ткацкой фабрике. Нет здесь семьи, не связанной с ней. И сейчас более трети всего населения работает на предприятии, отпраздновавшем свой столетний юбилей еще в 1973 году...

СЕРГЕЙ БОБЫЛЕВ,
помощник мастера:

— Я после армии сюда пришел. Женился, у нас с Олей сын, Димка. Поначалу как думали: ну, года три в общежитии, а там, смотришь, свое жилье будет — или дом построим, или квартиру получим от фабрики. Сейчас, конечно, все это несбыточно... Я в апреле (тогда писался этот очерк. — В. М.) получил 35 тысяч, жена в декретном. Ну, кому дровишек наколю, кому в хозяйстве помогу — ремонт или что еще... Мужские руки везде требуются. Но разве этим много заработаешь? В общежитии таких, как мы, три семьи — Ковалевы еще и Беловы. У всех положение примерно одинаково — пока безвыходное. У Беловых, правда, детишек нет — им полегче. Главное, что мучает? Личная зависимость от кого-то. Ведь мы — фабричные. Фабрика работает во всю мощь — нам хорошо. Фабрика в простое — и нам худо... А работать фабрике или простаивать, от нас — Ковалевых, Беловых, Бобылевых, — увы, не зависит. От этого больше всего душа болит!

Душа болит, конечно же: не у одного Бобылева. Директор фабрики Евгений Осипов, как тут говорят, «мужик честный, хлопотливый», колесит по городам и весям, где есть еще действующие прядильные предприятия, решая одну и ту же проклятую проблему: выбывает, вымалчивает сырье.

С Осиповым, толковым и деятельным, связывают в поселке надежды на то, что фабрика, существующая на ивановской земле

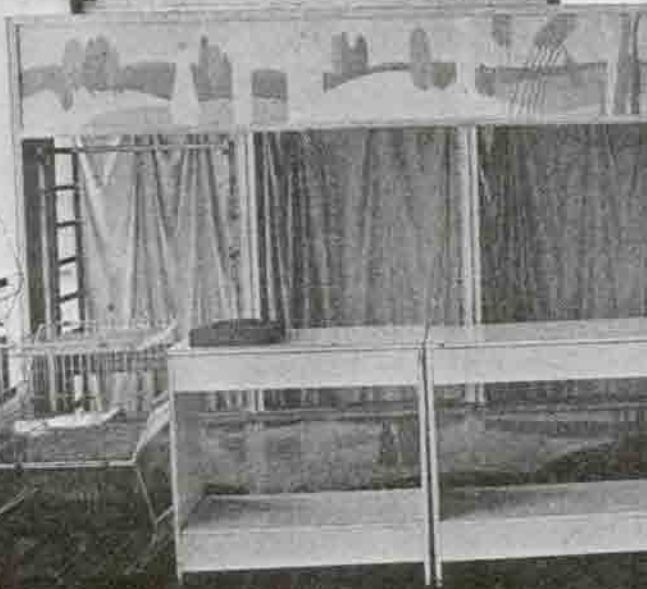
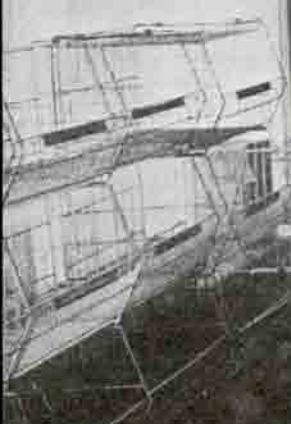

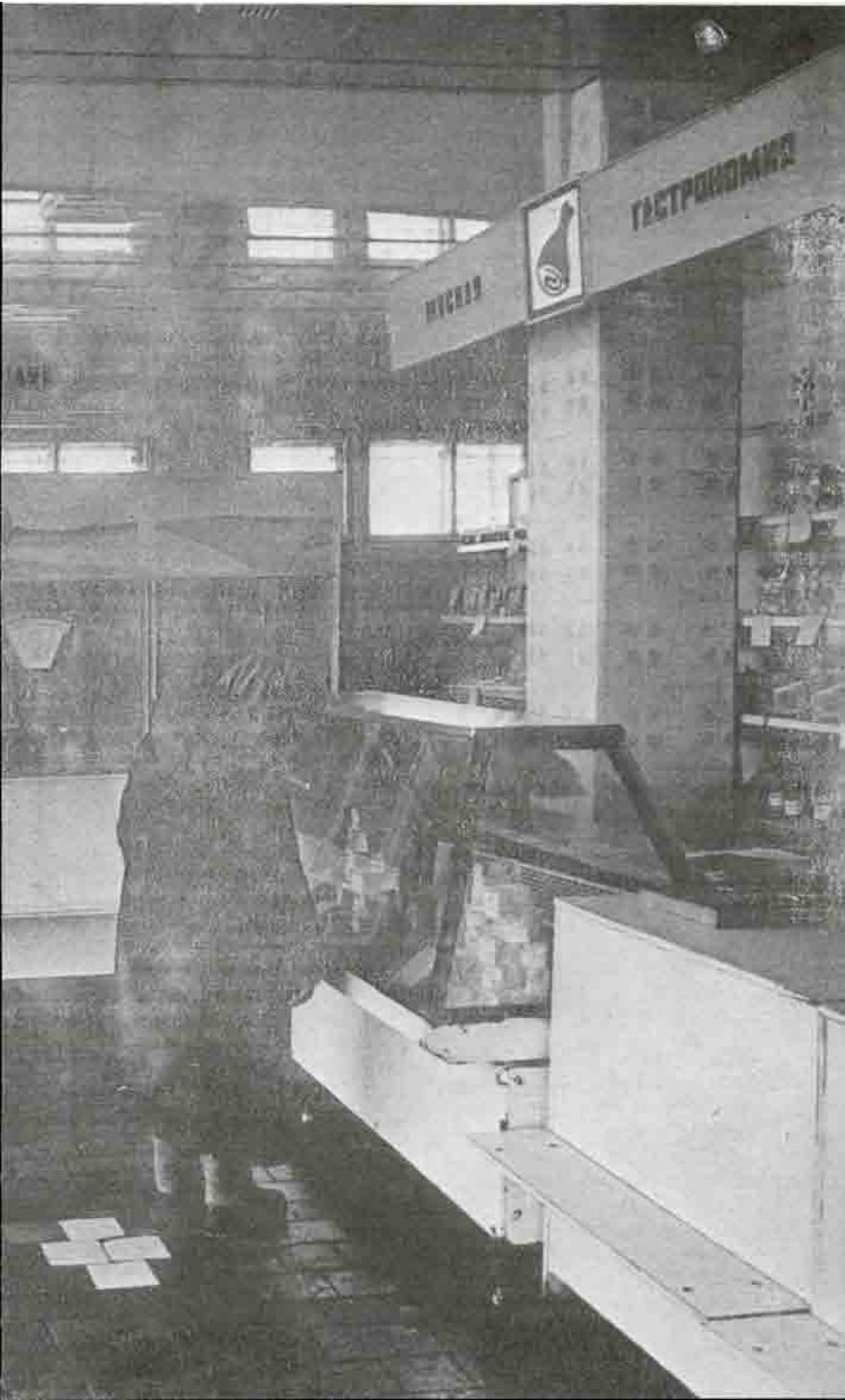

КОНСЕРВЫ РЫБНЫЕ

КОНСЕРВЫ ОВОШНЫЕ

ХЛЕБНЫЕ

уже 122 года, выживает. И не просто выживает, а станет развиваться и богатеть в новых экономических условиях. Это значит: и фабричные люди не пропадут.

Понятно, большинство, озабоченные своей собственной судьбой, не вдаются в тонкости экономических теорий. Для них сейчас мера реформ до предела проста: есть хлопок или нет. А нерв общественного сознания, как и в любой критической ситуации, — действия начальства, отношение руководителей к простым людям, «работягам».

— Когда фабрика остановилась, — рассказывал нам Волков, — мы решили установить дежурство в опустевших цехах. И дать эту работу тем, кому скоро на пенсию выходить. Естественно, платить — по возможному максимуму. Иначе какие бы пенсии начисляли?! Слезы... Ткачихам, рабочим объясняли, в чем суть дела: все, понимаешь, все согласились!

40

ЕЛЕНА БЕЛОВА,
контролер:

— *Никогда не думала, что так получится. Хотели иметь двоих-троих детей, дом свой. Но... Когда все это сбудется? Нам-то с мужем еще ничего — бездетные, и у меня зарплаток более-менее постоянный: пока хоть метр продукции со станков ткацких сходит, я, контролер, при деле. Мы, три семьи, честно говоря, подумывали своей кооператив организовать. Так ведь капитал начальный нужен, связи какие-никакие. Без этого не обойтись. А откуда взять деньги? Кто даст? По каким законам и правилам? Раньше, до революции, вычитала я, проще было. Приходит мужик, скажем, в земскую управу, говорит, что хочет дело открыть. И если представляет хорошие характеристики от пристава или еще от кого с ручательством в его честности, то получает ссуду. Часто беспроцентную...*

Между прочим, именно на таких принципах зародилась в России текстильная мануфактура.

Первые производства фабричного типа возникли еще при Петре — для удовлетворения нужд армии. На них работал крепостной люд, приписанный к фабрике. А кто не владел этим ремеслом, если в каждой избе (во всяком случае, на Ивановщине) был ткацкий станок?

И посевы льна в ту пору по России мерились сотнями тысяч десятин.

Башковитые мужики смекнули: надо ткать больше полотна и сукна, чем требуется для сдачи по «петровской разрядке». И торговать, естественно, излишками. Так появились крепостные (об этом почему-то не вспоминают историки), которые были побогаче помещиков.

Пример тому по Ивановской области (территориально относившейся ранее к Владимирской губернии) — Ефим Грачев и Михаил Ямановский. Став «капитальными крестьянами» (бытовал тогда такой термин), выкупили сами себя и основали одну из первых российских мануфактур.

Из крестьян вышли и основатели колобовской фабрики — братья Федор и Порфирий Кучины...

ЕВГЕНИЙ ВЕРШКОВ,
строитель:

— *Прежде я работал тоже на фабрике, в стройцехе. Сейчас на здешнем участке Шуйского песопункта. Но и мы не при деле: вентилятор по паводку затопило — стоим. Рыбалкой занимаюсь — речка наша Серебрянка подкармливает. Плотва и щурята хорошо идут, рыба на обеденном столе почти всегда. Ну, и огород выручает здорово. Пять соток всего, а и картошка есть, и зелень, и капуста со свеклой... В сарае шесть кур, два поросенка, коза. Без подсобного*

хозяйства в поселке прожить очень трудно. Тот, кто «по лимиту», в общаге или на квартире живет, с рынка, с магазина кормится. На что? Может, из дома присылают или подрабатывает... Люба, жена моя, — ткачиха. Заработок то есть, то нет. А у нас четверо детей. Просто не знаю, что бы мы делали без своего «личного хозяйства»...

Я вот думаю, что не сегодня началась российская нищета. Как не завтра и закончится. Почему? Да она словно приросла к нашим душам, и не можем мы сами ее от себя отдрать. Всех нас как бы воспитывали «квартирной идеологией». Суть проста: нет квартиры — заслужи ее у начальства. Получил и знай, как говорится, свой шесток... Как кому, а мне нравится, что есть люди, которые богатеют и строят себе хорошие дома.

Среди тех, кто строит собственный дом, Геннадий Чернецкий. Он, проработав несколько лет на фабрике, два года назад начал, что называется, «челночить», привозя из Мурманска, других городов товар для ивановских и шуйских коммерсантов.

— Это вообще не мое дело, но другого выхода не было... Трое дочек, жена — учительница. Какие тут доходы?

Кроме того, стал он первым здешним фермером. Имеет полтора гектара земли, высевает овес и ячмень. На двадцати сотках картофель. В его хозяйстве три коровы, теленок, бычок, поросенок. Есть и техника — трактор Т-25 и машина ГАЗ-52.

Назову других предприимчивых поселчан. Евгений Первухин и Виктор Мысков, скинувшись и поначалу забравшись по уши в долги, открыли в поселке первый частный магазин. А братья Михаил и Владимир Митины наладили торговлю автозапчастями в Шуе...

Мы уезжали из Колобова вечер-

ней порой, можно сказать, под звон бокалов. Два мужичка, пристроившись у вагончика, изображавшего автобусную станцию, достали из полиэтиленовой сумки с рекламой «Мальборо» бутылку новознаменитой «Шуйской». Разлили ее по баночкам из-под майонеза, чокнулись.

— Ну, будем!

— Будем!

...А будем ли?!

Р. С. Через несколько дней услышал по радио, что издан указ Президента о государственной поддержке текстильной отрасли, предусматривающий финансовую помощь предприятиям: установление таможенной пошлины, делающей вывоз хлопка из России невыгодным; освобождение предприятий от налога на прибыль, полученную за счет прироста продукции...

Позвонил в Иваново. Узнал: прибыла первая партия хлопка, поставка которого из Узбекистана и Киргизии предусмотрена заключенными Россией межправительственными договорами. Вроде бы радоваться надо, а точит душу сомнение: сколько их, договоров этих, было уже? Не станут ли и нынешние, после первых поставок, макулатурой?

ОТ РЕДАКЦИИ.

Необходимые пояснения к фотографиям.

Из достаточно объемной и разнообразной фотосъемки Валерия Щеколдина мы отобрали лишь те снимки, где лица колобовцев — такая, можно сказать, портретная галерея фабричного поселка.

Не торопитесь пролистать страницы с фото. Может, что-то новое поймете о сегодняшнем дне, взглядевшись в людей из российского фабричного поселка, где еще не умерла надежда.

Остров ИСКЬЯ — земной РАЙ

Хочу поведать вам, читатель, о семи днях пребывания в раю. Семь — число, освященное веками, число сказок и чудес, происходящих в раю. То, о чем я собираюсь рассказать, похоже на сказку.

Один знаменитый художник, — а именно Рокуэлл Кент, — на вопрос, где на планете Земля больше всего можно встретить чудес, ответил: в Армении. Я бы на этот же вопрос ответил так: в Италии, на острове Искья, что в Неаполитанском заливе.

Остров Искья — это совершенно новый для нас, россиян, маршрут в Италию, открытый московской турфирмой «Вормос». Я был, как заверил меня директор турагентства PTS на острове Рокко Реджини, пятым российским туристом, когда-либо ступившим на землю Искьи. Здесь-то и вспомнилось мне, что у итальянского писателя Карло Леви есть книга со странным на наш слух названием «Христос остановился в Эболи». Но это не религиозный трактат из тех, какие пишутся учеными монахами в этой «самой католической» стране. Это реалистическая книга об итальянских крестьянах, обитающих за горой Эболи, на юге страны, где солнце так щедро и земля может давать по два урожая. Сейчас, после того, как я сам побывал на острове, у меня нет сомнений в том, что Христос останавливался не только в Эболи, а и здесь, на Искье.

Остров — словно музей под открытым небом, где и без учебника можно изучить историю этой земли. Каждый век оставил здесь свои развалины и раны. С какой же страницы начать листать эту живую книгу истории?

Ну, хотя бы с того, что об Искье писали Гомер в «Илиаде» и Вергилий, Плиний и Страбон. Это они сообщают нам, что остров возник в III веке н. эры в результате извержения вулкана — лава ушла в море, затвердела, и вот теперь мы спокойно бродим по ее причудливой поверхности, покрытой пышноцветущей растительностью.

Но, конечно, главное богатство острова скрыто в его недрах — это термальные источники и целебные грязи, вырывающиеся на поверхность струями белого пара и горячей воды почти по всему острову.

На Западе ценители хорошего отдыха давно уже заметили пляжи и термальные бассейны острова. И с удовольствием едут сюда не только отдыхать, но и лечиться — это один из известнейших в мире курортов целебных термальных источников. Курорт с девизом — «красота тела и здоровье». Вот почему здесь круглый год — наряду с молодыми — много пожилых немцев и итальянцев, финнов и австрийцев. Когда человеку уже за 50, его начинают «припекать» такие болезни, как подагра, радикулит, ревматизм, ожирение, экземы — все они прекрасно поддаются лечению здешними горячими источниками. Потому что биологическим стимулом восстановления физиологических функций организма являются особые свойства грязей и воды, которыми обладают термы Искьи. Это созданная самой природой сауна с идеальным температурным режимом, прекрасно подходящим не только молодым, но и пожилым людям.

Здесь на все время лечения — а это 12—15 дней — у вас будет свой лечащий врач, который располагает не только богатым личным опытом, но и передовыми научными исследованиями в области лечения водами и грязями.

Давно и успешно лечат здесь гинекологические болезни — многие знаменитые женщины, страдавшие бесплодием, после лечения на Искье обрели счастье быть матерью.

Поразительные результаты дает фитнеслечение — косметика кожи и лица. Базируется оно на воде, грязях, паре и препаратах растительного происхождения — противопоказаний для такого лечения нет (только, пожалуй, аномальное давление и аллергия).

Здесь же врачи подчёркивают: курс термального лечения, проведенный в октябре, дает возможность человеку пережить зиму без осложнений его болезни, и потому среди туристов на Искья — 70 процентов постоянных клиентов, приезжающих сюда много лет подряд в одно и то же время. Для человека, у которого много болячек, лечение и отдых на Искье — своеобразный наркотик, к которому привыкаешь.

Признаюсь честно: у меня закружилась голова от восторга и красоты, когда я приехал знакомиться с наиболее крупным лечебным центром на Искье, носящим название «Сады горячих источников Посейдона». Он находится в заливе Читара и пользуется известностью с древних времен — не случайно ЮНЕСКО объявила «Сады» одним из чудес света (кстати, говорят, что теперь их не семь, а десять). Самые причудливые образцы средиземноморской флоры террасами спускаются к морю, совершеннейшего дизайна термальные бассейны — всего их тут 15 — чередуются с фонтанами, журчащими в прохладных рощах, и много еще всего фантастически прекрасного увидите вы здесь — я, покидая это место, смог только воскликнуть: «Это и есть земной рай!»

А вот и еще одно чудо, о котором вы даже не подозревали, — во многих заливах, омывающих остров, термальные источники с температурой воды 40—60 градусов бьют прямо из моря или из скал, так что каждый может купаться здесь круглый год.

Но, конечно, лечение займет у вас всего 2—4 часа в день. В остальное время вы с удовольствием будете наслаждаться видом роскошных сосновых рощ, плантаций каштанов и цитрусовых, виноградуков, откуда в ваш отель поставляется превосходное белое и красное вино, являющееся неотъемлемой частью обеда или ужина.

А золотые пляжи острова! В любой части Искьи они экологически чисты, великолепно оборудованы. Вам надоело нежиться на солнце — окунайтесь в морские глубины залива, это настоящий рай для любителей подводных экскурсий — тут вы увидите и черный коралл, и стаи тропических рыб, и причудливую растительность.

Вы никогда не были в деревенской таверне, где пьют домашнее вино и едят крестьянскую пиццу? В один из вечеров вас обязательно пригласят в таверну «Пульчинелла» — там до поздней ночи вы будете наслаждаться неаполитанскими народными песнями и танцами, а если вам очень повезет, как мне, лично примете участие в необычном концерте, что даст вам потом возможность всю жизнь говорить своим друзьям: «Я пел на итальянской сцене!» И это будет чистойшей правдой!

И еще Искья идеальное место для отдыха молодоженов: их ждут романтические путешествия по заливу на яхте, экскурсии по экзотическим местам — Арагонскому замку XV века, Мальтийскому музею в Форио, вилле Сан-Микеле на острове Капри. Можно заняться и спортом: верховой ездой, виндсерфингом, теннисом. (Кстати, турфирма предоставляет молодоженам путевки с 10-процентной скидкой, а в номере у них всегда будут цветы и фрукты.)

Зная душу русского туриста, скажу, что рядом с отелем «Ориенте», где я жил, есть маленький рынок: тут буквально задарма вы всегда купите любые фрукты, сувениры для друзей, вино в 2-литровых бутылках и еще массу всего такого, что будет вам прекрасной памятью о незабываемом отдыхе на острове Искья.

Итак, поезжайте отдыхать на остров Искья — и вы никогда об этом не пожалеете.

Телефоны фирмы «ВОРМОС»: (095) 382-77-01, 382-70-71.

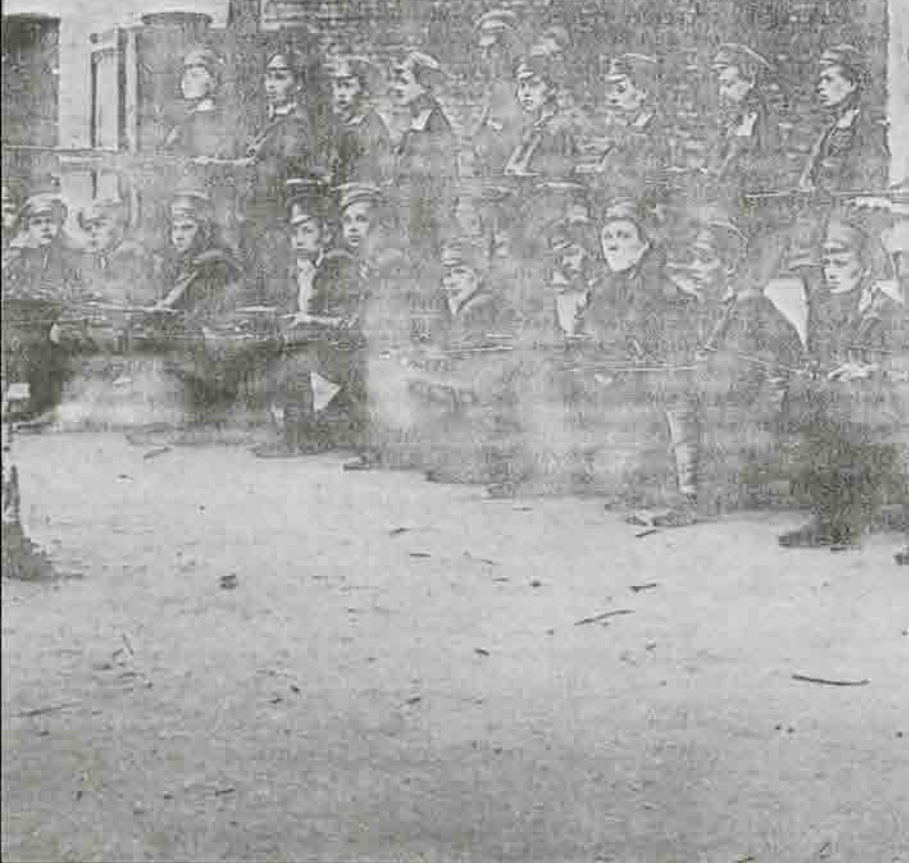
Дополнительную информацию о поездке можете получить по телефону: (095) 251-03-51.

На острове ИСКЬЯ побывал **БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ**.

Д

А БЫЧКОВА

ДАМСКИЙ

ТАНЕЦ

С САБЛЯМИ

*«Батальон смерти» в день принятия присяги, июнь 1917 г.
(крайняя справа — Мария Бочкарева).*

Из личной жизни «трех богатырей»

Название «амазонки» («без груди») греки связывали с обычаем, якобы принятым у женщин-воительниц: выжигать девочкам одну грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука.

Русская история не знала подобного, хотя и может похвастаться собственными «амазонками», одинаково ловко владевшими ухватом и оружием. «Повинна» в том наша беспокойная история.

По подсчетам русского историка В. О. Ключевского, Русь за 234 года, в период своего формирования, пережила 160 войн. И пахарь, выходящий в поле с оружием на случай внезапного набега неприятеля, и женщина-воительница — символическая картина с незапамятных времен. Многие ли знают, что, когда по раздолью Руси езживали, выглядывая врага, знаменитые Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович (давно доказано, что «три богатыря» — реальные люди со своими очень непростыми судьбами), в то же самое время на те же просторы выходила, так сказать, альтернативная дозорная служба — женщины. Называли их поленицы — от слова «поле», где они чувствовали себя законными хозяйками.

Девочки эти были неробкого десятка, прекрасно ездили на лошадах, владели оружием — копьем, мечом, луком, палицей — и силой были не обижены. С врагами расправлялись беспощадно — доставалось и басурманам, и собственным нечестивцам.

Жены Добрыни Никитича и Ильи Муромца — из тех самых воительниц-полениц. Добрыня познакомился со своей будущей женой, встретившись с ней в поле. Поме-рились силами. И степная красавица, оглушив богатыря палицей,

молвила: «А ежели богатырь мне в любовь придет, я теперича за богатыря замуж пойду». И пошла. Но самое главное — стала она женой нежной и покорной... В русской интерпретации амазонка, становясь матерью семейства, теряла свои героические качества, сверхъестественную силу и строптивый нрав. И только чрезвычайные обстоятельства заставляют ее вспомнить былое... Когда грозная вражья сила подкатила к Киеву, а главного сторожа — Ильи Муромца — на месте не оказалось, защиту города взяла на себя его жена — тихая Саввишна, бывшая степная богатырша, возглавившая княжескую дружину.

Есть сведения, что и у Дмитрия Донского на Куликовом поле сражались женщины. Во всяком случае, имя одной из них — княжны Феодоры Ивановны Пужбольской, раненной в бою, известно. А сколько таких, что канули в вечность, не замеченные ни народной молвой, ни летописной строкой!

Официально же женщины получили разрешение находиться в войсках как маркитантки и медицинский персонал при Петре I.

Еще раз узаконены были их права на участие в службе милосердия в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Тогда около полутора тысяч медсестер выехали на фронт в действующую армию. Случалось им брать в руки и оружие. Но ратным воином-солдатом, офицером женщина в действующей армии стала лишь во время первой мировой войны.

Стараясь упорядочить стихийное создание женских «ударных» отрядов, военное министерство России в июне 1917 года утвердило представление Генштаба «О сформировании войсковых частей из женщин-добровольцев». Но, когда внутренний порыв заставлял женщину пренебречь своим полом

и надеть военную форму, она слушалась только своего сердца. И никого, и ничего более...

Капитан Курточкина и другие...

Вот вам эпизод из века восемнадцатого.

Когда в пехотном полку, расквартированном в Новочеркасске, одним солдатом стало больше, это никого не удивило. А вот о том, что в станице Нагаевской одной невестой стало меньше, взгрустнуло не одно казачье сердце: утонула, Татьяна утонула. Сельчане нашли на берегу ее одежду, бабы повыли по несчастной, парни огорченно почесали чубы — черт была, а не девка.

Тем временем двадцатилетняя «утопленница» Татьяна Маркина, облюбовав фамилию Курточкин, начала блестящую всенную карьеру. Волевая, энергичная, решительная, она легко оставляла позади себя мужчин. Из солдат быстро перебралась в ефрейторы, а затем и унтер-офицерские погоны сменила на капитанские.

Неизвестно, до каких чинов дослужился бы лихой капитан, но случилась осечка. Один из сослуживцев, чем-то задетый Курточкиным, подал начальству жалобу. Предстояло суровое разбирательство. Тогда Курточкин, опасаясь в ходе тщательного следствия оказаться разоблаченным, решает опередить события. В Петербург полетело письмо. Демарш удался. Императрица Екатерина II изумилась, прочитав исповедь капитана Курточкина «женского полу», и дело было взято под ее личный контроль.

После медицинского освидетельствования Курточкина оправдали, но военная служба дерзкой

казачки была закончена. Татьяна Маркина, получив отставку и пенсию, благополучно вернулась на родину. К сожалению, неизвестно, как встретили ее женихи станицы Нагаевской...

«Прекрасная сотня»

Известно, что Екатерина II была равнодушна к мундиру и не упускала случая в нем покрасоваться. Личные пристрастия определяют многое. И когда Потемкин в разговоре с императрицей обмолвился, что в Балаклаве жены местных греков весьма искусны в верховой езде и стрельбе из ружей, пришла идея «непреренно устроить амазонскую роту».

Получив соответствующий приказ, командир Балаклавского полка премьер-майор Чапони срочно начал действовать: времени до визита в Крым Екатерины оставалось в обрез.

Бросили клич по городу и окрестностям. Желających заступить в «амазонскую роту» было даже слишком много. Решили отдать предпочтение «военным дамам» — женщинам и девушкам из офицерских семей.

Возглавила «прекрасную сотню» Елена Сарандова. Ее история довольно романтична. Рассказывали, что она родилась в Константинополе в семье врача при дворе турецкого султана. Во время одной из дворцовых разборок все родственники были перебиты, а ее самую удалось спасти, вынеся в мешке из дворца...

Итак, рота с головой ушла в боевую подготовку: женщин обучали умению держаться в конном строю, перестраиваться, производить залповую стрельбу.

Но оригинальное воинское формирование, числившееся в дей-

ствующей армии, не предусматривалось использовать в боевых действиях: каждая из женщин получала только три патрона. Для несения патрульной службы и присмотра за контрабандистами — а именно это вменялось им в обязанность — такой «огневой мощи», как считалось, было достаточно. Впрочем, согласимся, и эти скромные обязанности выводили балаклавских амазонок из ряда их многочисленных сверстниц, мирно коротавших дни за вышиванием шелком, гаданием на кофейной гуще и вздыхавших над страницами французских романов.

Пока амазонки оттачивали боевое мастерство, швеи всю трудились над их костюмами. Надо сказать, что неизвестный нам модельер славно потрудился: лишив амазонскую форму присущей восемнадцатому веку вычурности, он сделал ее исключительно эффектной за счет экзотического сочетания цветов: юбка из малинового бархата и ярко-зеленый «верх», туго стянутый в талии, тоже из бархата. Обе части туалета были оторочены золотым галуном, а юбка подбита золотой бахромой. Весьма экстравагантно выглядел и головной убор: белая бекеша с перьями и золотыми блестками. Вероятно, темноволосым гречанкам-воительницам он очень шел. Можно только представить, каким прекрасным видением казались они в пылу скачки, когда о круп коня бился яркий бархат их юбок, а на ветру развевались страусовые перья.

Во всяком случае, первый, кто увидел балаклавских амазонок из свиты прибывшей в Крым императрицы, буквально оторопел. Это был человек, умевший ценить женскую красоту в любых ее проявлениях. И надо же было такому случиться, что именно он, австрийский император Иосиф II, осматри-

вая на прогулке достопримечательности Балаклавы, буквально «нарвался» на целый строй необыкновенных красавиц.

Замешательство, однако, длилось недолго. Большая практика завязанного ловеласа помогла императору сориентироваться в обстановке. Одарив восхищенным взглядом горделиво смотревших воительниц с длинными ружьями в руках, он не стал размениваться на банальные комплименты, а подъехал к Сарандовой и поцеловал ее самым пылким образом.

В рядах произошло заметное волнение, но Елена Ивановна мигом успокоила возмущенных дев.

— Чего испугались? Вы же видите, император не отнял у меня губ и не оставил мне своих.

Справедливость этого была очевидна, а слово «император» и вовсе успокоило роту.

Тем временем на дороге показалась великолепная карета Екатерины в сопровождении пышного эскорта.

Амазонки замерли, вытянувшись в идеальный строй. Командир, отдав, как положено, рапорт, представил Екатерине своих подруг по оружию. Потемкин, находившийся здесь же, попросил разрешения у государыни салютовать ей холостыми залпами, как того требует этикет, но Екатерина нашла это излишним. Не выходя из кареты, она подозвала к себе Сарандову, подала руку, поцеловала в губы и, потрепав по плечу, весело сказала:

— Поздравляю вас, амазонский капитан! Ваша рота исправная. Я ею очень довольна.

Покидая Крым, государыня прислала Сарандовой бриллиантовый перстень, а на всех амазонок было пожаловано 10 000 рублей ассигнациями.

Вся последующая жизнь «амазонского капитана» доказала, что

выбор, павший на нее, как на предводительницу, был не случаен. Ее вспоминают как исключительно сильную личность. Сохранился гравированный портрет Елены Ивановны: не конфетная миловидность — красота резкая, суровая, очень выразительная. Орлиный нос, четко очерченные губы, глаза, которые правильнее называть очами. Жизнь Елену Ивановну не баловала. На четвертом десятке лет вышла замуж за титулярного советника Гавриила Шидянского. Родила троих детей. Через 12 лет овдовела. Пришлось взять в свои руки хозяйство. Но для женщины, когда-то лихо справлявшейся с сотней норовистых подруг, эта задача оказалась непосильной. Шидянская и не заметила, как осталась на мели. Видимо, катастрофическое положение заставило гордого «капитана» пойти на попятную. Никогда ни к кому не обращавшаяся за помощью, в 1847 году Елена Ивановна решила напомнить о себе письмом, адресованным князю М. С. Воронцову, которого она знала по годам его крымского наместничества.

Письмо оказалось в Зимнем довольно быстро — Воронцов о том позаботился. Последовал указ Николая I о выдаче Шидянской 300 рублей серебром. К тому же заинтересовала и история балаклавской роты, видимо, в Петербурге неизвестная. В канцелярии губернатора Тавриды получили высочайшее повеление прислать в столицу сведения, «когда была составлена рота амазонок, где, из какого звания».

Само же единовременное пособие, присланное Шидянской, ненадолго скрасило жизнь, быстро клонившуюся к закату.

На старом симферопольском кладбище долго стоял крест с надписью: «1849 года сентября 4-го скончалась капитан Амазонской

роты Елена Шидянская на 95-м году своей жизни».

Рассказ ветерана Чесменской богадельни

Кто в Петербурге не знал Ивана Никитича Скобелева? Наверняка знаете о нем и вы, ибо замечательный рассказ Куприна «Однорукий комендант», конечно же, читал каждый. Одним словом, этот человек был истинной достопримечательностью Петербурга. Простой солдат, мальчишкой с голодухи сбежавший из деревни и приставший к полку, дослужился до генерала, наполучал крестов и орденов, был любим Суворовым и уважаем Кутузовым. В боях он потерял одну руку, пустой рукав мундира эффектно прикалывался возле эпюлета бантом, но, когда седой богатырь с непогасшим пламенем в очах появлялся в ложе Мариинского театра, первейшие петербургские раскрасавицы сворачивали шею, стараясь поймать на себе его взгляд.

Однако, помимо законной дани прекрасным дамам, Иван Никитич платил звонкой монетой еще одной своей страсти. Седина в бороде, бес в ребро — он заделался писателем. И скрипел пером, как сказали бы сейчас, «на военную тему»: описания отшумевших баталлий, разные «случаи» из солдатского житья-бытья, панегирик великому Суворову, воспоминания, песни, прибаутки. Но среди его не ахти каких в литературном плане творений есть одна примечательная и загадочная вещь, которую он выдавал за рассказ, случайно услышанный им от старого ветерана.

Итак, в 1794 году русская армия после громких побед Суворова в Турции спешила к новым подвигам, пополняя на ходу свои резервы. Взамен погибших и раненых

поступали рекруты из разных частей России. И вот тот, от имени которого Скобелев ведет рассказ, совсем молодым человеком попал в Белозерский мушкетерский полк. Самое большое впечатление на необстрелянного новобранца произвел командир полка — поручик Александр Матвеевич Тихомиров. «Да, паря, повезло тебе, — говорили старожилы. — Такой души, как Лександер Матвеевич, поискать еще. Кто проштыкнется, он только посмотрит печально, дык виноватому лучше бы сквозь землю провалиться».

«Я и сам отродясь таких-то людей не видывал, — вспоминал ветеран. — Росту он был небольшого, но ума и в ранец, чай, не уложили бы. А уж фигурой — словно выточенный, ни дать ни взять из воску кукла, что немцы за деньги показывают. Голос приятный, мягкий, а слово всегда умное — искрой влетало в душу. Ни один капрал не вставал раньше Александра Матвеевича и никто лучше его не обучал нас заряданию ружья, стрельбе по цели и прочим военным штукам».

В схватках с врагом, как следовало из рассказа ветерана, командир белозерских мушкетеров проявлял чудеса мужества и выдержки. Но недолго рассказчику удалось побыть под командованием любимого начальника.

Однажды разгорелось жаркое дело. В одну из атак командир шел, как всегда, впереди. Солдаты увидели, что у него из рукава течет кровь. Бросились к нему: «Вы ранены, ваше благородие!» — «Напомните мне об этом, когда выбьем неприятеля из укрепления», — услышали они в ответ. Но укрепление брали без него. Две пули влетели в грудь командиру. Медленно осел он на землю. Кинулись солдаты на помощь, да уж поздно. Чувствуют, что побелев-

шие губы что-то шепчут. Наклонились и услышали: «Прощайте, ребята! Не забывайте моих советов. И из могилы я глядеть на вас буду...»

На руках отнесли мертвого командира на бивуак. В полку стоял, офицеры плакали с солдатами. Слезы слезами, а хоронить надо. Стали готовить тело к погребению. Из обоза прибыл денщик с чемоданом покойного. Адьютант принялся за белье.

Однако внезапно появившийся полковой священник остановил суету. Сбивающимся голосом объявил он солдатам, что приготовление тела покойного командира к погребению по православному обряду есть дело, за неимением других женщин, исключительно его жены попады, которая с минуты на минуту должна явиться. Солдаты отказывались понимать услышанное и думали: «Наш батюшка просто свильнул с большой дороги на проселочную».

Но батюшка оглядел служивых, словно призывая их верить каждому его слову, и продолжал: «В этот скорбный час заветная тайна души моей... перестала быть уже тайною: почивший герой — капитан, достойный член нашего полка, любимый и уважаемый всеми нами сослуживец — есть благородного происхождения невинная девица Александра Матвеевна Тихомирова».

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Каждый думал: не ослышался ли, и боялся переспросить. А священник показал на чемодан: «В числе вещей, принадлежавших покойнице, на этот горестный случай должна быть шкатулка, а в ней духовное завещание».

Адьютант пошарил в чемодане и действительно вытащил небольшую вишневого дерева коробочку. Открыл. Поверх ассигнаций лежала бумага. Он стал читать:

«Здесь последний наряд мой. Свершилось. Желание мое исполнилось... Прошу господина полковника: весь мой багаж передать духовному отцу моему в полное его распоряжение с удержанием тысячи рублей, из коих выдать по двести пятьдесят рублей в каждое капральство роты, которой я имела честь командовать, и двухсот — в награду людей, употребивших труд свой при моем погребении. Капитан Тихомиров, а в переводе на истину: дочь майора, девица Александра Тихомирова...»

Далее Иван Никитич Скобелев приводит биографию Александры Тихомировой, к сожалению, не указав источники, из которых она стала ему известна.

История Александры Тихомировой на первый взгляд невероятна. Но, вникнув в нее и проследив цепочку событий, приходишь к выводу, что буквально все в ней поддается объяснению.

Итак, Александра Тихомирова в раннем детстве лишилась матери. Их с братом, чрезвычайно похожим на нее, воспитывал отец, служивший в армии. И, как видно, не делал особого различия между своими детьми и новобранцами. Юная Сашенька понятия не имела о куклах и вообще о жизни вне усатых бородачей, палаток, ночных костров и перекличек часовых.

Подростивший брат ее, записанный в гвардию, уже учился в петербургском военном училище, а сама Саша, превратившись в красивую восемнадцатилетнюю девушку, возможно, и устроила бы свою судьбу, но какая-то странная история разорила их семью. В дом пришла жестокая нужда, а последние деньги ушли на похороны отца, не выдержавшего такого удара судьбы. Попрощаться с ним приехал Сашин брат из Петербурга. Вдвоем они сидели в опустевшем

доме, и брат показывал Саше документы, по которым ему, выпускнику училища, надлежало явиться к месту назначения службы. Но ни через день, ни через два ему не суждено было покинуть родной дом. Молодой офицер свалился в жесточайшей горячке и, промаявшись несколько дней, умер на руках у Саши и старой няньки.

Саша сидела у гроба брата, и пламя свечей освещало молодое лицо покойного, казавшегося уснувшим.

Она приняла решение еще до того, как догорели свечи. Няня, с которой поделилась, сначала запричитала, а потом перекрестила ее.

Вдвоем они переодели покойного в женское платье. А потом Саша отрезала свою длинную белокурую косу и обвила ее вокруг головы брата. Послали за дьячком. Он отпел внезапно представившуюся девицу Александру, а поутру дворник да несколько сослуживцев отца снесли гроб на кладбище, пожелав молодому офицеру не терять присутствия духа.

Так, в мундире брата и с его документами дочь майора Тихомирова отправилась на военную службу. Остальное нам уже известно...

Просто Мария

«1920 года апреля 17 дня. Я, следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболтин, рассмотрел дело б. поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны Бочкаревой — 31 г. по обвинению ее по должности офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольный батальон, который принимал

участие в борьбе с Советской властью в Петрограде...

Преступная деятельность Бочкаревой перед Р.С.Ф.С.Р. следствием доказана...

Справка: Вещественных доказательств нет.

Военный следователь
Особого отдела ВЧК при
5-й армии.

Поболтин.

Резолюция: Бочкареву
Марию Леонтьевну рас-
стрелять.

15/5, 1920

*Павлуновский,
Шимановский».*

Мария Бочкарева при жизни как бы до дна исчерпала причитающуюся ей долю славы. На «после смерти» не осталось ничего. Лишь мелькнуло у Маяковского: «дуры бочкаревские» — о женщинах, в ночь октябрьского переворота защищавших Зимний дворец.

К этому будоражающему воображение факту, как увидим дальше, Бочкарева, кстати, имела весьма косвенное отношение. Но ее имя в то беспокойное военно-революционное время у всех было настолько на слуху, что любая женщина с оружием в руках ассоциировалась с бесстрашной воительницей и ее подругами по знаменитому «батальону смерти».

А дальше — тишина...

Героиня войны, полный Георгиевский кавалер, куда она делась?

Первая мировая война до недавнего времени иначе как «позорная империалистическая» не называлась. Это диктовало соответственное отношение и к людям той войны. Бочкарева более, чем кто-либо, оказалась «виноватой» перед Советской властью. Виноватой в том, что напрочь рушила образ «женщины из народа».

...Фролковы были бедны. В своем селе Никольском Новгородской губернии они еле концы с концами

сводили и, чтобы вовсе не пойти по миру, решили переехать в Сибирь в надежде получить надел земли. Там их дела все равно не поправились, и дочку свою Марусю они отдали в прислуги, когда той исполнилось восемь лет.

Потом она работала нянькой, пошла попытать удачи в лавку и здесь приглянулась Афанасию Бочкареву, который и женился на 16-летней Марусе. Скоро выяснилось, что основным занятием супруга было беспробудное пьянство.

Шли годы... Мария влюбилась в хозяина мясной лавки по имени Яков Бук. Набриолиненный, с черными «роковыми» глазами, городским разговором, он казался деревенской простушке существом высшего порядка. Мария стала любовницей Бука. Но «медовый месяц» долго не продлился — Бука арестовали: «крестьянин Читинского уезда» и держатель мясной лавки на самом деле промышленлял разбоем в банде.

Однако привязанность к нему «невенчанной жены» оказалась глубокой и искренней: Бочкарева добилась свидания с Буком в иркутской тюрьме и, решив разделить с ним судьбу, в мае 1913 года отправилась по этапу в Якутск на поселение. На плоской безжизненной равнине, где сшибались снежные вихри и только в сердцевинах яранг теплилась жизнь, Мария Бочкарева была единственной русской женщиной в этом царстве вечной мерзлоты.

Лед и пламень

В августе 1914 года началась первая мировая война. Позже Мария напишет об этом: «Мое сердце стремилось туда — в кипящий котел, принять крещение в огне, за-

калится в лаве...» Добравшись из своей ледовой ссылки до Томска, Бочкарева обратилась к командиру резервного батальона с просьбой зачислить ее вольноопределяющейся. Тот отказался наотрез. Тогда на последние деньги она посылает царю телеграмму, получает от него «добро» и в феврале 1915 года оказывается на передовой...

В полку Мария требовала, чтобы ее называли Яшка. Она взяла верный тон, ограждая себя от фронтовых ухажеров. Единственный козырь, которым она могла воспользоваться, — воинская безупречность. И тут битая, униженная подруга двух весьма посредственных представителей сильного пола взяла блистательный реванш.

Бочкарева ходила в штыковые атаки, в самую рискованную разведку, вытаскивала с поля боя раненых. Шесть раз была ранена — дважды настолько тяжело, что выжила чудом.

За боевые заслуги и безупречную службу Мария Леонтьевна Бочкарева, единственная женщина в России, получила самую почетную награду, на которую только может претендовать солдат — полный бант Георгиевских крестов. Все четыре степени. Помимо медалей. И это — всего за два года.

Георгиевские кавалеры

Но Бочкарева отнюдь не первая в списке женщин — Георгиевских кавалеров XX века...

Не осталось ровным счетом ничего от романтических атрибутов воинственных дев прошлого. Никто уже не заботится об одежде прекрасных дам, взявших в руки оружие. Бархатные юбки и бекеши со страусовыми перьями амазонок

екатерининских времен кажутся детской забавой.

Двадцатый век шутить не любит...

Для России век этот начался с войны. А, значит, из недр народных поднялись и новые «кавалерист-девицы».

На русско-японском фронте они появились с первых дней. Подвиги их были настолько впечатляющи, а судьбы порой так трагичны, что по горячим следам, дабы сохранить о них память, в военный 1905 год вышла книга под названием «Женщины-кавалеристки в войне России и Японии».

Елена Михайловна Пастаногова была солдатской дочерью и солдатской вдовой. Назвавшись Михаилом Николаевичем Смолко, пошла служить волонтером в отряд генерала Ренненкампа. Она прекрасно знала японский и китайский, ходила в разведку, присутствовала на допросах, выполняла секретные задания командира и с оружием в руках участвовала в боевых действиях против японцев. Елена Михайловна была награждена георгиевской медалью «За храбрость».

В той же книге рассказывается о женщинах, служивших в кавалерии вместе со своими мужьями. Но война есть война, и смерть не отличала женщин от мужчин. Военная пресса тех лет писала о трагической гибели на Дальнем Востоке женщины-снайпера родом из Орла. Неприятельский снаряд буквально разорвал ее на куски. Она словно искала своей гибели, стремясь в самые жаркие места, в первую линию. Никто не знал ее настоящего имени.

Называла она себя Харитоном Короткевичем...

«Батальон смерти»

Наступил семнадцатый год. В окопах узнали о Февральской революции, о низложении царя и приходе к власти Временного правительства во главе с Керенским.

В одну из своих поездок на фронт председатель Госдумы М. В. Родзянко, встретившись с Бочкаревой, предложил ей выступить перед членами Временного правительства в Петрограде о положении на фронте.

Сияние люстр и мрамор колонн Таврического, любопытные взгляды господ в манишках не смутили Марию. Неграмотная, битая ссыльным дружком простолюдника бестрепетно осваивала залы и кабинеты высших кругов столицы. (Очень скоро, как увидим, она доберется до короля Англии и до президента США. И опять же, не смущаясь ничем, твердо веря в правильность выбранного пути...)

Сразу после выступления в Таврическом Бочкарева взялась за осуществление своей идеи — создание женского воинского батальона. Когда ее повезли с этой затеей к Верховному Главнокомандующему армии А. А. Брусилову, она и ему сумела доказать своевременность такого шага: надо показать мужчинам пример, необходимо взбодрить их.

Брусилов не без сомнения выслушал «кавалера». Ему, генералу, выпускнику Пажеского корпуса, дворянину и военному до мозга костей, вероятно, не просто было свыкнуться с мыслью о дамах, идущих в атаку. Он спросил Бочкареву: надеется ли она на женщин? «...Мой полк не осрамит России!»

На следующий день после посещения Главнокомандующего, обещавшего Бочкаревой всяческое содействие, она была предоставле-

на главе Временного правительства Керенскому и приглашена в Зимний дворец на обед.

Здесь идея Георгиевского кавалера получила окончательное «добро». Было что-то жуткое в названии необычного воинского подразделения: «Батальон смерти имени Бочкаревой». («Имени» — так решил Керенский...)

Общественное мнение, как всегда в таких случаях, разделилось: «Ни один народ в мире не доходил до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины, — негодовал «Московский женский союз». — Ведь это равносильно избению будущего поколения своего народа». Один из женских журналов писал: «Ни для кого не тайна, что наша многочисленная армия больна... Женский батальон хочет зажечь погасающую энергию. Удастся ли это ему?»

Две тысячи женщин в первую же неделю записались в батальон Бочкаревой. Выпускницы Смольного, девушки из «хороших семей», гимназистки, прислуга, мещанки. Были и из рабочих, и крестьянки.

В эти дни в Петрограде царил приподнятое настроение: на фронте наконец-то началось наступление. Город мигом скинул свою угрюмость, словно вспомнив, что стоят погожие летние дни, что есть радости и в военной, полной утрат, жизни. Есть надежда, и brave женщины в военной форме со светлыми лицами — вестницы этой надежды.

...Они шли под звуки «Марсельезы», уверенные, сильные, и черепа на черном бархате погон выглядели совсем нестрашно.

Их марш сопровождался криками «ура», а из раскрытых окон сыпались цветы.

«Вчера, 21 июня, при торжественной обстановке были вруче-

ны знамена... 1-му женскому батальону смерти», — читаем в «Русском инвалиде» за 1917 год.

А вот как описывают саму «мать-командиршу»:

«Навстречу нам поднялась невысокая, полная, круглолицая женщина лет за тридцать с грубым обветренным лицом. В своей солдатской фуражке, с орденами и унтер-офицерскими погонами на гимнастерке, в широких штанах и грубых сапогах она напоминала мужчину. И голос у нее тоже звучал по-мужски, когда она назвала себя Бочкаревой».

Для церемонии в 12 часов дня у Исаакиевского собора женщины были выставлены в полном походном снаряжении. Тысячная толпа горожан приветствовала рукоплесканиями тех, кого, как писала газета, «природа предназначила для мирной общественной жизни», а любовь к Отечеству уводила на фронт.

После молебна вынесли знамя. Оно было строго и красиво: белое поле, а на нем слова: «1-я женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». Священник освятил знамя. Генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил его Бочкаревой, которая в тот день была произведена в прапорщики.

Фронт. Крещение огнем

Триста женщин из первоначального набора Бочкаревой через два дня после торжественного вручения знамен отправились на фронт на передовую.

«Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, — докладывал полковник В. И. Закржевский, в подчинении которого находился батальон. — Все время в передовой линии, неся службу наравне

с солдатами. При атаке немцев, по своему почину, бросился, как один, в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии».

Мнение генерала Деникина было несколько иное. Он вспоминал, с какими насмешками встретили на фронте «ударниц»; как приходилось выставлять караул для охраны их барака и, главное, каким печальным инцидентом началась для них боевая служба: «...Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И, когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыхленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов».

История боевого крещения облетела всю прессу, внимательно следившую за судьбой отряда Бочкаревой. Газетные страницы наполнились сообщениями, что первые же боевые вылазки стали роковыми для женщин-добровольцев, потерявших треть своего состава. (Эти сведения, видимо, перекочевали и в Советскую военную энциклопедию, где сказано, что ввиду огромных потерь отряды Бочкаревой были отозваны в Петроград и переформированы в 1-й Петроградский женский батальон...)

На самом же деле, пережив шок артобстрела в Новоспасском лесу, женщины продолжали участвовать

в боевых действиях. В течение двух последующих дней они выдержали 14 атак противника и, несмотря на сильный пулеметный огонь, несколько раз поднимались в контратаки. Бочкарева писала, что ее «ударницами» в одной из них были «взяты две линии немецких окопов». Потери женщин после первых дней боевых действий составили: две убиты, 33 раненых и контуженных, две пропали без вести.

За этот бой «командирша» батальона была представлена к золотому оружию (которого, правда, так и не получила) и произведена в подпоручики.

Эти, несомненно, приятные вести догнали ее уже в госпитале: Бочкарева была тяжело контужена и полтора месяца лечилась в Петроградском госпитале Кенига. Сам же батальон продолжал участвовать в боевых действиях.

Октябрьскую революцию бочкаревские «амазонки» встретили в лагере у деревни Оленец. С 12 октября они находились в резерве...

В ночь с 24 на 25 октября в Петрограде произошел переворот.

Ма, что не «вышла из игры»

Сложилось мнение (например, «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962, стр. 157), что Зимний дворец, где находилось Временное правительство, обороняли бочкаревские «смертницы».

Но не надо забывать: «женский батальон смерти» был не единственным добровольческим женским отрядом в Петербурге. Обстоятельная работа Х. М. Астрахана на основе многих архивных документов доказывает, что на

Дворцовой площади действовала рота 1-го Петроградского женского батальона. (Впрочем, тот же автор утверждает, что костяк Петроградского батальона «составили уцелевшие после боев ударницы бывшего «женского батальона смерти»...)

Как «аукнулись» события в Петрограде ударницам Бочкаревой? «От Советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала. Я сейчас же то и сделала», — писала она в своих показаниях в ВЧК.

Легендарный «Яшка» поостыл к своему детищу. Конечно же, Бочкарева, ведя женщин на фронт, надеялась на большую их эффективность, на более высокие бойцовские и моральные качества. Собрались же под ее началом, пусть и ведомые одной искренней идеей, но очень разные женщины. (Как, впрочем, и во всем женском военном движении...) Деникин, в сущности, был прав: «Были и совсем слабые телом и духом, были и героини, кончавшие жизнь в конных атаках».

...А Бочкарева, едва ступив на петроградскую землю, была арестована. Отобрали документы, оружие. Она оказалась в Петропавловской крепости. Через неделю ее отвезли в Смольный, где предложили перейти на сторону Советской власти. Бочкарева ответила: «Я слишком измучилась... и в гражданской войне не хочу принимать участия».

Вот она, та грань, которую женщина в военной форме, солдат без страха и упрека перейти не захотела. Не разбираясь в политической сумятице, в чем откровенно признавалась, Мария Бочкарева интуитивно почувствовала, что если вчера Россия сражалась с врагом, то сегодня она начинает заниматься самоуничтожением. Быть замешанной в ужаснейшем из всех ви-

дов истребления — братоубийстве — не в пример мужчинам Мария Бочкарева не хотела.

Она не скрывала своего отношения к Советской власти и честно написала в показаниях: «Большевиков я считала своими врагами и врагами Родины». Однажды в Томске ей кто-то из родных сказал: «Посмотри, три баржи замороженных красноармейцев стоят на Оби, а ты сочувствуешь нашим врагам».

И все же уверенность, что большевики с немцами заодно, не позволила Бочкаревой «выйти из игры» и тем самым, возможно, сделать свое будущее менее трагичным.

В начале 1918 года она была уже в рядах тех, кто не смирился с приходом к власти красных. Ей поручили установить нелегальную связь с Корниловым. К нему на Дон Бочкарева пробиралась под видом сестры милосердия с подложными документами. Благополучно перешла линию фронта и в Новочеркасске встретила с командующим белой гвардией на Юге. Задание, данное ей Корниловым, было неожиданным: отправиться в Америку и просить быстрой помощи для вооруженной борьбы с Советами.

Полномочный представитель

Америка... Бочкарева ступила на ее землю в мае восемнадцатого года. В Сан-Франциско, куда она прибыла, ей устроили встречу, как национальной героине. В честь нее устраивались обеды, пресс-конференции. Имя Марии не сходило с газетных полос, особенно эмигрантских.

В газете «Русский голос» Бочкарева, против ожидания, не выска-

зала никакого удовлетворения участием в женском патриотическом движении: «Я не хочу говорить о своей деятельности в России. Мне больно, тяжело говорить, вспоминать о созданном мною батальоне смерти. Таких батальонов по всей России было до 15. Но они ничего не делали. Мой батальон активно участвовал в сражении с немцами. Это было в начале его расцвета. А затем... трусость обуяла большинство в батальоне».

Бочкарева не раз подчеркивала, что женщины не оправдывали ее ожиданий. Теперь она снова отвечала только за себя и потому вправе была рассчитывать на успех. Свою миссию в Америку Бочкарева называла «делом чрезвычайной важности».

10 июля 1918 года командира «женского батальона смерти» принял президент США В. Вильсон. Он увидел перед собой невысокую, плотного сложения женщину, с поседевшими волосами, выглядевшую значительно старше своих лет. Марию прозвали здесь «русской Жанной д'Арк», но трудно было представить, что эта крайне утомленная, припадающая на больную ногу женщина еще совсем недавно шла во главе цепи с винтовкой наперевес. Президент сказал, что считает за честь познакомиться с женщиной-офицером, оваянной такой громкой славой.

Аудиенция в Белом доме закончилась весьма эффектной сценой. «Русская Жанна д'Арк опустила на колени и протянула к президенту руки: помогите! Ответом на этот душераздирающий жест были слезы, показавшиеся на щеках Вильсона». В тот миг он, растроганный и взволнованный, и впрямь почувствовал себя будущим спасителем пострадавшего народа.

Поручик Бочкарева могла считать свою миссию удавшейся: президент Вильсон обещал поторо-

питься с помощью. Но, не ограничиваясь этим, она встретила и с группой сенаторов. С такой же энергией и настойчивостью, как и Вильсона, убеждала их прислать в Россию американский военный корпус.

Между тем поклонницы Бочкаревой, энергичные феминистки, предложили одному из журналистов познакомить американцев с историей жизни необыкновенной россиянки. Книга была написана со слов самой Марии Леонтьевны и уже в следующем, 1919 году появилась одновременно в Нью-Йорке и Лондоне. Она называлась «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной...».

После Америки Мария Бочкарева на транспортном пароходе отправилась в Англию. Цель визита оставалась прежней: возбудить сочувствие к белому движению, поторопить высоких лиц с исполнением союзнического долга.

В Лондоне Бочкарева остановилась в отеле «Савой». Все расходы по ее содержанию взяла на себя лидер английских суфражисток мисс Панкхерст. Она же и организовала встречу с военным министром Англии. В свою очередь, Бочкарева попросила у него аудиенцию с королем Георгом V.

Вот как рассказывала о том сама Бочкарева в показаниях Особому отделу ВЧК при 5-й армии в Омске:

«В половине августа месяца 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии примет меня на 5 минут. Я оделась в военную офицерскую форму, одела полученные мной в России ордена и со своим переводчиком Робенсом поехала ко двору короля. (...). Король Англии имел большое сходство с царем Николаем II (...). Король спросил (...), кому я верю...

Я сказала ему, что я к партии ни к какой не принадлежу, а верю я только генералу Корнилову. Король мне сказал, но ведь Корнилов убит, я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король сказал мне: Вы русский офицер, (...) Ваш прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать. Я сказала королю Англии: «Слушаюсь». Король приказал своему секретарю, чтобы сделал распоряжение, чтобы на пароходе, направляющемся в Архангельск, дали мне каюту и чтобы русский посол дал бы мне русского офицера в качестве адъютанта...»

Закат

29 августа 1918 года Бочкарева выступала на городском митинге, написала воззвание, опубликованное в местных газетах. Командование белыми войсками попробовало использовать знаменитую героиню в «боевом деле». Та наотрез отказалась. Тактика ее прослеживалась совершенно очевидно: агитация — да, но «братской крови» она на себя не принимает.

Произошло столкновение с генералом В. В. Марушевским, командующим частями белой армии на Севере. Тот был возмущен: «г-жа Бочкарева» явилась к нему в офицерских погонах и в форме кавказского образца. Ее сопровождал рослый бравый офицер, которого она представила как своего адъютанта. Мария Леонтьевна уже привыкла к своей роли национальной героини. Генерал же видел в ней «юмористический образец квазипатриотических начинаний», а приказ его звучал вполне серьезно: Бочкаревой снять форму, «адъютанту» отправиться в одну из рот в Пинеге.

Марию Леонтьевну видели в Союзническом штабе в небольшом северном городке Шенкурске. Того восторженного отношения к ней, как в США и Англии, где дамы-феминистки готовы были ее на руках носить, здесь не было и в помине. Американские и британские офицеры криво усмехались, глядя на «широкое безобразное рябое лицо и коренастую фигуру» мадам Бочкаревой. По их словам, она пачками курила сигареты и «напивалась не меньше мужика». Привыкшая быть в центре внимания, теперь она докучала «союзникам», показывая свои шрамы от ранений. В конце концов белое командование решило избавиться от ненужной героини: ей выдали денег и предоставили бесплатный проезд до Сибири.

...В очередной раз Мария оказалась дома. Неужели ей, отставившей в сторону винтовку, не найдется здесь дела по плечу? Как бы то ни было, от Колчака, к которому Бочкарева поехала за отставкой и пенсией, она вернулась с новым заданием: сформировать добровольческий женский санитарный отряд.

Она снова нужна! И какое название отряда? «Имени поручика Бочкаревой!» У нее не было сомнений. Жизнь снова возвращалась к ней.

На следующий день после свидания с Колчаком по всему Омску уже были расклеены афиши с призывом прийти на встречу со знаменитой Бочкаревой.

Ни ораторский дар, ни искусство убеждать не изменили Марии Леонтьевне. Всего два дня понадобилось ей, чтобы собрать двести человек для помощи раненым. На обустройство лазарета она получила от Колчака двести тысяч рублей и вагоны на случай эвакуации от надвигающихся частей Красной Армии.

Однако ни то, ни другое Бочкарева использовать не успела, настолько стремителен был прорыв красных. Колчак со штабом покинули столицу «белой Сибири», оставив на путях эшелон с ранеными. Паника царилась невообразимая.

Зная, что в первую очередь расправятся с добровольцами, помогавшими ей, Бочкарева постаралась переправить медперсонал в безопасное место. С ранеными остался врач, у которого не хватало ни медикаментов, ни перевязочных средств. Никогда, даже в тяжелейшие фронтовые дни, Бочкаревой не владело чувство такого отчаяния и безысходности: она решила ничего больше «не делать в пользу белых».

Вернувшись в Томск, Мария Леонтьевна скинула военную форму и впервые за несколько лет надела обычную женскую одежду. Для заработка стала шить шинели.

С Советской властью, казалось, отношения урегулировались. Бочкарева сама пошла в комендатуру, сдала револьвер, рассказала о себе и предложила свои услуги Советской власти. От них отказались, взяли подписку о невыезде, но сказали, что арестовывать не будут.

На Рождество Мария Леонтьевна пошла в церковь и той же ночью была арестована. Сидела сначала в Томской тюрьме, потом в Красноярской. 21 апреля 1920 года было решено: «Дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву».

Но постановление это было пересмотрено. Постановили: вопрос решить «на месте». И решили...

Марии Бочкаревой был в ту пору тридцать один год.

От благ сомнительных вдали,
как при Петре — стихи слагаю...
Ко мне подходят корабли,
над каждым — тряпочка тугая!

И пахнет дегтем и пенькой,
сосной и пряной медовухой!
Дают затрецину — треской!
И получаю тут же — в ухо.

Мне так приятно жить взахлеб,
с пропахшей редькой рожей дикой!
И класть персты на потный лоб
перед свиданием с Владыкой.

Разрушены тюрьмы, распахнуты храмы!
Вокруг диссидентов — душистые дамы.
Сиятельней краски, изливее блики,
смелей и помпезнее облики-лики.
Свистят километры! «Лендроверь» — в мыле!
Какого же дьявола мы приуныли?
Соседние Луны готовят нам лона.
Ах, жить интересней под хруст миллиона!
С бутылкой... кефира и черной краюхой,
под сенью Свободы, как будто «под мухой»!

Лапотно-электронный
март, сосущий кусты.
Приободрились вороны,
принарились коты.
Некто в чудной одежде
(сделано за бугром)
хочет любить, как прежде,
приходится — вчетвером.
Вотчина Вельзевула,
родина, ты — куда?
...Словно пламя из дула —
в небо душа скользнула,
задела за провода.

Не брит... На шее крестик.
Устал. Но — на плаву.

*Опять на новом месте
проснулся и — живу!*

*В гостях. Тахта — не нарвы.
В восторге — не в грязи. —
Сигары-кулуары...
На окнах — жалюзи.*

*Ах, где тебя носило?
Куда тебя снесло?
...Куда летишь, Россия,
воссев на помело?!*

ПЕРЕДЕЛКИНО (диптих)

I.

*Заснеженные дачи,
неслышные жильцы.
Я жить хотел иначе! —
не дали, подлецы.
Я жить хотел, родная,
без грязи, без вина.
Но чарочка хмельная
не вышита до дна...
Взыскующие взгляды,
честолюбивый смех.
Не надо, друг, не надо
вводить меня во грех.
Душистая столовка,
«Смирновка» и лапша...
Болит, болит головка,
горит, горит душа!*

II.

*Вся эта шушера и дрянь,
вся дзынь! — с хотеньями благими —
уйдет, когда наступит рань:
в лучах рассветных схлынет-сгинет!*

*Все эти квелые умы,
вся эта сфера, свара, свора,
все эти серенькие «мы»
останутся за косогором!*

*Все эти смутные «не те»,
все эти рыльца, хлопцы-братцы —
как плоть гнилая в кислоте, —
с приходом солнца растворятся!*

==

*Сквозь трещины раздавленных очков
смотрю наружу протрезвевшим взором*

и вижу мир — без Бога, без оков,
без пут морали, под пятою вора.

И начинаю тихо завывать!
Собрать бы рать и двинуть на вражину!
Но... не отпустит теплая кровать,
не распрямить надломленную спину.

И тут я вспомнил музыку ничью.
Достав словарик из сердечной ниши,
поколдовал — и песенку пою!
Пусть мир оглох...
Но Вседержитель слышит!

СТАНЦИЯ ЛЕВАШЕВО

Две рябины. Жизнь — свирепа.
Разум — бестолков.
Матерясь, рисует Небо
Миша Кулаков.
Он снимает здесь пристройку,
будку, чтобы мочь!
Он художник. Он попойку
сочинял всю ночь.
Мир расшатан. Холст изжён.
Искренность — игра.
Левашево Блевашевым
обозвал вчера.
Он желает мзды, успеха,
женщины без числа.
Он в Италию уехал.
Да и нам пора.
Только мы — семья большая:
Доля, Русь, Христос —
все сидим, не уезжаем,
теребим вопрос:
поклоняться нам желудку
или — красоте?
На кого оставить будку
и рябины... те?

ИЗ «ВЕНКА ЕСЕНИНУ»

Не молнии штришок,
не взрыв, тряхнувший земь,
а... юноша пришел
и улыбнулся всем!

Среди двупольх льдин,
ввергающих в озноб,
оставшийся один
огня овсяный сноп!

*Вокруг — крушение вер
и обновленья смрад,
гнилая «Англетер»,
холодный Ленинград.*

*За окнами был лед.
И потолок был бел.
...Сражен, как птица, влет.
Но песнь свою допел.*

ТЕРИОКИ

*Там, где простор ветрам,
где шелестит шоссе,
есть белогрудый храм
в немеркнувшей красе!*

*Там я встречал не раз
Финляндию Мечты,
и вспыхивал, и гас,
как в засуху цветы!*

*Там, где ворчал залив,
где млели валуны, —
как юный бог соплив,
я жаждал ласк — чухны!*

*Там, на холме судьбы,
ничья, как сосен шум,
движения скупы,
трезвы глаза и ум —*

*как куколка в платке,
она влеклась легко!..
А в солнечном ларьке
прохладное пиво.*

ПЛОТНИК

*Он присядет на бревнышко-матицу,
пригласит на беседу жену.
«— В мою душу ты вносишь сумятицу!
Не обнимешь — топорик воткну!»*

*А жена — белозубая молния —
хохочет, будто в мае гроза!
«— Ах, ты, чурка!» — раскатисто молвила,
и прошла по бревну, егоза.*

≡

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце!»
К. БАЛЬМОНТ

*Глаза проплаканы до дыр.
Спросила, пряча мудрость вдовью:
«— Зачем пришли вы в этот мир?»
И я ответил: «За любовью».*

*Отворотясь, скривила рот,
и мямлит с поткой назиданья:
«— А что — любовь, коли не спорт?!»
И я ответил: «Состраданье».*

*Потом спросила, не тая
тревоги: «— С кем ты? В смысле строгом?
Ты — с Музой?! Что ж... А с кем же — я?»
И я ответил: «С Богом, с Богом».*

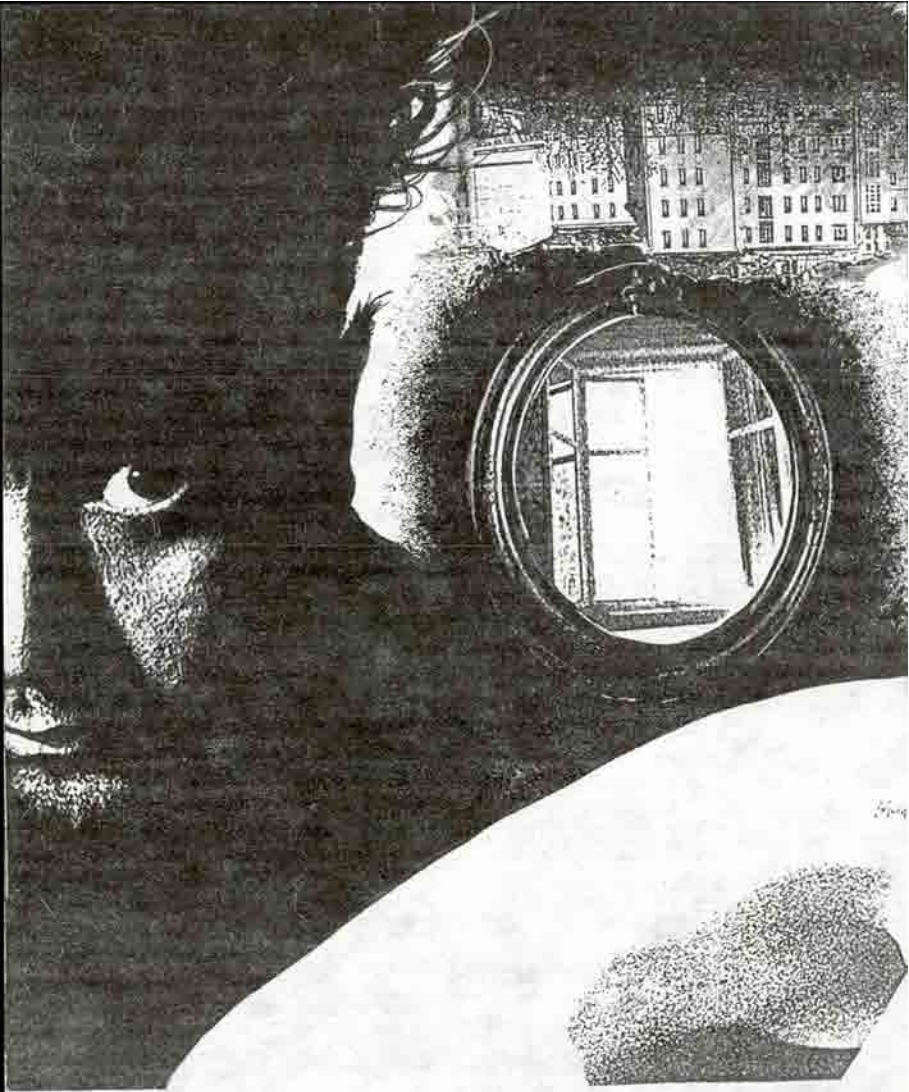
Дорогие читатели!

Несмотря на быстрый рост цен на все и вся, редколлегия журнала решила не увеличивать подписную цену издания в первом полугодии 1996 года, то есть в Каталоге «Роспечати» она остается прежней — 5900 рублей за номер. Конечно, мы рискуем, ибо истинных темпов инфляции не могут предсказать ни экономисты, ни финансисты, а бумага и полиграфические услуги постоянно дорожают. Но, поверьте, риск этот продиктован заботой прежде всего о ваших, дорогие читатели, интересах. Мы отлично знаем ваши материальные возможности, знаем, как трудно вам отказаться от подписки на любимый журнал, и потому надеемся, что вы останетесь с нами и в будущем году.

Москвичей и жителей Подмосковья, желающих и впрямь читать наш журнал, но не имеющих возможности платить немалые деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, мы призываем: приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. Кроме экономии своих средств, вы получите еще одно удовольствие — пообщаетесь с нами, теми, кто ежедневно старается сделать журнал «Смена» интересным и занимательным.

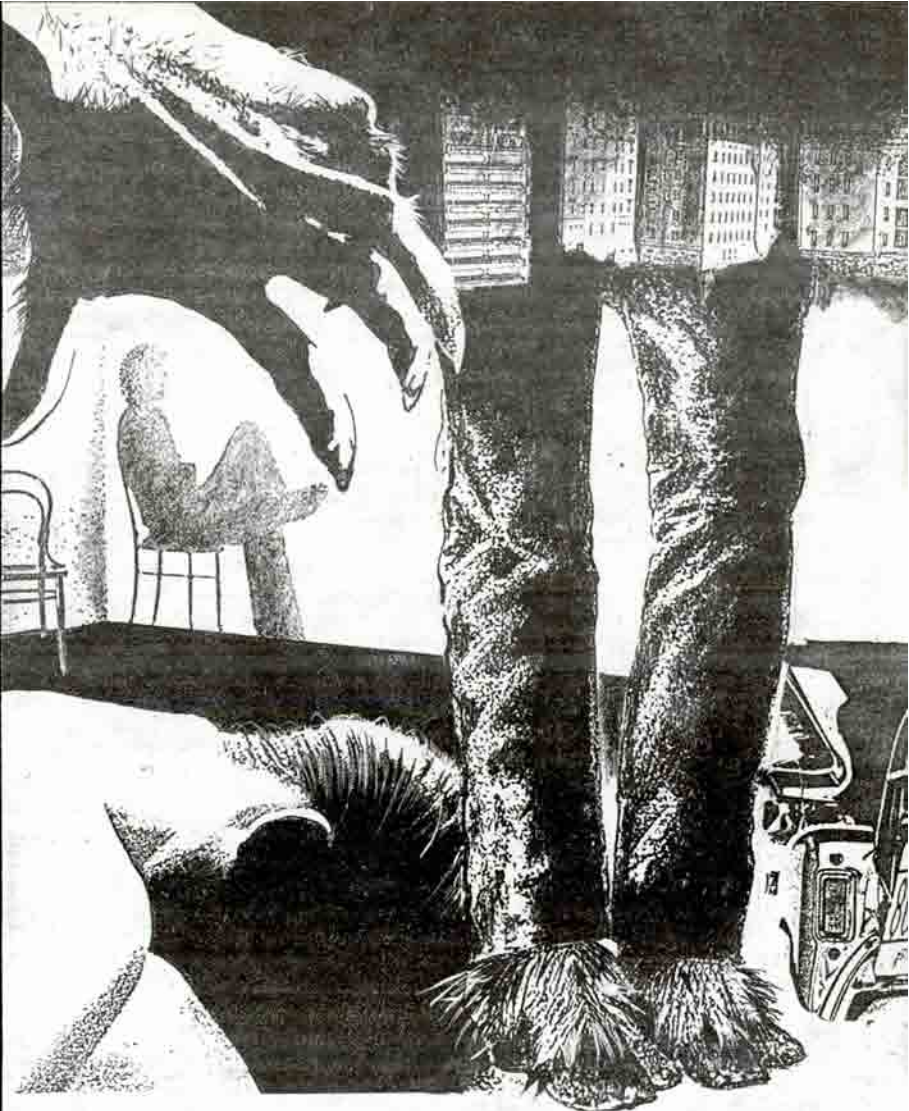
Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

212-15-07, 250-49-98

ХРОМОЙ БЕС

ОЛЕГ СУВОРОВ

В МОСКВЕ

РИСУНОК ВИТА МАРХЛЕВСКОГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Первым о похождениях Хромого Беса поведал миру испанский писатель шестнадцатого-семнадцатого веков Луис-Велес де Гевара. Это был классический плутовской роман, начинавшийся с того, что подгулявший мадридский студент волею случая освобождал из заточения одного из самых известных представителей потусторонних сил — Асмодея, известного также под именами Купидон, Амур и Эрот, то есть, проще говоря, бога любви. Однако, выбравшись из бутылки, в которую его заточил некий таинственный маг и чародей, он предстал перед читателями и студентом отнюдь не в облике пухлого, розового младенца с крылышками и луком, а как хромой, козлиноподобный уродец — остроумный и циничный негодяй, если и не всемогущий, то всезнающий. В благодарность за свое освобождение Хромой Бес устроил студенту веселую жизнь, полную попок и приключений.

Спустя полвека, в 1707 году, французский писатель Ален-Рене Лесажа позаимствовал у своего испанского коллеги сюжетную фабулу и создал собственного «Хромого Беса». И вновь Асмодей, перенеся освободившего его студента на самую высокую башню Мадрида, мановением руки снял крыши со всех домов и показал своему освободителю современную жизнь, давая при этом самые откровенные и остроумные комментарии. Эта небольшая, но изумительная по изяществу литературного стиля повесть требовала явного продолжения, поскольку во все времена были и есть студенты, уделяющие гораздо больше времени поиску приключений, чем знаний; ну а дьявольский нрав бога любви сидит в каждом из нас, кто хоть немного знаком с такой вещью, как романтика.

«Хромой Бес» Лесажа заканчивался тем, что маг и чародей, обнаружив пропажу своего пленника, который к тому времени уже успел устроить личную жизнь студента, призвал его к себе, и Хромой Бес исчезал, не в силах противостоять могучим заклинаниям. Никому не известно, что происходило с ним за последние триста лет — то ли он просто сидел в очередной бутылке, то ли обдeldывал свои многочисленные делишки, создавая сюжеты для бесчисленных любовных историй; однако о его внезапном появлении в Москве я могу достоверно сообщить следующее...

Глава 1. НОЧНОЕ ПОХИЩЕНИЕ САКВОЯЖА, ИЛИ ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ ХРОМОГО БЕСА

Чего только не происходит холодными осенними вечерами в славном городе Москве, когда достопочтенные горожане уже сидят перед экранами телевизоров, предоставив опустевшие улицы во власть крутых мафиозных разборок да милицейских патрулей. После закрытия метро буйство жизни продолжается

* Журнальный вариант.

лишь в ночных барах и казино, где в окружении ярко покрашенных красоток да немногословных телохранителей с туго накачанными мышцами расслабляются после трудового дня владельцы роскошных «мерседесов», по количеству которых Москва успешно догоняет ведущие столицы мира. Лишь немногие приподнявшиеся гуляки отваживаются появляться на темных улицах, пытаясь добраться домой своими заплетающимися ногами и не став при этом легкой добычей тех, кто еще только мечтает купить свой первый «мерседес».

Словом, был уже час ночи, когда из подъезда старого многоэтажного дома, расположенного в одном из переулков неподалеку от Нового Арбата, громко хлопнув дверь, выбрался типичный представитель московского студенчества Кирилл Александрович Самбулов, высокий и стройный юноша с длинными выюцимыми волосами цвета вороньего крыла и светло-русыми усами, расчесыванию которых он уделял намного больше времени, чем расчесыванию волос. Помимо усов, на своем лице, постоянно сохраняющем несколько нахальное выражение, он носил еще и то, что можно было назвать или бородкой, или недельной небритостью, но что в любом случае нравилось его сокурсницам, поскольку придавало ему вид молодого поэта. Впрочем, он таковым не являлся, хотя и учился на филологическом факультете МГУ. Наряд его описывать бесполезно, поскольку и так каждому ясно, что студент был одет в потертые синие джинсы и старую кожаную куртку со множеством молний и карманов. Кирилл Александрович Самбулов проводил время в гостях у одной своей недавней знакомой — весьма миловидной девицы не старше двадцати лет, родители которой еще с утра уехали на дачу, пообещав вернуться не раньше вечера следующего дня. Наш студент искренне рассчитывал, засидевшись за пивом до закрытия метро, получить приглашение остаться вплоть до утреннего кофе. Однако сладострастным надеждам не суждено было сбыться — Марина (так звали хозяйку его вожаделенных грез) весьма решительно выпроводила его за порог, даже не застегивая бюстгалтера, который он ухитрился расстегнуть за полчаса до этого, так и не продвинувшись ни на йоту дальше по причине, которая станет понятна из дальнейшего рассказа.

Вполголоса бормоча проклятия невыносимой загадочности женской натуры, Кирилл выбрался из переулка на Суворовский бульвар и двинулся в сторону Пушкинской площади, надеясь по хорошо освещенной Тверской добраться до Белорусского вокзала, откуда рукой подать до Лесной улицы, где жил наш студент. Но не успел он пройти и двухсот метров, как его уже ждало первое приключение.

Рядом с фасадом старинного особняка, в котором находился Музей искусств народов Востока, маячила какая-то темная фигура. Заметив мирное приближение Самбулова, незнакомец вдруг издал испуганный свист и мгновенно обратился в бегство, скрывшись из виду в какой-то подворотне. Немало озадаченный тем, что он, оказывается, тоже кого-то сумел испугать, Кирилл остановился на том самом месте, где минуту назад находился

неизвестный, и решил перекурить. Но в тот момент, когда он подносил к сигарете горящую зажигалку, ему на голову мягко плюхнулся какой-то саквояж, заставивший его мгновенно согнуть шею. Несколько испуганный, студент выронил сигарету и шараясь в сторону, однако саквояж не упал на землю, а загадочно повис в воздухе, примерно в полтора метрах от земли.

Озадаченный таким странным поведением саквояжа, студент приблизился к нему и вдруг услышал свист, раздавшийся откуда-то сверху. Подняв голову, он заметил, что одно из темных окон музея было открыто, и оттуда свешивалась веревка, на которой приплясывал саквояж, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Дальнейшие действия Самбулова было бы трудно объяснить даже ему самому, и поэтому не станем братья за эту неблагодарную задачу, а просто восстановим подлинную цепь событий. Мгновенно отвязав саквояж, студент свистнул в ответ, прижал его к груди, ощущая пленительную тяжесть содержимого, и, не чуя под собой ног, бросился бежать по улице. Только оказавшись в начале Тверского бульвара, он, окончательно запыхавшись, остановился и присел на скамейку, размышляя над тем, что делать дальше. Самым простым действием ему показалось заглянуть внутрь, что он и сделал, не без труда отомкнув металлические запоры. В саквояже оказалась старинная шкатулка, запертая на ключ, огромная цепь, на которую был подвешен круглый медальон, кубок в драгоценной оправе, толстый фолиант и — что больше всего обрадовало студента — древняя пузатая бутылка безо всяких этикеток, но зато запечатанная сургучной печатью.

— Прекрасно, — пробормотал он, — выпивка у меня есть, теперь поищем закуску.

Достав из внутреннего кармана куртки половину обернутого в кожуру банана, он приступил к распечатыванию бутылки, что оказалось совсем несложным делом для человека, привыкшего открывать пивные пробки собственными зубами. Старинный сургуч не выдержал напора молодых зубов студента и раскрошился, пробка была вытащена спустя несколько мгновений, но вот дальше началось то, что хорошо знакомо всем любителям арабских сказок и читателям предыдущих приключений Хромого Беса. Из бутылки мгновенно повалил густой белый дым, а испуганный студент, вспомнив из занятий по гражданской обороне об отравляющем газе, отбросил ее в сторону и поспешно укрылся за скамейкой, закрывая нос и рот платком не первой свежести.

— Добрый вечер, сеньор студент, — неожиданно раздался приятный, с легкой хрипотцой голос, и Самбулов, приподняв голову над спинкой скамейки, увидел перед собой странную фигуру, одетую в элегантный белый костюм и черный свитер, высокий ворот которого заканчивался под острым козлиным подбородком. Человек опирался на толстую инкрустированную трость с каким-то загадочным набалдашником, однако, взглянув в лицо незнакомца, Самбулов сильно засомневался в том, что перед ним

именно человек, хотя из-за черного цвета кожи поначалу принял его за негра. Но эти фантастические рыжие усы над огромными, уродливыми губами; эти inferнальные глаза, сияющие неестественно красноватым огнем, как глаза Терминатора; эти странные кисти рук, похожие на руки вампиров! Голова незнакомца была украшена красным тюрбаном, что-то явно скрывавшим под своей парчовой тканью, а ноги обуты в элегантные американские сапоги на высоких каблуках, казавшихся совсем не каблуками, а копытами.

— Ну и ну, — вдоволь налюбовавшись на незнакомца, произнес ошарашенный Самбулов, мотая головой. — Если другие напиваются до чертиков, то я, видимо, напился до черта!

— Совершенно верно, Кирилл Александрович Самбулов, — охотно подтвердил незнакомец. — Перед вами именно черт или бес сладострастия по имени Асмодей, Купидон, Амур, Эрот — как видите, имен у меня не меньше, чем у «вора в законе». Есть еще и прозвище Хромой Бес, коим я обязан воображению двух писателей, которых вы, к моему величайшему сожалению, не читали, иначе не смотрели бы на меня с таким удивлением.

— Да уж, изю всех чертей мне знаком только Воланд и вся его свита, — икнув, согласился студент. — Но будь я проклят, если вы хоть немного похожи на бога любви, поскольку он всегда представлялся мне в виде лукавого младенца или отъявленного красавца из Голливуда, но никак не в облике...

— *Bella in vista spesso e' trista* (Наружность обманчива. — *Итал.*) — вздохнул Асмодей. — А любовь — это самое злое дело, поскольку из-за нее пострадало больше людей, чем во всех пятнадцати тысячах войн, которыми развлекалось человечество на протяжении пяти тысячелетий.

— Ну и ну, — покачал головой Самбулов. Он изучал итальянский и потому понял поговорку, приведенную Хромым Бесом. — Однако какого черта... впрочем, простите, я хотел спросить, что вам от меня нужно?

— То, что мне от вас было нужно, вы уже сделали, — улыбаясь, произнес Асмодей, — поскольку выпустили меня из бутылки, в которой я просидел не меньше двухсот лет... Так что теперь мой черед спросить вас о том, какое удовлетворение вы желаете получить за свое отважное похищение этого замечательного саквояжа.

— Прежде всего пива, — немедленно потребовал студент, — и лучше «Гессер».

Через секунду он уже вскрывал банку и блаженно прикладывался к отверстию, запрокидывая назад лохматую голову. Утолив жажду, студент закурил и, слегка прищурившись, посмотрел на своего нового знакомого, успевшего сесть рядом и теперь насвистывавшего какую-то странную мелодию.

— Ну и что у нас намечается в дальнейшей программе? — блаженно икнув, поинтересовался Самбулов.

— Двум предыдущим студентам, — охотно ответил Хромым Бес, — я демонстрировал ночную жизнь славного города Мадрида, поскольку в те времена мы находились именно там...

— Согласен! — мгновенно отреагировал Самбулов и даже

встал со скамейки.— Когда отправляемся? Сто лет не был в Мадриде...

Однако Асмодей остался сидеть на месте и лишь насмешливо посмотрел на него.

— А стоит ли отправляться так далеко, господин студент? Уверю вас, что по богатству сюжетов и разнообразных коллизий Москва сейчас самый интересный город в мире. Тем более что наблюдать за жизнью знакомых людей гораздо любопытнее... Неужели вам, например, не хочется узнать, чем сейчас занимается очаровательная Марина, которая так немилосердно выпроводила вас из своего дома полчаса назад?

— А чем она сейчас занимается? — немедленно поинтересовался Самбулов.

— Я продемонстрирую вам это через непродолжительное время, если вы примете мое предложение и соблагovolите остаться в Москве. В противном случае я вынужден буду подчиниться вашему решению и перенести вас в Мадрид. Решайте, и решайте быстрее, поскольку в данный момент к нам уже подкрадываются ограбленные вами похитители саквояжа. Меня так и подмывает сыграть с ними славную шутку, так что...

— Хорошо! — согласился студент, поднимаясь со скамьи.— Остаемся в Москве.— Про себя он в этот момент подумал о том, что, может быть, с помощью Хромого Беса ему удастся закончить эту ночь именно там, где он первоначально и собирался это сделать,— то есть в постели Марины. Хромой понял мысли студента, но не стал его разубеждать.

— Ну тогда следите за тем, что сейчас произойдет,— понизив голос, сказал он и тоже поднялся на ноги.

Прячась за скамейки и деревья, к ним все ближе подбирались две темные личности, вдохновляемые видом саквояжа, одиноко стоявшего между двумя новыми знакомыми. Самбулов испуганно попятился и спрыгнул за спину Хромого Беса, который, внезапно преобразившись в капитана милиции, решительно шагнул навстречу грабителям.

— Па-а-прашу ваши документки, граждане,— сказал он таким неузнаваемо официальным тоном, что даже студент вздрогнул от неожиданности. Оба грабителя на какой-то миг замерли на месте, затем повернулись и бросились бежать. Не успели они скрыться из виду, как невдалеке раздался скрип тормозов, а затем ночную тишину пронзил резкий милицейский свисток.

— Ну-с, теперь все в порядке,— удовлетворенно произнес Хромой Бес, поворачиваясь к Самбулову и вновь обретая свой прежний вид.— Ударяя от нас, эти недотепы угодили прямо в руки милицейского патруля, а поскольку оба давно числятся в розыске, то их дальнейшая участь предрешена на несколько лет вперед. Мы можем со спокойной совестью покинуть этот бульвар, предварительно захватив с собой наш славный саквояж. Держитесь за меня, господин студент, и — вперед!

Самбулов, мало что понимая, схватился за своего спутника и в тот же момент почувствовал, как стремительно взмывает в воздух. Ощущение было столь головокружительным, что Самбулов зажмурил глаза от страха.

Глава 2.
О ТОМ, ЧТО ХРОМОЙ БЕС СЧЕЛ НУЖНЫМ ПОКАЗАТЬ СТУДЕНТУ
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ

— Теперь можете открыть глаза, господин студент, — раздался голос Хромого Беса, и в тот же миг Самбулов почувствовал себя сидящим в каком-то кресле. Он немедленно последовал совету Асмодея и с любопытством огляделся по сторонам.

— Где это мы? — спросил он, увидев, что сидит перед огромным пультом со множеством кнопок и лампочек, над которым находится штук тридцать мониторов с погашенными экранами.

— В аппаратной телекомпании «Останкино», — охотно пояснил Бес, с удобством располагаясь в вертящемся кресле и закидывая копыто на копыто. — Я подумал, что было бы грешно не воспользоваться достижениями современной цивилизации, и, вместо того, чтобы заставлять вас дрожать от ветра на самом высоком здании этого чудного города, рассматривая жизнь современных его обитателей, предпочел перенести сюда, удалив сотрудников в кабинет редактора. Сейчас они пьют спирт, выдаваемый им для протирки аппаратуры, и обсуждают последний указ президента, который должен быть опубликован только завтра утром.

— А что это за указ? — полюбопытствовал Самбулов.

— О неукоснительном выполнении всех других указов, — отозвался Асмодей.

— Ну и что мы здесь будем делать?

— А вот что. — Бес неожиданно взмахнул рукой. В тот же момент все экраны вспыхнули, и на них появились самые разнообразные изображения. Самбулов восхищенно вскрикнул.

— Здорово! Просто глаза разбегаются. А что это?

— Благодаря мониторам мы с вами можем увидеть, что интересное происходит сейчас в некоторых московских домах. Но, чтобы вас не подавляло обилие впечатлений, я буду пояснять все происходящее. — И Асмодей ткнул пальцем в самый верхний экран. — Начнем мы, пожалуй, с той любопытной сцены.

— Где почтительный сын разговаривает со своим отцом? — уточнил Самбулов.

— Совершенно верно, — подтвердил Бес. — Только этого почтенного, седовласого господина правильнее будет назвать духовным или даже идеологическим отцом молодого человека. Когда первый из них был членом Политбюро, второй работал секретарем горкома комсомола. Благодаря кипучей энергии и молодецкому задору он сумел так успешно вложить партийные деньги в тогда еще только нарождавшиеся коммерческие структуры, что теперь регулярно делится миллионными доходами со своим благодетелем. В данный момент он как раз принес очередной куш.

— Зачем? — изумился Самбулов. — Неужели из благодарности?

— Как бы не так, — усмехнулся Асмодей. — Пожилой обладает кое-какими связями, оставшимися с прежних времен, и это позволяет молодому вести дела намного успешнее своих конку-

рентов. Так что этот «товарищ» продолжает ратовать за коммунистические идеалы, получая немалые отчисления от капиталистической прибыли.

— Неплохо разбираешься в нашей политической ситуации, — иронично заметил Самбулов, развалившись в кресле и вытянув вперед ноги. — Можно подумать, что, сидя в своей бутылке, ты выписывал все современные газеты.

— У нас, чертей, несколько иные источники информации. Кроме того, кому же, как не мне, разбираться в бесовщине.

— А что ты называешь бесовщиной?

— Желание выдать свои личные интересы за интересы всех и каждого, — добродушно пояснил Асмодей. — Но я рад, что мы уже перешли на «ты», и теперь хочу обратить твое внимание на следующий сюжет. Ты можешь увидеть офицера, договаривающегося с очередным покупателем о продаже партии противопехотных мин. Этот достойный воин готов продать все что угодно, лишь бы платили в иностранной валюте. Недавно он ухитрился совершить очень выгодную сделку — продать представителям одного из враждующих кавказских кланов целый танк, а представителям другого — несколько противотанковых ракет. Когда его арестуют, то на суде он будет подробно живописать бедственное положение своей семьи, состоящей из жены и двоих детей. И при этом ему поверят, поскольку всю валюту он тратит на дорогих шлюх, отдавая дань неумемному темпераменту.

— Но зачем его покупателю понадобились противопехотные мины? — перебил студент.

— В качестве противоугонного устройства. После того, как у него в очередной раз угнали новенькую машину, этот предприниматель из Тамбова перестал доверять самым современным сигнальным устройствам и решил установить несколько мин возле своего гаража.

— Веселенькое дело! — со смехом воскликнул Самбулов. — И теперь каждый раз, когда ему понадобится машина, он будет входить в собственный гараж с миноискателем?

— Нет, просто он будет ездить на работу на велосипеде, — заметил Асмодей. — О забавной суматохе, которая изображена на следующем экране, стоит рассказать чуть-чуть поподробнее. Жил да был один весьма посредственный поэт, который долгое время бомбардировал всевозможные редакции пухлыми рукописями своих сочинений, всегда и всюду получая одни только отказы на стандартных редакционных бланках. Наконец ему это надоело, и он решил стать брокером, чтобы заработать денег на издание собственной книги. Однако дела у него пошли настолько успешно, что он сумел купить целый журнал — один из тех, которые так упорно не хотели его печатать. И вот вчера главный редактор этого журнала получил официальное письмо от своего нового владельца о том, что «вся ваша сволочная редакция будет немедленно уволена за профессиональную непригодность, если из общего потока рукописей вы не сумеете отобрать то, что я прислал вам под псевдонимом». В данный момент ты можешь видеть, как эти несчастные, задержавшись допоздна в помещении редакции, отчаянно роются в рукописях, пытаясь угадать,

какие же именно стихи прислал их новый хозяин. А поскольку, как я уже говорил, поэт он довольно посредственный, хотя и считает себя гениальным, их положению не позавидуешь.

— А кто тот молодой человек с пышной шевелюрой, который сидит за столом и что-то усердно записывает? — спросил Самбулов, указывая пальцем на очередной экран. — Тоже поэт?

— Нет, — лукаво усмехнулся Асмодей. — Незадачливый любовник, заносающий в дневник свое сегодняшнее приключение, разбившее ему сердце. Дело в том, что он целый год усердно ухаживал за одной красивой и добродетельной девушкой, которая не позволяла ему никаких вольностей, но и не слишком его отталкивала, охотно принимая все подношения. Наконец после решительного объяснения, произошедшего два дня назад, красотка согласилась выйти за него замуж. Наш герой был на седьмом небе от счастья и в тот же день приобрел обручальные кольца. А сегодня, решив воспользоваться правами жениха, он посетил свою возлюбленную без предварительного звонка. Дверь ему открыла полуслепая и полуглухая старуха — бабушка его невесты.

— Наташа спит, — только и успела прошамкать она неожиданному визитеру, на что тот, нимало не смущаясь, осторожно вошел в комнату к своей красотке. Приблизившись к постели, счастливый жених воспользовался случаем и нежно поцеловал в губы свою невесту. Девушка пошевелилась и, не открывая глаз, томно воскликнула:

— Отстань, Андрей, мне сегодня нельзя!

Возмутившись таким вероломством, наш герой, которого звали Михаилом, решил немедленно отказаться от свадьбы и покинул квартиру. Выходя из дверей, он столкнулся с Андреем, поднимающимся по лестнице, и с горькой иронией сказал ему:

— Напрасно торопишься, приятель, ей сегодня нельзя.

На соседнем экране можно увидеть взволнованного человека. Вот он зажигает ночник и усаживается на постели, в то время как жена, судя по всему, собирается накапать ему валерьянки. У него важная причина быть взволнованным. Этого человека сегодня расстреляли.

— Кто? — изумился студент. — Мафия? На него было покушение?

— Нет, — покачал головой Асмодей. — Все гораздо фантастичнее. Он работает главным бухгалтером в одной частной фирме. И вот недавно допустил существенную ошибку в расчетах, из-за которой фирма понесла приличные убытки. Велико же было его изумление, когда сегодня на работе ему предъявили приказ, оформленный по всем правилам и подписанный генеральным директором фирмы — весьма циничным молодым господином из так называемых «новых русских». В этом приказе объявлялось, что за допущенный просчет нашего бухгалтера расстреляют — причем приводилась фамилия исполнителя, назначались время и место казни. Сначала бухгалтер подумал, что это какая-то нелепая шутка, однако точно в назначенный час за ним явились два «крутых» молодых человека, взяли под белые руки и повели в какой-то двор. Поставив несчастного к стенке, ему еще раз

зачитали приговор и предложили выразить последнее желание. Бухгалтер упал на колени и принялся умолять о пощаде. Тем не менее казнь была доведена до конца — в него выстрелили из газового пистолета, после чего он потерял сознание — причем не столько от вдыхания газа, сколько от страха. Через некоторое время он очнулся, вышел на улицу и с трудом добрался до дома. Жена пришла в ужас и предложила заявить в милицию, но наш бухгалтер наотрез отказался, полагая, что тогда казнь могут повторить, — и на этот раз пистолет уже будет не газовым.

— Ну и дела! — изумленно молвил Самбулов. — И такие люди создают новую российскую экономику!

— Эта фирма занимается перепродажей сырья за границу, а потому, можно сказать, паразитирует на развале старой, — уточнил Хромой Бес. — Ага, вон там я вижу не менее забавный эпизод: отец пытается выпороть своего великовозрастного сына, но бедный малютка, под два метра ростом, никак не дается. Сейчас они, того и гляди, вступят в рукопашную, и неизвестно еще, кто кого одолеет.

— А что у них произошло? — поинтересовался студент.

— Все очень просто, — улыбнулся Асмодей. — Этот девятиклассник своим физическим развитием значительно обогнал развитие умственное, а потому его любимым развлечением являются всевозможные звонки по телефону. Сегодня днем, например, он набирал случайные номера и, наткнувшись на мужской голос, говорил следующее:

— Алло, вам звонят из ателье индивидуального пошива презервативов. Почему вы не приезжаете на первую примерку?

К несчастью, сей достойный юноша забыл о наличии такой вещи, как определитель номера, и был весьма удивлен, когда вечером его отцу позвонил один из абонентов и рассказал о дневных проделках сына. И вот теперь, как видишь, воспитательный процесс в самом разгаре.

— Как все-таки много в Москве миллионеров! — неожиданно воскликнул Самбулов и ткнул пальцем в очередной экран. — Какую кучу деньжищ пересчитывает вон тот плюгавый мужичок и какая красивая у него жена!

— Это любовница, — уточнил Асмодей и добавил: — А сам мужичок — отъявленный прохвост, создатель очередного «финансового концерна», который, как было сказано в рекламе, принимал вклады от населения на условиях совершенно бешеных годовых процентов. Завтра он обратит полученные рубли в доллары и немедленно отправится в Ниццу.

— А обманутые им бедолаги будут собираться на митинги и требовать наказания виновных, — заметил Самбулов.

— Что делать! Все любители легких денег неизбежно подвергаются большому риску, но только в России они требуют каких-то гарантий от государства, которое так долго вело их по жизни, что теперь они просто разучились ходить. Да и сам мошенник решил пуститься в свою авантюру лишь после того, как целый год ходил без работы. Его никому не нужный НИИ, в котором он славился как лучший специалист по кроссвордам и преферансу, был ликвидирован...

— А почему на многих экранах мелькают какие-то странные, разноцветные изображения, похожие на диснеевские мультфильмы? — спросил Самбулов, и Хромой Бес охотно удовлетворил его любопытство.

— Сейчас уже поздняя ночь, и на этих экранах воспроизведены сны. Если хочешь, я расскажу тебе об одном из них.

— Конечно, — немедленно откликнулся студент.

— Видишь того мужчину, который беспокойно ворочается на постели?

— Но он же не спит!

— Ему самому тоже так кажется, хотя на самом деле это именно сон. Этот человек — философ, изучающий проблемы сна, и он так долго не мог заснуть, размышляя над проблемами засыпания, что теперь, когда по-настоящему спит, ему снится, что он все еще не может заснуть и мучается от этого. Проснувшись, наш философ немедленно сядет за диссертацию, ну а мы наконец посмотрим, чем сейчас занимается Марина, тем более что она совсем не спит.

Вспыхнул еще один экран, и Самбулов даже застонал от ярости, увидев то, что так долго хотел увидеть.

— Чертова шлюха! И какой же я идиот! — воскликнул он, изо всех сил дергая себя за пышные кудри. — Так вот почему она меня выпроводила!

— Обычное дело, — невозмутимо заметил Асмодей. — Пока порядочные девушки корчат из себя недотрог, непорядочные вынуждены трудиться в три смены.

— Но ведь она же уверяла, что я ей нравлюсь!

— И ты действительно нравишься, просто деньги ей нравятся еще больше. Обрати лучше внимание на другого бедолагу, который вчера тоже пострадал из-за своего темперамента. Он никак не может заснуть и с нетерпением дожидается утра, чтобы отправиться к своей даме с извинениями.

— А что он ей такого сказал? — поинтересовался Самбулов, понемногу приходя в себя.

— Я могу воспроизвести их диалог дословно, чтобы не утратить ни одного комического оттенка.

«А не встретиться ли нам, милая Ирина?» — спросил по телефону молодой джентльмен.

«Встретиться, — охотно согласилась Ирина. — Но где и когда?»

«В полночь, под одеялом», — заявил он, очень довольный своей шуткой, которая, к сожалению, была воспринята его дамой абсолютно всерьез.

«Прежде, чем говорить, что думаешь, думай, что говоришь», — холодно заявила Ирина и немедленно повесила трубку.

— Еще одна недотрога? — усмехнулся Самбулов.

— Отнюдь нет. Ирина относится к числу тех дам, которым мужчина должен предлагать зайти к себе в гости только на чашку кофе — и тогда она, немного поломавшись, охотно согласится. Но не дай Бог предложить ей зайти в гости с определенной целью. Хорошо, если все ограничится только пощечиной...

— Странно... — пробормотал Самбулов. — Но почему?

— Таковы правила любовной игры, которые установил для

себя этот тип женщин, — пояснил Асмодей. — И это замечательно! Ведь сколько комических историй возникает из-за того, что с женщинами одного типа обращаются так, как этого требуют женщины совсем другого типа.

— Постой-ка, вон там, на последнем экране, я вижу какой-то фантастический сон!

— О, этот сон снится одному популярному политическому деятелю, который сделал свою карьеру на том, что всегда и всем все обещал. В данный момент ему снится, что он обещает дьяволу справиться с Господом Богом, если только дьявол поможет ему стать президентом. Однако я вижу, что большинство экранов уже погасло, — заметил Асмодей, — а это означает, что началась стадия сна без сновидений. Если ты не слишком устал, я могу рассказать тебе историю своего появления в Москве.

— Если у меня будет пиво, то я смогу вытерпеть и не одну из твоих историй, — довольно бодрым голосом отозвался Самбулов, и в тот же миг перед ним возникли несколько банок «Гессера» и две большие ароматные воблы. Пока студент возился с чешуей, Хромой Бес начал рассказ.

Глава 3. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ХРОМОГО БЕСА В МОСКВЕ, ИЛИ КОНЕЦ ЭПОХИ ВАЛЬСОВ

78 — Поскольку история моего появления в России неразрывно связана с историей возникновения вальса, — заговорил Асмодей, — постольку ее уместно начать с 1787 года, когда при императорском дворе в Вене был объявлен конкурс на лучшую оперу. Среди представленных произведений была и опера Моцарта «Свадьба Фигаро», однако, как это ни странно, первое место и главный приз — тот самый медальон, который находится в похищенном тобой саквояже, — получил не он, а испанский композитор Мартин-и-Солера. Опера называлась «Редкая вещь», и в финале второго действия там танцевали четыре сказочных персонажа. Легкая, сладострастная, запоминающаяся мелодия их танца настолько понравилась членам жюри, что послужила основой для музыкальной победы испанца над своим гениальным противником. Случайно получилось так, что один из этих персонажей носил имя Вальс, и именно его имя стало названием для новой музыкальной моды, которая вскоре охватила весь мир. Впрочем, лиризм, изящество и неисправимая веселость вальса в некоторых странах несподручили для его преследования. Например, он был запрещен в России в период правления Павла I и во Франции во времена Революции. Причем и в том, и в другом случае причина запрета была очень сходной — «поскольку сей танец является верхом непристойности и скабрзности».

Однако вернемся к Мартину-и-Солере. После своей победы над Моцартом он получил приглашение от Екатерины II приехать в Россию и стать ее придворным композитором. Собираясь в далекий Петербург, он и захватил с собой вещи,

которые находились или находятся все в том же саквояже. Кроме медальона, здесь была и бутылка, в которой я томился с того самого момента, когда вынужден был покинуть мадридского студента дона Клеофаса-Леандро-Переса Самбульо и вернуться к своему повелителю — могущественному магу и чародею. Проклятый старик не замедлил уцепь меня обратно в сосуд, простоявший в его лаборатории вплоть до смерти самого чародея, последовавшей в результате неосторожного обращения с потусторонними силами. Один из его наследников — а им и был Мартин-и-Солера — заинтересовался моей бутылкой и решил взять ее с собой. Таким образом в чемадане этого композитора я и пересек границу Российской Империи.

— А какова история кубка, фолианта и шкатулки? — не удержался от вопроса Кирилл, поглядывая на саквояж.

— Кубок принадлежал самому Моцарту, — ответил Хромой Бес. — И был подарен им Мартину-и-Солере во время дружеского обеда, устроенного испанцем после неожиданной победы. Фактически он является символом того, что даже гении могут терпеть поражения, и «Non v'ha regola senza eszezione» (Нет правил без исключений. — *Итал.*). Сам победитель, разумеется, воспринял этот кубок как знак своего превосходства над австрийским коллегой. Об истории фолианта и шкатулки я расскажу несколько позже, а теперь вернемся в Вену начала девятнадцатого века. Итак, два молодых, бедных, но весьма честолюбивых музыканта снимают на двоих одну небольшую мансарду. Первого зовут Йозеф Ланнер, и он известен теперь только историкам музыки как один из создателей венского вальса; а второго — Йоганн Штраус. Поскольку ему суждено было прославиться не только как композитору, но и как родителю гениального сына, постольку к его фамилии стали потом добавлять слово «отец», больше похожее на титул. Впрочем, в 1820 году он еще не только не был отцом, но даже не помышлял о женитьбе, предпочитая приставать к хорошеньким горничным и проводить время в веселых попойках, заканчивавшихся разными проказами. Однажды два этих молодых прохвоста ухитрились поменять ночью вывески похоронного бюро и булочной. В другой раз они похитили ночной колпак и халат и обрядили в него бронзовую статую императора. Ну а привязывание карет к фонарным столбам, пока извозчики спали на козлах, считалось настолько заурядным делом, что они занимались этим только тогда, когда не могли придумать ничего более оригинального.

Оба музыканта были настолько бедны, что в один прекрасный день у них на двоих осталась всего одна рубашка. Поэтому один из них выходил на прогулку в плотно застегнутом сюртуке, надегом прямо на голое тело. Единственным средством заработка были выступления с оркестром, составленным из таких же молодых шалопаев, по разным кафе и трактирам. Поскольку посетители таких кафе предпочитали легкую, танцевальную музыку, сначала Ланнер, а за ним и Штраус стали сочинять собственные вальсы; пользовавшиеся большим успехом. Свой оркестр они называли «Променад-концерт» и вскоре завоевали

такую популярность, что начали выступать в знаменитом венском увеселительном парке Пратер.

Но тут между ними возник первый конфликт, причиной которого стала Анна Штрейм — пухлая и розовощекая дочь владельца трактира «У пылающего петуха». Почему оба молодых композитора влюбились именно в нее? Да потому, что без любовных конфликтов ни жизнь, ни искусство не представляли бы ни малейшего интереса. Среди всех бесов преисподней именно я отвечаю за наличие подобных конфликтов, и благодаря богатству моей фантазии ни жизнь, ни искусство не оскудевают.

Из двух молодых людей дочь трактирщика предпочла более привлекательного — Иоганна Штрауса, высокого смуглого красавца с пышной копной черных кудрей. Ланнер же был худым, сутулым и рыжеватым, с лицом заурядного венского чиновника. Однако страсти в его душе бушевали нешуточные, и доказательством тому послужили все последующие события.

После бурного разговора, во время которого Штраус заявил о том, что уже получил согласие Анны и в скором времени состоится их свадьба, два бывших друга приняли решение разделить оркестр на два. Причем поделить решили и два основных трактира, где они наиболее часто выступали. Штраусу, как будущему зятю, достался трактир «У пылающего петуха», Ланнеру — «Черный козел». Во время последнего совместного выступления, состоявшегося именно в «Петухе», между обоими музыкантами произошла бешеная ссора, переросшая в потасовку. И хотя большинству из присутствующих была ясна подлинная причина всего этого, началом драки послужил спор обоих композиторов на тему того, каким быть вальсу. Уже давно вся музыкальная Вена заметила различия между вальсами Ланнера — легкими и сентиментальными, и вальсами Штрауса — страстными и импульсивными.

— От вальсов должен исходить аромат фиалок! — патетично заявил Ланнер, взобравшись на стол с бокалом в руке.

— Нет, вальсы должны быть вкусны, как штрудель с изюмом! — горячо прервал его Штраус, пытаясь взобраться на тот же стол и спихнуть своего соперника.

Недолго думая, Ланнер выплеснул в лицо сопернику содержимое своего бокала, в ответ на что разъяренный Штраус — а дело происходило на глазах его невесты — схватил Ланнера за ноги и с размаху кинул на пол. В тот же момент он получил удар скрипичным футляром по голове — это последователь Ланнера вступился за своего кумира, а еще через минуту оба оркестра бросились друг на друга, и завязалась схватка. Разнять их удалось лишь с помощью большого отряда полиции.

Дальнейшая судьба Ланнера достаточно трагична — неудача в личной жизни и зависть к счастью бывшего друга привели к тому, что он забросил музыку, начал спиваться и умер, не дожив до сорока двух лет.

Штраус же благополучно женился на Анне Штрейм, и у них родились три сына — Иоганн, ставший «королем вальса», Йозеф и Эдуард. Их отец много и успешно гастролировал по всей Европе и порвал с концертной деятельностью лишь тогда, когда

перед началом выступления в Париже, едва успев взмахнуть смычком, упал без сознания на глазах у изумленной публики — сказалось страшное переутомление от большого количества концертов. Впрочем, отдохнув и подлечившись, он вдруг бросил жену и троих детей и женился на модистке.

К тому времени уже начала всходить звезда его сына. Первое публичное выступление Штрауса-сына произошло в венском казино Доммейера и сопровождалось оглушительным успехом. Достаточно сказать, что последний вальс по требованию публики исполнялся девятнадцать раз подряд! С этого момента Штраус-сын, продолжая дело своего отца, начинает активную концертную деятельность, которая приводит к тем же результатам — в двадцать восемь лет он заболевает от переутомления и назначается руководителем своего оркестра сначала брата Йозефа, а затем и Эдуарда.

Во время гастролей в России Штраус-сын познакомился с Марией Тымкив — юной внучкой Мартина-и-Солера, родившейся от внебрачной связи испанского композитора с украинской крепостной актрисой. Их роман был очень недолгим, точнее говоря, это был даже не роман, а короткая, но яркая страсть, в результате которой у Марии Тымкив родился сын Михаил.

Сам Штраус больше никогда в жизни не встречался с юной российской возлюбленной, а потому и не узнал о появлении на свет своего сына. У него уже было другое увлечение — популярная певица Генриетта Трефиц, старше его на целых десять лет. Тем не менее они обвенчались, когда ему было тридцать пять, а ей соответственно сорок пять. Начались несколько безоблачных лет тихого семейного счастья в уютном особняке близ Шенбрунского парка.

Вскоре скоростижно умирает любимый брат Штрауса Йозеф, причем эта смерть была подлинной смертью музыканта. Во время репетиции, из-за ошибки новой певицы, оркестр сбился с такта, и у Йозефа начался сердечный приступ. Он упал, получил сотрясение мозга и через несколько дней умер. На его похоронах Иоганн Штраус познакомился с певицей, ставшей невольной причиной смерти его брата. То была очаровательная и легкомысленная немка Ангелина Дитрих. Штраус настолько увлекся этой красавицей, что развелся со своей третьей женой и женился на Ангелине.

Во время свадебного путешествия они посетили Париж, где познакомились с блестящим дирижером бального оркестра Эриком Вальдтейфелем — он прославился и как сочинитель популярных вальсов. Иоганн Штраус с симпатией отнесся к французскому коллеге, пригласил его бывать в своем доме и неоднократно, в присутствии своей жены, похвально отзывался о его музыке. Лучше бы он этого не делал, особенно учитывая довольно значительную разницу в возрасте — ему уже было далеко за сорок, он был почти на двадцать лет старше жены и на двенадцать лет старше Вальдтейфеля.

О дальнейших событиях несложно догадаться. Как потом написала сама Ангелина, оставив Штраусу прощальную записку: «Эрик покорила меня своим бесподобным вальсом, написанным

в мою честь. Ты никогда не посвящал мне ничего подобного!» Кстати, это вальс Вальдтейфеля, который он сам назвал «Радость и горе», в России стал популярной цыганской песней — «Милая, ты услышь меня, под окном стою я с гитарой».

И только в своем пятом браке, на который Штраус решился, имея за плечами пятьдесят восемь лет бурной жизни знаменитого музыканта, он обрел наконец то, что искал. Очередная жена Адель буквально боготворила мужа и преданно заботилась о нем до самой его смерти.

Ангелина Дитрих так и не вышла замуж за Вальдтейфеля, расставшись с ним спустя два года после ухода от Штрауса. Она продолжала вести весьма легкомысленный образ жизни, но при этом души не чаяла в своей дочери, отцом которой успел стать Вальдтейфель незадолго до их окончательного разрыва. Ангелина умерла в начале двадцатого века, всего на год пережив своего знаменитого мужа. Узнав о смерти бывшей возлюбленной, Вальдтейфель решил наконец-то познакомиться с дочерью, которой к тому времени уже исполнилось двадцать два года. Он был настолько поражен красотой Беатрис, что посвятил ей один из своих вальсов, назвав его «Манола». Девушка была не только хороша собой, но обладала незаурядным голосом и музыкальными способностями. Услышав о предстоящей премьере последней оперетты Штрауса «Венская кровь», Беатрис приехала в Вену и здесь познакомилась с Эдуардом — последним из братьев Штраусов, которому к тому времени исполнилось пятьдесят два года. Эдуард был весьма незаурядной личностью и, посвяти он себя какому-нибудь другому занятию, несомненно, добился бы блестящих результатов. Но по просьбе старшего брата и по примеру среднего ему пришлось стать музыкантом и руководителем их знаменитого оркестра.

Увы, уже чувствуя, что начинает стареть, он наконец-то осознал свою главную ошибку — по сравнению с Иоганном все его собственные сочинения носили вторичный, подражательный характер, не говоря уже о том, что в них не было той пленительной легкости и запоминаемости мелодий, которыми отличались лучшие вальсы Штрауса.

Кстати, — неожиданно заметил Хромой Бес, обращаясь непосредственно к Самбулову, — обрати внимание на любопытный факт — влюбленный старик может являть собой зрелище комическое, трагическое или благородное, но никогда не отвратительное в отличие от влюбленной старухи. О чем это говорит?

— Подумаешь, загадка, — фыркнул студент, находясь после пива в блаженном состоянии духа. — Разумеется, о том, что в женщине всегда важна внешность, в то время как мужчина может заменить ее деньгами, умом, талантом...

— О мой юный мудрец! — ехидно воскликнул Асмодей. — В таком случае ответь и на второй вопрос: если главное в женщине — красота, почему же тогда так поражаются следователи, ведущие дела о преступлениях, совершенных из ревности? Ведь большинство героинь подобных преступлений имеют самую невзрачную внешность и красавицами их никак не назовешь?

Самбулов задумался и почесал лоб.

— Действительно, черт его знает почему... Надеюсь, этим упоминанием я тебя не обидел, — поспешно добавил он, вспомнив о том, кем является его собеседник.

Но Асмодей и не думал обижаться.

— А я это знаю, — заявил он. — Все дело в том, что человек влюбляется не потому, что видит перед собой совершенство, а потому, что именно в этот момент ему очень хочется влюбиться. Более того, всегда любят не конкретную личность со всеми ее пороками и достоинствами, а тот идеальный образ, который создает распаленное воображение влюбленного. Впрочем, мы несколько отвлеклись, а потому я продолжаю.

Итак, Беатрис, отличавшаяся достаточно скромным и целомудренным нравом, пыталась всячески успокоить своего немолодого поклонника, что, впрочем, ей не слишком удавалось. Не зная, как избавиться от его назойливых ухаживаний, она уже подумывала о тайном бегстве в Париж... Премьера последней оперетты Штрауса закончилась громким скандалом — ее просто освистали, а директор театра, вложивший в постановку все свои деньги, застрелился. По всей Вене ходили упорные слухи о том, что именно Эдуард был причастен к провалу оперетты своего покойного брата. Беатрис мгновенно поверила им и при первой же встрече решительно указала Эдуарду на дверь. Если бы она знала, на какой шаг толкнет своего злополучного влюбленного, то, разумеется, не стала бы это делать. Впрочем, знанием будущего не обладают даже черти.

Вечером того же дня Эдуард, впавший в отчаяние и злую решимость, договорился с владельцем одного кирпичного завода о том, что привезет к нему сжечь «кое-какие ненужные вещи». Через два часа прибыла телега с этими «ненужными вещами», и зловещее аутодафе началось. Увидев, что в его печи сжигают партитуры, написанные рукой самого Иоганна Штрауса, владелец завода встал на колени перед Эдуардом, но тот был неумолим. Так человечество лишилось подлинных рукописей самых знаменитых вальсов. А Беатрис вернулась в Париж и через некоторое время получила таинственную посылку, в которой была шкатулка с одним-единственным уцелевшим вальсом. Зачем Эдуард сделал это и что он пытался доказать? У меня есть только одно объяснение — любой из отвергнутых любовников пытается доказать своей бывшей возлюбленной, насколько она была не права. Кто-то становится знаменитостью, кто-то пускает себе пулю в лоб, кто-то заводит роман с другой. Эдуард решил пожертвовать вальсами своего великого брата...

Впрочем, эпоха вальсов уже и так подходила к концу, и, может быть, это даже символично, что последний великий вальс — «Над волнами» — был написан не в Европе, а в Мексике, никому не известным девятнадцатилетним музыкантом. Наступало столетие мировых войн, гигантских социальных экспериментов и жестокого противостояния, и это столетие относилось к изящным и лиричным вальсам, как к такому же пережитку предыдущего века, каким являлись, например, дуэли. Композиторами двадцатого века вальс использовался или как пародия,

или как стилизация, воссоздающая атмосферу века девятнадцатого. А символами современности становились все более жесткие, агрессивные и динамичные мелодии. Однако я опять отвлёкся.

Итак, началась первая мировая война. Беатрис по-прежнему жила в Париже и преподавала музыку в лицее. Когда во Францию прибыл русский экспедиционный корпус, восторгу парижан не было предела. В одном из кафе Беатрис познакомилась со стройным и черноволосым полковником русской армии, представившимся как Михаил Тымкив, тот самый сын Марии Тымкив и Иоганна Штрауса, о котором я уже упоминал. Почему двадцатидвухлетняя Беатрис отвергла пятидесятидвухлетнего Эдуарда Штрауса, а спустя восемь лет сразу же пылко влюбилась в пятидесятилетнего Михаила Тымкив? Порывы женского сердца непонятны даже черту.

Короче, они обвенчались и после войны поселились в Париже, где у них родилась дочь — Анастасия Михайловна. Полковник был очень романтичным и весьма наивным человеком, а потому, уже в тридцатые годы, когда сталинский режим пытался продемонстрировать свою «привлекательность и гуманность», решил последовать примеру своего любимого писателя Куприна и вернуться на родину. Беатрис безропотно подчинилась решению мужа, и вскоре они оказались в Москве. Все дальнейшее уже очевидно — Михаил был расстрелян как «белогвардейский офицер», а Беатрис умерла в сибирском концлагере. Их дочь, Анастасия Михайловна, сумела выжить и дожила до глубокой старости. Окна ее дома выходили на Краснопресненскую набережную, поэтому конец этой истории оказался достаточно символичным. Праправнучка Мартина-и-Солера, подарившего миру мелодию, ставшую символом целой эпохи, была убита во время октябрьских событий в Москве шальной пулей, залетевшей в ее окно. Произошло это в тот момент, когда она, чтобы заглушить звуки уличной перестрелки, поставила пластинку на свой древний проигрыватель, решив послушать любимый вальс — «Сказки Венского леса».

Глава 4. О ТОМ, КАК СТУДЕНТ С ПОМОЩЬЮ ХРОМОГО БЕСА ОТМОСТИЛ СВОЕЙ КОВАРНОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

— Однако нам уже пора двигаться дальше, — заметил Асмодей, закончив свой рассказ. — Ночь прошла, и наступает время утренних новостей, так что скоро здесь появятся сотрудники телевидения.

Кирилл уже покончил со своим пивом, поэтому согласно кивнул.

— А куда мы отправимся? — спросил он и тут, словно что-то вспомнив, мгновенно вскинул голову. — Кстати, а как там моя Марина? Я, черт возьми, хотя и не испанец, но жажду мести! Давно меня не ставили в столь глупое положение. Зачем приглашать в гости, если ждешь еще одного любовника?

— В данный момент она прощается с ним,— отозвался Хромой, с любопытством поглядывая на Самбулова.— А какого рода мечь ты бы предпочел?

— А что — есть выбор? — изумился студент.— Ну тогда огласите весь список, пожалуйста!

— Конечно, есть. Чтобы отомстить обманувшей женщине, у мужчины имеются как минимум три варианта. Во-первых, он может изменить сам, показавшись в обществе не менее красивой женщины. Во-вторых, подложить свинью своей неверной возлюбленной. Ну, и в-третьих, на ее глазах унизить своего удачливого соперника.

— На мой взгляд, предпочтительнее всего первое,— задумчиво заметил Кирилл.— Однако где ж ее взять, красивую женщину... Впрочем, я полагаюсь на твою дьявольскую изобретательность. Придумай что-нибудь забавное.

— Хорошо,— кивнул Асмодей, взяв за руку студента, и в мгновение ока они оказались на Суворовском бульваре, напротив того самого дома, где жила коварная Марина. Было около шести часов — то есть то самое время, когда поливальные машины, разъезжая по пустынным улицам, омывают интригующую свежесть городского утра. Хромой и студент уселись на скамейку и наблюдали за дверью подъезда, откуда, по словам Беса, должен был вот-вот появиться возлюбленный Марины.

— Так это его «шевроле»? — ревниво поинтересовался Самбулов, кивая на припаркованную невдалеке машину.

— Да.

— Теперь я понимаю, почему она со мной так обошлась...

— Он не очень богат. В сущности, это мелкий спекулянт, еще лет десять назад делавший деньги буквально на всем импортном, начиная от презервативов и кончая джинсами. А поскольку сейчас самые крупные состояния делаются именно на всем отечественном — от нефти до металлолома, ему, не обладающему для этого нужными связями, удастся сводить концы с концами, лишь закупая за границей третьесортный товар в ярких упаковках. Однако данному господину чертовски хочется казаться преуспевающим, и ради этого он готов даже разориться... Впрочем, настало время действовать. Сиди здесь и наблюдай за тем, что сейчас произойдет.

И, прежде чем Самбулов открыл рот, чтобы о чем-то спросить, Хромой Бес мгновенно исчез. Кирилл пожал плечами, закурил и слегка прищурился. В этот момент из подъезда вышел высокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти в белом свитере и белых брюках. Повернувшись к дому, он вскинул голову и небрежно помахал рукой. Проследив за его взглядом, Самбулов, скрытый густыми кустами, увидел стоявшую на балконе Марину — очаровательно бледную, в соблазнительном коротком халатике. Она засмеялась, что-то крикнула и помахала в ответ.

— Ну, черт подери,— ощущая бешеный приступ ревности при виде ее стройных и загорелых ног, сквозь зубы пробормотал Самбулов.— Где тот негодяй, что оставил меня любоваться этой милой сценой?

Как бы в ответ на его вопрос, откуда-то из-за угла вылетел роскошный белый «мерседес» и лихо затормозил перед самым «шевроле», едва не ткнувшись в него бампером. И Марина, и ее поклонник, в ту минуту открывавший дверцу собственной машины, и Самбулов с удивлением уставились на это неожиданное явление. Кирилл уже перестал чему-либо удивляться, но теперь даже открыл рот и протер глаза. Из «мерседеса» вылез он сам, одетый в великолепный светло-серый костюм и яркий галстук! В руках лже-Самбулов держал огромный букет алых роз, которым он приветливо помахал смотревшей сверху Марине.

— Фантастика, — присвистнул очнувшийся от изумления Кирилл. — Ай да Асмодей!

Тем временем тот небрежно захлопнул дверцу «мерседеса» и, подняв голову, крикнул оцепеневшей на балконе Марине:

— Ты уже проснулась, моя кошечка? Я иду, лечу, бегу...

— Куда это ты летишь? — сурово поинтересовался владелец «шевроле», преграждая путь лжестуденту.

— А какое твоё поросычье дело, — беззаботно ответил мнимый Самбулов и попытался пройти мимо. — Ты, кажется, собрался уезжать? Смотри, не потеряй по дороге левое заднее колесо своей развалюхи 1986 года выпуска.

— Что-о-о?

Дальше произошло самое интересное. Любовник Марины попытался нанести лже-Самбулову могучий удар в челюсть, но тот ловко увернулся и сделал мгновенное движение свободной от цветов рукой. Его соперник качнулся и стал падать, но не назад, как от удара, а вперед, прямо на лжестудента. Тот нагнулся, подставил ладонь и, приняв на нее всю тяжесть обмякшего тела противника, ловко донес его до «шевроле» и небрежно закинул на самый верх. Незадачливый бизнесмен, видимо, находившийся в каком-то странном, гипнотическом обмороке, как гигантская белая лягушка, распластался ничком на крыше собственного автомобиля, бессильно свесив вниз сжатые кулаки.

Подлинный Самбулов, наблюдавший всю эту сцену из-за кустов, чуть не заплодировал ловкости Хромого Беса. Марина ушла с балкона, и студенту оставалось только ждать своего компаньона. Впрочем, не прошло и пяти минут, как тот вновь материализовался на скамейке, приняв на этот раз свой обычный облик.

— Ну и как? — спросил он студента, небрежно закидывая ногу за ногу.

— Превосходно! — горячо ответил тот. — Я и представить себе не мог, что такое возможно. А как отнеслась к твоему появлению Марина?

— О, у нас состоялся весьма занятный разговор. Очаровательное, надо сказать, создание, способное совратить даже черта. Пока я поднимался в ее квартиру, она уже успела немного прийти в себя, однако первый же вопрос, который я услышал, был таков:

«Это действительно ты?»

«Разумеется, — как можно более снисходительным тоном ответил я. — А что тебя удивляет?»

«Откуда такая машина? Спасибо за розы. И вообще, что все это значит? Почему ты мне ничего о себе не рассказывал?» — Она самым милым образом провела меня в квартиру и поставила цветы в вазу.

«Да потому, — сказал я, усаживаясь в кресло, — что ты никогда меня ни о чем не спрашивала. А кто этот гнусный тип? Он что — провел у тебя ночь?»

Последний вопрос Марина предпочла не услышать, хотя и взглянула на меня очень кокетливо.

«Это знакомый моих родителей, который заехал кое-что передать».

«В шесть часов утра?» — усомнился я.

«Но ведь и ты приехал в это же время. Кстати, почему ты вчера ушел?»

От такого вопроса можно было бы растеряться даже черту. Я придал себе обиженный вид и заявил:

«Но ведь ты же сама меня выгнала».

«Я? — Она кокетливо надула губы. — Вот уж неправда. Ты просто сидел, пил пиво и не говорил, что тебе от меня надо...»

«А об этом надо говорить? Все мои желания, детка, давным-давно описаны в «Кама-сутре» — возмущенно заметил я, на что она так ловко пожала плечами, что ее восточный халат занятно распахнулся.

«Ну, прости, я не догадалась...»

Тут она совершенно непередаваемым образом состроила мне глазки, едва заметно кивнув в сторону спальни, где виднелась раскрытая постель... 87

— Однако! — прохрипел Самбулов, ерзая на скамейке. — Ну и что дальше?

— А дальше я вдруг вспомнил, что забыл запереть машину, и решил спуститься вниз. Ну, что теперь скажешь?

Самбулов задумчиво почесал в затылке, а затем вопросительно взглянул на Хромого Беса. Тот понял его взгляд и усмехнулся.

— Конечно, тебе сейчас хочется подняться к ней. Однако учти одно обстоятельство — мне неизвестен срок моего пребывания в Москве, поэтому мы можем расстаться в любую минуту... Итак, решай — или мы продолжаем нашу прогулку, или... Впрочем, вернуться к Марине ты сможешь и без меня, но только не позднее двенадцати часов ночи этого дня.

— Ладно, — решительно произнес студент, — черт с ней. Продолжим лучше нашу прогулку.

— Давай перенесемся в царство мертвых, — предложил Хромой Бес.

— Как это — в царство мертвых? На тот свет, что ли?

— О нет, всего-навсего на кладбище. Ведь и покойники хранят множество любопытных историй, в том числе и истории своих самоубийств. Ну что, не боишься?

— А как можно бояться того света, когда находишься рядом с его представителем? — усмехнулся Самбулов, и они полетели на восток от Москвы.

Глава 5. ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

— Н-да, скорее даже не царство, а какая-то свалка для закапывания человеческих отходов, — угрюмо заметил студент, когда они приземлились на Домодедовском кладбище. Это было огромное, пустое и унылое пространство, огороженное бетонным забором от окружающего леса, куда непрерывно привозили и торопливо, как на конвейере, хоронили покойников. Родственники вынуждены были толпиться вокруг тележек с гробами, дожидаясь, пока подойдет их очередь и будет готова новая могила. Традиционный ритуал с бросанием медных монет — и вот уже водружен очередной стандартный крест с металлической дощечкой.

— Да, не слишком приятное зрелище, — согласился Хромой Бес. — Похоже, тезис о равенстве перед смертью нашел здесь свое зримое воплощение. Всех хоронят одинаково быстро и одинаково равнодушно. Но, кстати, чтобы не привлекать внимания, я сделал нас с тобой невидимыми, поэтому можешь чувствовать себя свободно.

— А эти здоровенные гробокопатели действительно такие остроумные философы, какими их сделал Шекспир? — поинтересовался Самбулов, наблюдая за тем, как споро они зарывают очередную могилу.

— Пожалуй, нет, — задумчиво ответил Асмодей, — хотя у двоих имеется философское образование. Скорее циничные и веселые пьяницы, что, впрочем, вполне объяснимо. Работая в таком месте, нельзя обойтись без алкоголя и чувства юмора. Давай прогуляемся между рядами могил, и я расскажу о самоубийцах. Начнем вон с той могилы, где лежит пациент психоневрологического диспансера, покончивший с жизнью достаточно необычным способом, — он закинул металлический трос на провода высокого напряжения. Рядом с ним лежит старуха, отравившаяся газом в пустой квартире, после того как сын и невестка оставили ее на неделю одну. По другую сторону дорожки находится могила бомжа, перерезавшего себе вены на задворках Курского вокзала. Его труп долго не мог найти своего последнего успокоения, поскольку лежал на границе двух округов, и представители отделений милиции целую неделю по очереди перетаскивали его на участок соседей, пока он наконец не начал разлагаться...

— Ух, что-то тяжело, — покачал головой студент, — сплошная чернуха. А где же романтические любовные истории?

— Пожалуйста, — охотно откликнулся Асмодей. — Вон там, слева, ты можешь увидеть могилу восемнадцатилетнего юноши с его портретом.

— Это такой белобрысый, с простоватым взглядом?

— Да, именно он. Юнец покончил жизнь из-за несчастной любви, бросившись под пригородную электричку на глазах у изумленных приятелей. Но самое интересное в другом. Та, что отвергла его любовь, с тех пор каждый год навещает его могилу, причем каждый раз в обществе нового любовника.

— Зачем?

— Формальный предлог — чтобы возложить цветы. Но в глубине души ей ужасно льстит эта смерть, и она каждый раз притворно вздыхает и говорит очередному кавалеру: «Вот видишь, какую любовь я внушала, когда была моложе».

— Черт возьми! — возмутился Самбулов. — Я почти уверен в том, что если бы этот бедолага остался жив, она бы о нем даже не вспомнила. Покойники хороши тем, что никогда не надо едают.

— Конечно, — согласился Хромой Бес, — проще говоря, они безобиднее. А вот еще одно юное создание, только на этот раз женского пола. На редкость гордая и самолюбивая девушка, считавшая себя достойной выйти замуж за принца, а потому упорно отказывавшая влюбленному в нее молодому человеку. Он был достаточно беден и не мог предложить ей ни свадебного путешествия в Париж, ни обеспеченной жизни в будущем. Его безуспешные ухаживания продолжались целых три года. А юная красотка оставалась все так же девственно-неприступной, хотя из-за отсутствия долгожданного принца начинала все чаще впадать в меланхолию. Однажды ее поклоннику повезло, он выиграл в лотерею целую тысячу долларов.

«Я безумно тебя люблю, — сказал он своей возлюбленной. — Но не знаю, как сдвинуть наши отношения с мертвой точки. Что ты скажешь о тысяче долларов за один только час, в течение которого не будешь говорить «нет»?»

— И она согласилась? — изумился Самбулов.

— Да, хотя и не сразу, а после того, как одна из ее подруг вернулась из туристической поездки во Францию, переполненная массой впечатлений, главным из которых были «эти бесподобные парижские мужчины!». Уступив свою девственность за вышеназванную сумму, она и сама прокатилась в Париж, оставшись весьма довольной этой поездкой. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Поскольку ее возлюбленный больше не мог предложить ей подобных сумм, да и вообще заметно охладил к ней и женился на другой, она вдруг отважилась на неожиданный поступок — дала объявление в газету о том, что ищет «спонсора». На него откликнулся один внешне respectable джентльмен, оказавшийся откровенным негодяем. Однажды, когда она приехала к нему на дачу, ее ждали еще трое его друзей. Обо всем дальнейшем догадаться несложно, и через неделю бедная девушка отравилась ацетоном. Родители нашли в ее комнате две тысячи долларов, и на эти деньги поставили памятник в виде плачущего ангела, который ты можешь увидеть во втором ряду справа.

— Да, жаль девчонку, хотя она и была порядочной стервой, — задумчиво отозвался Самбулов. — А это что за чугунная ряха? — Он кивнул на могилу, над которой возвышалось надгробие в виде бронзового бюста.

— Там лежит один сталинский генерал, который застрелился после провала октябрьского путча девяносто третьего года. В своей предсмертной записке он жаловался на тяжелые времена и на

то, что уже слишком стар, чтобы дожидаться третьего переворота.

— Ну, о его смерти я жалеть не стану! Неподалеку я вижу другой бюст...

— О, это совсем другая история. В той могиле похоронен один высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел, который, вернувшись из Италии, где развлекался с юной любовницей, узнал, что его десятилетнюю дочь, в которой он души не чаял, изнасиловали и убили два молодых подонка. Одного из них удалось поймать, и тогда чиновник вошел к нему в камеру и хладнокровно застрелил, после чего тут же пустил себе пулю в лоб. Как видишь, он похоронен рядом со своей дочерью... Давай пройдем немного дальше, и я покажу тебе могилу молодого человека, который был взорван вместе с собственным автомобилем.

— Ага, значит, от самоубийств мы переходим к убийствам?

— Да, хотя это и не очень интересная тема. Слишком много людей в России умирают или от пьянства и связанных с ним бытовых преступлений, или по собственной глупости, вроде того молодого рабочего автомобильного завода, который, поспорив на ящик пива, решил переплыть Москва-реку в октябре месяце. Разумеется, у него свело ногу и он утонул. Другой рабочий пытался отпилить голову у памятника Ленину, стоявшего неподалеку от проходной, но свалился с постамента и разможил себе череп. А вот под этой мраморной стелой похоронены двое боевиков мытищинской группировки, убитых во время очередной разборки в одном из дворов в центре Москвы. Коллеги по банде соорудили на месте их гибели такой же мраморный обелиск, который ты видишь над могилой, а городские власти узнали об этом только из газет.

— А что означает вон та трогательная сцена? Молодой человек, примерно моих лет, рыдает на могиле какой-то девушки...

— О, эту историю стоит рассказать поподробнее, — оживился Асмодей, которому, по-видимому, уже надоело прогуливаться между бесконечными рядами могил. — Его зовут Алексей, он студент технологического института, но устроился по ночам подрабатывать в морге. Дежурил вдвоем с напарником, студентом-медиком, которого звали Сергей. Тот ездил за свежими трупами, а Алексей только открывал и закрывал ворота да отвечал за общую охрану территории. Морг был маленьким, точнее, это даже не морг, а холодильная камера при судебно-медицинской экспертизе.

В тот день оба студента заступили на дежурство в восемь часов вечера, и оно началось для них весьма удачно. Им тут же привезли одного солдата из строительной части, которого придавило плитой всего за два месяца до окончания службы. Предстояло запаять его в цинковый гроб и отправить на родину, в Пензу. После того, как с этим делом было покончено, и общими усилиями обоих студентов, а также двух солдат и командовавшего ими лейтенанта гроб был занесен в машину, офицер щедро расплатился, и один из студентов тут же побежал за водкой, чтобы обеспечить и себя, и напарника на все ночное дежурство.

Устроившись в комнате отдыха рядом с телефоном, они распили первую бутылку, и тут поступил очередной вызов.

«Ну вот,— сказал Сергей, зарегистрировав звонок в специальном журнале,— сейчас поступил вызов за совсем молодой девочкой, всего девятнадцать лет. Ее пытались изнасиловать, а у нее оказалось слабое сердце».

Вскоре пришла машина, и Сергей уехал. Алексей еще выпил, побродил по комнате и случайно заглянул в регистрационный журнал, где увидел знакомую фамилию — эту девушку он любил уже целый год, в глубине души надеясь уговорить ее выйти за него замуж! Можешь представить, что он почувствовал, когда понял, что она мертва и вскоре он увидит ее труп!

Через полчаса у ворот просигналила машина, и Алексей пошел открывать. Сергей подкатил носилки. Отойдя подальше, Алексей заткнул уши, чтобы не слышать, как его напарник вместе с шофером перекаладывают труп на носилки. Затем Сергей вкатил их в операционную, водитель завел мотор, а Алексей пошел закрывать ворота.

«Да... симпатичная малышка. Я ее пока не закатывал в камеру, а оставил в операционной — иди, посмотри»,— сказал Сергей.

Алексей кивнул и вошел в операционную. Ее глаза были полуоткрыты, а на лице застыло такое удивленно-обиженное детское выражение, что он заплакал...

Утром Сергей, ужаснувшись безумным взглядом своего приятеля, вывел его из странного оцепенения, в котором тот просидел всю ночь перед телом девушки. Однако это потрясение не прошло даром — Алексей решил стать монахом...

Рассказ Асмодея прервали звуки оркестра, и ему поневоле пришлось умолкнуть.

Глава 6. О СЧАСТЬЕ И УЛЫБКЕ ФОРТУНЫ

— Вот это да! — изумленно вскричал Самбулов, когда оркестр отыграл похоронный марш, и музыканты направились к выходу. — Никогда не думал, что подобное еще возможно. Почему же он тогда так рыдает, если сумел поверить, что душа его возлюбленной оказалась на небесах, где наслаждается вечным блаженством? Какой смысл верить в Бога, если это совсем не утешает?

— А утешение в Боге находят только лицемеры и фанатики, для остальных это лишь отвлечение от мрачных размышлений,— пояснил Асмодей.

— Лицемеры и фанатики?

— О да, и если тебя это интересует, я постараюсь, не сходя с этого места, обосновать свое утверждение.

— Еще бы меня не интересовали богохульные речи из уст самого черта!..

— Самые богохульные речи,— усмехнулся Бес,— ты сможешь услышать от тех, кто не верит даже в черта. Однако начнем с лицемеров. Ими я называю людей, которые отказываются

признавать одну несколько парадоксальную, но, в сущности, очевидную истину: христианское смирение и человеческая гордость — это одно и то же. Человек не может жить без гордости, поскольку гордость — это самоутверждение неповторимой ценности своего «я» перед людьми и Богом, временем и вечностью.

Правда, одни люди гордятся собственным достоинством, а другие, которых я и называю лицемерами, — достоинствами своего небесного Отца, упиваясь при этом своей ничтожностью и покорностью. Второе, кстати, намного легче первого, поскольку собственные достоинства надо не просто иметь, но еще и наглядно демонстрировать окружающим, в то время как достоинствами небесного Отца можно гордиться без всяких усилий. Сходство и отличие человеческой гордости и христианского смирения нагляднее всего можно продемонстрировать на примере любви — вершине человеческого счастья и любой религии.

Каждая религиозная конфессия гордится тем, что именно ее представители наиболее сильно и правильно любят и почитают Бога, а все остальные в этом заблуждаются. Казалось бы, странно говорить о том, что есть любовь истинная, а что любовь ложная, поскольку кто сумеет отличить одну от другой? Однако именно в этой религиозной ревности христианское смирение больше всего напоминает человеческую гордость. Христиане разных конфессий просто ревнуют друг к другу своего возлюбленного Христа, и всякий разговор о смирении кажется им неуместным. Свободные же люди лишены ревности даже к любимым женщинам, равно как и зависти — чувства унижительного и присутствующего самым ничтожным душам. Действительно, ревновать женщину — значит, не уважать в ней право на свободный выбор.

— Здесь я не согласен, — заметил Самбулов. — Мне кажется, что ревность проистекает из неудовлетворенного желания и особенно обостряется при виде того, как подобное желание удовлетворяет кто-то другой.

— Ты берешь только чувственную сторону ревности, — отметил Хромой Бес и продолжил: — Короче, все люди обречены на гордость, хотя бы они того или не хотят, поскольку это качество является стержневым для любого «я», которое всегда будет стремиться к самоутверждению. Только люди искренние гордятся своими достоинствами, а лицемеры — достоинствами Всевышнего.

— Меня интересует христианство, — перебил Беса Самбулов. — А если конкретнее, именно такой вопрос: почему всем христианским богословам так ненавистно наслаждение?

— А ведь у тебя самого готов ответ, — лукаво улыбнулся Бес.

— Да, — честно признал студент, — точнее, даже не ответ, а сразу несколько ответов, между которыми я никак не могу выбрать единственно правильный. Первый, самый простой вариант — оно им просто недоступно. Он не слишком убедителен, поскольку многие христиане могут добровольно отказываться от обладания тем, что другие люди сочли бы счастьем. Второй вариант — наслаждение ведет к рабству души и тела. Он уже более правдоподобен, тем более что рабское следование наслаж-

дению отвлекает от рабского следования Богу. Однако вопрос о том, как лучше бороться с наслаждением — отказываясь от него и подвергаясь постоянному искушению или добываясь и упокаиваясь, — кажется мне еще очень и очень спорным. Третий вариант — наслаждения играют на руку дьяволу, особенно когда переходят в излишества. Но зачем было давать в руки дьяволу столь мощное оружие? Да и какая жизнь может быть названа счастливой, если в ней нет наслаждений?

— А ты уверен в том, что счастье — это и есть наслаждение?

— В общем-то да, но с одним условием — получать его именно тогда, когда сильнее всего этого хочешь.

— А что ты скажешь о знаменитом охотнике за наслаждениями Джакомо Казанове, с которым я когда-то был лично знаком? Неужели готов согласиться с подобным отношением к жизни?

Озадаченный подобным вопросом студент надолго задумался, а затем произнес:

— Пожалуй, нет. Я читал его замечательные мемуары, и они поразили меня тем, что он постоянно увлекался мимолетными впечатлениями, стремясь любыми путями избавиться от скуки. В его жизни, как мне показалось, не было иного смысла. Более того, описывая свои бесконечные приключения и авантюры, он, если не ошибаюсь, ни разу не задался вопросом о смысле собственной жизни. Позавидовать такой судьбе легко, пожелать себе такую же — трудно.

— Прекрасно. Значит, ты сам признаешь, что счастье — это не одно только наслаждение. А что же еще?

— Не знаю... Но очень хотел бы услышать твой ответ.

— Мой ответ будет таким: счастье — это удовлетворенная гордость! Как иначе объяснить тот факт, что в погоне за счастьем люди признают только один авторитет — фортуна? Только она может осчастливить одних, не умаляя при этом гордости других. Да и как можно обижаться на то, что абсолютно непредсказуемо? Наоборот, все свои неудачи можно списать на невезение. Любой неудачник может сойти в могилу, утешаясь тем обстоятельством, что во всем виновата фортуна, хотя в этом заключается только часть истины.

— А другая часть?

— Другая часть состоит в том, что сами неудачники бывают двух видов — жалкие или гениальные. Жалкие — потому что не соответствуют обстоятельствам, гениальные — потому что обстоятельства не соответствуют им. Раз уж мы все еще находимся на кладбище, я хочу указать тебе на две могилы. В одной из них лежит талантливый изобретатель, имени которого никто не знает, хотя по сравнению с ним сам Эдисон выглядел бы лишь жалким выдумщиком. Однако государству, в котором он жил, его изобретения были не нужны. В итоге он умер непризнанным и несчастным. Во второй могиле лежит бездарный политик, который бы мог прийти к власти и, вполне возможно, облагодетельствовать свою страну, если бы у него хватило для этого решительности и силы воли. Но он испугался пойти до конца и закончил свою карьеру не на Новодевичьем, а на Домодедовском кладбище.

— Кстати,— вздохнул Самбулов,— мне здесь уже чертовски надоело. Не отправиться ли нам куда-нибудь еще?

— Разумеется,— охотно согласился Асмодей,— теперь, когда моя фантазия иссякла, выбирай сам, на что бы ты еще хотел посмотреть. А пока придеешь к какому-нибудь решению, я хочу рассказать тебе историю одного молодого человека, возмечтавшего обрести счастье, сыграв с фортуной в придуманную им самим игру. Он долго пытался найти себе девушку, в которую бы смог влюбиться сразу и навсегда, но это ему никак не удавалось. Тогда он решился на такой вариант — выдумал ее идеальный образ, назвал его вымышленным именем и обратился в Мосгорсправку за адресом, совершенно справедливо рассудив, что в восьмимиллионном городе должна же найтись хотя бы одна девушка, соответствовавшая его данным.

— И что же? — сразу заинтересовался студент.

— Ему действительно выдали адрес, по которому он немедленно отправился. Впрочем, проживавшая там особа слегка косила на один глаз и хромала из-за травмы, полученной в детстве. Тем не менее, выходя из ее подъезда, наш авантюрист сумел познакомиться с девушкой, в которую влюбился с первого взгляда... Ага! — неожиданно вскричал Асмодей.— Ведь это прекрасная идея!

— Что ты имеешь в виду?

— Во время нашей прогулки я долго размышлял над тем, что могу для тебя сделать и какую девицу надо найти, чтобы обеспечить твоё будущее. И теперь вдруг понял, что самое лучшее — это научить тебя самому искать свое счастье.

— Каким образом?

В руках Хромого Беса немедленно появился знаменитый саквояж, из которого он проворно извлек старинный фолиант. Перед изумленным Самбуловым раскрылся титульный лист, на котором была сделана надпись по-латыни.

— «Искусство обхождения с женщинами», — перевел он студенту, на что тот кисло улыбнулся.

— Какого века этот почтенный трактат?

— Пятнадцатого.

— Ну-у-у...

— Но дело совсем не в трактате. Сотрудником музея, откуда и был похищен саквояж, является отъявленный молодой ловелас. Прочитав данный трактат, он решил его несколько осовременить и сочинил собственный, который назвал «Секреты уличных знакомств». Надо сказать, я постоянно следил за тем, как у него идет работа, и оказался весьма доволен ее результатом. Тетрадь со своим трактатом он забыл в этом старинном фолианте, благодаря чему она и попала к нам в руки... Э-э, да ты, я вижу, уже совсем спишь.

Действительно, на студенте явно сказывалась бессонная ночь, поскольку он беспрестанно зевал и протирал слипающиеся глаза.

— Тогда немедленно летим к тебе домой, и, пока ты будешь пребывать в объятиях моего старого собутыльника Морфея, я прочитаю тебе сочинение этого молодого повесы.

— Но я же ничего не запомню! — слабо возразил Самбулов. — А вещица, наверное, и вправду занятная...

— Ты забываешь о моих сверхъестественных способностях, — отметил Асмодей. — Уверяю тебя, что, проснувшись, ты будешь помнить содержание этой тетради гораздо лучше, чем если бы прочитал ее наяву.

— Тогда все прекрасно, — снова зевнул Самбулов и вдруг обнаружил, что уже раздет и лежит в собственной постели.

— Теперь спи и внимай, — таинственно улыбнулся Хромой Бес и приступил к чтению.

Глава 7. СЕКРЕТЫ УЛИЧНЫХ ЗНАКОМСТВ

«Если вы красивы, как Ален Делон, обаятельны, как Жерар Филип, и самоуверенны, как Жан-Поль Бельмондо, то вам нет необходимости читать все остальное»... — начал Асмодей.

— Я ни то, ни другое и ни третье, — сонно пробормотал Самбулов. — А потому валяй дальше...

— «Однако если вы не обладаете вышеперечисленными достоинствами трех знаменитых французов и не располагаете зарплатой, позволяющей дарить автомобили, но уже приобрели и изучили «Кама-сутру», «Дар любви» и «Ветки персика», а теперь горите желанием применить свои теоретические знания на деле, то эта книга — для вас...»

— Начало забавное, — снова пробормотал студент и на этот раз заснул окончательно.

— «Ее автор, основываясь на собственном двенадцатилетнем опыте московско-петербургских уличных знакомств, решил предложить целый ряд, как ему представляется, небесполезных советов, которые могут способствовать вашим будущим успехам.

Подавляющую часть всей истории человечества интересы рода полностью преобладали над интересами личности, и малейшая самостоятельность в попытке проявить свободу выбора жестоко подавлялась, создавая множество трагедий. Переходя на современный политизированный язык, можно сказать, что уличные знакомства — это самый демократичный вид знакомств, через который личность выражает себя в самой свободной манере.

Разумеется, всегда имеется и определенный риск, который глупо было бы отрицать и который присутствует везде, где имеется свобода выбора, но этот риск уже подразумевается личной ответственностью за собственный выбор. Уличные знакомства — это интереснейшая и азартнейшая из всех придуманных человеческих игр. Точнее говоря — это первая часть той вечно живой игры, которая зовется любовью. Вторую часть можно условно назвать соблазнением, третью — техникой секса. Что касается первой части, здесь имеются свои, достаточно здравые правила, к изложению которых мы и переходим.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЗНАКОМСТВА

Параграф I. Внешний вид

Начнем с самого очевидного — чтобы успешно познакомиться, необходимо понравиться, а чтобы понравиться, надо достойно выглядеть. Оставим в покое то, что нам дано природой и что мы не в силах изменить — лицо, волосы, рост, и поговорим о том, что вполне в нашей власти, то есть об одежде. Даже если вы самоуверенно полагаетесь на свое природное обаяние, вам необходимо уделять ей достаточно внимания. Казалось бы, чтобы пользоваться успехом у женщин, надо одеваться ярко и модно, так, чтобы выделяться в любой толпе. Однако здесь есть маленькое «но», связанное с различием возрастов и вкусов. Если вы рассчитываете на успех у симпатичных и самодовольных девиц от 15-ти до 18-ти лет, можете смело повязывать яркие шейные платки, надевать модные куртки и джинсы и шеголять в кроссовках даже в двадцатиградусный мороз. Но в таком случае вам придется выдавать себя за представителя какой-нибудь из престижно-денежных профессий — от коммерсанта до рэкетира. Если же вы настроены более серьезно и надеетесь найти не легкое приключение, а любовь «на долгие года», то необходимо рассчитать все более основательно.

96

Безусловно, не стоит носить мышиные цвета, чтобы ваш внешний вид можно было бы описать знаменитой фразой из одного рассказа Зоценко — «таких по десять штук в каждом трамвае ездют». Но так же безусловно и то, что нет надобности одеваться, как председатель коммерческого банка, тем более если вы таковым не являетесь. Во всем нужна золотая середина. Вы должны быть одеты со вкусом и достаточно заметно для того, чтобы не затеряться в толпе. Но для этого нет необходимости покупать супердорогие и супермодные вещи — достаточно какой-нибудь изящно-броской детали вроде красного галстука под голубую рубашку и светлый костюм или белого шейного платка под черную. Не забудьте и о такой само собой разумеющейся вещи, что количество цветов в вашем гардеробе не должно превышать трех, а для этого помните про носки — их цвет должен гармонировать и с ботинками, и с галстуком, не говоря уже о костюме. Вообще о любом человеке можно с уверенностью сказать, что он следит за своей внешностью, взглянув на его носки. Впрочем, это уже такие детали, которые способна оценить только самая элегантная женщина, но вдруг вам повезет и вы встретите именно такую!

Не огорчайтесь, если ваши возможности не позволяют вам одеваться слишком модно и слишком дорого — обращают внимание на дороговизну надетого на вас барахла именно те девицы, для знакомства с которыми нет необходимости осваивать ваше изящное искусство — достаточно туго набитого бумажника. Заметим по этому поводу, что легче всего знакомиться летом, когда джинсы и рубашки уравнивают все слои общества, в то время как зимой дубленки и меховые шапки снова их разъединяют.

Еще одно достаточно важное замечание — по тому, как вы в дакийный момент одеты, выберите себе и объект для знаком-

ства. Если на вас строгий деловой костюм и галстук, не пытайтесь знакомиться с молоденькими девицами — шансы на успех минимальны, зато велик шанс быть обозванным «дядей». Отбросьте в сторону неподтверждаемый предрассудок, что этот контингент охотнее имеет дело с мужчинами намного старше их — таких девиц единицы, а остальные либо глупы, либо стеснительны. Когда вы выглядите солидно, ваш объект — взрослые женщины, чья разница в возрасте с вами составляет не более пяти лет.

И, наоборот, когда вы в джинсах, молодежной куртке и рубашке нараспашку, то добиться успеха у подобных дам вам удастся только в случае их давнего развода и застарелого одиночества, в противном случае вы нарветесь на холодно-снисходительный тон и фразу: «Молодой человек, у меня дома муж и ребенок».

Итак, резюмируем главное, что касается одежды, — одевайтесь согласно своим возможностям, но обязательно элегантно, заметно и со вкусом. И помните — когда вы одеты в спортивно-молодежном стиле, легче знакомиться с девицами, одетыми подобным же образом; когда же вы в деловом костюме, знакомьтесь с дамами в платьях и на высоких каблуках. «Подобное притягивается подобным» — в данном случае действует именно это правило. И уж совсем бестактно напоминать о том, что

«Ногти пусть не торчат, окаймленные черною грязью;

И ни один не глядит волос из полой ноздри;

Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью тяжкой;

И из подмышек твоих стадный не дышит козел».

(Овидий «Наука любви»)

97

Параграф 2. Самоуверенность

Гораздо более важным фактором, чем одежда, является ваша уверенность в самом себе. Максимальная ее степень — когда вы считаете себя достойным составить счастье принцессы Стефани, дочери князя Монако; минимальная — когда стесняетесь и раздумываете, прежде чем заговорить с уличной продавщицей. Чем определяется ваша самоуверенность? Успехом у женщин. Чем определяется успех у женщин? Вашей самоуверенностью. И из этого прочного круга не так-то просто выбраться. Поэтому рассмотрим для начала некоторые другие факторы, прежде всего психологические. Интроверты и меланхолики гораздо менее самоуверенны, чем экстраверты и сангвиники, так что если вы относитесь именно к первым, то вам с помощью силы воли придется исправлять то, что заложено в вас природой. Поэтому забудьте о собственной меланхолии, раз уж решили знакомиться на улицах, и вместо того, чтобы углубляться в себя, взгляните повнимательнее на окружающих.

О втором факторе самоуверенности мы уже говорили — это одежда. Человек, который хорошо выглядит и знает об этом, встречая заинтересованные женские взгляды, чувствует себя гораздо увереннее, особенно если его одежда удобна и привычна.

Но самое важное все же не это. Самоуверенность человеку придает успех в жизни, когда он знает ее смысл, занимается тем

что ему нравится, и получает за это устраивающие его деньги. И это главный фактор, от которого никуда не деться и который можно лишь замаскировать наигранной самоуверенностью или самым кондовым хамством.

Противоположные самоуверенности качества — это стеснительность и мнительность. Стеснительность надо преодолевать путем постоянных тренировок — когда вы внезапно оказываетесь в крайне неловкой ситуации. Постепенно у вас просто выработается рефлекс уверенности или иммунитет невозмутимости. Представьте себе, что в небольшой малознакомой компании, где вы чувствуете себя довольно неудобно и половину которой составляют нравящиеся вам девушки, ваш приятель, которому вы только что шепнули на ухо весьма интимное замечание о собственных желаниях в отношении одной из них, вдруг громко и со смехом повторяет его вслух. Вы бледнеете или краснеете, потеете или холодеете, но при этом ваша симпатия смеется громче всех.

Представьте себе другую ситуацию, когда вы впервые в жизни выходите на большую аудиторию, чтобы прочесть дрожащим от волнения голосом заранее приготовленную лекцию или стихи собственного сочинения, и вдруг с ужасом обнаруживаете, что стихи вы забыли, а лекцию потеряли. Можете представить, как бешено колотится сердце и прерывается голос, лепечущий какие-то жалкие оправдания?

А разве не то же самое происходит тогда, когда вы впервые пытаетесь познакомиться с одинокой девушкой в фойе театра и, дрожа от робости, помогаете ей надеть пальто, держа его трясушимися руками, отчего она никак не может попасть в рукава? Или, умирая от волнения, первый раз звоните однокурснице, чтобы пригласить ее в кино? Все это — болезнь, которой необходимо переболеть, чтобы выработать иммунитет.

Параграф 3. Настроение

Поговорим теперь о третьем необходимом условии, отсутствие которого может перечеркнуть два предыдущих. Как бы хорошо вы ни были одеты, как бы ни были уверены в себе и горды своими успехами в карьере, но, если у вас нет настроения, причем именно такого, которое удачнее всего можно назвать куражом, вы вряд ли можете рассчитывать на успех. Если вы голодны и устали после работы, если вам хочется поскорее приехать домой, принять душ, поужинать и завалиться на диван со свежими газетами, то свернуть вас с этого пути не смогут даже чары самой красивой женщины. И наоборот, если вами овладело в меру игривое настроение (ведь уличные знакомства — это именно игра!), вам хочется пообщаться, вы оживлены, веселы и остроумны, то ваш настрой вполне может перевесить два других условия. Увы, такое состояние при нашей жизни — это большая редкость, и появление его в нужное время и в нужных обстоятельствах весьма затруднительно, что ставит на грань срыва и успех вашего мероприятия.

В связи с этим возникает довольно спорный вопрос: в каком

состоянии лучше знакомиться — абсолютно трезвым или находясь в одной из немногочисленных стадий опьянения? Рассуждая теоретически, трезвое знакомство предпочтительнее и безопаснее. Но практически, когда обыденная усталость и отупение лишают нас блеска и оживления в глазах, того куража, без которого никак не обойтись, выжить бывает просто необходимо. И я беру на себя смелость утверждать, что знакомиться в легкой степени опьянения не только можно, но и должно. Трудно возражать и против знакомства в средней стадии, тем более что автору этих строк удавалось познакомиться в этом состоянии с удивительно красивыми женщинами. А какое необыкновенное чувство можно испытать, когда на следующий день ты стоишь в условленном месте, практически забыв свою ночную знакомую, и ожидаешь — кто же появится? Велики же будут твоё изумление и потаенный восторг, когда к тебе приблизится высокая, стройная и длинноногая блондинка, на которую оборачиваются мужчины и с которой вы, оказывается, уже на «ты»!

Однако знакомства в нетрезвом состоянии имеют и определенные минусы. Во-первых, вы можете с пьяных глаз познакомиться с такой дамой, на которую будет просто страшно взглянуть глазами трезвыми. Тут уж ничего не поделаешь — это издержки данного состояния, ибо, как гласит известная поговорка, «не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки». Во-вторых, можно увлечься и в погоне за понравившейся дамой (особенно если дело происходит ночью) заехать в такие дебри, из которых будет сложно и опасно выбираться обратно. А если вам предложат остаться на ночь, то это тоже таит в себе определенный риск. В-третьих, нельзя знакомиться в нетрезвом виде в людных местах и тем более в непосредственной близости от милиционера. Какая-нибудь юная дуреха может обратиться к нему за помощью или какой-нибудь здоровенный бугай, не разобравшись в ваших намерениях, «вступится» за ту даму, с которой вы вздумали заигрывать, даже если она об этом совсем не просит.

Перевешивают ли три этих опасности два главных преимущества, судить вам самим.

МЕСТО ЗНАКОМСТВА

Предметом нашего рассмотрения являются уличные знакомства — то есть знакомства максимально динамичные и одномоментные, на которые вам надо решиться в течение, в лучшем случае, нескольких остановок транспорта, в худшем — тех нескольких секунд, когда вы встретились глазами в толпе. Итак, место знакомства.

Сразу можно сказать следующее: такое место лучше специально не выбирать, оно должно быть везде и нигде. Вы должны быть готовы познакомиться там, где вам повезет встретить неотразимый взгляд. Только тогда, когда вы не будете заниматься специальными поисками, а случайно увидите подходящий объект, например, по дороге с работы, — это и будет наименее обременительный и естественный тип знакомства с наиболее интересной перспективой. У судьбы свои законы, а потому в полночь в по-

следнем троллейбусе вы можете встретить такую женщину, которую не увидите даже на конкурсе красоты. Поэтому специально места лучше не выбирать.

Впрочем, если у вас много свободного времени и вы задались целью непременно с кем-нибудь познакомиться, то можно прибегнуть к тому способу, который практиковался автором во время его двухмесячного пребывания в Петербурге. Вечером, в час пик, я спускался в метро и ездил по центральному треугольнику, образуемому станциями «Невский проспект» — «Площадь Восстания» — «Технологический институт». Заметив более или менее симпатичную женщину, я устремлялся за ней, но если по дороге встречал еще более симпатичную, то бросал преследование первой и устремлялся за второй. Путем такого перебора мне удавалось остановить свой выбор на той даме, равной которой в тот вечер уже больше не находилось и за которой я уже следовал до конца, то есть до того удобного момента, когда можно было попытаться заговорить. Самое смешное, однако, заключается в том, что этот специально придуманный способ постоянно давал сбой, а стоило просто выйти из метро и сесть в первый попавшийся троллейбус, как я увидел ту девушку, полугодовой роман с которой останется одним из лучших воспоминаний моей жизни.

Что можно сказать о знакомствах в общественном транспорте? Откровенно говоря, автор питает к этому большое отвращение. Обязательно найдутся ироничные зеваки, которые будут терроризировать и вас, и вашу даму откровенно циничными взглядами, жадно прислушиваясь чутким ухом ко всем вашим заигрываниям. В худшем случае они могут даже встрять в разговор! Кроме того, вы будете вынуждены ехать туда, куда направляется ваша дама, а она может ехать очень и очень далеко, в том числе и на вокзал, где ее ждет поезд, идущий во Владивосток, или на свидание, где ее нетерпеливо поджидает здоровенный поклонник под два метра ростом. Кроме того, вы явно продемонстрируете свою навязчивость, когда будете вынуждены сходить за ней на ее остановку и тем более следовать за ней на пересадку. А это настораживает и отталкивает, если только вам не удастся очень быстро разговориться.

Поскольку свой опыт, обобщаемый в этом трактате, автор приобрел методом проб и ошибок, именно таким, эмпирическим, путем он и вывел наиболее удачное место. Это те несколько десятков, а то и сотен метров, которые ваша дама идет в гордом одиночестве от остановки до своего дома. В этот момент она уже психологически расслаблена, и ее намного легче разговорить. Разумеется, всегда есть риск, что ее может кто-то встречать, хотя об этом, как правило, предупреждают заранее. Может случиться и так, что идти окажется совсем близко и вы успеете перекинуться лишь парой малозначительных фраз — ну что ж, и в этом случае у вас все же будет шанс задержать ее на пороге подъезда, сказав что-нибудь занимательное. Смеем вас уверить, что подавляющее большинство самых удачных знакомств происходило именно на этом отрезке — от остановки до дома, если только хватало терпения и настойчивости дожидаться того момента,

когда понравившаяся дама вступала на эту тропу. Помните, это расстояние — ваше! Мало того, что при удачном стечении обстоятельств вас могут пригласить в гости, но благодаря этому методу вы сами сможете выбрать то место, где вам бы хотелось иметь возлюбленную.

Итак, основные условия мы уже разобрали и теперь можем смело перейти к основной теме — непосредственному знакомству.

ПРИЕМЫ ЗНАКОМСТВ И ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Для удобства изложения и наглядности возьмем сначала самый надежный вариант, приносящий наибольшее число удач, на котором мы и закончили в предыдущей главе. Итак, вы увидели вашу даму, пока ехали с ней в одном троллейбусе, затем сошли на ее остановке и вот, наконец, догоняете ее, пока она, вызывая цокая каблучками, идет по дорожке к дому. Вы поравнялись с ней и уже открыли было рот, чтобы что-то сказать... Но, прежде чем вы это сделаете, вернемся назад и вспомним о двух правилах, несоблюдение которых может лишить вас успеха.

Правило первое. *Очень желательно, чтобы до начала разговора вас уже увидели и оценили.* Появление за спиной незнакомого мужчины скорее способно испугать, чем обрадовать, тем более если дело происходит поздно вечером. Кроме того, не каждая способна оценить ваши достоинства с первого взгляда, поэтому дайте ей возможность присмотреться к вам и, пока едете в троллейбусе, постарайтесь поймать ее взгляд. Посмотрите на нее еще несколько раз — неназойливо, но так, чтобы она смогла почувствовать некоторую степень вашей заинтересованности, вызванную ее несомненной привлекательностью.

Правило второе, можно сказать, охотничье. *Чтобы не спугнуть «добычу», не надо делать явного вида, что за ней охотятся.* Идеальное знакомство — это такое знакомство, которое произошло максимально естественно, максимально непосредственно, можно сказать, по принципу «а propos» (а кстати)... Поэтому, во-первых, будучи достаточно целеустремленным, не заикливайтесь на том, что «я должен, черт меня подери, познакомиться именно с этой красоткой!». Это приведет к излишней нервозности и напряженности, что в конечном счете только насторожит вашу даму. Согласитесь сами: когда у нее будет выбор — познакомиться с вами или нет, — она будет чувствовать себя гораздо лучше, чем если вы будете навязываться ей всеми доступными способами. Никогда не бывает самой симпатичной женщины, потому что на нее всегда найдется еще более симпатичная, и так до бесконечности, хотя по-настоящему красивых женщин очень немного, и они, как правило, или замужем, или слишком хорошо знают себе цену. «Самой-самой» может быть только любимая женщина, но любовь нас в данном случае не интересует. Итак, чтобы не создавать излишнего напряжения и не драматизировать ситуацию, старайтесь при максимальной внимательности демонстрировать лишь легкую степень заинтересованности — «да так да»,

«нет так нет, хотя, конечно, жаль...». Ирония и умение взглянуть на любую ситуацию со стороны должны быть вашими постоянными и верными спутниками.

Теперь, наконец, мы подошли к самому веселому — с чего начать и о чем заговаривать. Герой одного комедийного фильма ошарашивал странной фразой «Где находится нофелет?», и он инстинктивно пришел к *Правилу третьему*, которое можно сформулировать следующим образом: *Необходимо иметь универсальную фразу (фразы) на все случаи жизни*. Именно для того, чтобы не мучиться над вопросом «с чего начать?», именно для тех многочисленных случаев, когда нет ни малейшего разумного повода для разговора (вроде упавшего зонтика или рычащей собаки — помните чеховскую «Даму с собачкой?»), вам и необходимо всегда иметь наготове несколько фраз — чем больше, тем лучше, — которые, с небольшими вариациями, могут пригодиться для любых дам в любых ситуациях. Что это будут за фразы — дело вашего вкуса и остроумия, но именно по этой-то фразе и по тому тону, каким она будет произнесена, ваша дама и должна оценить ваши намерения и интеллектуальные возможности. Во-первых, это должен быть комплимент, и комплимент абстрактный, не привязанный ни к возрасту, ни к внешности, ни к одежде. Такой комплимент давно известен — «вы прекрасно выглядите», но в столь банальной форме он не вызовет оживленной реакции, поскольку является лишь скучной констатацией факта, не добавляя к этому вашей собственной оценки данного явления. Поэтому на основе его я сконструировал более изысканную, хотя и немного более запутанную фразу — «вы так очаровательны, что вами не устаешь любоваться». Естественно, что подобная фраза труднодоступна для понимания «клеевой чувихи» в джинсах, а потому, в расчете на ее сообразительность, можно несколько упростить — «чудесно выглядите, просто глаз нельзя отвести». Дальше начинается самое забавное, поскольку заранее угадать реакцию или возможный ответ достаточно сложно, а потому все домашние заготовки могут оказаться бессмысленными. И тем не менее мы постараемся проследить наиболее вероятные ситуации.

Ситуация первая и самая неприятная — «ах, отстаньте!». Вариантов здесь нет, кроме просимого — «ах, отстаю!». Ситуация вторая, достаточно распространенная, — молчание, либо потому, что ваша дама растеряна и собирается с мыслями, либо потому, что просто не хочет отвечать. Это выясняется уже после второй фразы, допустим, такой: «Что же вы молчите — потому, что согласны, или потому, что вам лень шевелить языком?» В случае дальнейшего молчания ваши шансы стремительно скатываются к нулю, и, приготовившись ретироваться, вы делаете это с достоинством, высказывая юмористическое предположение — «У вас, наверно, слишком хриплый и скрипучий голос, и вы меня просто боитесь испугать».

Если же вам сразу сказали «не хочу отвечать», шансы опять-таки ничтожны, но, памятуя о том, что надо идти до конца, вы интересуетесь — «почему?» — и тут же предлагаете два варианта ответа — «устали после работы или не знаете, что сказать?».

Обычно соглашаются с первым вариантом, поскольку во втором есть скрытый намек на тупоумие собеседника, и тогда уже можно поинтересоваться, где и кем она работает, или рассказать о том, что и вы чертовски устали, проведя тяжелейшее заседание правительства, но вот увидели ее — и снова бодрь и веселье... Ну и так далее.

Ситуация третья, самая многообещающая, — вам ответили, а еще лучше улыбнулись и поблагодарили. Возможное продолжение — «а, кстати, ради вас я проехал пару остановок» (даже если ради нее вы заехали на другой конец города, не торопитесь в этом признаваться — чрезмерная лесть девальвирует все комплименты). Или — «глядя на вас, я невольно вспомнил, что сейчас весна». А если действие происходит зимой — «просто удивительно, как в такое время года можно сохранить такой цветущий вид». Лето и осень можно объединить в одной фразе — «красивые женщины особенно хороши...» — и дальше указывается название месяца.

Ситуация четвертая — когда вам ответили что-то необычное, может быть, даже еще более остроумное. Так однажды на мою фразу «вы так очаровательны, что от вашего вида у меня давление повышается и голова кружится» от одной невысокой, но изящной женщины я услышал следующий ехидный ответ — «так что же — мне вам первую помощь оказать?». Расхохотавшись, я не нашел достойной такого остроумия реплики. Так же и у вас все будет зависеть от быстроты реакции, живости ума и способности к экспромтам.

Теперь нам хотелось бы упомянуть об одной забавной фразе, которая обладает более узкой сферой применения. Зато можно быть уверенным, что реакция на нее последует непременно — во всяком случае, в моей практике осечек она еще не давала. Представьте себе ситуацию, когда симпатичная девушка проходит мимо вас, звонко цокая каблуками по асфальту вашего сердца. Вы догоняете ее и, хитро улыбаясь, вкрадчивым тоном интересуетесь: «Почему, интересно, женщины производят при ходьбе столько шума, а мужчины нет?». Независимо от ее ответа, у вас должен быть готов и свой собственный — «а я думал для того, чтобы обращать на себя побольше внимания». И, кстати, каждый раз, когда вы задаете какой-то вопрос, у вас должен иметься и собственный вариант ответа — почти как в КВНе.

Наконец, самое сложное положение, требующее «глазомера, быстроты и натиска», то есть мгновенной реакции, изрядного нахальства и большой находчивости, ибо в этом случае вам приходится сразу идти ва-банк, незамедлительно оповещая о своих намерениях, — никакие тонкие игры с невозмутимостью и случайностью здесь не подходят. Речь идет о том случае, когда вы встречаетесь со своей дамой глаза в глаза — она проходит мимо вас, идя навстречу. Вы имеете в своем распоряжении единственный вариант — мгновенно (именно мгновенно, а не пускаясь в длительное преследование) догнать ее и изобразить душевное смятение, в котором вас повергло ее неподражаемое великолепие. Произнести при этом можно нечто вроде: «Вы так неотразимы, что притягиваете, как магнит!» Или — «глаза у вас

просто необыкновенные». Или — «всю жизнь мечтал познакомиться с такой изумительной женщиной». Ну и так далее...

Это, повторяю, наиболее сложный случай, и практиковать его рекомендуется лишь после того, как вы уже хорошо освоитесь с простейшими и будете чувствовать себя уверенно и невозмутимо.

Правило четвертое. *Рассмешить вашу даму или заставить ее улыбнуться — значит на три четверти добиться успеха.* Поэтому будьте веселы, остроумны, улыбки — строить из себя Чайльд Гарольда будете тогда, когда не вы за ней, а она за вами будет бегать. Впрочем, посоветовать рассмешить легко, но как это сделать? Неплохо иметь на памяти несколько анекдотов или забавных фраз типа «они лежали и дружили»; можно поиграть интонацией или прибегнуть к какому-нибудь нетривиальному сравнению вроде: «что же это вы плететесь, как грустная черепаха, можно ли вам чем-нибудь помочь?» Умная женщина не обидится, а знакомство с глупой не стоит особых усилий.

Правило пятое. *Его можно сформулировать очень коротко: Поменьше рефлекситуйте,* особенно если по натуре вы не очень контактный и не слишком общительный человек. Иначе вы будете бесконечно упускать одну возможность за другой, а после этого так же бесконечно изнурять себя псевдообъяснениями — «она не так уж и хороша», «я ужасно устал», «слишком мало шансов» и т. д. Гоняться за мечтой, пусть даже несбыточной, все же лучше, чем вообще ее не иметь.

Отсюда вполне естественно вытекает и **Правило шестое.** *Если уж решили познакомиться, то не останавливайтесь на полпути.* Пусть ваша незнакомка холодна и надменна, как снежная королева, пусть она разговаривает с вами ледяным тоном, давая самые односложные ответы, — не сдавайтесь и ведите свою осаду из ироничной веселости до самого последнего момента. И лишь когда она скроется в дверях своего подъезда, тогда можете расслабиться, закурить и беззлобно выругаться. Но не беда — вы сделали все, что могли, и еще неизвестно, кто из вас двоих потерял больше...

ПРИМЕРЫ УЛИЧНЫХ ЗНАКОМСТВ ИЗ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Разберем теперь несколько конкретных примеров и посмотрим, что мы могли бы из них извлечь в добавление к нашим правилам и советам.

«Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулочек и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулочку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулочке ни души. Я мучился, потому что мне казалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни единого слова, а она уйдет, и я больше никогда ее не увижу. И, вообразите, внезапно заговорила она:

— Нравятся ли вам мои цветы?» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита».)

Продолжение этой знаменитой истории вы, конечно же, помните, но обратите внимание, что автор облегчает задачу героя,

отводя активную роль героине. Может быть, тем самым он хотел подчеркнуть необычную роль этого знакомства, когда «любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих»? Но если вы окажетесь в подобном положении, то неужели будете ждать появления любви и того, что ваша дама заговорит первой? Не лучше ли самому признаться в том, что «мне очень не нравятся ваши цветы, выбросите их, а я куплю вам другие»?

В моей собственной практике был, пожалуй, только один случай, когда дама заговорила первой. Это произошло летом, теплым июльским вечером, когда во втором часу ночи я пешком возвращался домой, находясь в состоянии легкого подпития. И вдруг откуда-то с противоположной стороны улицы быстро подошла, почти подбежала очень симпатичная молодая женщина с приятным южным акцентом. Самое забавное, что она тоже оказалась навеселе, и я сразу это понял, как только она произнесла:

— Вы не могли бы проводить меня домой, а то уже поздно и я боюсь идти одна?

Какой мужчина откажет в такой просьбе, и я лишь поинтересовался, чей дом она имеет в виду — мой или ее собственный? Она заявила, что для начала хотела бы попасть к себе, «а там посмотрим». Я же всю дорогу убеждал ее в обратном и в том, что «смотреть надо сейчас». Мы очень мило препирались до тех пор, пока неизвестно откуда не появился вдруг какой-то плюгавый и молчаливый мужичок, в котором она тут же признала своего мужа, кокетливо поблагодарив меня за помощь. Самое скверное, что в этот момент мы уже находились возле моего подъезда... Вот так в течение каких-то пяти минут я обрел и потерял очень романтическое знакомство, а естественную досаду пришлось лечить коньяком.

А вот еще один экстраординарный способ знакомства, который можно назвать «помощь даме в критической ситуации».

«Женщина шла наискосок прямо на Равика. Она шла быстро, но каким-то нетвердым шагом. Равик заметил ее лишь тогда, когда она оказалась почти рядом... Женщина прошла так близко, что едва не задела его. Он протянул руку и схватил ее за локоть. Она пошатнулась и, вероятно, упала бы, если бы он ее не удержал. Равик крепко сжал руку женщины.

— Куда вы? — спросил он, немного помедлив. Женщина смотрела на него в упор.

— Пустите! — прошептала она. Равик ничего не ответил. Он по-прежнему крепко держал ее за руку. — Пустите меня! Что это?..

— Куда же вы, в самом деле? Ночью, одна, в столь поздний час в Париже? — спокойно спросил он и отпустил ее руку. Женщина молчала, но с места не сдвинулась» (Э.-М. Ремарк. «Триумфальная арка»).

Еще один пример на ту же тему, только на этот раз в комических тонах.

«Я уже вставал, когда появились те двое. Они шли в мою сторону, и довольно быстро. Женщина шла впереди с нахмурен-

ным лицом, а Старик бормотал что-то просительно и пытался взять ее за руку. Они почти поравнялись с моим столиком, когда незнакомка остановилась и, обернувшись, почти крикнула:

— Оставьте вы меня, наконец, в покое?

Девушка оглянулась, словно ища помощи, и ее взгляд остановился на мне. Не могу сказать точно, что выражал этот взгляд, но я встал и немедленно направился к Старику.

— Оставьте даму в покое, — потребовал я. — Что за глупость гоняться за женщинами в такую жару?.. — Я взял его руку повыше локтя и потихоньку сжимал пальцы до тех пор, пока Старик не выпустил локоть девушки. Официант с сонным лицом наблюдал за развитием событий, стоя в дверях кофейни.

— Дама — моя знакомая, — объяснил я, обращаясь скорее к официанту, чем к Старику. — Сударыня, не сядете ли вы за мой столик?

Она несколько растерянно взглянула на меня, но села на предложенный ей стул» (Б. Райнов. «Моя незнакомка»).

Основываясь на собственном опыте, в котором, к сожалению, не было ни ночных знакомств в Париже, ни дневных в Венеции, я тем не менее вынужден констатировать, что авторы вышеописанных способов недоучли характерных особенностей женской психологии, а рассуждали с точки зрения психологии мужской. Мне доводилось утешать плачущих девушек в метро или выслушивать в сквере предельно откровенные исповеди замужних женщин, находившихся в критической ситуации, но ни разу приобретенное таким образом знакомство не имело никакого продолжения. Мне трудно вывести отсюда какое-то общее правило или придумать иное объяснение, кроме следующего. Искренние жалобы и излияния особенно хороши тогда, когда ты делишься ими с совершенно незнакомым человеком. А повторная встреча с ним может вызвать лишь неприятные ассоциации. Так что не рассчитывайте на женскую благодарность и, кроме того, остерегайтесь тех неприятностей, которые легко могут возникнуть из-за вашего вмешательства в какой-нибудь конфликт.

И в заключение в виде исторического курьеза мне бы хотелось привести два способа уличных знакомств XIX века, одно из которых состоялось в России, другое — в Америке.

«Только Лизавета Ивановна успела снять капот и шляпу, как уже графиня послала за ней и велела опять подавать карету. Они пошли садиться. В то самое время, как два лакея приподняли старуху и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера; он схватил ее руку; она не могла опомниться от испугу, молодой человек исчез: письмо осталось в ее руке... Лизавета Ивановна решила отвечать... «Я уверена, — писала она, — что вы имеете честные намерения, и что вы не хотели оскорбить меня своим необдуманном поступком; но знакомство наше не должно было бы начаться таким образом. Возвращаю вам ваше письмо и надеюсь, что не буду впредь иметь причины жаловаться на незаслуженное неуважение» (А. С. Пушкин. «Пиковая дама»).

«Вскоре после своего возвращения из Европы Каупервуд как-

то зашел в галантерейный магазин на Стейт-стрит купить галстук. Еще в дверях он заметил даму — она направлялась к другому прилавку и прошла совсем близко от него... Выражение ее глаз говорило о жизненном опыте, а задорно-дерзкое лицо пробудило в Каупервуде сознание своего мужского превосходства и желание во что бы то ни стало подчинить ее себе. На вызывающе-кокетливый взгляд, который она метнула в его сторону, Каупервуд ответил пристальным и властным взглядом, заставившим даму тотчас опустить глаза. Он смотрел на нее не нагло, а лишь настойчиво и многозначительно (Учитесь смотреть так же! — Автор). Незнакомка была ветреной супругой одного преуспевающего адвоката, поглощенного своими делами и самим собой. После этого молчаливого разговора она с притворным безразличием остановилась неподалеку, делая вид, что внимательно рассматривает кружева. Каупервуд не сводил с нее глаз в надежде, что она опять посмотрит на него. Но он спешил по делам, не хотел опаздывать и потому, вырвав листок из записной книжки, написал название отеля, а внизу сделал приписку: «Второй этаж, гостиная, вторник, в час дня». Дама стояла вполоборота к нему, и ее левая затянута в перчатку рука была опущена. Проходя мимо, незаметно сунуть ей записку ничего не стоило.

Каупервуд так и поступил и видел, как знакомка зажала ее в своей руке. Несомненно, она украдкой все время наблюдала за ним. В назначенный день и час она ждала его в отеле, хотя он даже не подписал своего имени» (Т. Драйзер. «Титан»).

Занятное различие между девушками строгих правил и скачущими женами — не так ли? Сейчас, увы, такие замечательно-простые способы уже не годятся, а переписка через службы знакомств утомительна и малообещающа. И хотя мы лишены записок, но у нас есть телефон. Поэтому не торопитесь вешать трубку, если очаровательный женский голос, ошибившись номером, попросит какого-нибудь «Сергея». А если ошибетесь сами, признайтесь в том, что ни одна из ваших ошибок еще не доставляла вам такого удовольствия. В моей жизни были очень интересные знакомства, начинавшиеся подобным образом. Так что, если прочитанный трактат не убедил вас в преимуществах уличных знакомств, не преисполнил решимости и духа авантюризма, вам остается только уповать на телефон.

Неудачные знакомства забываются очень скоро, удачные же остаются с вами на всю жизнь — старыми фотографиями, воспоминаниями и чувствами, которые будут согревать вашу душу в тяжелые минуты. Жизнь — это великолепная игра, так что играйте смело, руководствуясь при этом правилами, о которых я вам рассказал, и импровизируя самостоятельно. Удачи вам в этом!»

На этих словах Самбулов проснулся и взглянул на Хромого Беса.

— Чтобы ты окончательно проснулся и чтобы немного разве-

селить тебя,— сказал Бес,— я поведаю одну историю, в которой рука об руку идут пьянство и чиновничий беспредел, создавая самые трагикомические ситуации. Ее можно озаглавить так:

Глава 8. О ПОЛЬЗЕ ПЬЯНСТВА СРЕДИ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

— Это будет современная сказка о том, как один высокопоставленный государственный чиновник напился и тем самым невольно оказал услугу не своему родному государству, точнее говоря, тому клану людей, которые себя с ним отождествляют, а проживающим в этом государстве людям, которых так приятно именовать с высоких трибун народом,— начал Хромой Бес.— Собственно говоря, и сам этот чиновник тоже «вышел из народа», потому что родился в городе Калинин, который ныне именуется Тверью, в семье замдиректора местного пивоваренного завода. Его комсомольская юность пришлась на шестидесятые годы и поначалу никак не предвещала бурной карьеры, в результате которой он и стал героем данной истории. Тогда он был студентом местного педагогического института, отличался дисциплинированностью, трудолюбием, усердием и, в отличие от многих своих однокурсников, почти не увлекался пивом. Видимо, это обстоятельство и послужило тому, что он стал сначала комсоргом своей группы, потом всего курса, а потом и первым секретарем комитета комсомола своего института.

— Недаром гласит пословица: «Губит людей не пиво, губит людей вода», — не удержался и съязвил Самбулов, на что Хромой Бес только с улыбкой покачал головой и продолжил:

— Итак, он успешно совмещал учебу и комсомольскую карьеру, успешно закончил институт, но пошел работать не в школу, а в райком комсомола. И вот тут в его жизни возникло первое «смятение чувств». Проще говоря, он влюбился. Произошло это в пионерском лагере, а точнее говоря — в его окрестностях. В тот солнечный летний день работники райкома организовали небольшой пикничок на лоне природы, выехав туда на своем автобусе. А неподалеку от места их веселой лесной стоянки, как я уже говорил, находился пионерский лагерь. И случайно получилось так, что когда наш герой отошел в кусты, чтобы слегка освежиться, то увидел, как неподалеку на полянке резвится стайка пионеров младшего школьного возраста, ведомая пионервожатой — высокой, статной и весьма миловидной девушкой, которая с первого же взгляда понравилась нашему герою. Сначала она весьма насторожилась при появлении из кустов незнакомого мужчины, да еще находившегося в явном подпитии, но, поскольку он был весел и добродушен да еще представился инструктором райкома комсомола, отнеслась к его игривым заигрываниям достаточно спокойно. Они разговорились, и вскоре выяснилось, что она учится в том же педагогическом институте, который он сам закончил всего год назад. После недолгой беседы им пришлось расстаться — ей нужно было вести пионеров на

обед, ему — возвращаться к своей райкомовской компании. Однако эта короткая встреча настолько запомнилась нашему герою, что спустя месяц, когда каникулы уже кончились и начались занятия в институте, он разыскал свою лесную фею, и они стали встречаться. Роман был коротким, но бурным, и вскоре уже сам первый секретарь райкома поздравлял молодоженов и танцевал с новобрачной на свадьбе, отмечавшейся в лучшем ресторане города. Спустя еще год у них родилась дочь. К тому времени наш герой уже стал заводделом пропаганды и агитации, успел съездить за границу и вступить в партию, так что его жизнь стала приобретать устойчивые номенклатурные очертания, когда все идет по накатанной дорожке, и самое главное при таком пути — это не делать опрометчивых шагов в сторону.

Наш герой, которого проще называть по фамилии, а фамилия у него была самая что ни на есть историческая — Румянцев, не помышлял ни о чем опрометчивом, однако судьба к нему не слишком благоволила. Через год после рождения дочери его жена погибла, пытаясь выхватить какого-то зазевавшегося мальчишку из-под колес бешено мчавшейся черной «Волги». Злая ирония судьбы заключалась в том, что эта «Волга» принадлежала первому секретарю горкома комсомола и шофер ее был откровенно пьян. Разумеется, дело нужно было замять, и за это взялся первый секретарь того самого райкома, где работал Румянцев. А он настолько тяжело переживал гибель своей жены, что впервые в жизни запил и пьянствовал целых три дня. Когда в один из этих дней к нему наведался его непосредственный начальник со своими лживыми соболезнованиями и откровенными намеками, наш герой пришел в такую ярость, что едва не порвал пиджак шефа, вытаскивая его за шиворот из своей квартиры.

Впрочем, тот, как ни странно, оказался незлопамятным, а потому, когда Румянцев, опомнившись, явился с извинениями, не только простил своего подчиненного, но и предложил ему хороший вариант.

— Ты отправляешься в Москву учиться в Высшей комсомольской школе, пишешь диссертацию или пьянствуешь, короче, занимаешься чем угодно, но в ближайшие два года в нашем городе не показываешься.

Поразмыслив, наш герой согласился, только вместо направления в Высшую комсомольскую школу попросил направить его в Институт народного хозяйства имени Плеханова. Ему уже изрядно надоело заниматься идеологической работой, становившейся все более убогой, и захотелось какой-то иной деятельности. Вот так и получилось, что он оказался в Москве, закончил сначала институт, а потом и аспирантуру. Став кандидатом экономических наук, Румянцев устроился на работу в одно отраслевое союзное министерство и второй раз женился. На этот раз его женитьба была чисто карьерной — он не испытывал никаких чувств к полной, бесцветной и явно засидевшейся в невестах девушке; но зато она была дочерью проректора Плехановского института, благодаря чему он получил в виде приданого машину и квартиру в Москве и стал делать успешную

карьеру. Вскоре его «избрали» членом партийного бюро института, а затем рекомендовали на работу в горком партии.

К тому времени ему уже перевалило за сорок, и он стал полнеть, лысеть и скучнеть. Одной из немногих радостей в жизни оставалась дочь от первого брака, которой к тому времени исполнилось двадцать лет и которая уже давно жила с ним, поскольку детей от нового брака у него не было, и его жена поневоле согласилась удочерить падчерицу. Девушка была очень хороша собой — стройна, умна, мила — и училась на третьем курсе института международных отношений. Благодаря одному международному соглашению она съездила за границу и два года проучилась в Оксфордском университете в Англии, откуда вернулась столь яростной антикоммунисткой, что ее отец поначалу пришел в ужас, а потом успокоился и подумал, что, может, оно и к лучшему. Дело в том, что уже началась перестройка и все партийное и хозяйственное чиновничество пришло в состояние волнения и брожения. Отраслевые министерства стали расформировываться и перетряхивать, а наш герой, который уже дорос до замзавотделом науки Московского горкома партии, начал всерьез размышлять о своем будущем. Немалую роль в этом сыграли и его душевные беседы с дочерью, в результате которых она хотя и не переубедила отца, зато заставила его принять важное решение.

А решение было и впрямь нетривиальным даже для семьдесят девятого года — Румянцев добровольно ушел из горкома и перешел на работу в российское правительство, став одним из советников по экономическим вопросам. В дальновидности этого решения он наглядно и не без некоторой доли злорадства к своим бывшим коллегам убедился двадцать второго августа 1991 года, когда, стоя в толпе, наблюдал за тем, как они покидают здание горкома, подлежавшее опечатыванию. Он даже подобрал один из осколков от разбитой вывески горкома и установил его на своем письменном столе как напоминание о том, насколько необходимо правильно и своевременно ориентироваться в быстроменяющейся ситуации. Его дочь, кстати, была на баррикадах у Белого дома и вообще воспринимала все происходящее с откровенным восторгом.

Его предусмотрительность помогла ему и в дальнейшем, когда началась эра приватизации и он занял важный пост в Госкомимуществе Российской Федерации. Теперь от его решений зависело очень многое, и он даже возрадовался происходящим переменам, поскольку впервые в жизни понял, насколько интересно влиять на государственную политику, принимая самостоятельные решения безо всякого «коллективного руководства».

И вот теперь мы наконец подходим к событиям прошлого года и к самой сути нашей истории. Во время периода так называемого двоевластия особенно яростная борьба шла именно вокруг программы приватизации. Номенклатурное лобби, используя Верховный Совет, пыталось свернуть ранее принятую более или менее демократичную программу и вместо нее внедрить новую, дававшую преимущества именно представителям той старой элиты, которая изо всех сил пыталась вовремя обменять, точнее,

даже не обменять, а подкрепить свою прежнюю политическую власть властью новой, экономической, которая дается лишь с правом собственности. И Румянцев поневоле оказался в самом центре этой ожесточенной борьбы, когда на его стол легли два проекта очередного указа президента — один опять-таки более или менее демократический, второй — откровенно номенклатурный. И именно ему теперь предстояло решить, какому из них давать ход и направлять на подпись президенту, а какой похоронить в бесконечной бюрократической круговерти согласований и доработок. Осознав эту ответственность, он и растерялся, и заколебался, и испугался. Прежние связи да и старая партийно-номенклатурная закваска требовали от него продвижения номенклатурного указа в пику «этим паршивым демократам»; однако новые веяния, опасения за будущую карьеру в случае неверного хода и, наконец, его родная дочь, которая внимательно следила за всем происходящим с помощью газет и телевидения, понуждали его принять нетривиальное решение.

— Лучше бы ты, Настя, замуж вышла, — с досадой сказал он однажды своей дочери, когда она, возбужденная и раскрасневшаяся, в очередной раз явилась в его домашний кабинет, чтобы потребовать отчета о том, что он собирается делать. — Разве политика — подходящее занятие для такой эффектной и умной девушки?

— Если тебе очень хочется, могу и выйти, — согласилась дочь, присаживаясь на край его стола. — Но обещаю мне сделать свадебный подарок в виде этого злополучного указа!

Разговоры о замужестве шли между отцом и дочерью довольно давно, поскольку к Анастасии упорно сватался один из молодых нуворишей, успевший сколотить огромное состояние благодаря связям своих номенклатурных родственников.

— Дался тебе этот указ, — с досадой отозвался отец, невольно вздыхая и любуясь румянцем на смуглых щеках дочери. — Можно подумать, что от него зависит твое личное счастье...

— А от чего зависит твое личное счастье, папа?

Румянцев расчувствовался.

— От тебя, детка, — нежно сказал он, вставая из-за стола и целуя дочь в голову. — Скажи лучше, нравится ли тебе Андрей?

Андреем звали предполагаемого жениха.

— Нет, — покачала головой Анастасия.

— А почему?

— Ты понимаешь... Он какой-то циничный, примитивный и... тупой.

— Человек, заработавший столько миллионов, не может быть тупым!

— У нас с тобой разные представления о тупости, — упрямо заявила Анастасия. — И, кроме того, ты уверен, что он хочет жениться именно на мне, а не на твоих связях?

— Ну, при нынешней ситуации я могу лишиться своих связей в любой момент...

— А он в любой момент может разориться!

Румянцев знал, что дочь не переспоришь, и поэтому не стал

возражать. Она продолжала настаивать на его содействии демократическому указу, он вяло отбивался, а в итоге все кончилось обоюдными дружескими попреками.

На следующий день, когда он явился в рабочий кабинет, ему позвонил один старый знакомый — кстати, тот самый первый секретарь райкома комсомола, который и направил его в свое время в Москву. Он тоже успел сделать успешную карьеру и уже давно жил в столице. Какое-то время работал вместе с Румянцевым в горкоме, а затем, почувствовав новые веяния, стал членом совета директоров Тверь-универсалбанка. Наш герой не слишком удивился ни этому звонку, ни предложению «встретиться и поговорить». Давление должно было идти со всех сторон, так что же удивительного, что в качестве тарана был выбран его старый номенклатурный соратник? Направляясь в гости к бывшему коллеге, Румянцев уже заранее представлял себе, о чем должен пойти разговор, но так и не смог принять никакого решения.

Для начала два немолодых, полысевших номенклатурщика, разумеется, выпили хорошего коньяку и умиленно повспоминали свою комсомольскую юность с веселыми междусобойчиками и послушными секретаршами, которых всегда можно было разложить прямо на столе в кабинете.

Затем началось упорное и настойчивое давление.

— Пойми, старик, — говорил Румянцеву его бывший шеф, — в этом деле заинтересованы такие могучие люди и завязаны такие кошмарные деньги, что становиться поперек пути равносильно самоубийству. Ты что, газет не читаешь, которые каждый день пишут о наемных киллерах? А знаешь, сколько стоят такие услуги? Да по сравнению с теми деньгами, которые зависят от этого указа, — тьфу!

— Это что же, твоя мафия мне угрожает? — слегка побледнев, поинтересовался Румянцев.

— Да при чем тут мафия? — воскликнул бывший шеф, разливая очередную порцию коньяка. — Мафия — это уголовники, а я говорю о солидных людях с деньгами и связями. Только шелкоперы называют их мафией, чтобы щекотать нервы читателям. А такие люди были всегда и будут всегда, да мы и сами к ним относились и относимся... А иначе и компартию можно было назвать мафией...

Румянцев подумал про себя, что его дочь именно так ее и называла, но вслух ничего не сказал. Проведя большую часть жизни в кабинетах и служебных машинах, он не отличался ни отвагой, ни решительностью, а потому чувствовал предательское волнение.

Это волнение не покинуло его и тогда, когда он выбрался из квартиры своего бывшего шефа, сел в машину и приказал шоферу отвезти себя домой. Давно он не испытывал такого душевного смятения, поэтому попросил шофера остановиться возле ближайшего коммерческого ларька и купить бутылку. Дома он спиртного не держал, а сейчас почувствовал, что ему хочется выпить, чтобы хоть на какое-то время забыть о предстоящем выборе...

— Да, — не выдержал в этом месте Самбулов, внимательно слушавший рассказ, — если поэтам не хватает слов, а политикам — коварства и лицемерия, то мир еще не слишком безнадежен.

— Итак, наш чиновник приехал домой и так основательно напился, что на следующее утро проснулся совсем разбитым. О том, чтобы ехать в таком состоянии на работу, нечего было и думать, поэтому он позвонил своему секретарю-референту и заявил, что плохо себя чувствует и проведет этот день дома.

— Как дома? — растерялся референт. — Да ведь вам же сегодня нужно нести указ на подпись!

— Вот ты его и понесешь, — недовольно буркнул Румянцев.

— Но я же не знаю, какой именно...

— А тот, что справа! Все, будь здоров! — И он с треском повесил трубку.

Референт тоже положил трубку, осмотрелся по сторонам — а он разговаривал из кабинета шефа — и вдруг понял, что оказался в нелепом положении. Дело в том, что обе папки с указами лежали не на письменном столе, а на приставном, являвшемся ножкой у буквы «Т», которую образовывали оба стола. Получалось так, что если подойти со стороны окна, то справа оказывался один указ, а если со стороны двери — то другой. Хуже того — обе папки лежали прямо по центру стола, причем одна была повернута надписью «На подпись» в одну сторону, а другая в другую, и таким образом сохранялась полная симметрия. Бедный референт даже вспотел, решая головоломку. После долгих раздумий и колебаний он снова снял трубку и позвонил шефу.

Но тот уже принял таблетку от головной боли и лег спать, так что, когда его разбудил очередной звонок референта, просто пришел в ярость.

— Ну, в чем еще дело? — зарычал он.

— Простите, Александр Леонидович, — смущенно пролепетал референт, — но я никак не могу определить, какая из папок лежит справа, а какая слева...

— Да ты что, братец, пьян, что ли? — заскрежетал зубами Румянцев. — У тебя все в порядке с головой? Правую сторону от левой отличить не можешь?

— Дело совсем в другом... — попытался было объяснить референт, но шеф не желал ничего слушать.

— Сказано тебе — справа, значит, справа, а если сам не можешь разобраться, то попроси кого-нибудь другого. Если еще раз позвонишь — уволю! — И снова повесил трубку.

Бедный референт выкурил полпачки сигарет, пока не нашел оригинального решения. Он зашел к машинистке, немного поболтал с ней о жизни, а потом вдруг, словно спохватившись, взглянул на часы и сказал:

— Ох, Татьяна, совсем забыл! Мне же надо нести указ на подпись. Сходи, пожалуйста, в кабинет шефа и принеси ту папку, которая находится справа, а я пока сделаю срочный звонок. — Состроив зверски озабоченную физиономию, он схватился за телефонную трубку, боясь каких-нибудь уточняющих

расспросов. Мило улыбнувшись, Татьяна кивнула и, звонко цокая каблуками, пошла в кабинет шефа. Поскольку, когда она вошла в кабинет, лишь одна папка находилась от нее справа, она и не стала долго думать, а просто схватила ее и понесла референту. Он был так обрадован решением своей проблемы, что даже не стал заглядывать внутрь, подумав про себя: «Будь, что будет. А случись какая накладка, скажу, что машинистка ошиблась».

Но самое смешное во всей этой истории, что нечто похожее подумал на следующий день и Румянцев, когда явился в свой кабинет и услышал сбивчивый рассказ референта. «Вот и прекрасно,— решил он,— теперь проект указа все равно ушел наверх, а в случае чего я всегда смогу сослаться на свое отсутствие и ошибку референта». Вот таким образом благодаря чисто человеческой слабости одного высокопоставленного чиновника и был подписан указ, выгодный не столько тем, кто считает себя государством, сколько тем, кого называют народом.

— Интересно,— сказал Самбулов, когда Бес закончил свой рассказ.— И мне было бы весьма любопытно взглянуть на дочь этого чиновника, которая сыграла такую необычную роль во всей этой истории.

— Я покажу ее тебе немного позже,— отозвался Асмодей,— а пока хочу показать еще нескольких любопытных персонажей, которых объединяет одно общее свойство — они все очень озабочены.

Глава 9.
ОБ ОЗАБОЧЕННЫХ ЛЮДЯХ И О ТОМ,
КАК НЕОЖИДАННО ХРОМОМУ БЕСУ ПРИШЛОСЬ РАССТАТЬСЯ
СО СТУДЕНТОМ

— Начнем мы, пожалуй, с той озабоченности, о которой ты подумал в первую очередь,— коварно усмехаясь, заявил Бес.— То есть с сексуальной озабоченности. Вон там ты можешь видеть щуплого и некрасивого преподавателя физики медицинского училища, который очень озабочен тем, как совратить какую-нибудь из своих учениц. Для того, чтобы выбрать наиболее подходящую кандидатуру, он недавно провел письменное анкетирование, в котором предлагал своим студентам ответить на такие вопросы: «Когда вы лишились девственности?», «Как часто вы ведете половую жизнь?», ну и еще что-то в этом же роде. Вчера вечером он обобщил полученные результаты, наметил себе жертву и теперь, как видишь, вызвал ее к доске, завалил при ответе и потребовал, чтобы она пришла пересдавать после уроков.

— Вот свинья! — буркнул студент.— А девушка действительно очень недурна...

— А вот и еще один озабоченный, который внезапно останавливает свой «форд» возле тротуара и, даже не заперев дверцы, бросается звонить из телефона-автомата. Он содержит одну девицу легкого поведения и категорически запрещает ей встре-

чатся с кем-то на стороне, опасаясь, как бы она не подхватила какую-нибудь болезнь. При каждом удобном случае он звонит или приезжает к ней домой, предупредив, что если хоть раз ее не окажется на месте, то ей придется искать другого «спонсора».

Ага, а вон там ты видишь очередного политика, который, проведя все утро со своим массажистом, теперь берет уроки риторики. Больше всего он озабочен своим имиджем, а потому усиленно тренируется в трех вещах — лицемерии, демагогии и солидности. Чтобы тренироваться в лицемерии, он учится верить лицемерию других, поскольку верить лицемерию — это тоже лицемерие; чтобы попрактиковаться в демагогии, произносит громкие речи, весь пафос которых направлен совершенно не по существу дела; ну а вырабатывая солидность, усиленно надувает щеки, делая вид, что знает что-то такое, чего не знают другие.

— Скотина! А чем озабочена вон та милая девица, одетая как-то удивительно неизящно и даже совсем ненакрашенная?

— Она озабочена тем, чтобы нравиться мужчинам, но нравится не своей, действительно привлекательной внешностью, а своим интеллектом. Для этого она читает умные книги, носит очки, которые ей совершенно не идут, и принципиально не следит за модой.

— Никогда бы не поверил, что бывают такие странные девицы, — изумленно пробормотал Самбулов.

— А вон там, — продолжал Хромой Бес, — ты видишь озабоченного банкира, который выходит из машины в окружении двоих телохранителей. Его профессия предполагает озабоченность, но банкир озабочен совсем не деньгами своих клиентов, а своими собственными деньгами, вложенными в один иностранный банк. Недавно он прочитал о дерзком ограблении, случившемся в том городе, где находится данный банк, и именно потому теперь так усиленно хмурит брови.

— А чем озабочен вон тот полупьяный тип, валяющийся на диване в окружении груды окурков и напряженно смотрящий в потолок, я и сам знаю, — заявил Самбулов. — Им явно овладела зеленая тоска — зеленая, потому что наступают с похмелья, — и теперь он усиленно думает, где найти денег на выпивку.

— А вот и ошибаешься, — возразил Асмодей. — Этот человек больше всего на свете озабочен поисками смысла жизни. Поэтому никуда не ходит и ничего не делает, а целыми днями лежит на диване и пытается понять, для чего живет, да и вообще — есть ли в жизни какая-то высшая цель? Ему кажется глупым начинать какие-то действия, пока не уяснишь для себя этот вопрос.

— Хм, странно, — покачал головой студент. — Ну, если в отношении него я ошибся, то в отношении другого, который, отчаянно морщась, пьет какой-то овощной сок, а потом делает гимнастику, ошибиться невозможно. Этот тип озабочен своим здоровьем!

— И причем настолько, что в отличие от своего антипода даже не задумывается о смысле жизни, — поддакнул Асмодей. — Для него главная цель — прожить как можно дольше, и именно

этому он посвящает все свое время. Вообще надо заметить, что среди озабоченных наименее интересны именно озабоченные любовники, а среди озабоченных чем-то другим попадаетея немало оригиналов. Сейчас я покажу генерала, озабоченного...

Не успел Асмодей договорить последнюю фразу, как вдруг затрясся и изменился в лице. Испуганный Самбулов раскрыл было рот, чтобы спросить о причине такого поведения своего спутника, но Бес зарычал, застонал, завертелся на одном месте, внезапно замер, шумно вздохнул и обернулся к студенту.

— Увы, мой друг, наше свидание подходит к концу. Три старших демона ада, Левиафан, Бельфегор и Астарот, собирают всех чертей на очередное собрание, чтобы заслушать их отчеты о проделанной работе в течение последних трехсот лет. Боюсь, мне нечем будет особенно похвастать, тем более что я столько времени провел в этой проклятой бутылке. Кто знает, когда мне будет дозволено вновь появиться на поверхности...

— Так мы больше не встретимся? — дрогнувшим голосом спросил студент, понимая всю глубину своей потери.

— Может быть, и встретимся, но лишь при одном условии...

— Каком?

— Что ты никому не будешь рассказывать о том, что с тобой происходило в течение этих двух суток. Если же ты не выдержишь и все же проговоришься, то наша будущая встреча сможет произойти только в очередном романе... омане... ане... — донесся до него отдаленный голос Асмодея. Самбулов почувствовал, как все завертелось у него перед глазами, и он впал в какое-то легкое беспамятство.

Глава 10.

И ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА С САМБУЛОВЫМ, ХОТЯ И БЕЗ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ХРОМОГО БЕСА, НО ЗАТО ПОД ЕГО НЕСОМНЕННЫМ ВЛИЯНИЕМ

На следующий день после всех этих необычных событий студенту стало очень грустно. Он оделся, вышел на улицу и медленно побрел по тротуарам, щурясь от яркого солнца — стояли великолепные дни бабьего лета — и поглядывая на встречаемых девушек. Сам не зная зачем, но, словно влекомый какой-то таинственной силой, он свернул в тихий, безлюдный переулок, прошел еще метров двести и вдруг увидел необыкновенно симпатичную девушку, нетерпеливо прохаживавшуюся под большой липой, рядом с которой стояли бежевые «Жигули». У незнакомки было смуглое, слегка озабоченное лицо, пышные черные волосы и красивые длинные ноги. По мере приближения Самбулова девушка перестала прохаживаться, остановилась и теперь напряженно следила за ним.

— Вы так очаровательны, что вами не устаешь... — заговорил было он, на что незнакомка вдруг ответила совершенно неожиданной фразой:

— Знаю, знаю, а вот вы почему-то опаздываете. Садитесь скорее в машину, и поехали. Вас Сергей уже обо всем предупредил?

Самбулов утвердительно кивнул головой, решив отложить выяснение того, о чем его должен был предупредить его университетский приятель, на потом, чтобы не прервать столь романтическое знакомство в самом начале. Машина быстро промчалась по каким-то переулкам — причем девушка вела так умело, что чувствовался большой опыт вождения, — и остановилась перед старинным пятиэтажным особняком. Самбулов вопросительно взглянул на незнакомку и вылез наружу.

— Пойдемте.

Он снова кивнул и вслед за ней вошел в подъезд, любуясь сзади ее красивыми ногами, обтянутыми модными «дольчиками». Они поднялись на третий этаж и остановились перед большой старинной дверью с бронзовыми ручками. Девушка мельком взглянула на студента и достала ключи.

«Все это очень похоже на любовное свидание, — подумал про себя он. — Но вот интересно: мы хоть познакомимся перед тем, как лечь в постель, или обойдемся без этой формальности?»

Девушка открыла дверь и провела его внутрь. Самбулов вошел и с любопытством осмотрелся по сторонам. Квартира была большой, с высокими лепными потолками и уютной старинной мебелью. Студент направился в спальню, где виднелась большая двуспальная кровать, но незнакомка тронула его за рукав.

— Не туда. Студия находится в другой комнате.

«Студия? — изумился он. — Ни черта не понимаю...»

Тем не менее он вошел вслед за ней и убедился, что это была действительно студия фотохудожника, увешанная всевозможными портретами обнаженной натуры и явно приготовленная к съемке — посредине комнаты стоял фотоаппарат на штативе.

— Ну, наверное, будем раздеваться... — слегка смутившись, сказала она и, положив сумку на стул, принялась медленно расстегивать свою белую кофту.

— А зачем? И почему здесь, а не в спальне?

— Как зачем? — Незнакомка уже успела снять кофту и осталась в одном бюстгалтере. — Вы же сказали, что Сергей вас обо всем предупредил!

— Так-то оно так, но... Впрочем... — Самбулов снял куртку и стал расстегивать рубашку. Однако девушка уже уловила его колебания и подозрительно посмотрела на студента.

— Ведь вас зовут Александр, не так ли?

Теперь он окончательно убедился, что произошло какое-то недоразумение и его приняли за другого. Но, вместо того чтобы продолжать и дальше разыгрывать свою роль, Самбулов откровенно смутился. Он отрицательно покачал головой и добавил:

— Не совсем... Кирилл.

— Ведь вы же сказали, что Сергей...

— Но у меня действительно есть приятель по имени Сергей!

— Значит, я приняла вас за другого?

— К сожалению... То есть к счастью... ну, в общем, да... — чувствуя себя последним идиотом, пролепетал Самбулов. Он удивился еще больше, когда незнакомка вдруг звонко рассмеялась:

— Так почему же вы мне раньше ничего не сказали?

— Да потому, что вы мне очень понравились! — Вскинув голову, он твердо посмотрел в ее насмешливые глаза. В них промелькнуло какое-то выражение, и она первая отвела взор.

— И вы были готовы делать все, о чем бы я вас ни попросила?

— И сейчас готов!

— И не хотите никаких объяснений?

— В принципе хочу, но это уж как вы сочтете нужным...

— Ну, тогда давайте сначала поговорим! — К некоторому разочарованию студента, девушка снова надела и застегнула кофту. Впрочем, его обнадеживало слово «сначала», а потому он не стал расстраиваться раньше времени.

— Пойдемте в гостиную, и, если хотите, можем что-нибудь выпить.

Он кивнул и, послушно пройдя в гостиную, опустился на диван, пока девушка возилась в баре.

— Вы коньяк пьете?

— Я пью все, кроме одеколона и денатурата.

— Понятно. — Она улыбнулась и, подойдя к нему, протянула широкий бокал. — Вас, как я поняла, зовут Кирилл, а меня — Анастасия.

— Очень приятно.

— Давайте выпьем за знакомство, а потом я вам все расскажу.

Они чокнулись и выпили. Самбулов закурил, а девушка встряхнула волосами и начала рассказывать:

— Мой папа — довольно большая шишка в правительстве, а потому ему очень хочется повыгоднее выдать меня замуж. Ко мне тут упорно сватается один миллионер — такой, знаете, тип из «новых русских», как они себя любят называть. Не скажу, чтобы он был мне совсем неприятен, но, знаете, во-первых, я привыкла к самостоятельности и не хочу, чтобы мной помывали. А во-вторых, он несколько туповат, и потому все его ухаживания сводятся к рассказам о том, на что я смогу потратить его деньги. А у меня, как ни странно, есть и иные интересы, кроме интереса к деньгам, чего он упорно не понимает да и не может понять в силу своей природной ограниченности.

— Кажется, я уже начинаю догадываться...

— Зачем мы здесь? — живо переспросила Анастасия. — Да, это студия одного моего приятеля, фотохудожника. Поскольку мой поклонник ужасно ревнив, я решила следующее: если он начнет мне слишком досаждать, я просто предъявлю ему несколько весьма интимных фотографий, где буду снята с другим мужчиной. Не думаю, что после этого он рискнет повторить мне свое предложение. Затем я попросила другого своего приятеля найти мне какого-нибудь подходящего партнера с приятной наружностью и при этом достаточно скромного и интеллигентного, который не станет переходить очерченных мною границ...

— А насколько далеко они простираются? — В силу своего врожденного ехидства Самбулов не смог удержаться от подобного вопроса, в ответ на который был награжден лукавым взглядом и непередаваемой гримасой.

— О, они могут быть весьма подвижны!

— Прекрасно! — Самбулов погасил сигарету и поднялся. — Я студент университета и человек достаточно порядочный, так что интеллигентность вам гарантируется. Если вы все еще находите мою наружность привлекательной, я без колебаний готов оказать вам необходимую услугу! — Последнюю фразу он произнес с таким комическим пафосом, что Анастасия не выдержала и расхохоталась.

— Спасибо! — сказала она, подражая его напыщенному тону. — Только настоящий рыцарь способен прийти на помощь даме в трудную минуту!

Они уже готовы были перейти в студию, как вдруг Самбулов кое-что вспомнил и решил уточнить еще одну вещь. Дело в том, что рассказ Анастасии очень напомнил ему последнюю историю, рассказанную Хромым Бесом, и он неожиданно подумал: а не та ли это Анастасия?

— Простите, еще один вопрос. Фамилия вашего отца Румянцев?

— Да, а откуда вы его знаете?

— И он работает в Госкомимуществе, занимаясь проблемами приватизации?

— Да, — еще более удивленно ответила она. — Но откуда вам все это известно?

— Слишком долго рассказывать, и, кроме того, я дал слово...

— Или вы немедленно говорите мне всю правду, или я выставлю вас вон, звоню Сергею и прошу прислать мне его приятеля! И мы никогда с вами больше не увидимся...

Против такой страшной угрозы устоять было невозможно, а потому Самбулов глубоко вздохнул, мысленно попросил у Асмодея прощения, после чего снова опустился на диван и принялся рассказывать обо всех событиях прошедшего времени. Вопреки его ожиданиям Анастасия не выказала ни малейшей недоверчивости, слушала затаив дыхание и ни разу не перебила.

— Значит, теперь, после того, как ты мне все рассказал, Асмодей уже больше не вернется? — спросила она, когда Самбулов закончил. Он кивнул головой и сокрушенно вздохнул.

— Бедненький! — Она ласково коснулась его руки. — И ты это сделал ради меня?

— Конечно!

Дальнейшее произошло настолько стремительно, что Самбулов даже не заметил, как они оказались в спальне. И фотоаппарат, и цель их визита сюда оказались погребенными под ворохом торопливо снимаемой одежды и нарастающей лавиной поцелуев. А затем настало утро — время взаимных признаний в любви и строительства планов совместной жизни. И хотя Самбулов больше никогда в жизни не встречал Хромого Беса, он так и остался уверен в том, что тот непременно приложил руку ко всей этой последней истории — истории его счастливой любви и женитьбы.

ЗЛЫВИРА ПОПОВА

ПЕТРОВ-

ВОДКИН

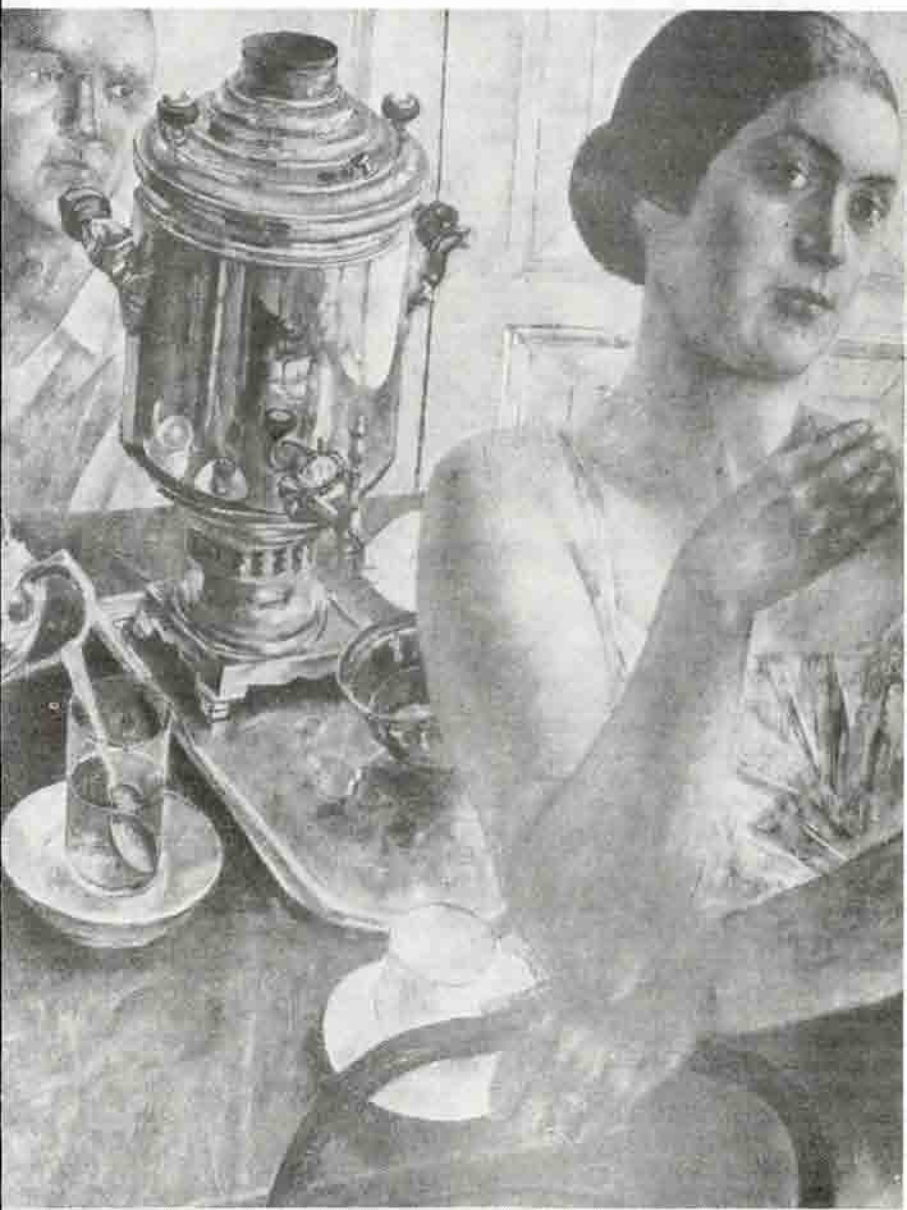
120

В начале двадцатых годов в Самарканде работала экспедиция Академии истории материальной культуры, в те годы существовала такая. Среди ученых присутствовал и маститый, с мировым именем художник, профессор Петроградских художественных мастерских Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. В Средней Азии он оказался впервые, и восточная экзотика привела его в неописуемый восторг. Художника-северянина все поражало здесь: золотисто-охристые просторы, бирюза майоликового оформления мечетей на их фоне, и особенно — яркие, порой кричащие краски, «раздражающие, спорящие друг с другом и живущие ласково одна возле другой — в их борьбе или согласии есть воздействие цвета на человека».

Из этой первой в его жизни командировки художник привез множество пейзажей, эскизы жанровых сценок, рисунки, акварели. На холстах, картоне, листах бумаги Петров-Водкин «поймал» сочетание красок, и будто солнечные потоки влились в его живопись. И даже позднее, совсем в других работах, далеких от восточной самобытности, стали присутствовать солнечные краски.

Вообще неожиданность и неузнаваемость характерны для художника. Пожалуй, только перед его натюрмортами можно всегда с уверенностью определить почерк мастера.

Кузьма Петров-Водкин родился в небольшом волжском городке Хвалынске 24 октября 1878 года, в семье сапожника Сергея Федоровича Водкина и супруги его Анны Пантелеевны, до

За самоваром. 1926 г.

замужества Петровой. Можно сказать, что у Кузяши (так называли мальчика в семье) было счастливое детство, — все его любили, баловали... Удачливая юность — судьба сводила его с людьми одаренными, талантливыми, как, например, сосед-дворник, который дал Кузьме первые уроки рисования. Позднее Кузьма познакомился с иконописцем-старовером Филиппом Парфеньчем и часами наблюдал за работой старого мастера, поражался легкости красок, тонкой, изящной технике, светлому колориту иконной живописи. Когда Кузьма подрос, его определили в мастерскую вывесочника Толкачева. Конечно же, он служил здесь скорее мальчиком на побегушках, но в редкие часы «приобщения к искусству» учился работать с красками и постигал азы живописи. У Толкачева Кузьма впервые увидел репродукции с произведений известных русских художников, услышал рассказы об их интересной, необычной жизни. Именно тогда юный Петров-Водкин определил для себя жизненную дорогу и понял — он станет только художником.

Но реальная жизнь оказалась сложнее и жестче его мечтаний. Пришлось Кузьме поработать и в слесарной мастерской. Семья хоть и трудолюбивая была, но нужда не покидала ее. Потому подростка все время определяли на работу где повыгодней. Труд в мастерской был тяжел, а главное, бесконечно далек от искусства, рождающего чудные, волнующие образы... А они так манили к себе...

Окончив четырехклассную школу, Кузьма решил поступать в железнодорожное училище — предел мечтаний всех юных хвальцев. Но экзамена не выдержал и отправился в Самару, где когда-то видел вывеску «Императорской академии классный художник первой степени». И приписка — Федор Емельянович Буров. Он-то и стал для Кузьмы первым учителем-профессионалом. Но юноша быстро понял, что в этой «академии» он может получить только элементарные навыки рисования, а грубое ремесленничество учителя способно было убить его живое видение цвета. Поэтому нужно решительно рвать с провинцией, чтобы выйти на путь большого искусства.

Итак, впереди Петербург. Еще в Самаре Петров-Водкин познакомился с архитектором Р. Ф. Мельцером, который представил его богатой меценатке Ю. И. Каразиной. Она очень благоволила к юным дарованиям, патронировала им и часто поддерживала материально. В ранних работах Кузьмы Каразина разглядела недожинный талант и многие годы принимала живейшее участие в становлении молодого художника. По ее и Мельцера рекомендации Кузьма поступил в известную, пользующуюся прекрасной репутацией петербургскую Школу технического рисования барона Штиглица. Здесь обучали точному рисунку, черчению, композиции и разным видам декоративно-прикладного искусства. Следующие после Школы ступенью для образования художника должна была стать Петербургская Академия художеств. Но к тому времени Академия настолько обветшала и так рьяно боролась со всем новым и свежим в искусстве, что окончательно утратила авторитет среди художников прогрессивных взглядов. А силу набирало Московское училище живописи, вая-

ния и зодчества. Петров-Водкин остановил свой выбор на нем. В училище он проучился семь лет, последние годы — в мастерской Серова.

Еще будучи студентом, Кузьма дважды побывал за границей. (Конечно же, не без материальной помощи Каразиной.) В Англии, во Франции, где брал уроки в модной тогда Школе Кола-росси, в Мюнхене — в Школе Ашбе. Побывал в Алжире и Туни-се, Турции и Греции. В Италии в отличие от многих русских художников, работавших там, Петров-Водкин изучал не столько великих мастеров позднего Возрождения, сколько художников Проторенессанса и раннего Возрождения: Джованни Беллини, Пьеро делла Франческа, Чимабуэ, Мазаччо, Джотто — «магов форм». Его «покорила мера такта и средневековая необузданность в изображении предмета», «гениальный расчет», «выдумка, такт и страстная жажда анализа», «Форма и цвет, объемлющий эту форму, — писал молодой Петров-Водкин, — есть живопись». Существуют «...два способа ее создания, дополняющие друг друга, — декоративность и психологичность изображаемого. Вместе они составляют искусство образа. Вся ответственность ремесла живописи в том и заключается, чтобы постоянно уравновешивать обе эти стороны... декоративность — это порядок распределения формы».

Из поездок Петров-Водкин привез сотни картин, этюдов, тысячи рисунков. Среди них полотна «Колдунья», «Язык цветов», «Изгнание из рая» и даже «Девушки на Волге». В этой последней работе его память о родной стране, любование русской женственностью. Картина родственна полотнам его друга В. Э. Мусатова и юной мирискусницы Зинаиды Серебряковой. Среди портретов выделяется рисунок А. Н. Бенуа и холст, посвященный родным местам — «Окраины Хвалынского».

(Кстати, из Европы художник привез не только картины, но и молодую очаровательную жену-француженку, дочь хозяйки частного пансиона, где он проживал. Брак оказался очень счастливым. Жена была для Петрова-Водкина самым верным, самым преданным другом. В тяжелейшие годы она поддерживала Кузьму Сергеевича, и, когда уже после кончины художника его творчество «не вписалось» в соцреализм, она делала все, чтобы спасти работы мастера. Продавала их, дарила друзьям и знакомым, лишь бы они не пылились и не пропадали в запасниках Третьяковской галереи.)

После возвращения из-за границы в Петербурге прошла персональная выставка Петрова-Водкина «Париж—Бретань—Пиренеи—Африка». Главное место занимало панно «Берег». Семь женских и одна юношеская фигуры. Одного взгляда достаточно, чтобы узнать влияние Пью де Шавана, в те времена набравшего силу, но так и не создавшего свою школу стиля модерн. Зато Петров-Водкин смело шагнул от мастерской вывесочника к изыскам модерна. В 1911 году он создает станковую картину-панно «Сон» — гимн модерну. Отрешенное, далекое от реальности изображение. На фоне абсолютно ирреального пейзажа — две обнаженные юные женщины, любующиеся спящим юношей, лежащим на серовато-розовых глыбах.

Слава и мировое признание пришли к художнику в 1912 году. Общество «Мир искусства» устраивало выставку, и хотя у Петрова-Водкина с мирискусниками были сложные отношения, он согласился представить работу «Купание красного коня». Общество сделало ее «вывеской» на своей выставке. Картина произвела сенсацию. Успех ее оказался оглушительным, и «Конь» начал свое триумфальное шествие.

Просторное полотно — почти два метра в длину — врезается в память мощными контрастами красного, сине-зеленого и желтого с черным. Чеканность, выверенность рисунка, некая загадочность и отрешенность от действительности поражают. Словно порыв к вечности мечтательного юноши, мчащегося на красном коне, который пытается поймать взгляд своего седока.

Художник еще не раз будет возвращаться к этому образу вечной юности: «Играющие мальчики», «Купающиеся мальчики», рисунок «Лошади», многочисленные наброски головы лошади... Много позже, будучи профессором Московских художественных мастерских, он расскажет пролетарским студентам, что «мальчики» технически сделаны так, как будто написаны «вчера», «они кричат, орут и по сей день». Действительно, каждое новое поколение ищет свой идеал, смысл жизни и по-своему переиначивает художественные образы. Конь, готовый рваться вперед, да еще красного цвета, покажется «своим» и большевикам, как когда-то «своим» стал для мирискусников. Петров-Водкин сказал свое рваншее из души слово, хотя и уверял, «что сам не знает, о чем». В этом полотне столько мысли, завораживающей красоты и притчевой глубины, словно все затайлось в предчувствии перелома — конь, нетерпеливо поднявший копыто, готовый пуститься в галоп, и мечтательный, задумчивый мальчик, находящийся на пороге большой жизни. Им словно вторит притихшая, пока ничем не потревоженная природа. Так и Россия застыла, умиротворенная, но уже стоящая на грани грандиозных перемен, переживающая изысканный серебряный век своего искусства и культуры. «Непередаваемый этот воздух 1910 года, — писала в своих воспоминаниях поэтесса С. Ю. Кузьмина-Караваева. (Эмигрировав во Францию, она стала монахиней, во время Второй мировой войны принимала участие в Сопротивлении и погибла в концлагере.) — Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции. В этот период смешалось все: апатия, уныние, упадничество — и чайные новые катастрофы. Мы жили среди огромной страны словно на необитаемом острове».

А что же Петров-Водкин? Художник пишет портреты, навеянные воспоминаниями о Париже. «Кафе», — ответ Тулуз-Лотрека с тремя модницами полусвета, «В Люксембургском саду», «Вид музея Клуви в Париже». А когда грянет революция, он создаст классику натюрморта — знаменитую «Селедку» (1918). На тыльной стороне клеенки изобразит две картофелины и краюшку хлеба, лежащие на синей оберточной бумаге. Новые времена требовали новых образов, новых сюжетов, новой правды о бытии...

Язык цветов. 1910 г.

На линии огня. 1916 г.

Петров-Водкин был необычайно одаренной личностью. Еще в Школе Штиглица брал уроки игры на скрипке, свободно импровизировал. Особенно любил Моцарта. В начале века увлекся литературным творчеством. Написал двадцать рассказов, три большие повести, двенадцать пьес. Свет увидела только одна. «Жертвенные» (1902) была поставлена передвижным театром П. П. Гайдебурова.

Обычно принято считать, что Петров-Водкин ровно и спокойно принял революцию. Но в 1921 году возник очередной «Автопортрет» — карандашный рисунок на листе бумаги. Глядя на это лицо и вспоминая первый, юношеский автопортрет, становится понятно: с такими полными страдания глазами, на грани жизни и смерти, невозможно жить. Лицо четко поделено — затененное слева, справа светлое. Надежда?..

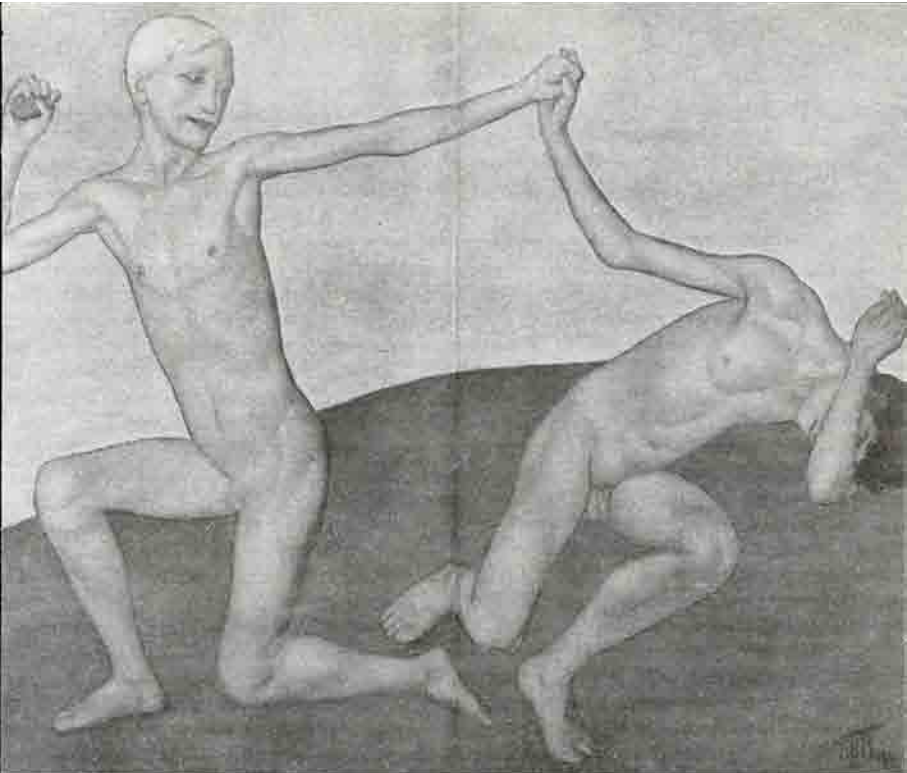
В 1923-м Петров-Водкин создает полотно «После боя». Комиссар в кожанке — центральная фигура холста — и два красноармейца. Они грустят о погибшем товарище. Один, самый юный, привстал, уперев ладони о край дощатой столешницы, у другого фигура почти срезана, и все внимание отдано лицу. Снова синее, желтое, красное — сочетание, ставшее основным в работах художника.

Семью годами позже из-под кисти Петрова-Водкина выйдет полотно «Смерть комиссара». Как ярко выражены в нем тончайшие переживания красноармейца, поддерживающего на руках умирающего комиссара: боль, растерянность, безысходность от увиденной смерти... Голова комиссара откинута на грудь товарища, четко выписан благородный профиль, меркнувший взор без надежды... Профиль этот художник писал с друга поэта Спасского.

Сколько правды и мудрой печали в этих работах Петрова-Водкина, звучащих горестным реквиемом не по одному поколению русского народа.

Картины сыграли свою пропагандистскую роль не только в России, но и в Европе, куда их возили на выставки. За границей восхищались образами, мастерством художника, дивились красоте и даже человечности «комиссаров». Но если б знал Кузьма Сергеевич, что принесут вот такие комиссары его стране, то вряд ли изображал бы их с такими ангельскими лицами, а может, и не писал бы никогда... Но кто предвидит грядущее?

Главная часть творчества Петрова-Водкина посвящена портретам друзей, родственников и просто симпатичных ему людей. С особым удовольствием пишет он девичьи лица, нежно-певучие, обаятельные, воспевают красоту зрелой женщины, величие материнства. Ранняя работа «Девушки над Волгой» — это еще поиск идеала русской женской красоты, но уже «Девушка в сарафане», «Первые шаги», «Материнство» — верно найденная тема, тема ожидания чуда — рождения ребенка и счастливого материнства. В «Материнстве» сильная, широкоплечая мать кормит свое чадо, благоговейно и блаженно любит им. Особенно потрясает написанная в 1913 году «Мать», находящаяся в Третьяковской галерее. Здесь тоже кормление грудничка. Вновь — красное, зеленое, фиолетовое и сине-зеленое. Удиви-

Мальчики. 1911 г.

Голова юноши. 1910 г.

**Сидящая натурщица.
Этюд. 1908 г.**

тельные глаза: взгляд в себя и в то же время в бесконечность пространства... Художник словно показывает нам: «глядите, вот что важнее всего в жизни — сама жизнь».

Петров-Водкин — философ и мыслитель, нашел «нишу» для своего творчества: обыденная жизнь простых людей, их быт, их вещи — вспомним шарденову неразделенность человека и домашней утвари! Его «ниша» — в портретах и натюрмортах. В них он оттачивает свое мастерство, они изысканны в построении, в отборе и соотношении предметов. Например, «Натюрморт с зеркалом». Зеркало почему-то лежит рядом с серебряной ложкой, использованным листом бумаги и чернильницей. Но появляются и более изысканные, неожиданные по цветовому сочетанию натюрморты. Пузатый самовар, отражающий блеск стоящего в центре стола бокала, а в нем... скромный букетик из лютиков, ромашек, диких маков. К резким контрастам художник был привержен всегда. Как-то он записал: «...в Милане я начал писать мой первый натюрморт, который перевернул шиворот-навыворот все мои благонамеренные умозаключения, смешал карты великих образцов, сбросил с них все декоративные украшения, сюжеты, и с обнаженными до костяков я с ними побеседовал до безумия. Еще в Греции я почувствовал нечто щемящее: что раздавит меня вся эта громада тысячелетнего творчества, что мне надо развить в себе противоядие, самозащиту».

Петров-Водкин «удачливо» рисовал дорогой его сердцу домашний мир, уют, создавал любимое: фигурки девчушек, еще не отказавшихся от кукол: «Дочь рыбакова», «Девочка с куклой», «Ленушка в кровати». И все полыхает праздничной красотой жизни, любовью и счастьем.

Спокойно отсидеться в «нише» Петрову-Водкину, конечно же, не позволили. Он собирался переехать на постоянное жительство в Среднюю Азию, так покорившую его во время командировки, но не тут-то было. Художника привлекли к шумной кипящей деятельности. Избрали председателем правления ленинградского Союза художников, в 30-м присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Он оформляет праздничное представление к годовщине Октября перед Ленинградским театром оперы и балета — большое панно на темы русских сказок и былин, где главным героем предстал Степан Разин.

Еще в 20-м Петров-Водкин написал шедевр — «1918 год в Петрограде». Мадонна с глазами, переполненными болью. Она не благословляет, она скорбит... А в 34-м он снова возвращается к этой теме и создает картину «1919. Тревога», которую считал своей лучшей работой. И вот тут большевики стали «поправлять» мастера. Женщине с припавшим к ней сынишкой велено было сделать более «благообразное» лицо, хотя тот же большевик Эссен еще совсем недавно говорил, что юное поколение художников должно идти по реалистическому пути Петрова-Водкина... И как не вспомнить по этому случаю, что полтора десятилетия спустя власти заставляли Сергея Герасимова «исправить» лицо матери, некрасивое внешне, но прекрасное в своей гордой силе, с которой она поддерживает сына, идущего на расстрел...

Но художник не шел на компромиссы ни со своей совестью, ни

▼ К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН. Кафе. 1907 г.

▼ *Фантазия. 1925 г.*

Девушка в сарафане. 1928 г. ►

▲ *Яблоко и лимон. 1930 г.*

▲ Первые шаги. 1925 г.

▲ Жаждающий воин. 1915 г.

с властями. Он говорил: «Пусть хоть вверх ногами от злости или радости кувыркается зритель, полученное не прольется, не станет ни прекраснее, ни безобразнее — оно делает свое дело, большое или малое — зависит от степени одаренности мастера. Здесь и кроется великое искусство, входящее в нас без спросу, меняющее нашу жизнь помимо нашего умничания».

После персональной выставки, прошедшей в 1935 году, Петров-Водкин с большим энтузиазмом начал проектирование росписи для предполагаемого Дворца Советов, в котором впервые в жизни смог бы полностью раскрыть свой талант стенописца. Но, к сожалению, так и не смог выразить себя до конца. Смерть прервала долго вынашиваемые планы. Петров-Водкин скончался 15 февраля 1939 года. Похоронили его на Волковом кладбище в Ленинграде.

Можно сказать, что жизнь его была счастливой до конца. Ему не пришлось пережить те страшные моменты, когда Третьяковка уничтожала работы талантливых мастеров только лишь потому, что они не соответствовали требованиям властей предержавших. Как произошло, например, с полотнами Павла Корина. Он вынужден был вместе с женой уйти в реставрационные мастерские, чтобы, заработав деньги, выкупить у Третьяковки свои же работы и тем самым спасти их от уничтожения.

Петров-Водкин прошел трудный путь исканий с неизбежными срывами и ошибками, открытиями и достижениями. Он не раз повторял, что выставить, показать свои произведения — это значит «нести себя на мировой суд. Отвечать за все до конца!»

130

АЛЬБИНА СИНЁВА,25 лет, психолог,
Воронеж**ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГЕ**

*Эта местность другого цвета.
Сколько времени утекло!
Междуречье Невы и Леты.
Губ расплавленное стекло.*

*Под водою плывут деревья,
в низком небе идут стада.
Даже камень еще не верит,
но приходит опять сюда.*

*Время — это и есть измена.
Помнишь город, и год, и зной,
где река темна, словно вена,
набухает перед грозой.*

*Прежний город сутулит плечи,
хмурит каменное чело,
вставший между рекой и речью,
но не помнящий ничего.*

*Город стерся до основанья.
Только небо хранит следы,*

и висят в нем сны и желанья,
как невидимые сады.

ОЛЬГА КАЛИНКО,

28 лет, библиотекарь,
Харьков

≡
*Несовершенство мира — утомило! —
Притихшая, продрогшая квартира...
Уставший от мороза день родился было,
мелькнул прощальным шлейфом фейерверка,
и быстро так угас...
Фарфоровая лунная тарелка
по небу звонкому взошла,
ломая звездные края морозом...
Как мне в квартире — холодно березам,—
мы на просторах матушки-страны
белеть среди полей обречены...*

ИРИНА АЛАТАРЦЕВА,

26 лет, журналист,
Енакиево

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ

*Зима расслабилась... Лениво тает снег,
И скрип шагов смягчился, стал не слышен,
И дом похож на маленький ковчег,
Плывущий в окружении темных вишен.
Сугробы разморило от тепла,
Остались только клочки на асфальте,
Да лужицы, да мокрая листва,
В сугробах зимовавшая, как в вате.
И дворники асфальт уже скребут,
Размазывая лужи вдоль дороги,
И уличный бесхитростный уют
Готов вместить и многое, и многих.
И в дом совсем не хочется идти,
Стоять бы век: смотреть, дышать и слушать,
Ведь обнажен до сути лик Земли,
И только это насыщает душу.*

АЛЕКСЕЙ ЗАВЬЯЛОВ,

19 лет, студент,
Москва

ВЕЧЕР

*Разливается прохлада
Между маленьких домов.*

*Тень темнеющего сада
Опускает свой покров.
И в туманной дымке тает
Дня ушедшего тепло,
Тихо вечер отплывает,
В руки взяв свое весло.*

*По горбатым переулкам,
Под листвою тополей
Он плывет; и капли гулко
Вниз срываются с ветвей.
Огибает повороты
Плавно, набок не клонясь,
А туман ползет в пустоты,
По земле ковром стелясь.*

*Фонари размытым светом
Раздвигают темноту.
И оставит все секреты
Вечер на своем счету.*

ВИКТОРИЯ ТАРАСОВА,

20 лет, студентка,
Орск

132

*Хиромантия книги в изгибе строки.
Поднимается бровь близорукой страницы.
Ветряки, я прошу вашей легкой руки —
в стаю буквенных птиц опечаткою влиться.*

*Собирая на письменный стол небеса,
шепчешь полночи: «Боже, сдержи паутилкой
мои мысли летучие и паруса
вдохновенья не вешай настенной картинкой».*

*Догоревшая гаснет свеча. Сохраню
на ладони я пламя, и пальцы, как панцирь,
защитят перевозанность. Судьбой пропою
я мелодию вечного птичьего танца.*

СЕРГЕЙ АНОХИН,

37 лет, слесарь,
г. Шебекино Белгородской обл.

*Время мчится, длится, тянется,
Горе капает в стакан,*

Жизнь пройдет — оно останется
И другой изгорбит стан.
Друг мой, друг мой,
что мы делаем,
Отъезжая в никуда?
Мысль пульсирует несмелая,
Обжигая, как беда.

То ли гены дефективные,
То ль безкожая душа —
Все равно, коль диво дивное —
Жизнь —
уходит, злом дыша.
Друг мой, друг мой,
встреча скорая
Ждет нас, но не за столом:
Желтый дом,
медбратья сворою,
Боли гаснувшей надлом.
Все пройдет, мой друг, прокатится,
Вечного на свете нет...
Над могилами поплачутся
Наши вдовы в сорок лет.

АЛЕКСАНДР АВЕРЬЯНОВ,

54 года, инженер,
Москва

Как слава условна,
Как плаха плоха!
Греховна, греховна
Стихия стиха.
Молчанье нечаянно,
Немы не мы,
Но слово случайное —
Словно не мысль.
Духовные овны,
Беззубая зыбь...
Греховны, греховны
Глаза без слезы.
Грех овна, грех фавна...
Но — дух или плоть —
На равных, на равных
Их судит Господь.
Греховна, греховна
Стихия стиха.
Грех фавна, грех овна...
А кто без греха?

Попытка много бытия

Имя певицы Лины Мкртчян получило известность в последние годы: многочисленные интервью, рецензии, выступления по радио, телевидению. Сегодня ей посвящают стихи, книги, сценарии. Среди поклонников ее дарования Дмитрий Лихачев, Анастасия Цветаева, композиторы: Софья Губайдулина, Алемдар Караманов, Николай Каретников. Она первая российская певица, которой пришло личное, именное приглашение от папы римского выступить в Ватикане. (Он сам выбрал 10 музыкантов мира, которые, на его взгляд, оказывают наибольшее воздействие на человеческую душу.)

Талант Лины — не просто редкий по красоте голос (контральто), а прежде всего неравнодушие, полное отсутствие душевной сытости, трепетность и одухотворенный интеллектуализм прочтения музыки. Она умеет найти свой тон для каждого отдельного произведения, чутко реагирует на малей-

шие изменения музыкального языка, стремясь воспроизвести тончайшие психологические нюансы. Искренность певицы такова, что кажется — еще немного, и... исчезнет невидимая грань, отделяющая искусство от реальной жизни.

У Мкртчян огромный репертуар. Тридцать программ, посвященных русским композиторам и поэтам, множество оперных партий, широкий пласт немецкой романтической музыки — произведения Шуберта, Малера, Брамса, Шумана и т. д., сочинения современных композиторов. Ну и, разумеется, над всем этим возвышается духовная музыка: как православная, так и католическая. Не все в ее исполнении предстает равноценным или бесспорным. И это вполне объяснимо. Певица отходит в своих трактовках от устоявшегося стереотипа, разрушает его музейную неприкосновенность. Стремясь убедить правдой, она заставляет себя слушать. Может быть, поэтому среди ее почитателей так много

простых любителей музыки, которым нет дела до того, какие отступления от привычных исполнительских норм содержит ее пение, как соотносится оно с известными образцами. Заслуженная артистка Грузии, профессор Р. Ходжава однажды сказала: «Тем из профессионалов, которые ставят Мкртчян в вину пренебрежение к законам технологии пения, хочется напомнить слова известного дирижера Вильгельма Фуртвенглера: «Есть произведения искусства, содержащие погрешности, пожалуй, даже много погрешностей, и тем не менее принадлежащие к числу величайших творений искусства, когда-либо созданных. И есть много, очень много произведений, в которых нет ошибок, но они никого никогда не интересовали».

— Лина Владимировна, однажды вы сказали, что глазами нельзя увидеть Бога, только очами духовными, для открытия которых нужно пройти определенный путь. Какой путь прошла Лина Мкртчян?

— Путь любого человека к Богу всегда сложен, неоднозначен и выявляет самое главное, самое глубинное. Но порой куда драматичнее этот путь для художника. Если творец не приходит к Богу, то ничего, уверяю вас, ничего из того, что он стремился оставить людям, не сохранится. Можно привести немало примеров, как бесконечно одаренные личности, постоянно приспособиваясь, незаметно для себя истлевали свою жизнь. И все из-за того, что оттягивали момент первого шага. Как правило, рано или поздно он наступал. Если, конечно, это художник подлинный...

— А Шостакович?..

— Вы привели, казалось бы, самый печальный пример, ибо он гигантская фигура. Сколь трудно бы ни было, но душой, всем своим грандиозным интеллектом он был готов к тому, чтобы выйти из пле-

на, стать птицей Божьей и возратить людям то, что Господь в него вдохнул. Он должен был это сделать, и сделал... Искупление и покаяние этого великого человека осталось в его музыке.

— Что для вас музыка: проявление Божьего начала в композиторе, исполнителе или способ приближения к Богу?

— С одной стороны, приближение. Причем настолько естественное, насколько естественным может быть лишь объятие или то, что испытываешь, когда лежишь на траве и смотришь на проплывающие облака. С другой — напоминание, что человек создан по Его образу и подобию.

— Как распознать духовность?

— Скажите, как вы ощущаете духовного человека? Можно притвориться умным, то есть внутренне сыграть более или менее удачно роль умного человека, можно предстать образованным и доброжелательным человеком, но никогда не удастся сыграть роль человека духовного. Выдадут глаза — в них отношение к миру, к людям...

— Когда вы поете, то стараетесь не демонстрировать свое отношение к авторскому произведению. Это получается произвольно?

— Порой мы просто пытаемся как бы снять грязь и пыль с поэтического текста, ибо он давно забыт из-за того, что десятилетиями этому уделялось недостаточно внимания.

— Но ведь существуют традиции исполнения...

— Так хочется верить, что мы не разрушаем их. Это только кажется, что у меня новое прочтение. Очень неудобно, но вынуждена сослаться на бесконечно дорогие мне слова Анастасии Ивановны Цветаевой. Всем, кто видел во мне новатора, она говорила, что

это не так, что это просто часть старой культуры, как бы осколок утраченной традиции. Возвращая слово музыке, я лишь стараюсь высветить тот смысл, во имя которого композитор, собственно, и брался за эту историю, «заболевая» ею.

— Сколь бы бережно ни относиться к слову, исполнение неизбежно выявит собственный подход. Вы всегда убеждены, что следует петь так, а не иначе?

— Это все равно, если бы меня спросили: вы убеждены, что цвет ваших глаз единственно возможный в этом мире, или что ритм биения вашего сердца самый правильный? Человек, не способный подвергнуть сомнению свой поступок или свои убеждения, обречен. Наше развитие происходит только благодаря боли сомнения.

То, что я делаю, не лучше и не хуже того, что делают другие исполнители. Это просто о другом, по-другому и во имя другого. Не вижу никакого смысла в самоутверждении не только в жизни, но и в искусстве. Может быть, мне не всегда удастся этого избежать, но, поверьте, всей душой и всем сердцем, всеми своими помыслами я сторонюсь самовыражения.

— Все ваши программы обозначены словом «история»...

— Из, казалось бы, разрозненных произведений одного или нескольких авторов, которые по времени написания порой на десятки лет оторваны друг от друга, я составляю некий сценарий, внешне напоминающий вокальный цикл. Где через надежды, страдания, тьму, греховность и радость покаяния, новые падения и новое обретение веры человек приходит к любви к Отечеству, а через нее — к Богу. Все происходит с двух попыток (два отделения). Попытка одной жизни, потом обрыв — и еще как бы попытка иного бытия.

Ведь первые удары и первые разочарования мы получаем очень рано — тогда, когда душа еще не подготовлена. Отсюда и непоправимые ошибки. Почему дети и старики так непостижимо понимают друг друга? Потому что первые только что Оттуда, а старики вот-вот возвратятся Туда.

— Осуществить столь глубокий замысел можно только при содружестве, точнее — единомыслии с аккомпаниатором.

— С Евгением Леонидовичем Талисманом мы работаем вот уже 12 лет. Столь долгое непрерывное сотворчество уникально. Он потрясающий пианист. И если нам что-то удастся, то во многом благодаря его мастерству, невероятному терпению и вере в меня.

— Русская вокальная школа — та, которую несла ваша любимая учительница Полина Львовна Тронина, — что ее отличает от нерусской?

— Прежде всего я бы ответила на вопрос: что ее отличает от советской? Еще в двадцатые, тридцатые, сороковые и даже пятидесятые годы в стране было немало певцов, силившихся удержать нити старой русской традиции. Однако с того момента, как многие из них (кстати, порой прекрасные вокалисты) начинали петь партийные гимны, ту, с позволения сказать... Я даже не отважусь назвать это музыкой — кстати, написанную такими же несчастными людьми, как и они, — с того момента ниточка, связывающая их с русской вокальной школой, в основе которой всегда было молитвенное отношение к слову, становилась все тоньше, пока совсем не обрывалась. Невозможно утром, после съезда, петь «Партия, тебе я славу пою», а вечером «Царя Бориса». С человеческой душой в этом случае обязательно что-то происходит...

— А вам никогда не приходилось идти на компромисс?

— Когда речь идет о компромиссе в политике, в экономике, при осуществлении каких-то социальных преобразований, он не только возможен, но нередко становится единственным условием продвижения вперед. Если же мы говорим о существовании культуры, искусства, то есть о том, что напрямую связано с человеческой душой, боюсь, что этот вопрос может стать излишним. Мне представляется решительно невозможным допускать какие-то душевные крены и при этом оставаться прежней в музыке, в поэзии. Так не бывает.

— Может быть, в этом одна из причин вашей всегдашней неустраивенности... Ведь даже по отечественным меркам вы живете в более чем миниатюрной квартирке. У вас нет не только столь необходимых в работе магнитофона и видеомангитофона, но и обыкновенного шкафа для вещей. Заштатное пианино, как выяснилось, взято напрокат. И это после признания папой римским, блестящего успеха в Карнеги-холле... Неужели и сейчас ваша жизнь не меняется к лучшему? Безусловно, человек, который свободен от вещей, это во многом счастливый избранник. Но до какой степени у людей вашей профессии может простираться эта свобода?

— Знаете ли вы, что испытывает певица, когда выходит на сцену и поет Дебюсси в том же платье, в котором она пела, предположим, «Песни и пляски смерти» Мусоргского? Вы не представляете, сколь это тяжело. А что делать?.. Я привела самый мизерный, как бы ничего не значащий пример. А ведь их сотни... Но если когда-нибудь устану и совершу пусть самый маленький компромисс, это неизбежно отразится на всем

моем существовании в музыке. Работа для меня — это внутреннее пространство души, которое стараюсь каждый день хотя бы по микрону, но расширять.

— Наверное, то, что вы обозначили русской традицией, и есть наша суть. Не случайно и в литературе, и в живописи, и в кинематографе мы стремимся не просто показать, но обязательно до чего-то докопаться. Наша исполнительская школа самая углубленная. И вот что примечательно: сейчас, когда многие педагоги уехали, там, казалось бы, в прекрасных условиях они, как правило, до конца себя не реализуют.

— Безусловно. На свете много необыкновенных, красивых, просто пленительных стран. Какое разнообразие! Как все премудро сотворено! И только одна-единственная за всю историю существования человечества называлась святой. Этим-то наш космический колодец, именуемый Небесной Матушкой Россией, и отличается от всего человечества.

Поэтому, если бы зло восторжествовало и каким-то образом удалось поглотить Святую Россию, на планете обязательно возник бы дисбаланс, ибо весь рациональный западный мир сбалансирован нами. Они никогда нас не спасали. Скорее мы их можем спасти, как спасали всегда.

— Но для этого мы, наверное, должны сохранить себя...

— К сожалению, нынешние дети не знают, кто они есть, и не видят ничего, кроме «макдональдсов», «сникерсов» и этих чудовищных заморских «миссионеров», что за колоссальную валюту оккупируют стадионы, читая там протестантские проповеди. Кстати, в большинстве своем туда стекаются самые нищие, самые безграмотные, ничего не знающие об истории своего Отечества, никогда

не бывавшие в своих родных храмах люди. А им как бы говорят: зачем вам русская вера, все равно вы будете работать на американцев.

— Почему на американцев?

— Печально, что вы можете всерьез интересоваться такими очевидными вещами. Весь творимый в мире адский шабаш, как ни прискорбно, исходит из Америки. Сейчас я говорю, опираясь не только на интуицию. Все то, что всегда чувствовала и предвидела, нашло свое, правда, неизмеримо большее, подтверждение в дни, которые провела в этой страшной стране. Представьте себе гигантские черные, коричневые, темно-серые монстры, которые называются домами. Они давят собой не только человека, но и пронзают твердь небесную. Это — знак страны. Вы только вдумайтесь: прон-за-ют не-бо!

Между ними практически нет интервала. Поэтому если появляются интересные в конструктивном плане здания (искусство и культура там невозможны), то их не видно, они задавлены. Нет воздуха, зелени. И все это стянуто в чудовищно мощное звуковое кольцо.

— А люди, люди?

— Заняты телом, только телом. Все едят, бегают, втирают в себя какие-то вещества. Человеку, воспитанному на том, что лекарство лечит тело, а болезнь — душу, совсем не просто в таких условиях...

Но самое катастрофическое — то, что они называют церквями. Войти в храм и увидеть там подлинный шабаш, где танцуют и пляшут... Нет, само по себе это замечательно. Я, к примеру, обожаю негритянские спиричуэлс — духовные песнопения американских негров, сама их пою, но при чем тут церковь?..

— Как правило, лишь лучшие

артисты мира удостоиваются права выступить в одном из престижнейших концертных залов, нью-йоркском «Карнеги-холле». Вам эта честь выпала. Если можно, расскажите о своих впечатлениях.

— Это был не концерт в традиционном смысле, а часть международной благотворительной акции «Прерванный звон», организованной в помощь многострадальной Армении. На меня, как на музыканта, очень сильное впечатление произвели акустические возможности этого зала, его невероятная функциональность. Наверное, это лучший зал мира. Я была счастлива петь там, но одновременно испытывала жгучую обиду за Россию. Ведь у нас тысячелетние культурные традиции. Однако о таком зале приходится только мечтать.

— Что составляет сердцевину наших отличий, в чем она — «загадочная русская душа»?

— В каждой населяющей земной шар нации есть свои притягательные черты. И нет такой национальности в мире, которая была бы полностью лишена достоинств, присущих другой нации. При всем своеобразии каждой Господь не обошел ни одну из них. Все дело во времени. В определенное время всякий немец печалится или радуется. У него бывает время рассуждений, размышлений, время трудов и разочарований, раскаяний. Бывает даже, как у барона Мюнхгаузена, время подвига. Это присуще всем... кроме русских...

— Непредсказуемы?

— В том смысле, что русский характер, русская душа отличаются от всякой иной прежде всего тем, что все чувства, на какие только способны живые существа на земле, все эти миллионы, миллиарды оттенков чувств — их люди другой национальности испытывают в разное время, русский

человек — одновременно. В одну секунду он и страдает, и радуется, и разочаровывается, и очаровывается, и кается, и грешит... В любви, казалось бы, обладая ею во всей полноте, он уже тоскует. Поразительная сверхспособность чувствовать одновременно все. Наверное, поэтому так неадекватно (в хорошем смысле) нередко реагируют на русских за рубежом. У них-то одинаково улыбаются, сохраняя большей частью какое-то усредненное выражение лица. Оно может меняться, но лишь в экстремальной ситуации.

— Как вы считаете, человек должен испытывать чувство ответственности за то, что происходит в стране? Ведь сейчас так много равнодушных, безразличных ко всему людей...

— Я думаю, что на каждом лежит колоссальная ответственность. Когда душой болеешь за истерзанную Родину, то становится стыдно, если приходится обходить стороной свое служение.

— В чем вы его видите?

— Если ты музыкант, то в музыке обязан перелить свою боль за Россию. Она обязательно вернется к людям.

Речь идет не обязательно о русских по национальности. Мы знаем примеры, когда немцы, шведы, голландцы, итальянцы составляли славу нашего отечества и не щадя живота своего погибали за Россию, становясь еще более русскими, чем сами русские.

— Мкртчян в переводе с армянского означает «креститель». Кем вы себя преимущественно ощущаете: русскоязычной армянкой или русской, у которой есть и армянские корни?

— Я в равной степени и русская, и армянка, но... увы, это только для себя самой... Для армян я слишком русская, а для русских...

— У вас бывают обыкновенные человеческие радости?

— Даже больше, чем вы себе можете представить. Но исключительными минутами радости, которые Господь дарит мне, стараюсь сразу же делиться с другими — со всеми, кого люблю. И если встречается интересный человек, делаю так, чтобы не только я, но и он был счастлив. Обожаю сводить необыкновенных людей друг с другом...

— Концерт, на котором мне посчастливилось быть, наглядно свидетельствовал об этом. То было некое братство, зримое родство душ. Слышал, что есть общество друзей Мкртчян...

— Я к ним не имею никакого отношения. Знаю, что они есть в Петербурге, Москве, Минске.

— Ваше отношение к переменам, которые произошли в стране, казалось бы, предугадать нетрудно. И все-таки...

— Перемены пока чисто внешние. Жить мне лучше не стало, скорее хуже: раньше были хоть какие-то иллюзии, теперь и их нет. Чтобы предать полному забвению музыканта, нужно сделать всего две вещи: постараться, чтобы его не записывали, и лишиться возможности преподавать. Впрочем, я свободна от иллюзий и отдаю себе отчет, где нахожусь и что меня ждет.

— Но у вас четыре компакт-диска...

— Они у меня украдены господами из фирмы «Вист». В нарушение всех зафиксированных в договоре положений ими торгуют в Европе. А одним из обязательных условий был выпуск прежде всего грампластинок у нас в стране. (Ни я, ни мои друзья не имеем лазерной аппаратуры.)

— Стало быть, на Западе вас обманули...

— Что вы! Подписанный контракт для них закон. «Вист» — советская фирма.

— Откуда идет эта наша необязательность?

— Видите ли, многие люди считают, что есть только человеческий суд и больше никакого нет и не будет...

— Правда ли, что в свое время вас не взяли ни в Большой театр, ни в Ленинградский имени Кирова?

— И в Киевский, и в филармонию. Тогда я еще не верила, что по отношению ко мне может существовать некая установка. Неужели то, что я делаю, причиняет столько вреда?!

— Слово «установка» сегодня вроде бы сдано в архив.

— Только что наше замечательное министерство распределяло стипендии неимущим деятелям культуры. И хоть там прекрасно знают, что я нигде не работаю и мне никто не помогает, даже не внесли в список. Ладно бы, если бы стипендий было пять или пятьдесят, но их шестьсот шестьдесят... Уверяю вас, моя судьба — не единичный случай. Она суть социального явления.

— Правда ли, что в один из главных церковных праздников вы оказались на острове?

— Не оказалась, а просто пошла. Произошло это на Рождество. Пятьсот лет назад преподобным Илларионом Гдовским был основан мужской монастырь. До этого преподобный годами молился, живя в дупле огромного дерева, не принимая никакой пищи, кроме меда, воды и травы. Дух Святой сошел на него, и получил он благословение от Матери Божьей и основал монастырь, что впоследствии выпускал необыкновенных чад по всей Руси Святой. Пока не пришел антихрист Петр и не разрушил его до основания.

Но все же Богу было угодно, чтобы мощи преподобного сохранились. Его молитвами спустя 150 лет на месте разрушенного монастыря построен был храм Покрова Богородицы, в котором, под спудом, до сего дня укрыты мощи преподобного Иллариона. Кроме него, маленького погоста с часовенкой да еще землянки, на острове ничего и никого нет. В часовенке гигантское дерево, в его дупле и молился преподобный. А в землянке живут отец Евгений и необыкновенная матушка Ольга. Они-то и охраняют мощи. Как говорит отец Евгений: «Мы служим втроем. Я, моя матушка и преподобный». Прихожан нет. Вокруг разрушенные деревни.

— Где это?

— Под Псковом, за Самолвой, в деревне Озера. И чтобы попасть на остров, в этот храм, нужно переплыть на лодочке речку.

— Вам приходилось звать бабушку?

— Да. Я с одного берега на другой кричала: «Ба-тюш-ка... Пере-ве-зи-те ме-ня к пре-по-доб-но-му!» И он садился в лодочку, приплывал на мой бережок и перевозил меня.

— Вы часто поете в самых различных храмах. Иногда это глубинка России. Как удается вписываться в чуть ли не самостоятельные церковные хоры?

— Я просто стою на клиросе и пою альтом. Приходите как-нибудь к нам, в храм Николы в Пыжах, что на Большой Ордынке. И обратите внимание на наш чудесный хор под управлением Ирины Смирновой. Но самое главное: вы услышите одного из величайших современных русских проповедников — протоиерея Александра Шаргуна, у которого я спасаюсь и благодаря которому еще жива. Как бы жива...

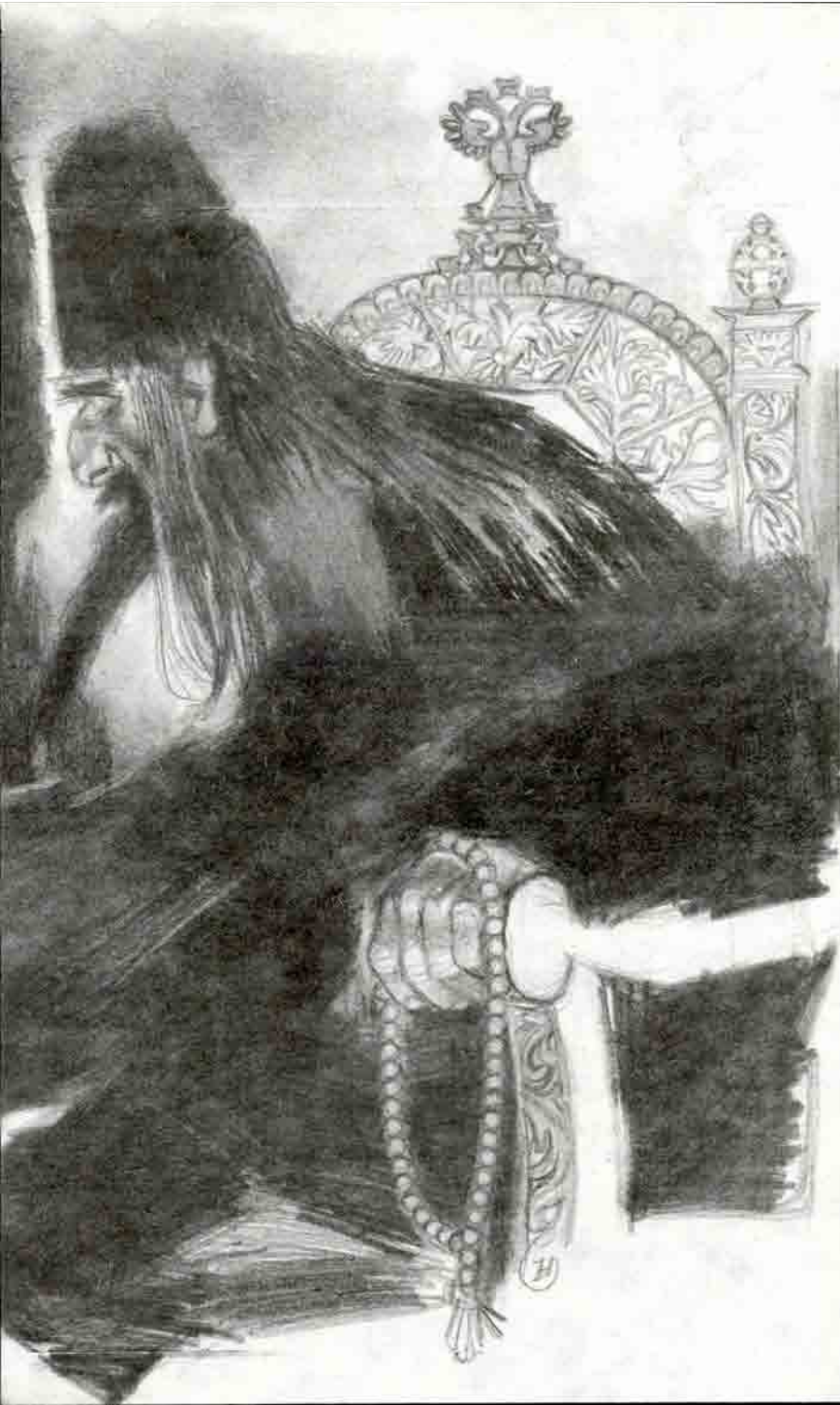
Беседу вел СТАНИСЛАВ КУДРЯВЦЕВ.

ГЕНРИХ ШТАДЕН

ВОЛШЕКИ ИСКУША ОПРАШЧЕНА

РИСУНОК ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Так далеко в прошлое наша рубрика давно не забиралась. А между тем от русского XVI века, в частности от царствования Грозного, сохранилось немало интереснейших историко-литературных памятников и среди них особое, пожалуй, место занимают «Записки немца опричника» Генриха Штадена.

Главный интерес этого первоисточника заключен уже в самом названии: события описаны не сторонним наблюдателем, иноземным путешественником, — каковых не так уж и мало навещивалось в те времена в Московию, — но непосредственным и, судя по должности, весьма не пассивным их участником. Та же «должность» давала автору те преимущества, что власти не считали нужным что-либо скрывать от него, не без оснований полагая его не только *своим*, но и — здесь вполне уместен этот уголовный термин — «*повязанным*».

Авантюрист высшей пробы, вестфалец по происхождению, сначала толмач, потом опричник Ивана Грозного, затем торговый агент в Поморье (между прочим, ему же принадлежит «План обращения Московии в имперскую провинцию» с проектом завоевания Московского государства со стороны города Колы и реки Онеги), он провел в России одиннадцать лет — с 1565 по 1576 гг. Морально-правственные качества Штадена, опричника, так сказать, «по зову сердца», не выдерживают, разумеется, критики. Но то, что российские ужасы описывает негодяй заморского, как говорится, разлива, может кому-то дать повод усомниться в его объективности. Но нравы эпохи и облик тирана, описанные Штаденом, подтверждаются другими известными нам источниками. Другое дело — как это трактовали потом; при Сталине, например, только что не был учрежден «Орден Ивана Грозного», хотя, без шуток, все к тому и шло... Если посмотреть не предвзято, и доверяясь серьезным историческим источникам, к каковым, несомненно, принадлежит и публикуемый ниже, то придется признать, что испокон веков разорению России от нашествия иноземцев предшествовало разорение, повинны в котором бывали собственные негодяи. Грубовата, конечно, русская пословица о том, что неча на зеркало пенять, коли рожа крива, а — что делать? — на все времена, начиная, быть может, с описанных Штаденом, покуда годится.

Часть этих записок мы и предлагаем вниманию читателей, начиная повествование с того времени, когда великий князь — так автор называет Грозного — берет себе в жены привезенную из «Черкасской земли» Марию Темрюковну.

на-то, Мария Темрюковна, и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его.

С этого и начал великий князь Иван Васильевич всяя Руси и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд. И так устроил опричных и земских. «Опричные» — это были люди великого князя, земские же — весь остальной народ*. Вот что делал великий князь дальше. Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил его предкам на войне; эти имения раздавались

опричным.

Князья и бояре, взятые в опричину, разделялись по степеням не по богатству, а по породе. Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников.

Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу — в двух днях пути от Москвы, оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует.

Великий князь послал в земщину приказ: «Судите праведно, наши виноваты не были бы».

Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. И «поле» не имело здесь силы (речь идет о кулачных боях, нанимаемых противными сторонами.— А. К.): все бойцы со стороны земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми, а то и просто не допускали на «поле».

Великий князь приезжал из Александровой слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челядина¹: на Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда, несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и в Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы,

* Земщина — гражданское, штатское население, обыватели. В описываемые времена — те области, которые не вошли в опричину.

например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта куда-нибудь в Русскую землю*.

После него наместником и воеводой был князь Андрей Курбский. Как только понял этот штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду Августу. На его место прибыл боярин Михаил Морозов². Этот оболгал лифляндцев перед великим князем так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин.

Челядин был вызван в Москву; здесь он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквами и все, что в них было, с иконами и церковными украшениями были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур.

(Но здесь уместным кажется нам добавить к повествованию Штадена эпизод, отмеченный другим современником и ставший известным в русской истории только в тридцатых годах нынешнего столетия.

В 1570 году папа Пий V и Венецианская республика вознамерились привлечь московского царя к антитурецкой лиге. Посредником между папой и республикой, с одной стороны, и Иваном IV, с другой, был избран польский нунций Портико. И вот, когда он собирался уже ехать в Москву для переговоров с царем и для обращения его в католичество, в Польшу явился бежавший из московского плена некий Альберт Шлихтинг и наскзал таких ужасов про жестокость Ивана, что у нунция пропала охота к поездке. Между прочими эпизодами Шлихтинг рассказал и этот.

Был некто Димитрий Овчина, граф или, как они обычно называют, князь, пользовавшийся огромным влиянием в Московии. Отец его был взят в плен под Стародубом и до последнего дня жизни находился под стражей в Литве во время той войны, когда польский король Сигизмунд произвел большое кровопролитие среди московитов и захватил Стародуб и многие другие города, а князя Овчину, начальствовавшего в ту войну над войсками московского владыки, увел пленником в Литву. Так вот этого Димитрия Овчину царь пригласил на пир и за обедом усердно просил вышить за один глоток и дух кубок меда, сваренного согласно с нравами и обычаями страны, и этой чашей показать, как дороги для него здоровье и благополучие государя; влив эту сладкую и приятную чашу в свой внутренности, он может скорее всего засвидетельствовать, что готов без колебания пролить за это свою кровь. Наполненный медом этот кубок доходил своими размерами приблизительно до шестнадцати кварт. Хотя Димитрий видел, что это дело неосуществимое, однако охотно принимает обязательство выпить. Он рассчиты-

* Не выводить дворян и горожан в Россию — было одним из условий сдачи Дерпта в 1558 г.

вал так: если он случайно не выпьет кубка до конца (а он наверно знал, что это будет так), то государь не будет негодовать, а скорее похвалит его готовность и повиновение. И так, надув щеки и расширив горло, он пьет с такою жадностью, что переполненные внутренности изрыгнули мед обратно, и все же при этом он проглотил едва только половину чаши. Царь, питая жестокий гнев в душе, все же не проявил немедленно своей ярости, но наподобие ласкающейся собаки слегка упрекнул князя за нерасположение к себе, говоря, что, во всяком случае, он знает, как ему надлежит обходиться с не очень-то расположенным рабом. И так как Овчина не мог тогда пить, то царь предложил ему пойти к винным погребам, где хранятся принадлежащие ему напитки, и там выпить за его здоровье и благополучие что ему угодно и сколько он хочет. Овчина исполняет поручение царя не без охоты, полагая, что тот сказал это чисто-сердечно. Овчина входит в винные погреба с теми, кто по приказу царя собирался угостить его таким роскошным пиршеством, а там ожидали его псаря, подготовленные и наученные царем, чтобы, как только войдет князь Овчина, задушить его. Это и было исполнено, так как те отнюдь не отказывались от приказов тирана. Так погиб Овчина.

Причиной же его тайной гибели было то, что среди ссор и брани с Федором, сыном Басмана, Овчина попрекнул его нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном. Именно тиран злоупотреблял любовью этого Федора, а он обычно подводил всех под гнев тирана. Это и было причиной того, что, когда князь Овчина выругал его за это, перечислив в лицо ему заслуги свои и своих предков пред государями и отечеством, Федор, распался гневом, с плачем пошел к царю и обвинил Овчину. С этого уже времени царь и начал помышлять о гибели Овчины. Совершив его убийство тем способом, о котором было сказано, тиран на следующий день послал к нему на дом слугу с приказом явиться во дворец, притворяясь, что совершенно ничего о нем не знает. Жена Овчины ответила, что со вчерашнего дня не видела мужа, который отправился во дворец великого князя и еще не возвращался. Так этим способом он умертвил Овчину и бесчисленное количество других, крови которых когда-либо жаждал.) Далее продолжает Генрих Штаден.

Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них (т. е. опричников) были тайно убиты.

У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем Володимира Андреевича³, на дочери которого был женат герцог Магнус⁴, а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор был уже подписан.

Первыми боярами и князьями в земщине были следующие: князь Володимир Андреевич, князь Иван Дмитриевич Бельский⁵, Микита Романович⁶, митрополит Филипп⁷ с его епископами.

При великом князе в опричнине, говоря коротко, были: князь Афанасий Вяземский⁸, Малюта Скуратов⁹, Алексей Басманов и его сын Федор¹⁰.

Великий князь ушел с большим нарядом; он не знал ничего

о сговоре и шел к литовской границе в Порхов. План его был таков: забрать Вильну в Литве, а если нет, так Ригу в Лифляндии.

Кровавый дикарь стоял под Ригой в Лифляндии и думал взять ее лаской или хитростью. Но это не удавалось, и он решил взять город силой. Тогда под Ригой пало несколько тысяч поляков.

Узнав об этом, великий князь приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом¹¹ и поставить его перед собой. Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в палате по правую руку великого князя, а земские — по левую. Вильгельм Фюрстенберг предстал перед великим князем в своем обычном платье. Я стоял неподалеку от Вильгельма Фюрстенбергского и толмача Каспара Виттенберга, чтобы слышать, правильно ли толмач толмачит.

И вот великий князь начал и сказал:

— Бывший магистр Лифляндии! Мы хотим тебя пожаловать и опять посадить тебя в Лифляндии. Только ты должен свято обещать и скрепить обет присягой, что ты завладеешь и всем остальным: Ревелем, Ригой и Финляндией, всем, что принадлежало твоей бывшей державе. После тебя в нашей прародительской вотчине, простирающейся до Балтийского поморья, будет править молодой магистр Вильгельм Кеттлер.

Фюрстенберг сказал в ответ великому князю:

— Того я не слышал и не видал, что Лифляндия до морского берега Остзеи* твоя прародительская вотчина.

Великий князь возразил:

— Но ты же видел огонь и меч, убийства и казни. Ты видел, как пленниками были уведены из Лифляндии и те, и другие. Так теперь держи ответ: что же ты хочешь делать?

Вильгельм Фюрстенберг отвечал:

— Я приносил присягу Римскому императору. На этом я готов и жить, и умереть.

Великий князь разгневался на это, и Вильгельм Фюрстенберг был отослан обратно в Любим**. Если бы он согласился, он должен бы отправиться с великим князем под Ригу, а все немцы были бы пожалованы деньгами и одеждой. Но ничего из этого не вышло. Тогда же начали думать о герцоге Магнусе. Какая ему отсюда была слава — всякому известно.

Князь Володимир Андреевич открыл великому князю договор и все, что замышляли и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу, а что он ездил «прохладиться» и осмотреть прародительскую вотчину.

На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни.

Под Александровой слободой, в 3 верстах от нее на юг, по московской дороге, была застава, Каринская по названию. И те,

* Остзея — Балтийское море.

** Любим — уездный город Ярославской губернии.

кто были при великом князе в Слободе, не могли выйти, и никто извне не мог войти без памяти (т. е. памятной записки в качестве удостоверения). Об этом узнали все неверные слуги своих господ — земских. И когда кто-нибудь из них подходил к заставе и говорил: «У меня есть дела господарские», — его тотчас же доставляли от заставы в Слободу, в приказ, и всему, что бы ни говорил он о своем господине, всему давалась вера. А великий князь продолжал: приказывал приводить к нему бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается, — одного так, другого иначе.

Митрополит Филипп не мог долее молчать ввиду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях. А великий князь вновь избрал митрополита — по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами как будто бы из-за чумы, так что один город или монастырь ничего не знал о другом.

Как только опричники подошли к яму или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и сжигалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел проникнуть в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел уйти из лагеря в Москву и был схвачен.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви, и монастыри, пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви.

Великий князь вернулся под Великий Новгород и расположился в 3 верстах от него; в город он послал разведчиком воеводу со своими людьми. В городе прошел слух, что великий князь пошел в Лифляндию. А между тем он вошел в Великий Новгород, во двор к архиепископу, и отобрал у него все его имущество. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось. Так-то пощадил великий князь этот город! Купцам он приказал торговать и от его людей — опричников брать награбленное лишь по доброй уплате. Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где снова давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажён. Потом начали грабить город, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь.

Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе!

Все лавки и палатки, в которых можно было предполагать наличие денег или товара, были опечатаны. Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке.

Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался выгащить что-либо из воды, того вешали.

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с их женами и детьми и те из русских, которые поженились на чужой стороне.

Были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна.

Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. Некоторые из земских переодевались опричниками и причиняли великий вред и озорство; таких выслеживали и убивали.

Великий князь отправился затем дальше во Псков и там начал действовать так же.

К Нарве и к шведской границе — к Ладожскому озеру — он отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских и уничтожать все их имущество: и многое было брошено в воду, а многое сожжено. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси. Великий князь отдал половину города на грабеж, пока он не пришел ко двору, где жил Микула.

Этот Микула — зажиточный мужик живет во Пскове во дворе один, без жены и детей. У него много скота, который всю зиму ходит во дворе по навозу под открытым небом, растет и тучнеет. От этого он и разбогател. Русским он предсказывает много о будущем. Великий князь пошел к нему на двор. Микула же сказал великому князю:

— Довольно! Отправляйся назад домой!

Великий князь послушался Микулы и ушел от Пскова обратно в Александрову слободу со всеми деньгами, со всем добром и многочисленными большими колоколами.

В слободе он тотчас же приказал построить каменную церковь; в ней он сложил все, что было забрано наличными деньгами; в церкви были вделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; врата были отлиты с историческими изображениями; при церкви же были повешены колокола. После того великий князь открыто опоил отравой князя Володимира Андреевича, а женщин велел раздеть донага и позорно расстрелять стрельцам. Из его, Володимира Андреевича, бояр никто не был оставлен в живых.

Великий князь снова приехал из Александровой слободы на Москву и приказал перехватывать всех приказных и правителей в земщине и всех дьяков.

Иван Висковатый¹² держал в земщине печать; Микита Фуников был казначеем; Иван Булгаков был в приказе Большой Казны. Тогда великий князь умертвил до 130 начальников, из

которых каждый судил и рядил по стране. Ивану Висковатому отрезали сперва нос и уши, потом отсекали руки. Микита Фуников был привязан к столбу на торгу и облит кипятком; так его сварили живьем. (После казней 1570—71 гг. очередному посольству в Литву царь Иван дал наказ: если спросят, зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатого, дьяков, детей боярских и подъячих многих, отвечать — о чем государственный изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государственными изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил, потому и казнены.)

Был тогда великий голод; из-за кусочка хлеба человек убивал человека. А у великого князя по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода, а собаки пожирали их трупы.

К тому же всемогущий Бог послал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался, и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах.

И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было, — с повозкой, седлом и уздечкой.

Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками.

Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу. В Московском государстве по большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно молились, чтоб Господь смилостивился и отвратил от них чуму.

Великому князю был подарен слон* вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое жалованье. Это подметили русские бражники, т. е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и зернью играют. Из-за денег они тайно убили жену араба. Сам же араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слоном, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи окрестных крестьян и посадских. Слон стоял обычно в сарае, а кругом сарая был тын. Неподдалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле. Там его и добились, выбили у него клыки и доставили великому князю в доказательство того, что слон действительно околел.

Согласно присяге опричники не должны были говорить ни

* Слона подарил царю Ивану персидский шах Тахмасп.

слова с земскими, не сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать.

Великий князь разделил Москву на две части. Себе он взял совсем незначительную часть: город и кремль он оставил земским.

Всякий раз, когда великий князь брал в опричину какой-либо город или уезд, он отписывал себе в опричину одну или две улицы из пригородных слобод.

Так убывали в числе земские — бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался.

Князь или боярин, не включенный в опричный список, заносился в особый список, который пересылался князю Ивану Дмитриевичу Бельскому, и прочим земским боярам с тем, чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. Когда же это случалось и великий князь «перебирал» уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им это полюбитя.

Через Москву протекает ручей Неглинная в один фут шириной и глубиной. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видывали. Он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они нескоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских. Многие рыскали шайками по стране и разъезжали якобы из опричины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били насмерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами пристраж тогда не было.

Комендант польского короля Сигизмунда в одном из городов Лифляндии, Александр Полубенский, отправился вместе с 800 поляков, переодевшись опричниками. При нем было трое русских служилых людей, отъехавших от великого князя: Марк Сарыхозин и его брат Анисим; имя третьего было Тимофей Тетерин; в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю. Итак, комендант подошел к Изборску и сказал воротнику:

— Открывай! Я иду из опричины.

Ворота тотчас же были открыты. Так врасплох захватили поляки Изборск. Однако удерживали его не более 14 дней и сдали его русским опричникам. После взятия Изборска поляки пожалованы поместьями и крестьянами; те, кто хотел удержать их и после сдачи города, были убиты.

Русские решили сдать полякам Феллин, Тарваст и Мариенбург в Лифляндии. Об этом узнал великий князь и послал приказ обезглавить по этим городам и замкам всех главных дьяков и приказных. Головы их были привезены в мешках на Москву как доказательство их казни.

После того по всем пограничным замкам и городам великий князь разослал указ не впускать никого, если кто придет как бы из опричнины.

Многие отправлялись из опричнины и, придя на остзейское поморье с подложными наказами, принялись переписывать по посадам всех богатых купцов и девушек — дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка, как будто бы она некрасива. А та, что и в самом деле была дурнушкой, должна была идти за красивую. Так получали они деньги.

Много, много богатых торговых людей, много бояр и богатых гостей из земских — те, что не служили на войне, — закладывались вместе с вотчинами, женами и детьми и всем, что у них было, за тех опричников, которых они знали, продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: «Мы не можем держать вас дольше; вы же знаете, что мы не можем общаться с земскими, что это противно нашей присяге. Уходите, откуда пришли!» И земские должны были еще Бога благодарить, что ушли непобитые!

Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы, говорили, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя.

Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Кто не хотел убивать, те ночью приходили туда, где можно было предполагать деньги, хватили людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки и малые опричных князей и дворян! В силу указа все считалось правильным.

По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: «Довольно!»

Это решение пришлось не по вкусу опричникам.

Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей Басманов и его сын Федор, с которым великий князь предавался разврату, были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике. По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь.

Князь Михаил, сын Темрюка из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зоба-

тый был убит. Петр Шенятев повешен на своих собственных воротах перед спальней. Князь Андрей Овцын повешен в опрочнине на Арбатской улице; вместе с ним была повешена живая овца. Маршал Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя и был убит, а сестра его изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед. Григорий Грязной был убит, а его сын Микита сожжен. Его брат Василий¹³ был взят в плен татарами. Писец и дьяк Посник Суворов был убит в поместном приказе. Осип Ильин был позорно казнен во дворецком приказе.

Всех опричников и земских, всех тех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро и деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех сразу убивали где ни попадя: и у церквей, и на улицах, и в домах, во время сна или бодрствования, — а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидуля, в ней указывалась причина казни. Записка эта пришивалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в остростку народа — все равно, был ли казненный прав или виноват.

Были обижены также и торговые люди: как русские, так и из других государств, постоянно торгующие в его стране.

В своей стране великий князь не терпел рядом со своими торговыми людьми никаких других, кроме тех, кто торговал у Нарвы с немцами, французами, англичанами и со всеми заморскими и кого он указывал облагать — одного больше, другого меньше, по своей воле.

Что касается до торговых людей чужих стран, то турчанин купец Чилибей был отослан из Москвы; за товары, которые взял у него великий князь, ему ничего не было уплачено; он должен был удалиться в опале без снисхождения, хотя люди его страны пользуются правом покупки всех пленных, которых русские приводили из Литвы или Польши, а также и из Швеции, равно как из Лифляндии и других окрестных стран; турки вольны разводить их по своим и чужим странам*.

Некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя.

Из Персии шли англичане, которые приезжают к Холмогорам. Как только подошли они к Волге, явился русский станичный голова со своими стрелками, якобы в качестве провожатых и охраны от черкасских татар и нагаев, от луговой и нагорной черемисы. Это предложение пришлось англичанам по душе. И голова со стрельцами вступили на английский корабль, нагруженный пряностями и дорогими шелковыми тканями, затем ранили нескольких англичан, но оставили шкипера и корабельщиков и повернули с кораблем и товарами обратно.

От английской компании великий князь отобрал в свою казну много денег и добра. Королева послала спросить у великого

* Иван Грозный запрещал продавать военнопленных немцев в Германию и Польшу: их продавали туркам, и пленные расходились по азиатским рынкам.

князя, почему он так поступил. А великий князь отвечал послу так: «Опальные деньги не отдадут».

Когда была учреждена опричина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, без всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричину. Это относилось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или в слободах и был взят в опричину, тот мог легко перейти из земщины в опричину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увести в опричину.

Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустили. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда. Так велика была беда, что земский поглядывал только, куда бы убежать!

Об этой игре узнал крымский царь и пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли — свойственником великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов.

Поначалу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор великого князя — Коломенское — в одной миле от города.

Все, кто жил вне города в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей. За шесть часов выгорели начисто и город*, и кремль, и опричный двор, и слободы.

Была такая великая напасть, что никто не мог ее избегнуть!

В живых не осталось и 300 боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели, упали, и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи и изнутри спален огнем, колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посредине Кремля, упали на землю, и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все другие колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных звонницах церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало зелье, взорвались от пожара с теми, кто был в погребах; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне кремля, в опричнине и земщине.

Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить.

Татарский хан приказал поджечь и весь хлеб, который еще немолоченным стоял по селам великого князя.

Когда Девлет-Гирей приказал запалить слободы и подгород-

* Китай-город.

ние монастыри и один монастырь действительно был подожжен, тогда трижды ударили в колокол, еще и еще раз... пока огонь не подступил к этому крепкому двору и церкви. Отсюда огонь перекинулся на весь город Москву и кремль. Прекратился звон колоколов. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу. После пожара ничего не осталось в городе — ни кошки, ни собаки.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя Девлет-Гирея.

С этим пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по поясу и били кнутом на торгу. Опричники должны были возратить земским их вотчины. И все земские, кто только оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками.

На следующий год, после того как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить Русскую землю. Воинские люди великого князя встретили его на Оке, в 70 верстах или по-русски в «днище» от Москвы.

Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять из-за них по татарам, когда те переплывали реку.

На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако им это не удалось.

Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя, Дивей-мурза¹⁴, с большим отрядом переправился далеко от нас через реку, так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Тут пошла потеха. И продолжалась она 14 дней и ночей. Один воевода за другим непрестанно бились с ханскими людьми. Если

бы у русских не было гуляй-города*, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы в Крым, а Русская земля была бы его землей.

Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-булата¹⁵. Но никто не знал их языка. Мы думали, что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили, как долго простоят крымский царь? Татарин отвечал:

— Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили.

Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал:

— Вот он — Дивей-мурза!

Когда спросили Дивей-мурзу:

— Ты ли Дивей-мурза?

Тот отвечал:

— Нет! Я мурза невеликий!

И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому¹⁶ и всем его воеводам:

— Эх вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!

Они отвечали:

— Ты сам в плену, а еще грозисься!

На это Дивей-мурза возразил:

— Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы полонянами в Крым!

Воеводу спросили:

— Как бы ты это сделал?

Дивей-мурза отвечал:

— Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в пять-шесть дней.

Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны были выезжать против врага. Русские пали тогда духом.

Города и уезды Русской земли — все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; было определено, какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю.

Нагаи, которые были в войске крымского царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь Москву в прошлом году.

Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь

* Гуляй-город — подвижное деревянное укрепление, двигавшееся посредством лошадей.

опять обратился в бегство — на этот раз в Великий Новгород, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы.

Из Великого Новгорода великий князь отправил нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому, лживую грамоту: пусть-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40 000 конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался и оробел и пошел назад в Крым.

Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам.

Все русские служилые люди получали придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены *спереди*. А у тех, которые были ранены *сзади*, убавливали поместий, и на долгое время они попадали в опалу. А те, которые были совершенно искалечены от ран так, что становились калеками, те назначались чиновниками в города и уезды и вычеркивались из воинских смотренных списков. А здоровые приказные из городов и уездов распищывались на месте калек. Княжеским или боярским сыновьям, достигшим 12-летнего возраста, также раздавались поместья, и они также записывались в смотренные списки. Если лично они не объявлялись на смотру, их наказывали так же, как и их отцов. Никто по всей стране не свободен от службы, даже и тот, кто ничего не получает от великого князя.

Затем были убиты два военачальника — князь Михаил Воротынский и Микита Одоевский.

158 Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, все исполняется, и все, что запретит, действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне.

И как долго продержится это правление, ведомо Богу-вседержителю!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Челядин-Федоров Иван Петрович — боярин и конюший из видной боярской фамилии. Оговоренный в измене и планах на престол, казнен в 1567 г. Грозный нарядил Челядина перед казнью в царское одяние, посадил на престол и заставил выслушать все обвинения.

² Морозов Михаил Яковлевич — московский боярин, был воеводой в Дерпте в 1564 г. Казнен в 1573 г.

³ Владимир Андреевич, князь — двоюродный брат Грозного, удельный князь Старицкий и Верейский. Вместе с женой и сыновьями казнен в 1569 г.

⁴ Магнус (1540—1583), датский принц, с 1570 г. — ливонский король и вассал Ивана Грозного. В 1578 г. перешел на сторону Польши. Умер в совершенной бедности.

⁵ Бельский Иван Дмитриевич — боярин, в 1565 г. назначен первым боярином в земщине. Погиб в приход крымского царя Девлет-Гирея во время московского пожара.

⁶ Никита Романович — дворецкий и боярин, воевода. Его сестра была первой женой Ивана Грозного, а внук Михаил занял царский престол в 1613 г. и положил начало династии Романовых.

⁷ Филипп — митрополит московский и всея Руси. После нескольких столкновений с царем из-за опричнины в 1568 г. лишен сана, заключен в Тверской Отроч монастырь и здесь 23 декабря 1569 г. задушен Малютой Скуратовым.

⁸ Вяземский Афанасий, князь — участник организации опричнины и один из виднейших ее представителей. По доносу был казнен в связи с новгородским делом.

⁹ Скуратов-Бельский Малюта — думный дворянин, опричник Ивана Грозного, погибший под Вейссенштейном в 1572 г.

¹⁰ Басмановы: Алексей Данилович — боярин, стяжавший воинскую славу под Казанью, Нарвой и Полоцком. Обвиненный по делу о «заговоре» кн. Владимира Андреевича и в сношениях с Новгородом, был казнен. Федор Алексеевич — его сын. По рассказу Курбского, Федор, повинуясь приказанию Грозного, убил своего отца, а затем и сам был казнен. По другим сведениям, отец и сын Басмановы умерли в ссылке на Белозере.

¹¹ Фюрстенберг Вильгельм — ливонский магистр, взятый в плен русскими при захвате Феллина в 1560 г., был отвезен в Любим. По проекту Грозного — кандидат на ливонскую корону, от которой отказался; умер в Любиме в 1565 г.

¹² Висковатый Иван Михайлович — государев дьяк с 1549 г., сделавший карьеру в Посольском приказе; с 1561 г. — печатник, т. е. хранитель государственной печати. Обвиненный в измене, казнен в 1571 г.

¹³ Грязной Василий — дворянин московский и видный опричник. В 1572 г. взят в плен крымцами и лишь в 1577-м выкуплен царем за очень крупную сумму в 2000 руб. Грязной Григорий — брат предыдущего, «объезжий голова» на Москве; по должности на нем лежала охрана общественной тишины и безопасности от пожаров, грабежей, разбоя, драк и азартных игр.

¹⁴ Дивей-мурза — один из крупнейших военачальников Девлет-Гирея. На Оке в 1572 году был захвачен в плен, доставлен в Новгород к царю Ивану и позже перешел к нему на службу; в чине постельника был с ним в Старице в 1581 г. во время осады Пскова. В набег на царскую ставку Христофора Радзивилла перебежал в отряд последнего, изменив царю. Видимо, был принят на службу Баторием. Дальнейшая его судьба неизвестна.

¹⁵ Хаз-булат — один из крымских военачальников Девлет-Гирея; взят в плен вместе с Дивеем-мурзой в набег 1572 г.

¹⁶ Воротынский Михаил Иванович — с 1552 г. боярин, воевода и военный инженер «в полкоустроениях зело искусный», разработавший систему оборонительных сооружений по южной границе Московского государства и многократно выступавший против крымцев. Казнен или, как говорит боярская книга, «выбыл» в 1573 г.

САМЫЙ

— **М**не было восемнадцать. Я жутко влюбилась, просто до беспамятства. Он меня звал замуж, я почти согласилась. И тут узнала, что таких девочек у него — пруд пруди. И сдуру наглоталась таблеток... Потом испугалась и позвонила приятелю из медучилища. Он примчался, заставил меня засунуть два пальца в рот и принять два литра воды с содой внутрь. Короче, вытащил с того света...

Я слушал свою давнюю знакомую недоверчиво. От нее я такого не ожидал — светлый, романтически настроенный человек — и вдруг? Хотя медики утверждают, что именно романтики, интеллектуалы чаще всего ранимы и склонны к самоубийствам. И все-таки — чтобы она...

Узнав, что я пишу о самоубийцах, знакомая сказала, усмехнувшись:

— Я живой, вернее, выживший пример... Только без фамилий. Знаешь, такая «реклама» — не очень. Сейчас я бы такого не выкинула. А тогда... Тот парень толкнул меня лоб в лоб с реальной жизнью. Мне сказали, что он просто бабник. Я плакала полдня, выкурила у подружки все сигареты, хотя сроду не курила, а потом нашла таблетки.

— И о чем думала в этот момент?

— Точно не помню, но хотела

КТО ОНИ, УБИТЬ

наказать его и еще говорила про себя: бедная я, бедная...

— Потом долго еще переживала?

— Представь себе, недолго. Мой приятель мне не только желудок промыл, но и мозги прочистил. После того случая было какое-то время страшно от того, что я могла убить себя. И до сих пор страшно, хотя шесть лет прошло.

Мысль о невозможности жить в какой-то момент посещает даже самого большого оптимиста. Главное — не дать этой мысли разрастись до трагических размеров, когда ни о чем другом уже и думать не можешь.

Это, увы, удастся не всем...

Скорбный список из года в год пополняется, и никто не в силах предвидеть, чьи имена окажутся в нем завтра.

По статистике в России ежегодно самоубийство совершают около

РЕШИВШИЕ СЕБЯ

40 тысяч человек. Попыткам, когда человека успевают спасти, счет не ведется. Но можно смело сказать: их не меньше.

А сколько тех, кто вынашивает мысль покончить с собой, но пока не подошел к роковой черте?!

Страшно...

Мы силится понять, что заставляет человека заглядывать «за край», и не понимаем.

С детства помню мистический ужас, когда девчонка из соседнего дома, вытаращив глаза, сообщила: «Дядя Саша удавился». От одного слова «удавился» до сих пор берет озноб...

Художника Сашу мы хорошо знали, и понять его добровольный уход из жизни было невозможно. Особенно в том, детском, возрасте, когда каждый человек еще имеет для тебя особую ценность.

Это потом газетные сводки с сообщениями о все новых случаях суицида станут делом обычным; до

двух тысяч москвичей ежегодно кончают с жизнью. От этого не отмахнешься, как не отделаешься от вечной внутренней тревоги: почему?

Главный врач психиатрической больницы имени А. Н. Алексеева (бывшая «Кащенко») Владимир Николаевич Козырев убежден, что в большинстве случаев самоубийство — признак патологии и результат депрессии. Он же сказал, что среди старых психиатров бытует поверье: если человек однажды попытался покончить с собой, он обязательно когда-нибудь доведет свой замысел до конца, однако нынешняя медицина так не считает.

И то хорошо, и то просвет...

В конце восьмидесятых в Новгороде, на берегу Волхова, построили новый драматический театр. Говорят, в разработке проекта участвовал Андрей Макаревич. Надеюсь, не ему принадлежит идея возвести рядом с театром странного вида сооружение, ни для чего конкретно не приспособленное, — в народе его называют кто фаллосом, кто кукурузой. Огромный, выше самого театра, ячеистый столб.

Недавно этот столб неожиданно обрел смысл, хотя и жуткий. С него прыгнул головой вниз и насмерть разбился о восьмиугольные бетонные плиты площади некий

молодой человек. Он любил рок-группу «Алиса», которая как раз приехала в древний город на гастроль. Парень попал на один концерт, выпросил у родителей денег на второй. На третий прорваться не удалось. Это было воспринято как трагедия и трагедией подлинной обернулось: поклонник отечественного рока покончил с собой...

А вот история, увы, банальная, для судьбы молодых провинциалок. Ольга приехала в Москву поступать в институт. Поступила. Потом любовь, постель, беременность. А он, негодяй, говорит: ребенок не нужен. Но выбора уже нет, а из дома пришло письмо, где маминым почерком выведено: «Не смей к нам приезжать со своим позором». Мамочка родная, что же делать?

«Меня предали и бросили. Никто не может мне помочь. Я не хочу жить на свете, где никому не нужна. Прощайте!»

Она отложила ручку, подвинула записку в центр стола, чтобы сразу бросилась в глаза соседкам по общежитию. За запертой дверью слышались веселые голоса однокурсников, но к ним ей не хотелось. Одну за другой она вскрывала хрустящие лекарственные упаковки и высыпала таблетки на ладонь — шесть упаковок. Шестидесят маленьких белых таблеток. Она быстро их проглотила, запила водой и забралась под одеяло.

Бледную, чуть дышащую подругу обнаружила однокурсница, забежавшая зачем-то в комнату. Вызвали неотложку. Врачи спасли и Ольгу, и будущего малыша. Жизнь продолжается. Скоро институт будет позади. Есть друзья, и среди них один самый добрый, самый верный, самый нужный. Ей теперь трудно даже представить, что когда-то накатила такая волна, такая боль...

— Несчастливая любовь, нежела-

тельная беременность, трудности во взаимоотношениях с возлюбленными — это не только в старых фильмах и книгах. И теперь они нередко становятся поводом для самоубийства, — говорит врач-психиатр Наталья Тихоновна Лазина. — Один попереживает и забудет, а другой так себя накрутит, что впору в петлю лезть. И лезет...

Как специалист, Наталья Тихоновна считает, что ответ на вопрос «почему?» надо искать не в поводе для самоубийства, а в личности человека. Не случайно наибольший процент суицидальных попыток приходится на молодежь и стариков.

Две тысячи подростков-самоубийц теряет Россия ежегодно. Любая нетривиальная ситуация, из которой они не видят выхода, может закончиться для ребят трагически.

Как правило, под влиянием минуты, не тратя времени на анализ этой ситуации, а часто и не умея еще анализировать, они выбирают самый простой и легкий, на их взгляд, путь решения проблемы: уйти из жизни вообще.

Они еще не знают, не осведомлены, не научены жизненным опытом, что всякая депрессия рано или поздно проходит и что есть люди, готовые и способные помочь.

В любом московском телефонном справочнике найдете номер круглосуточной экстренной медико-психологической помощи. «Телефон доверия»: 205-05-50. Заведующий этой службой Сергей Владимирович Трофимов рассказывает:

— Службе четырнадцатый год. Создана по инициативе ведущего суицидолога страны профессора Айны Григорьевны Амбрумовой. Обращения мы принимаем только по телефону. В 1994 году было 173

тысячи звонков. Телефон шести-канальный, одновременно консультации ведут шесть сотрудников. Всего же в штате сорок специалистов — психологов и психотерапевтов. Примерно в 60—70 процентах случаев к нам звонят люди, которым необходима именно психотерапевтическая помощь. Услуги оказываем бесплатно: работа службы финансируется государством.

С какими проблемами обращаются прежде всего? В первую очередь 20—35-летних беспокоят семейные отношения. Актуальны одиночество, сексуальные вопросы, алкоголизм, есть звонки и от психически больных людей. Примерно десять звонков в день от тех, кто подумывает о самоубийстве. Чаще это именно молодежь, но обращаются и пожилые. Люди зрелого возраста просят проконсультировать редко — они, как правило, уже адаптированы к жизни, устроены в ней.

Молодость и старость — время, когда организм меняется, в том числе и психологически. Если старики сводят счеты с жизнью в основном из-за одиночества, покинутости, никчемности, как им кажется, своего дальнейшего существования, то молодым остро недостает умения приспособливаться к жизни. А жизнь нынче такова, что без этого умения подстроиться под ситуацию, в чем-то изменить себя, свои взгляды, просто не проживешь. Слава Богу, если вы способны быстро перестраиваться, чтобы попасть в ритм с этой динамичной жизнью.

Когда этого не происходит, человек начинает чувствовать свою неполноценность, что вызывает депрессию, ощущение одиночества даже в кругу близких друзей. Тогда и начинается процесс, который психиатры называют аутодеструкцией, или саморазрушением.

Потеря жизненного смысла — это и есть депрессия. Когда разрушена душа, уже нечего терять, кроме бренного тела, которого в таком состоянии ничуть не жаль...

Сергей Владимирович из тех специалистов, которые не согласны с отношением к суициду как проявлению болезни. Есть, конечно, и психически больные. Но большинство самоубийц, по его мнению, — люди практически здоровые. Им нужно лишь вовремя помочь. А помочь можно, только получив сигнал от них самих.

...Ему 45 лет. С виду крепкий, ухоженный мужик. Ширококостный, мощные руки, только вот пальцы подрагивают. Будто азбуку Морзе стучит.

Вскрывал себе вены. (Кстати, для мужчин способ самоубийства — довольно редкий. Это вроде как женская прерогатива...) И виной тому не любовь, не бытовая безысходность.

Вот что рассказал пациент «Склифа», кандидат исторических наук П.

— Если бы мне года два назад сказали, что я попытаюсь покончить с собой, я бы рассмеялся. Сейчас, понятно, не до смеха... Я это сделал. Почему? Думаю, лишь лет через двадцать смогу окончательно ответить самому себе. Но вот сейчас пытаюсь разобраться: прежде всего сработало, как ни странно, чувство достоинства. Я всегда был человеком «со стержнем».

Так я считал, так думали и друзья, и родные. Мне ничего не давалось легко, за так. Институт, диссертация, работа — все с напрягом. Сам из семьи, можно сказать, люмпенов. Отец пил страшно. Мать — дворничиха. Меня спасали книги и... замкнутость. Я рос парнем не компанейским. Держался особняком и очень чувствителен

был к обидам. Казалось, все хотели унижить меня. Поэтому жил, «сжав зубы». В МГУ на истфаке был одним из лучших. Но брал, как теперь понимаю, горбом. Не талантом. То, что другим давалось играючи, мне потом и кровью. Нет, не тулица, конечно, не тугодум. Просто сильно в себе сомневался, комплексовал. Хоть внешне держался молодцом: короткая стрижка, твердая походка, сигарета в углу рта. И все время думал об одном: как бы не оплошать, не «потерять лицо». И все бы ничего, но я историю не просто учил, а влезал в нее по уши. Вот сейчас думаю, если бы в «технари» подался, может, и не случилось бы такого? Хотя... Ну, в общем, я стал замечать, что в прошлых веках «чувствую» себя куда свободней, раскованней, чем в сегодняшнем дне. Я был страшно одинок. Семья? Да, и жена, и дочь — с этим все нормально. Плюс дачка-тачка... А одинок — впрямь на луну выть. Любовницы? Меня это как-то не увлекало. Выпивка тоже. А вот конец восемнадцатого века, девятнадцатый «серебряный» — там я буквально купался. Душой, сердцем. Кстати, защищался по Соловьеву плюс философы-богословы во взаимоотношениях с дворянством. Словом, «высший свет» и свет духа. И все складывалось неплохо: ездил в Германию, Францию, в Штатах побывал, в Канаде. Лекции, ратах на славянских кафедрах... И вдруг что-то сломалось во мне. Подумалось: Господи, да ведь жизнь проходит, а я в старье копаюсь! А тут еще как-то дочь говорит: ты, папка, как не живой, а механический, тебя ничто не злит, не радует... Как она-то в свои шестнадцать меня увидела? И я тогда, помню, заперся в ванне и впервые за много-много лет вдруг заплакал. Слезы сами текли, хочу остановиться, а не

могу. Вот тебе и достоинство, и характер железный... Ну а спустя месяца три взял бритву... Совершенно трезвый был. Все понимал. И что глупость это и что настоящие мужики так не делают. Что ж, значит, я не настоящий.

— А если рядом был бы кто-то, перед кем можно душу излить, выплакаться в жилетку?..

— Если бы... Что сейчас гадать!

По данным Института скорой помощи имени Склифосовского, практически ни один человек, что был доставлен сюда после попытки суицида, ни разу не звонил по «телефону доверия». Звонят те, кто лишь вынашивает мысль о самоубийстве. Задача сотрудников службы — разобраться в ситуации, включить в нужный момент дополнительные защитные силы человека, чтобы он начал работать на созидание, а не на разрушение себя: «У тебя тысячи прекрасных качеств, почему же одно-единственное плохое должно закрыть свет?»

Общих рецептов, конечно, не существует. Абсолютно с каждым, кто обращается в службу медико-психологической помощи, разговор ведется индивидуально, и каждая ситуация рассматривается в контексте сопутствующих ей обстоятельств.

Как вы поняли, обращаются к «телефону доверия» одни, а оказывают в больнице другие. Значит, есть просвет — «телефон» штука настолько надежная и умеющая убеждать, что после разговора со специалистами «голова встает на место» и накладывать на себя руки уже не хочется.

Специалистам известно: лишь истинные самоубийцы доводят дело до конца. Они все готовят тщательно, и срывов у таких почти не бывает. Но разве есть и не истинные?

Послушаем еще раз Владимира Николаевича Козырева:

— Допустим, женщине внезапно сообщают, что у нее погиб сын. Она может в ответ на это сообщение попытаться покончить с собой. В этом есть доля истерического, бессознательного. Такие самоубийства мы называем реактивными. От них могут быть застрахованы лишь люди, которые всегда умеют держать себя в руках.

Нередко приходится иметь дело с «театралами», которые инсценировкой суицида хотят чего-то добиться, что-то доказать. Как правило, демонстрационно-симуляционные самоубийства не кончаются смертью — или таблеток не хватило, или спасители появились вовремя, как и рассчитывал герой действия. Но иногда расчеты все же не оправдываются, и вынуть человека из петли или остановить на краю балкона оказывается некому. Так что «театралы» и сильно рискуют, и быстро теряют уважение окружающих.

Многие пытаются покончить с собой в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. По данным Всемирной организации здравоохранения, 25 процентов больных алкоголизмом хотя бы один раз совершали попытку покончить с собой.

Разумеется, из соображений как медицинской, так и журналистской этики не могло быть и речи о том, чтобы полистать чьи-то истории болезни. И все-таки Наталья Тихоновна слегка приоткрыла завесу над причинами, по которым ее пациенты решались принять на себя тяжкий грех самоуничтожения. Вот типичные в принципе случаи.

— Недавно мы обследовали молодого человека, который во время службы в армии столкнулся

с «дедовщиной» и попытался положить на себя руки. Когда изучили его прошлую жизнь, узнали, что подобное он и до армии совершал неоднократно, если не мог справиться с какой-то проблемой. К таким людям надо относиться очень бережно, хотя и без гиперопеки, усугубляющей комплексы. Парень просто не созрел до окончательного формирования и осознания себя полноценной личностью, которое обычно заканчивается годам к восемнадцати, но у некоторых продолжается и до двадцати четырех. Это то, что мы называем инфантильностью.

Молодой человек пятнадцати — двадцати лет обычно максималист, для него не существует компромиссов, полутонов, только черное-белое, хорошее-плохое, и он не способен разобраться в жизненных хитросплетениях, как было и с этим мальчиком.

Не так давно у нас в отделении лежал студент медицинского института. Поводом для суицида стал его конфликт с женой. Она сказала, что уходит вместе с сыном, а он в сыне души не чает. Никакие доводы не действовали. Однажды этот студент ехал утром в институт на занятия. И вдруг на него напали такая тоска и безысходность, что он в один момент решил броситься в метро под поезд. К счастью, попытка оказалась неудачной, парня спасли. Сначала он попал в «Склиф», а уже оттуда — к нам, в «Кашценку». И все время твердил: «Господи, какой же я дурак!», вполне осознанно оценивая свой поступок как абсолютно бессмысленный.

Бывают и логически, для себя, вроде бы оправданные самоубийства. На молодого процветающего чиновника завели уголовное дело. Там были крупные взятки, и все оказалось доказанным. Он понял: если он исчезнет, дело будет за-

крыто, а семья спасена от позора и конфискации имущества. Он поехал на дачу, выпил бутылку водки, спокойно написал записку с объяснениями и покончил с собой.

Другой молодой человек совершал суицидальные попытки несколько раз. У него не было работы, из-за этого возникали постоянные конфликты с женой и матерью. Он начинал пить, понимал, что это не выход, винил себя, тут же выносил себе приговор и пытался привести его в исполнение. До сих пор его удается спасти. Но это человек с явными суицидальными, или аутоагрессивными тенденциями. Есть, к сожалению, и такие совершенно не способные обустраиваться в жизни, выходить из конфликтных ситуаций. Им очень трудно помочь, особенно в нынешних действительно непростых условиях.

Кстати, динамика самоубийств не имеет прямой связи с ситуацией в стране. Во всяком случае, Владимир Николаевич Козырев считает, что никто с собой не кончает лишь оттого, что обострился какой-то конфликт. Все зависит от того, насколько это коснулось лично тебя. Люди ко всему подходят эгоцентрично, и то, что рушатся идеалы, может стать почвой, но не поводом для самоубийства.

Сергей Трофимов подтверждает, что коллизии в обществе не влияют на число решившихся на суицид. По его словам, резкий рост обращений в их службу по этому поводу наблюдался лишь однажды, во время так называемой «павловской» денежной реформы. Многие говорили в трубку одно и то же: «Я все потерял...» Но это был однодневный всплеск.

Однако Наталья Тихоновна Лазина придерживается иной точки зрения, особенно в отношении зре-

лых людей. Она полагает, что в их суициде есть прямая зависимость от общей ситуации в обществе, когда пропадает вера в стабильность, надежда на улучшение. И люди, которые имели хорошую работу, профессию, определенный достаток, вдруг начинают жить качественно хуже — и в материальном смысле, и из-за страха потерять работу, и из-за криминальной напряженности.

Как правило, особенно ранимы люди мягкие, застенчивые, склонные к «камерной» жизни, интеллектуально развитые, порядочные, отзывчивые, добрые. Им трудно преодолевать внешние раздражающие факторы, и они совершают серьезные, а не демонстративные попытки самоубийства. Такая тенденция, к сожалению, сейчас есть.

У многих, когда они смотрят по сторонам, создается впечатление, будто молодежь вокруг сплошь «крутая», сильная, нахальная, толстокожая. Что парни эти, что девчонки, кажется, скорей избьют любого, чем सेवा. У них и извилин-то, извините, вроде не хватает на всякие там муки души или совести.

Конечно, соглашаются медики, есть и такие. Но они, как пена, болтаются на поверхности, лезут всем в глаза, поэтому и кажется, что их большинство. На самом деле эти ребята изо всех сил стараются выглядеть круче других, одеваться вызывающе, говорить грубо, потому что это их щит от внешнего мира. Им нравится обращать на себя внимание, выделяться в столичной толпе, и ничего лучше придумать они не могут.

Беда же в том, что родились они другими, что сила их и развязность часто напускные, а внутри, как болезнь, зарождается раздвоение, расщепление личности. И «кожаный» мальчик, как и хлип-

кий интеллигентик, в конце концов мылит веревку.

Пытаясь понять, что же это такое — самоубийство, я зашел в храм Богоявления в самом центре Москвы, в Богоявленском переулке. Там мы долго говорили с отцом Геннадием, местным священником. Первое и главное, что он сказал, что православная церковь считает самоубийство самым тяжким человеческим грехом, который не прощается. Самоубийц не отпевают, о них не молятся, так что они закрывают себе все пути к благополучию в будущей жизни. Церковь внимает причинам самоубийства лишь тогда, когда у человека расстроена психика.

— Жизнь — это главный Божий дар, — говорит отец Геннадий. — Вера оберегает человека, от многого его спасает, как бы трудно ни было. Церковь своих прихожан учит жить с некоторой опасливостью, чтобы мысли о самоубийстве, подобные настроения он вообще не допускал или всячески с ними боролся. Отсутствие веры или сомнения делают человека заложником злой силы, которая и пытается загнать его в тупик, когда хочется уйти из жизни.

У нас, — говорит священник, — иногда на исповеди встречаются люди, которые делятся такими мыслями — о трудности и невозможности жизни. Особенно много отчаявшихся в последнее время, когда люди живут на грани нищеты. Мы стараемся ободрить, молимся за них. Помогает им и Бог, когда человек исповедуется, причащается. Ведь в основе всех болезненных проявлений лежит нераскаянный грех, и он опутывает сознание. Там же, где есть свет, тьма бессильна. В этом смысле свет жизни — самый могучий. Церковь учит бороться с гордыней, с унынием, с отчаянием...

Самоубийство... Убить самого себя!

Сколько романов, сколько философских и социологических исследований этому посвящено. Но в милицейских оперативных сводках слово это все равно мелькает ежедневно. Потенциальные самоубийцы всех этих философских трактатов наверняка не читали.

В книге профессора Венского университета и Международного университета в Сан-Диего Виктора Франкла «Человек в поисках смысла» есть такие размышления:

«Нередко используется понятие «рациональный суицид». Оно описывает способность человека, подведя сознательный итог всей своей жизни, принять решение об отказе от дальнейшего существования... Вопрос, однако, в том, может ли такой итог оказаться настолько отрицательным, что продолжение жизни представится человеку безнадежно обесцененным?»

В первую очередь мы склонны усомниться: всякий ли человек способен оценить свою жизнь с достаточной объективностью? Это особенно верно в случае, когда человек приходит к выводу, что его проблемы неразрешимы или что единственно возможным решением является самоубийство. Каким бы сильным ни было это убеждение, оно все же остается субъективным... Ни одна суицидная попытка фактически не может быть оправдана... Самоубийством никогда не расплатиться за прошлое. Вместо того, чтобы покончить с прежними несчастьями или несправедливостью, суицидент просто кончает с собственным «Я».

Книга стоит того, чтобы над ней подумали не только кандидаты в самоубийцы, но и все, кто время от времени теряет путеводную нить и не знает, за что зацепиться

во имя собственного спасения и равновесия.

Можно ли остановить или хотя бы уменьшить этот страшный поток уходящих из жизни по собственной воле?

Оказывается, все цивилизованное человечество не просто охает и ахает по поводу суицида, но и ищет, а главное, находит какие-то выходы, позволяющие вовремя достучаться до потерявшего себя человека.

Вспомним: настоящее, практическое развитие психологии и психотерапии у нас в стране началось лишь тогда, когда была нарушена стабильность общества, когда заходила под ногами прежде устойчивая почва, когда домой стали возвращаться мальчишки-афганцы, когда были, наконец, отменены многие запреты, в том числе и на психотерапевтическую помощь, и на западную литературу, досконально рассматривающую эту тематику. Оглянемся — еще и десяти лет с тех пор не прошло.

Тем временем на Западе многие имеют не только личного адвоката, но и личного психотерапевта, поскольку общество там дозрело до понимания того, что психологическая разгрузка время от времени необходима каждому.

Депрессия — ключевой момент для самоубийства. Пожалуйста, говорят медики, пусть каждый принимает высокоэффективные и не слишком вредные для здоровья (безвредных порошков и таблеток не существует в природе) антидепрессанты, которые хотя и не снимают депрессию, но все же делают ее течение более легким.

У нас же сама идея обращения к психотерапевту скомпрометирована. Во-первых, общественным сознанием, в котором неистребимо сидит абсурдное для западного че-

ловека представление, будто психолог, психотерапевт и психиатр — одного поля ягоды, и обратиться к этим специалистам все равно, что признаться: я — сумасшедший.

Во-вторых, свое черное дело сделало широкомасштабное мелькание на сценах и экранах всякого рода шарлатанов от психотерапии, озабоченных не столько нашим душевным и физическим здоровьем, сколько толщиной своего кошелька.

В Москве недавно открылся Институт человекознания, который готовит в том числе и психотерапевтов. И проявилась удивительная закономерность — специалистами этого профиля хотят быть очень многие. А вот обращаться к подобным специалистам, особенно не имеющим громкого имени, никто особенно не торопится.

Хотя, как убеждает практика того же «телефона доверия», многим обращение к психотерапевту просто жизненно, то есть именно для сохранения собственной жизни, необходимо.

Чаще ищут поддержки специалистов женщины. Здесь тоже играет свою роль определенный стереотип: дескать, русский мужик должен быть крепким, ему не пристало «плакаться в жилетку». Свои проблемы он обязан решать только сам. Вот он и «решает» их... (Вспомним рассказ историка П.А. Представительницы старого пола накладывают на себя руки гораздо реже нашего брата, вроде бы сильного. А задень поглубже — и сломался.

Вообще же в случае, когда речь идет о жизни и смерти, рассчитывать на первый-второй по полному признаку абсурдно.

Скажем еще об одном деликатном моменте, обычно мучительном для родственников того, кто ушел в мир иной по доброй воле. С дав-

них пор существует обычай, который хотя официальной властью семь десятилетий и не приветствовался, но в народе всегда жил — нельзя хоронить самоубийцу на общем со всеми кладбище. Даже песня такая жутковатая, на слова Некрасова, есть: «Осмотрел его лекарь скорехонько и велел где-нибудь закопать». Где-нибудь — не потому что лекарь такой бесчувственный, а потому что «застрелился чужой человек», сам на себя руки наложил. И, значит, по православному, грех взял на себя неискупимый.

Отпевать самоубийцу как страшного грешника ни один батюшка ни в одной церкви не станет, если, конечно, его не обмануть фальшивыми бумагами. С похоронами сейчас не так строго, кладбищенские ребята за лишнюю сотню тысяч хоть самого черта в хорошую могилу пристроят. Но опять же не дай Бог узнают соседи-верующие, кто рядом с их родственниками лежит. Случаи разорения захоронений самоубийц, хоть это и варварство, все же есть на православных кладбищах, особенно в российской глубинке, где все знают друг друга наперечет и кто от чего умер — тоже.

Такая вера у нас — если мы существуем на земле, то для чего-то, а не просто так. И страдания наши даны нам тоже не просто так, а для выполнения чего-то, именно тебе предназначенного. И как не может человек сам себя родить, так и не должен он и прерывать данную ему Богом жизнь, и положено ему испить всю чашу до дна. Может, вера дана нам еще и для самозащиты от разрушительного начала в самих себе?

Буквально на днях мой приятель признался: «Не хочу жить». Ситуация, в которую он попал, действительно не рядовая, и я не

представляю, как бы вел себя, случись такое со мной. Поступил после школы в один из самых престижных технических вузов Москвы. Теперь — шестой курс, а защищать диплом не то чтобы не хочется, а вроде бы по нынешним временам и неразумно: устраивайся потом, как знаешь.

— Ладно, — сказал я ему, — ты физик, который не сегодня, так завтра все равно может состояться. Почему же надо отказываться от этого завтра?

— Потому что я не уверен, что оно наступит... Дворником идти работать? Тогда зачем мне диплом? Куплей-продажей заниматься не умею, а наука моя никому не нужна. Значит, я — человек лишний.

— А я знаю женщину, пятидесятилетнюю, химика, кандидата наук. В ее НИИ сократили десятка два специалистов. Так они свое дело развернули, такую лабораторию открыли, что договоров даже из-за рубежа имеют больше, чем весь их НИИ. Искать надо, безвыходных ситуаций не бывает... Что, первый раз тебе плохо? Или после «плохо» все-таки наступало «хорошо»? Уверен — через некоторое время у тебя все образуется. И тебе будет стыдно даже вспоминать этот разговор. И вообще «в борьбе наращиваются мускулы».

— Что ты все — борьба, борьба... Я нормальный человек, хочу работать, а не бороться за свое выживание.

— Так все-таки хочешь работать, значит, и жить хочешь? Помнишь, как говорил любимый нами с детства красноармеец Сухов?

— Мертвым, конечно, спокойнее. Но скучно...

— Это точно!

Неогра

Нынешней весной
Андре Агасси
стал первой
ракеткой мира.
Он наконец
«обошел»
своего земляка,
американца
Пита Сампраса.
Многие
видели Андре
с длинной
гривой волос,
с серьгой в ухе,
в необычных
для тенниса
нарядах и даже
представить себе
не могли,
что этот
«шут на корте»
скоро станет
игроком № 1...

ЗИМЫЙ

НИКОЛАЙ ЗУЕВ

АТАССИ

Четверть века назад, а точнее 29 апреля, в штате Невада был зарегистрирован еще один житель США. Радовались малышу Элизабет, мать Андре, и папаша Майк. Тот сразу заметил, что из парня выйдет толк.

— Он весь в меня — такой же крепкий и озорной, — любил повторять отец, поднимая сына над головой. — Если я участвовал в Олимпийских играх в Хельсинки, то почему бы ему не стать тоже боксером, а лучше теннисистом: ведь это здорово, когда во время состязаний никто не бьет тебя по морде!

— Пускай становится первой ракеткой мира, — поддакивал отцу старший сын Филипп, — а я буду его менеджером. Зачем платить бабки чужим дядям, если мне да и сестренке Тами где-то надо будет работать. Могу даже стать и казначеем, очень люблю считать деньги, когда их много.

С теннисом Андре «определился» довольно рано. Помог случай. С отцом мальчик гулял по городу, и забрели они на теннисные корты. Народу здесь было «не продохнуть». Отец поинтересовался, что за столпотворение. Ему вежливо объяснили: на корте великие мастера — Бьерн Борг, Илие Нэстасе и Харольд Соломон.

— Смотри и учись, — сказал отец. — Научись так играть, не надо будет устраиваться на работу официантом в ресторан или мойщиком посуды...

У мальчика здорово получалось колотить ракеткой по мячу со страшной силой. Тренер даже удивлялся, как ему удаются такие мощные удары. А секрет был прост: Андре вкладывал в удары силу, помноженную на ярость и ненависть к сопернику. Он научился принимать мяч еще в высокой точ-

ке полета. Так делал его знаменитый соотечественник Джимми Коннорс. (Это умение позволит ему в будущем обыгрывать любого соперника.)

Теннисные специалисты заметили юркого Андре. Он на удивление быстро перемещался по корту. Движения ног, туловища и кисти были настолько слаженны, что это позволяло ударять по мячу в самом нужном месте и в наиболее подходящий момент. Тренер отмечал и его великолепный тайминг — ритм ударов. Казалось бы, простая вещь, но какого совершенства достиг здесь мальчик. Создавалось впечатление, что ракетка приклеена к руке. А сам он двигался по корту как мастер у-шу. Каждый шаг отточен и выверен. Короткий, резкий размах — и в то же мгновение мяч устремляется обратно к ничего не подозревающейму сопернику.

— Давай, Андре, набирай обороты, — подшучивал над ним отец. — Будешь плохо играть, отдам тебя не в теннисную академию Ника Боллетьеры, а в команду русских. У них, кто плохо играет, посылают в Сибирь...

Пока Агасси осваивал азы тенниса, на кортах Америки играла знаменитая пятерка — Билли Джин Кинг, Крис Эверт, Мартина Навратилова, Джимми Коннорс и Джон Макинрой. Кумирами Андре все же были два игрока — Коннорс и Макинрой, которым в ту пору не было равных. Их первые большие успехи в теннисе называли «атомным взрывом», «взлетом кометы», «сюрпризом разбушевавшейся природы».

Отец сделал для Андре сюрприз, взял его с собой на Открытый чемпионат США, который проходил в Мемфисе на закрытых кортах. Юный американец немало удивился, когда на афишах прочи-

тал об «уроках теннисиста-убийцы». Все оказалось гораздо проще, чем думал мальчик: «кровожадный Джимбо» (так называли Коннора) убивал маленький беззащитный мячик, ударяя по нему с огромной силой.

Затаив дыхание, следил Андре за игровыми упражнениями Джимбо на корте. Спарринг-партнеры у сетки ударами с руки посылали мячи в самых неожиданных для Коннора направлениях, вынуждая его все время совершать предельно быстрые рывки, метаться в разные стороны.

Запомнились и другие упражнения, которые Агасси позже взял на «вооружение»: в невероятном темпе чередовались удары над головой и укороченные удары; после ответа смещем на глубокую, трудную свечу, посылаемую спарринг-партнером с задней линии, Джимбо тут же молниеносно делал спринтерский рывок к сетке за укороченным мячом, который мастерски клал у самой сетки другой игрок. Затем Джимбо снова отбежал назад, чтобы успеть отразить следующую свечку. Первое упражнение Андре назвал для себя «поперечным челноком», второе — «продольным».

— Ну и лошадиная нагрузка, — заметил отец. — Почти как на тренировках боксеров...

Дважды Коннор становился чемпионом Уимблдона и пять раз уходил победителем с центрального корта стадиона, где проходил Открытый чемпионат США.

На удивление рано у Андре появились подружки. Одна из них жила по соседству в престижном районе Лас-Вегаса. Семья Агасси и Стюартов подружились. Подружились и Андре с Венди. Они вместе тренировались в теннисной секции, но вскоре девочке эта игра наскучила. Она часто бегала

за улетевшими мячами, приносила соседу холодную «колу» и полотенце. Андре было двенадцать лет, когда он впервые поцеловал Венди. Случилось это в кино во время фильма «Возвращение Джидая». С того дня они стали специально ходить в кинотеатр, чтобы в темноте целоваться. Какими-то путями о «хобби» сына стало известно отцу, и тот пришел в ярость: ранняя любовь могла помешать теннисной карьере сына. Тогда-то Агасси-старший и решил отправить «провинившегося» сына на учебу к дядюшке Нику во Флориду. В знаменитую «академию Боллеттери».

В первые месяцы Венди писала Андре каждый день. Он же предпочитал звонить ей по телефону. И постоянно жаловался: жизнь в академии ему не нравилась. Для занятий теннисом здесь были почти идеальные условия. Но свободлюбивая душа парня не воспринимала такие понятия, как «дисциплина» и «режим дня». «Хозяин» любил его, поэтому Андре сходило с рук многое. Хотя Агасси постоянно опаздывал на занятия, ругался с преподавателями и дрался с учениками, Ник и на это закрывал глаза. Особенно тренироваться будущая первая ракетка мира не очень-то любил. Еще один воспитанник Ника американец Джим Курье стал великим теннисистом благодаря своему упорству и старанию. Джим сделал себя сам. Агасси Бог наградил талантом.

Между тем отцу Агасси показалось мало того, что он разлучил влюбленных. Он решил окончательно посорить Андре и Венди. Майк пустил слух о том, что его сын познакомился в академии с одной очаровательной девушкой. Узнав о перемене в жизни друга, Венди собрала вещи и уехала к родным в Калифорнию, чтобы

затем поступить в Стенфорд. Так они расстались на четыре года. Но Андре горевал недолго. В академии он познакомился с Эми Мосс — симпатичной брюнеткой. Эми «продержалась» у Боллетьеры не больше года, а потом была отчислена за неуспеваемость. Однако за это время Мосс сумела все же покорить сердце Андре.

Говорят, что в день возвращения молодого дарования домой с отцом едва не случился сердечный приступ. Вместо скромного паренька из Флориды вернулся лохматый юнец с серьгой в ухе, в разноцветной одежде да еще в обнимку с какой-то брюнеткой. Но Майк уже не мог, как бывало раньше, выпороть сына. Андре повзрослел, он начал делать первые шаги в профессиональном теннисе и сразу заставил говорить о себе не только как о талантливом игроке — во время своего первого турнира Агасси поругался с судьями, разломал несколько ракеток.

Агасси быстро обжился в большом теннисе. В октябре 1987 года он выиграл свой первый турнир из серии «Гран-при». Год спустя выиграл шесть турниров! Играл в полуфинале открытых чемпионатов Франции и США; дебютировал в составе сборной США на Кубке Дэвиса и выиграл три встречи. Он даже обыграл своего идола Джими Коннора на чемпионате Америки. (Андре достиг тогда третьей строчки в мировой классификации...)

Для руководства карьерой сына отец создал «штаб», куда вошли старший брат, телохранитель, тренер и юрист. Первым делом они попытались уменьшить влияние Эми Мосс. Несмотря на все усилия, ей так и не удалось стать своей в доме Агасси. Более того, за глаза родные теннисиста называли ее «аферисткой, которая об-

манула их бедного мальчика». Сам Андре, уйдя с головой в теннисные хлопоты, не замечал или делал вид, что не замечает отношения родственников к его подруге. В конце концов на семейном совещании в узком кругу без Андре было решено вышибить клин клином: сестра отправилась в Стенфорд, чтобы убедить Венди вернуться домой.

«Новая-старая» любовь Венди Стюарт сразу же взяла Андре в ежовые рукавицы. Сделать это было нетрудно — только на публике Агасси слыл сумасбродом и хулиганом. Если девушка нравилась Андре, она становилась хозяйкой не только его сердца, но и его денег. (За каких-то два года Эми Мосс удалось «раскрутить» Агасси на большую коллекцию драгоценностей стоимостью почти в триста тысяч долларов!..)

Венди повела себя по-другому — не стала брать дорогие подарки, а начала перевоспитывать Андре. Она настаивала на том, чтобы он отказался от многих вредных привычек. Вначале хотя бы от баночного пива. Посопrotивлявшись несколько недель, Андре капитулировал. Затем девушка заставила теннисиста отказаться от покупки новых гоночных автомобилей. Гораздо сложнее пришлось Венди с питанием своего подопечного, признававшего только гамбургеры из «Макдональдса». Девушке удалось-таки убедить Агасси, что такая еда скоро сделает его лысым. И вскоре Андре перестал ходить в рестораны самообслуживания.

Говорят, Андре меняет женщин, как ракетки. Конечно, это шутка, но есть тут, как и в каждой шутке, доля правды.

Как-то Андре посмотрел фильм «Принц приливов» с участием Барбары Стрейзанд. Картина так по-

нравилась ему, что он позвонил актрисе. Они мило поболтали по телефону два часа. В конце разговора теннисист пригласил кинодиву на Открытый чемпионат США. К удивлению многих, пятидесятилетняя Барбара «неожиданно» влюбилась в парня, который годился ей в сыновья. Чтобы иметь возможность видеть возлюбленного, она сочинила «сказку» для окружающих о своем новом фильме, в котором главную роль должен сыграть Агасси. Доверчивый Андре клюнул на приманку и стал появляться в обществе вместе с Барбарой.

Венди и на этот раз действовала решительно: «Или я, или эта старуха!» В который раз уже Андре капитулировал перед своей подругой. Ради нее теннисист был готов на все, кроме одного пустяка — жениться. И когда та заводила разговор о свадьбе, то обычно слышала один и тот же ответ: мол, на носу турнир, так что придется подождать. И девушке это в конце концов надоело.

На голову Агасси обрушились неприятности. От него ушла Венди Стюарт, а затем Андре пришлось расстаться и с Барбарой Стрейзанд. Однако все эти события поблекли перед той грандиозной ссорой, которая произошла после Уимблдона между Агасси и Ником Боллетьеры, тренировавшим американца на протяжении последних десяти лет. Андре обвинил наставника во всех неудачах и поставил под сомнение его квалификацию. Тренер не остался в долгу, назвав теннисиста «капризным, глупым ребенком, находящимся целиком в зависимости от алчных родственников»...

Два года назад звезда теннисного Олимпа получила травму и «зализывала раны» на лечении в Лос-Анджелесе.

Однажды на вечеринке в доме

Ричарда Гира его познакомили с Брук Шилдс, которая считается секс-символом Америки. Они сразу же «подружились», и уже через неделю актриса уговорила Андре переехать к ней на виллу в Бель-Эйр. В порядке ответной любезности парень предложил хозяйке несколько бесплатных уроков тенниса. Оказалось, что Брук не новичок на корте. Ее дед Френсис Шилдс в тридцатые годы входил в число сильнейших теннисистов мира, но покинул спорт ради бизнеса. Дед и был первым теннисным учителем внучки.

Как-то Андре предложил Шилдс сыграть один сет. И пообещал, что выложит тысячу долларов, если та сумеет отобрать у него хотя бы очко. А актриса возьми да и выиграй аж два очка! Призовые «сладкая парочка» быстро прокутила в одном из ночных клубов. Затем начались турниры, Андре поправился, и многие думали, что роман угаснет. Но они ошиблись. Он не только часто звонил возлюбленной, но даже раз в неделю садился в свой самолет и прилетал к Шилдс, чтобы побыть с ней наедине.

Звездный час наступил для Агасси, когда он в прошлом году победил на Открытом чемпионате США. Став обладателем чека на 550 тысяч долларов, радовался этому событию как ребенок. Но не денежному вознаграждению, а обещанию Брук, если он победит, «подарить ему свою девственность».

Долгие годы репортеры называли ее «последней девственницей Америки». Так оно и было на самом деле. Еще в детстве мать Брук — ревностная католичка — заставила дочь дать слово: сохранить невинность до брачного алтаря. И несмотря на знакомство девушки с такими секс-гигантами,

как принц Альбер и Джек Николсон, ей все же удалось оставаться девственницей в 29 лет!

После праздничного банкета Шилдс пришлось сдерживать слово — парочка отправилась в забронированный президентский номер. В нем все было готово для торжественного обряда — охлажденное шампанское, черная икра и кровать пять на пять метров!

Влюбленные вышли из номера лишь под вечер следующего дня...

После победы на Открытом чемпионате США «пострадала» не только подруга Андре, но и его новый тренер. Брэд Гильберт до финала этого турнира с телеэкрана поклялся, что он сбреет волосы на груди и на других местах, если Агасси победит. В прямом эфире миллионы телезрителей наблюдали, как в студии у Брэда побрили ноги, а затем и грудь. Ведущие хотели лишить Гильберта и кучерявой шевелюры, но тренеру удалось отстоять ее...

Недавно Андре удивил своих поклонников, приехавших встречать его в Мельбурнский аэропорт: они надеялись увидеть длинноволосого красавца, а узрели парня с ярко выраженной армянской внешностью, стриженного под ежик и с козлиной бородкой.

По мнению старшего брата Фила, он постригся, чтобы легче переносить австралийскую жару. Брук Шилдс считает, что теперь ее дружок сильно похож на уголовника и у него могут возникнуть проблемы с Интерполом. Однако хуже всего восприняли «нового» Агасси его многочисленные спонсоры и рекламодатели. Некоторые из них, в том числе компании «Ролекс» и «Форд», подумывают о штрафных санкциях против экстравагантного теннисиста.

Для самого игрока, по-видимому, страшнее всего то, что стрижка открыла его тайну — быстрое

облысение. Теперь того и гляди года через два Андре станет лысым, как это уже случилось с его отцом и старшим братом.

Но, заметил философ, лысина — не проблема. Иногда она даже украшает настоящего мужчину, а тем более классного теннисиста.

Ведь не за прическу полюбила Андре Брук Шилдс...

Рисунки
ИГОРЯ НОВИКОВА

Сослагательное НАКЛОНЕНИЕ

Следуя завету вождя, он учился, учился и еще раз учился...

Мог бы стать генералом, если бы закончил Одесское высшее артиллерийское училище. Или профессором-химиком, если бы успешно преодолел пять курсов Ленинградского университета. Вполне вероятно, стал бы тренером по гребле, «догребши» до диплома в Ташкентском физкультурном институте.

Но в конечном счете завершил он свое образование в Кубанском госуниверситете на худграфе и стал художником-графиком.

Исповедуя (сам того не подозревая) постулат философа совершенно иной школы: «Жизнь есть движение», он исколесил почти всю Россию, страны ближнего зарубежья, а если учесть, что творческая и жизненная биографии художника — одно целое, то и дальнего... Работы его побывали в Бельгии, Италии, Югославии, Болгарии, Японии...

Если бы он был приверженцем академической серьезности, а не рисовал на стенах квартиры (к счастью соседей, своей), то стал бы, вероятно, членом Академии художеств.

Увы, его «художества» были иного рода. Хотя, надо заметить, когда директор школы грозно вопрошал: «Новиков, это ты рисовал в туалете?», он со справедливой обидой отвергал подобное: «Я — талант. А тут — пачкотня. Сравните...» Сравнивали — Новиков был прав.

Если бы он вел беспорядочный (по-нынешнему — тусовочный) образ жизни, не оставил бы после себя ничего, кроме заплаканных женских глаз и исполнительных листов, именуемых в народе алиментными...

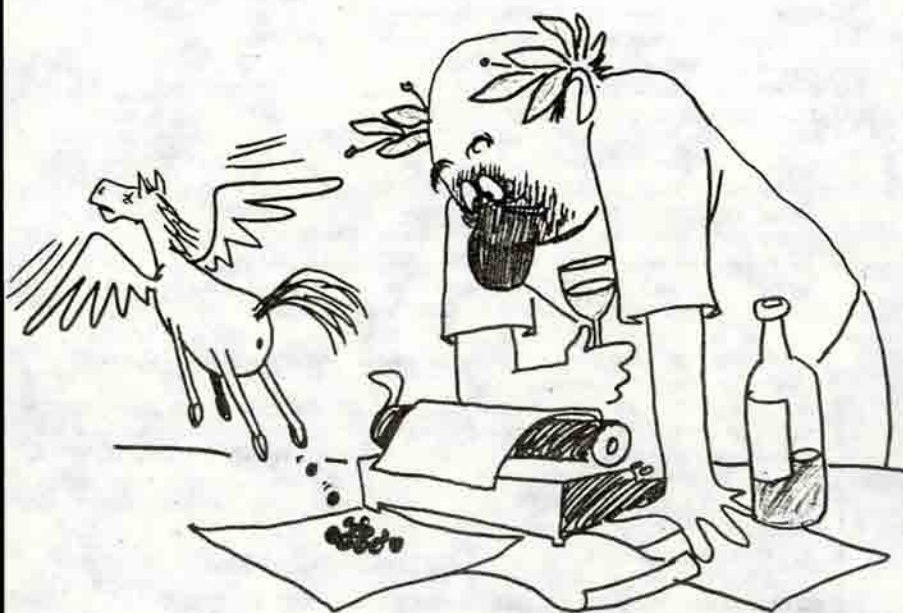
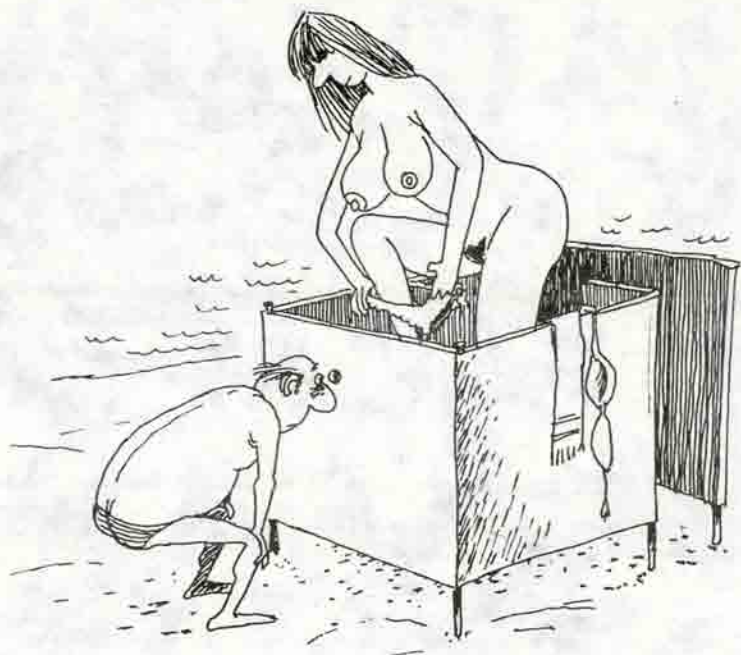
А у него счастливая семья — любящая и любимая жена, двое сыновей. Словом, он вполне добропорядочный гражданин (если хотите — товарищ, господин) нашего времени и нашего пространства.

Но (да, да, есть одно НО...) он рисует карикатуры. То есть насмешничает. И вот тут сослагательное наклонение, неприемлемое в истории и политике, весьма полезно.

Он задает себе вопрос: «А если бы?» Так рождается большинство его работ, которые Игорь публикует с четырнадцатилетнего возраста. Сейчас ему 48. Представляете, сколько он «насослагал»? Если сложить все его рисунки в одну стопку, то получится башня сумасшедшей высоты. И венчает ее не каверзная ухмылка соглядатая, а добрая улыбка наблюдателя жизни, любознательного фантазера.

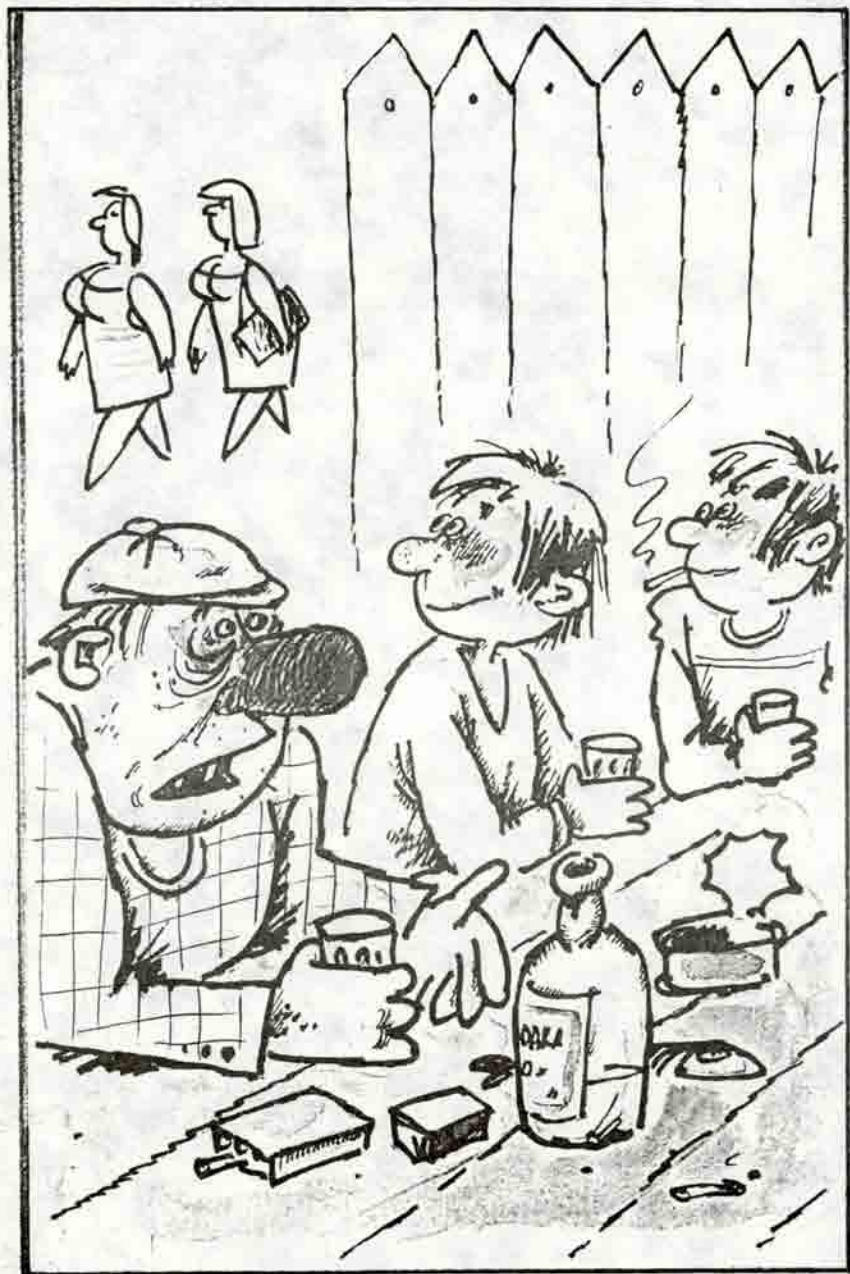
Убедитесь в этом сами...

Пояснительную записку к рисункам составил В. ГУРИНОВИЧ.

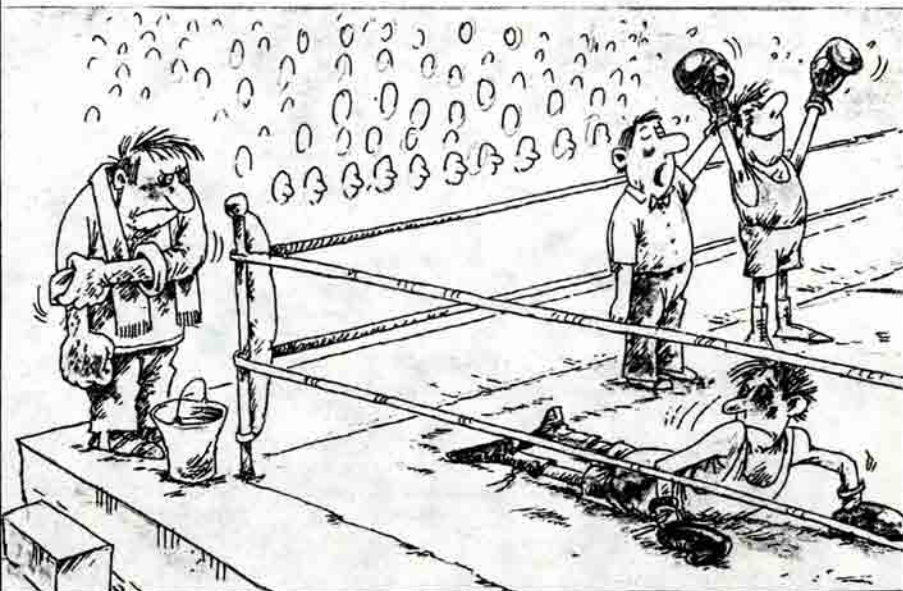
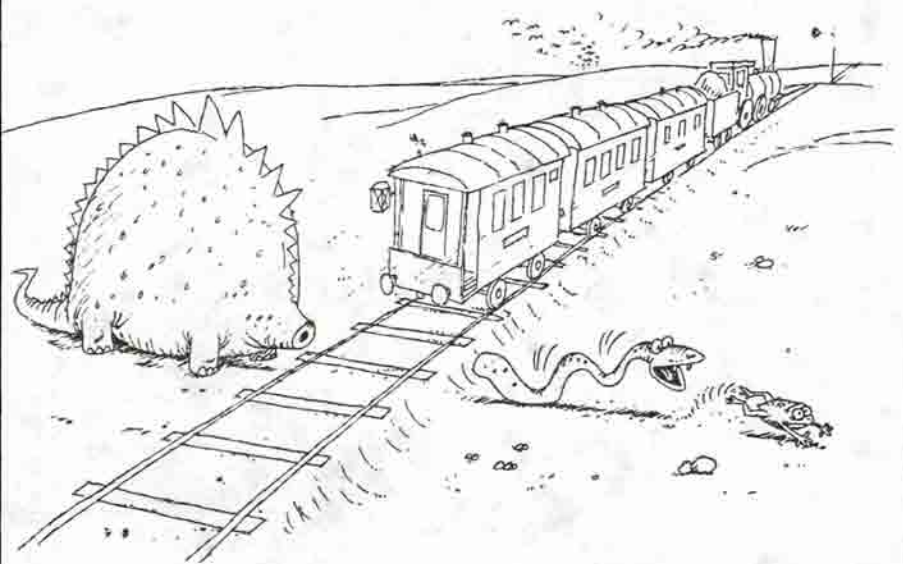

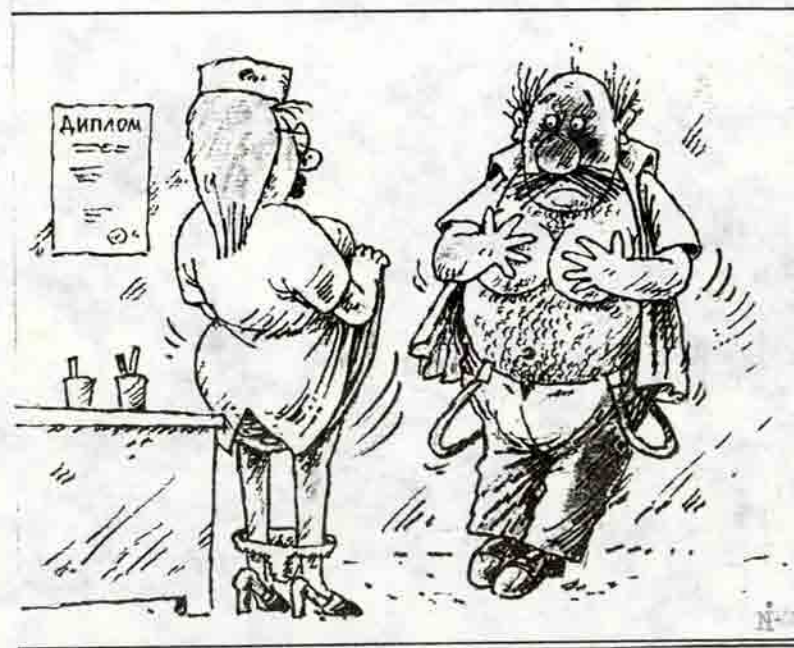
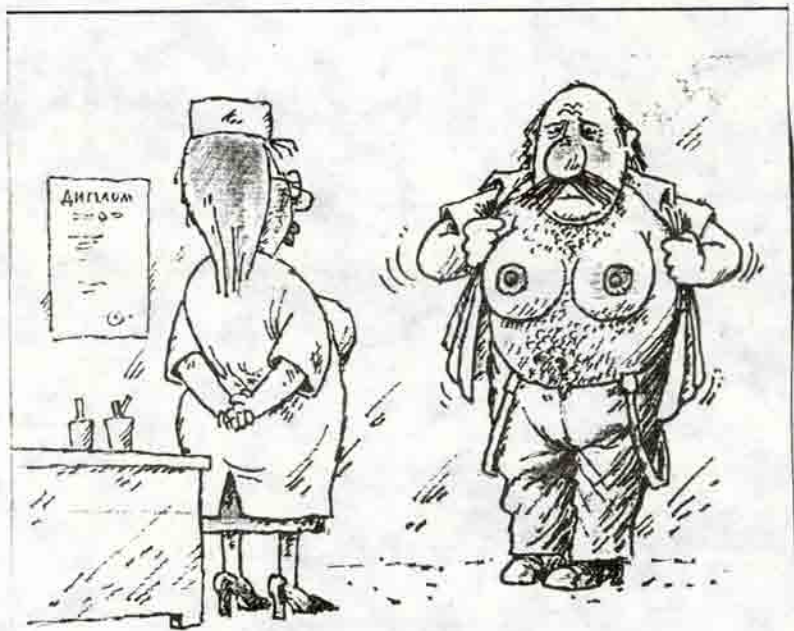

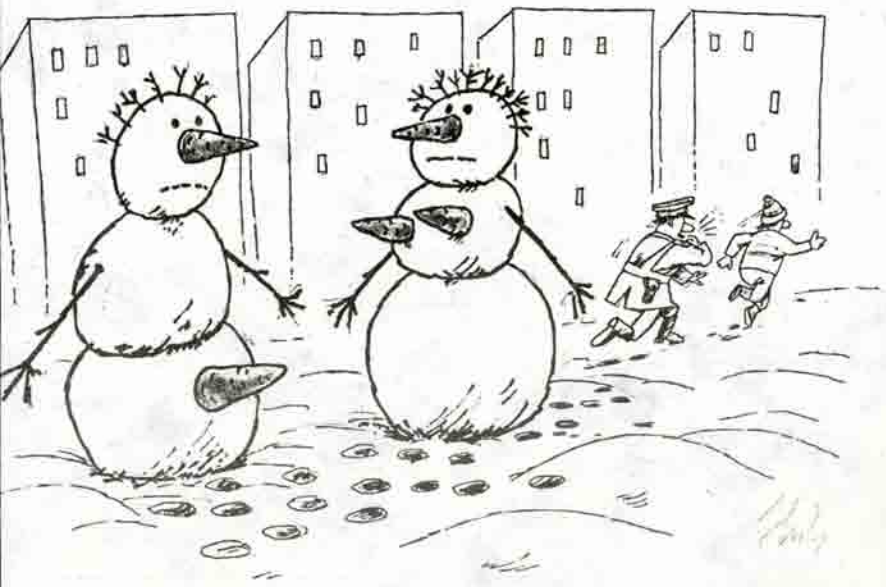
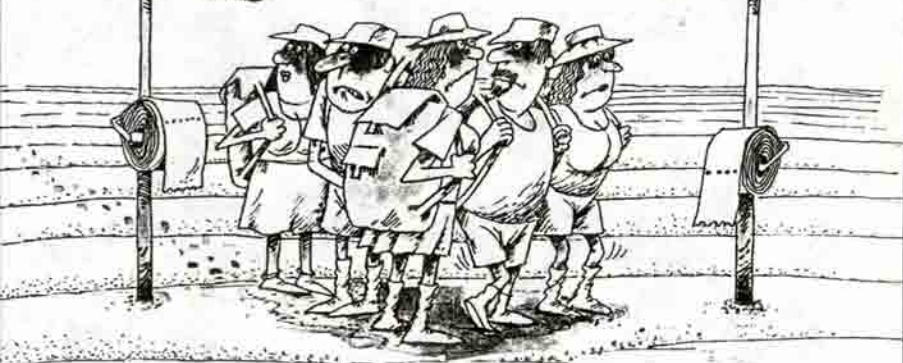
— Прошу политического убежища!

— А я в вашем возрасте на баб не обращал внимания!

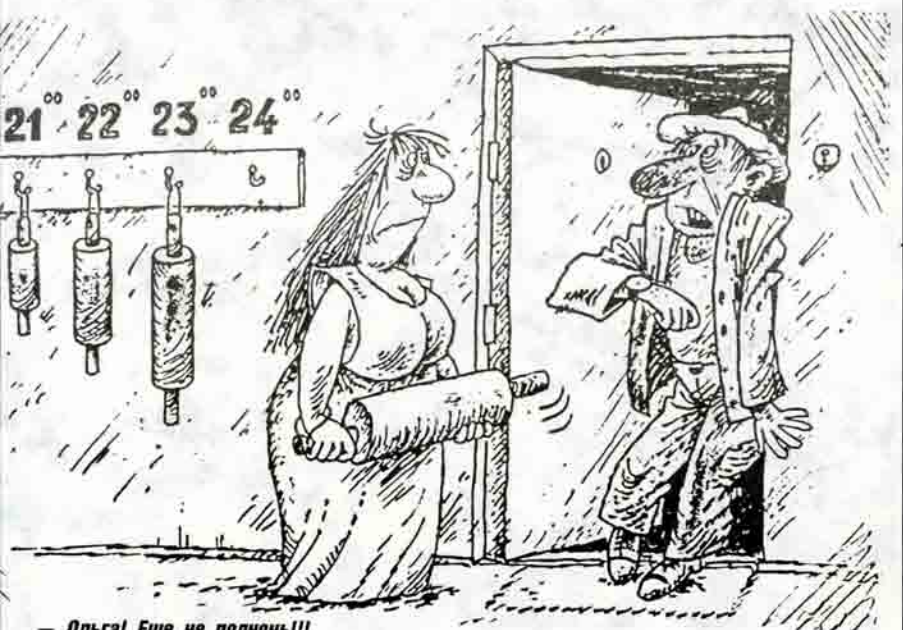

— Следующий!

— Ольга! Еще не полночь!!!

**Стопроцентная американка с «загадочной русской душой».
Непримиримая активистка «Гринписа». Борец за
чистоту половых отношений. Экстравагантная
рок-певица, чьи концерты собирают
полные залы...**

Фото ЛЕОНИДА ШАРАПОВА

ДЖОАННА СТИНГРЭЙ:

"Не люблю
мужчин,
которые
кричат
на
женщин"

— Джоанна, недавно вы отметили десятилетие своей жизни в России. Мы знаем Джоанну Стингрэй такой, какая она здесь. А какой вы были у себя на родине?

— Я родилась в 1960-м в Лос-Анджелесе. Мама танцевала в известной нью-йоркской группе «Роккет» и немного снималась. Например, в фильме «В джазе только девушки» играла одну из оркестранток. Когда вышла замуж

и родила трех дочек, покинула сцену. Отец был музыкантом, играл на трубе. Вот почему я с пеленок любила и знала музыку и стала той, кем стала.

В школьной группе играла с пятнадцати лет. Тогда шел панковский бум, и я была фанаткой таких групп, как «Секс pistols». Мы тоже пытались играть панк-рок. Но, конечно, толком не знали, что делаем, а просто громко играли, кричали и прыгали.

Из школы я прямоком пошла в Лос-Анджелесский университет на специальность «психология» и начала писать песни. Вообще-то продолжать мое образование хотела не я, а моя мама: «Джоанна, если ты не закончишь университет, я с тобой не буду разговаривать. Сначала получи профессию, а потом занимайся своей музыкой». В конце концов университет я закончила и тут же выбросила из головы все, чему меня там учили. В 1983 году выпустила свой первый диск.

— Стало быть, в Штатах вас признали вполне серьезным музыкантом. Какой же ветер занес в Россию?

— Весной 1984 года мне предложили невероятно дешевый тур в тогдашний СССР. Перед отъездом позвонил приятель: «Джоанна, ты едешь в Россию, хочу тебе дать номер моего старого русского друга. Он самый известный рокер в России». И дал номер телефона Бориса Гребенщикова.

Я не верила, что в России может быть рок. В 1981 году путешествовала по Китаю и видела флегматичных людей в неприметной одежде тусклых цветов. Россия мне казалась такой же. Но, когда приехала в Ленинград, встретила с Гребенщиковым, и он показал мне всю тусовку андеграунда, поняла, что ошибалась.

— Как вы восприняли эту тусовку, контрастирующую с официальной советской культурой?

— Я тогда еще не слышала официально разрешенной русской музыки. Только андеграунд. Это было похоже на Америку шестидесятых — движение хиппи, Вудсток. В этой среде были не только музыканты, но и художники, поэты. Я будто вернулась в эпоху, о которой у себя на родине только слышала.

С официальной культурой познакомил тоже Гребенщиков. Он взял меня с собой на концерт «Машины времени» во дворец «Крылья Советов». Был полный зал. Но в отличие от концертов, к которым я привыкла: публика шумит, кричит, люди вскакивают, выражая свои эмоции, здесь все происходило тихо и спокойно, слушатели лишь аплодировали. Для меня это был шок.

На том концерте меня поразил еще один момент. У одного из гитаристов лопнула струна. Вся группа сразу перестала играть и ждала, пока музыкант натянет новую. Я спросила Гребенщикова: «Борис, а почему они в это время не играют какую-нибудь импровизацию?» Он объяснил, что у группы — контракт на строго определенную программу, и она может играть лишь обозначенное в программе. Я поразилась...

— Вы много говорите о Гребенщико
в вашей жизни?

— Знаю, знаю, на что вы намекаете, о чем много тогда говорили. Считали, что у нас роман. На самом деле в первые три-четыре года знакомства Борис был для меня своего рода учителем, наставником. Я его очень любила. Но не так, как женщина любит мужчину, а как источник чувств, информации.

Когда объявили гласность, рок перестал быть подпольным течением и быстро превратился в бизнес. Сейчас почти нет времени на какие-либо дружеские встречи: нужно искать спонсоров, организовывать концерты, гастролы. Музыканты стали общаться гораздо меньше, чем раньше. Поэтому в последние несколько лет мы с Борисом видимся нечасто, хотя и поддерживаем контакт.

— Вы неплохо говорите по-русски. Трудно выучить наш язык?

— А я никогда его не учила. Мой русский — это мой вариант вашего языка. Многие русские и сейчас, разговаривая со мной впервые, плохо меня понимают. Сначала вообще не было необходимости говорить по-русски, потому что все мои здешние друзья хорошо владели английским. А в 1989 году я поехала на гастрол с музыкантами, которые английского не знали, и пришлось осваивать ваш язык.

— В России последних лет столько глобальных изменений. Вам довелось их увидеть. Прочувствовали их на себе?

— Да, мне выпала удача. Я здесь за это время словно в трех странах пожила. Сначала социализм, потом перестройка и гласность, когда все стали свободными, говорили, что хотели, но с места ничего не двигалось. Наконец, сейчас некий переходный период — по-моему, самый трудный для России. За последние два-три года не раз хотелось отсюда уехать. Мне неприятно смотреть на русских нуворишей, как они себя ведут, как делают деньги, кичатся своим богатством перед бедными.

Вот недавно видела: стоит на улице бабушка с хлебом в сумке, на мясо и фрукты у нее денег нет. Мимо летит «мерседес», обдаёт ее с ног до головы грязью и, не оста-

навливаясь, проносится дальше. Это страшно. Родители мне всегда говорили: «Джоанна, у тебя может быть очень плохая ситуация, но всегда найдется человек, которому еще хуже. Помоги ему».

Мне не хочется быть богаче других. Пусть у всех будут телевизоры, видео, автомобили. А это резкое разделение на очень богатых и очень бедных меня пугает.

— И еще вас волнуют вопросы экологии, потому вы и стали активисткой «Гринпис»?

— Давно знаю эту организацию, она очень честная. Мой Лос-Анджелес — один из самых чистых городов Америки. Россия оказалась очень грязной. Люди здесь страшно мусорят. И когда «Гринпис» приехал в Москву, решила, что людям надо помочь понять, какая это организация. Встретилась с ребятами, они как раз привезли пластинку «Гринпис» с песнями западных музыкантов. Мне удалось выпустить такой же диск с российскими музыкантами.

— Год-два назад у нас только и разговоров было, что о политике. Сейчас это проходит. Как вы относитесь к российской политике?

— Политику не люблю вообще. Ею занимаются ущербные, на мой взгляд, люди, похожие друг на друга во всех странах. Но в России перемены идут очень быстро. Мне смешно видеть по телевизору людей, которые сейчас называют себя господами или даже капиталистами, тогда как еще три года назад с той же уверенностью они твердили, что преданы коммунистическим идеалам. Надеюсь, скоро на российской политической арене появятся люди молодые, не разращенные коммунистической системой, которые действительно смогут изменить ситуацию к лучшему.

— Что вы думаете об отношениях мужчины и женщины в нашей стране?

— У ваших женщин очень тяжелое положение. Если американки успешно добиваются равных с мужчинами прав, то русская женщина целиком подчинена мужу. Смотрит за детьми, делает покупки, готовит, стирает, убирает — все на ее плечах. По-моему, большинство русских мужчин женщину не уважают.

— Вы собираетесь вернуться в Америку или останетесь у нас надолго, может быть, навсегда?

— Когда уезжала отсюда на какое-то время, постоянно возникала проблема: через пару недель жизни в Америке чувствовала, что просто необходимо вернуться в Россию. Это как болезнь. Сейчас очень редко выезжаю на Запад. Думаю, всегда буду жить здесь.

— В чем, по-вашему, неправильность нашей жизни?

— Вопрос не ко мне. Я живу как живу. И не хочу кого-то заставлять жить по-моему. Не люблю тех, кто учит других жить. Я не курю, не пью спиртное, вегетарианка, но это мой выбор. Самое главное — подлости не делать, уважать самого себя. Человек, который мусорит в родном городе или кричит на женщину, себя не уважает. И я его тоже уважать не могу.

— Значит, чистота спасет мир?

— Если хотите, да.

**Беседу вел
АЛЕКСАНДР МОРЕЕВ.**

**Фото на IV-й обложке
ЕЛЕНЬ ПИКИНОЙ**

ИДЕИ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В конце мая Виктор Иванович Якушев отметил свое сорокалетие. Роста он был среднего, но за счет стройности, летящей походки и гордой посадки головы казался высоким.

Якушев обладал феноменальной памятью и умением обращаться с цифрами. Он закончил школу с золотой медалью, университет с отличием и в двадцать восемь лет, минуя кандидатскую, стал доктором физико-математических наук. От него ждали черт знает каких успехов в математике, но Якушев ушел из университета и вскоре стал чьим-то помощником в орготделе ЦК.

Гениальный парень желал власти и денег. А власть в те годы была лишь у партаппаратчика. Но на Старой площади он не сделал быстрой карьеры. Зная себе цену, Якушев не лебезил перед начальством, не писал угодных верхам докладных, держался независимо, и его не любили. Однако он не сомневался, что придет его час и он займет место на троне. Так и произошло.

Работая на Старой площади, доктор наук приобрел колоссальные связи в различных областях хозяйства необъятной страны. И свой первый миллион рублей, еще когда доллар стоил меньше червонца, Якушев сделал на посредничестве, разговаривая по телефону.

Он ушел из ЦК, объяснив родителям, что вернулся в науку. На самом же деле начал делать деньги.

...Якушев нажал кнопку, стол раздвинулся. Центральная часть стола была уставлена столовыми приборами, бутылками и вазами с фруктами.

— Ну, давай, Михаил, выпьем по рюмке за наше общее дело.

Карасик чуть не поперхнулся. Не было у них никакого общего дела, и быть не должно. Якушев — фигура международного класса, а он, Мишка Карасик, так себе — если по карточной колоде считать, на семерку потянет.

На удивление партнера Якушев внимания не обратил и продолжал легко и беспечно:

— Я тут небольшое дело с нефтью проворачиваю, верный посредник нужен. Ты как, очень занят?

ВЕРИУСЯ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ПОСЕВА

Михаил Карасик поставил рюмку и отметил, что рука не дрогнула.

— Чтобы вам угодить, в лепешку расшибусь, а за идиота меня держать не стоит. Переходите к делу. Что вам от меня надо?

— Ты прав, Михаил. — Якушев замялся. — Я не буду рассказывать, как вычислил, но убежден, что у тебя есть киллер.

Карасик осторожно проглотил коньяк, закусил лимончиком.

— Дело дерьмо. Если вы вычислили, то и другие смогут...

— Никогда! — категорически заявил Якушев. — Это я знаю, что Белоус разорил бы тебя, начни продавать твои бумаги. Но не успел, застрелили. Это я знаю, что у тебя подвизался Исилин, бывший гэбист, зэк и трепло. Как можно такого человека приблизить к себе? — Он погладил лицо ладонями, вздохнул. — Ты небольшого ума, Михаил. А почему к тебе обращаюсь? Нужда, Миша. С данными структурами связи не имею, а понадобилось. Я, конечно, в дело тебя взять не могу, но деньги — самый простой вопрос, решим. Сколько берет твой специалист?

— В зависимости от клиента.

— Назови высшую ставку, умножь на два.

— Двести тысяч.

— Берет хорошо. — Якушев уважительно кивнул. — Свяжи меня с ним по телефону.

— Крайне нежелательно. Говорить откажется.

— Передай, что только за разговор он получит четвертак. Если примет заказ, ты получаешь полтинник, расчет после работы.

— А почему, шеф, не дать команду через меня? — осторожно спросил Карасик. — Вы в стороне, и с парнем без осложнений. Он с гонором, да и связь с ним сложная.

— Твое предложение соблазнительно. — Якушев изобразил сомнение, хотя уже решил, что на киллера будет выходить только напрямую. — Понимаешь, дружок, не люблю посредников. Да и зачем тебе знать лишнее? Сейчас в городе убивают, убьют еще одного. Я буду тебе должен, а иметь такого должника — дело выгодное.

— Допустим, — согласился Карасик. — Но как я вас соединю? Я могу лишь вызвать звонок на себя.

— И вызови. Дай номер, объясни условия, скажи, чтобы мне

позвонил. Зовут меня Иван Иванович, человек солидный, и прочее.

— Так вы свой номер засветите.

— О глупостях ты, дружок, не волнуйся.

— Вам виднее.— Карасик сдался окончательно.

Якушев проводил его взглядом и подумал: «Простак — он и есть простак. Выполнишь мою просьбу, и не жилец».

Галей встретился с Карасиком у кинотеатра «Художественный». Получив конверт, заметил, что шеф мандражит:

— И ветра нет, а тебя трясет, будто уже осень.

— Мы с тобой завязали, ты меня не знаешь, я тебя никогда не видел.

— Люблю смелых парней! — Галей хлопнул Карасика по спине и направился к Гоголевскому бульвару.

Присев на грязную скамейку, он вскрыл конверт, увидел доллары, но считать не стал, знал, в таких делах не обманывают, вытащил записку. Корявым, явно измененным почерком там было написано: «Возьмите бутылку водки, приходите завтра по адресу... Скажите, что от Сени. Найдите в комнате телефон. Ровно в девятнадцать вам позвонят. Если вы мне понравитесь, считайте, ваша судьба решена. Оденьтесь под московского дохлягу».

Подпись в послании отсутствовала.

Галей родился не во дворце, но когда он вошел в квартиру, то понял, что его родители жили культурно, так как порой даже подметали пол. Посредине длинющего коридора лежал мужик, судя по запаху, он сделал все под себя и в ближайшее время никуда не торопился. Галей перешагнул через тело, толкнул дверь в комнату и шумно рыкнул:

— А Сенька где?

За столом прилегли три фигуры, как затем выяснил Галей, это были женщины.

— Чего тебе Сенька? Он, сука рваная, еще поутру за пузырем пошел, и с концами.

— Так кто же со мной за водку расплатится? — Галей наклонил лобастую голову, оглядел комнату в поисках телефона, было уже без десяти семь.

— Деньги шелуха, был бы товар.— Женщина приоткрыла фиолетовый глаз.— У нас денег куча, только идти лень, а тут горе... Поминки.

Галей достал из кармана ноль — семь «Московской».

— Так кто платить будет? Пять штук, прощу.

И выбил бы он из аборигенов деньги, которые ему были совершенно не нужны, но тут Галей увидел телефонный аппарат, стоявший под кроватью, поставил бутылку на стол, строго сказал:

— По пятьдесят грамм, и пореже, девки.

«Девки» обсасывали стаканы, когда звякнул перенесенный Галеем на тахту телефон.

— Ну? — Он снял трубку.

Сидевшие за столом существа на Гелея не обращали внимания, наливали по второй.

— Вас не шокирует мой телефонный узел? — спросил Якушев.

— Короче.

— Прекрасно. Мне мешает один человек.

— Еще короче.

— Сивков Владлен Семенович.

— Он ходит с охраной?

— Не знаю... депутат Думы.

— Двести. Предоплата — половина.

— Мне говорили, сто, и после работы, но я не торгуюсь.

— Договорились. — Галей довольно усмехнулся. — Дайте в газете «Из рук в руки» объявление: «Две симпатичные девушки хотят познакомиться с культурными парнями», — и укажите номер этого телефона. Я вам позвоню и скажу, как передать деньги.

Жизнь незадачливого налетчика Михаила Захарченко не далась. Выйдя от Гурова, он подался в ближайший бордель на Старом Арбате. Только расслабился и задремал, как сильные руки сдернули его с софы и начали бить.

Девки и шпана разбежались, увидев, что разборка идет крупная.

Мишка очнулся, когда на него вылили ведро воды. Он попытался открыть глаза, не получилось. На губах пузырилась кровь. Он прошептал: «Убейте, но скажите, за что...»

Сломанная мебель валялась в углу, один из бивших зло сказал:

— Кончим его и пойдем, вон на подоконнике вроде бутылка осталась, сейчас она в масть...

— Как это «кончать», ты отвечать будешь? — спросил крепкий парень с сильным кавказским акцентом. — Папа велел малого найти, привести в сознание и потом к нему.

— Ладно, ладно, — забухтел третий, явно русский. — Он сам пойдет, или его нести?

Пришли к компромиссу, взяли за ноги, выволокли на улицу и закинули в багажник машины.

Хозяин в халате с кистями взглянул на Мишку брезгливо:

— Вы его умойте. Лица, а ты постели клееночку на стол, а то он все замажет.

Когда кое-как умытого Мишку усадили за стол, он участливо спросил:

— Как же ты так попал, парень?

Тот пошевелил разбитым ртом, сказать ничего не мог.

— Вы тоже хороши, вам было сказано приготовить малого для беседы, а не убивать, — бросил хозяин в сторону кухни, ответом ему было чавканье. — Он что-нибудь говорил?

Из кухни вышел кавказец, отер ладонью усы.

— Сказал: убейте, но скажите, за что.

— Значит, не знает, за что... Сейчас объясним. Не знаю, кто

тебя, малолетку, послал. Разберусь. Каждый деловой понимает: драка с Гуровым кончается либо смертью, либо тюрьмой, либо вербовкой. Ты живой, на свободе, значит, ты — ссученный. Расскажи спокойно, о чем с същиком разговаривали, — и я отпущу тебя.

Такое предложение Гуров предвидел, потому предупредил, что все равно убьют, верить им нельзя. Мишка почти пришел в себя, и, хотя язык ворочался с трудом, голова была ясная.

— У нас разговор, — Мишка запнулся, вынул выбитый зуб, — не состоялся. Бежали, поначалу он меня держал, потом я изловчился и пером по его руке полоснул. Он меня выпустил, я — «сквозняком» на Суворовский, тут какой-то частник разворачивается, я заскочил, кричу: «Газуй, падла! Иначе порежу!»

— Ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

— Я сейчас хочу тихо умереть.

«Чтобы Гуров дал папану достать перо и полоснуть себя по руке? Да никогда в жизни! А впрочем, в жизни все случается...»

— Эй! — громко позвал Папа и неодобрительно взглянул на русского бугая, вошедшего в гостиную последним, продолжая жевать. — Потолкуй с лепилой, надо парню помочь и где-то замкнуть дня на два. Я за это время узнаю, что с ним. Если волкодав ранен, папану премия полагается. Я лично знаю несколько покойников, поднявших руку на господина полковника, а сколько их в зоне, пожалуй, не счесть. Ну, а если Гуров здоров — повесить...

Совещание, как и положено, проходило в зале для совещаний. Только совещателей для такого громадного помещения оказалось маловато — семь человек. Ни одного спикера, правителя, даже заваливающего министра не пригласили. Собрались самые богатые люди России. Им надоел бардак, и они решили взять власть в свои руки. Не устраивать революции, не захватывать почту и телеграф, а сделать все тихо и мирно.

Председательствовал Виктор Иванович Якушев.

— Правительство мы пока трогать не будем. Как бы не промахнуться с Президентом.

— Виктор Иванович, а ты уверен, что Бориса удастся прокатить?

— Вопрос провокационный. Что значит уверен? Я считаю, что план хорош, главное — единственный, и будем надеяться.

— Допустим! Но кого именно?

— Я продолжаю считать, что нужен молодой, никому не известный генерал, — ответил Якушев.

— И за такого Россия проголосует?

— Если человек с нашей помощью наведет в Москве, Питере и других городах порядок, то проголосует. Нам, конечно, кошелек на рекламу придется расстегнуть. Главная наша задача — прекратить все неплатежи. Люди работающие должны получать зарплату.

— Если не трогать правительство, что изменится? И зачем нам ввязываться в большую политику? У каждого есть кусок, каждому хватает.

Якушев ждал подобного вопроса.

— Если считать на куски, то ты, Семен Викторович, прав, но при теперешнем положении из кусков Россию не возродить. Нам не дадут кредиты, не пойдут в долю, без западного капитала мы с тобой так и останемся кусочниками.

Среди присутствующих прошел недовольный шепоток, кто-то ехидно спросил:

— Вся Россия горит и стреляет, кто же ее удержать сможет?

— Мы контролируем большинство министров, оставили их на местах, пусть работают. Надо, чтобы Президент знал, кто истинный хозяин, а силовые министры не дрались за место у трона, а работали. Я уже говорил, начинать надо с Президента. Он даст силовикам волю, пусть уберут неугодных, говорливых, пригасят войны, тогда заработают министры, оживет производство. Конечно, определенный риск есть. Можно деньги потерять и ничего не добиться. Уже говорилось, можно сидеть по углам, каждый со своим куском, и сладко чавкать. Решайте.

Лицо у Михаила поджило. Шрамы, конечно, остались, но выглядел он уже вполне прилично. Вел себя тихо, никому ничего не рассказывал, но все знали, что с ним разбирался сам Папа, парень полностью реабилитирован и даже приглашен в какое-то дело. Но, по совету Гурова, он предложение не принял, ссылаясь на подорванное здоровье.

Михаил пришел к Сашке Галею, когда старшего дома не было. Оставив кеды за порогом, прошел в носках, как в музей, все осмотрел и неожиданно спросил:

— А на хрена вам это надо?

— Старшой решил. Говорит, раз стали акционерами «МММ», наше время пришло — будем жить, как буржуи.

— Чего говорить, красиво... — Мишка провел пальцем по сверкающему овальному столу. — Только, Сашок, не для житья все это, так, музей...

— Согласен! — Сашка упал в глубокое, вишневого цвета кресло. — Да и цена меня не устраивает.

— Чего тебе цена, ведь Борис за все платит.

Сашка задумчиво отвернулся, неожиданно спросил:

— За что тебя паханы так отделили?

— Ошиблись. — Мишка подошел к бару: — Это все можно пить?

— Ясно, для того и поставлено. Налей себе чего хочешь.

Бутылки были иностранные, незнакомые. Мишка покачал головой:

— Нет. Ты хозяин. Плесни мне...

Когда выпили, Сашка вновь уселся в кресло, оперся на козлы, безрадостно оглядел роскошную квартиру. С рождения за кусок хлеба бился, теперь все есть, а радости нет, тоска.

— Ты, Миша, единственный, кто не позавидовал... Знаешь, я с Борисом рос, казалось, что мы больше чем братья.

Мишка вспомнил, что Гуров несколько раз говорил: «Вопросов не задавай, а начнется душевная болтовня — пресечь немедленно».

— Брось, Сашка, сопли распускать. Меня ни за что чуть не убили, жив — и рад.

— Я тоже рад за тебя. — Казалось, Сашка обрадовался, что разговор прекратился. — Толкуют, ты теперь человеком стал и в верха пойдешь?

— Болтовня. Я сперва к бабке в деревню съезжу, проведаю, не был у нее годов семь. Харчи подвезу.

— Хорошее дело...

Уходя, Михаил обернулся на пороге, вновь осмотрел роскошную комнату.

— Здорово, конечно. Но, думаю, чтоб в таких покоях обитать, необходимо в таких и родиться.

Гуров и Крячко пришли в кинотеатр «Варшава» днем, около двух. Гуров взял билеты, Крячко проверил, нет ли за другом слежки. К залу подтягивался народ, в основном молодежь, и оперативники для опытного глаза «светились». Гуров подал знак — не подходить, Крячко в ответ соорил «рожу» — мол, и дураку ясно.

Вскоре появился Михаил Захарченко, купил билет, прошел в зал, разменяв деньги, подошел к игровому автомату. К нему подошел Гуров, начал расспрашивать о правилах игры.

Мишка тыкал пальцем в экран и, показывая на ручки, коротко рассказал о Галеях, в заключение сказав: «Выигрыш в эту «МММ» — реконструкция».

Гуров понимающе кивнул.

— Считай, мы квиты. Всем объяви, что уезжаешь к бабке, загляни к ней на денек, затем по адресу, что я тебе дам. У бабки тебя достанут. Пиши до востребования.

— Галеи — отличные пацаны, они... — Мишка замолчал, так как Гуров уже выходил из кинотеатра.

— Киллера мы нашли. Теперь надо решать, что с ним делать, — усаживаясь в машину, сказал Гуров.

— Счастливый ты, Лев Иванович, сил нет.

— Это не я счастливый, а ты — умный, — усмехнулся Гуров.

— Покопаться в старых приятелях предложил именно ты. Кстати, я не хочу, чтобы о результатах знал третий человек.

— Так Артем работает.

— Молодой. Ему еще долго работать.

— А Петр?

— Петр умнее нас с тобой, но лишь человек. Придавят на высоком ковре, он и брякнет, отбиваясь. Тут и имя не требуется, мы в принципе не должны иметь результата.

— Как же ты на него вышел? И почему так уверен?

— Вышел ты, я лишь установил. Ты же принес список группы курсантов, которые учились вместе с Ислиным. А в соседнем доме с Галеем живет парнишка, его мы вербовали неделю назад. По моей просьбе он зашел к младшему брату. Оказалось, Галей получил в этих «МММ» несметное количество миллионов. Если человек получил миллионы и учился в КГБ, это уж слишком. Источник характеризует Галея как жесткого московского парня,

такой не отдаст деньги невесть куда. Думаю, прикрываясь «МММ», он отмыл доллары, причем сотни тысяч. А сейчас мы с тобой едем на прежнее место службы. К Борису Андреевичу Юдину.

— Не хочется, сил нет.

— Это почему же? — удивился Гуров. — Что мы ушли от него? Так он рад до смерти. Он же при нас хозяином в собственной лавке перестал быть, мы его совсем задавили. Потом не забывая, мы ему оказали немалую услугу.

— Мне бы твоего нахальства хоть чуток.

Гуров взглянул на друга, прищурился, словно прицеливаясь.

— Возьми что-нибудь другое, с этим у тебя все в порядке.

Секретарша в приемной оказалась молоденькой девушкой.

— Он занят, — произнесла она таким голосом, будто в горле у нее были металлические прокладки.

— Совсем занят? Окончательно? — Гуров открыл дверь Юдина. Тот что-то писал, увидев Гурова, отложил ручку, и лицо его вытянулось.

— Здравствуй, раз зашел — заходи. Привет, Станислав.

— Что это ты на нас смотришь, будто мы тебе должны?

— Брось, это я вам по гроб жизни...

— Не надо о гробах, — перебил Гуров. — Давайте кофе, у нас лишь один вопрос.

Когда кофе был выпит, Гуров спросил:

— У тебя все в порядке?

Юдин застыл, пожевал сухими губами:

— Стреляй, Лев Иванович. Что еще...

— Не душевно ты к старым друзьям относишься, — укоризненно покачал головой Гуров. — А ведь, кроме добра, ты от нас ничего не видел.

— И не надо ничего. — Юдин попытался усмехнуться. — У меня мечта — никогда тебя больше не видеть.

Крячко стало неловко, он заворочался в кресле. Гуров мельком взглянул на него.

— Не бери в душу, Станислав. Борис хамит от стеснительности. Боря, скажи нам, кто такой Виктор Иванович Якушев, и мы уйдем.

— Где ты достаешь свои вопросы? — Юдин развеселился, и стало понятно: веселость его от безнадежности.

— Не нравится вопрос, не отвечай. Я задам этот вопрос в другом месте.

Юдин тяжело вздохнул:

— Оставь Якушева, иначе тебя убьют. Якушев — не человек, Якушев — империя. Он — не просто громадные деньги и связи...

— Не пугай меня, я уже боюсь, — серьезно ответил Гуров. — Как полагаешь, у Якушева есть люди в КГБ?

Юдин взглянул на Гурова как на больного.

— У него люди везде, где пожелает.

— Ты не слышал, на предстоящих выборах они ничего менять не собираются?

— Лев Иванович... Ты хотел задать лишь один вопрос...

Гуров замолчал, затем неожиданно произнес:

— Я бы на твоём месте уехал в долгосрочную командировку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Гуров позвонил полковнику Еланчуку и услышал его радостный голос:

— Здравствуй! Разыскиваю тебя, а ты сам звонишь, словно провидец. Как быстро сможешь подскочить на наше место?

— Мы собирались его сменить...

— Встретимся, сменим...

Еланчук неувовимо изменился, в нём появились собранность, сила, целеустремленность.

— Плохие новости, Лев Иванович, — сказал он, усаживаясь в машину Гурова. — Я не имею допуска к информации председателя, но знаю людей, которые её готовят. Все молчат, но видно, как сторонники фашистов подняли головы. Интеллигенция в обычной растерянности. Незначительные люди в разговоре обмолвились, что Президент выборы проиграет. Ты знаешь категорию таких болтунов, за счёт якобы осведомленности они хотят стать выше тебя. Но, обрати внимание, в большинстве случаев их информация верна.

— Я нашёл киллера, — произнес Гуров таким тоном, словно сообщил, что обнаружил в подкладке старого пиджака рубль.

— Кто его готовил?

— Он сам приготовил себя и поднялся на высший уровень.

— Ты хочешь сказать...

— Что имеется киллер высокой квалификации, и за ним, возможно, стоят деньги партии и то, что к ним прилипло за последнее время. Дело это не мое, а ваше. — Гуров пожал плечами. — Пожалуй, и сказать больше нечего...

— Как с доказательствами?

— Обычно. Он дважды стрелял из одного и того же «Вальтера». Теперь его разобрал и выбросил. Можно забыть.

— И что ты собираешься делать?

— Я?! — удивился Гуров. — А что тут можно сделать? Доказательств нет и не предвидится. Выставлять за ним «наружку» бессмысленно, он — человек обученный.

— Не говори чушь, за любым можно пронаблюдать так, что у него и в ухе не засвербит.

— У него не засвербит, но знать об этом будут все, кому положено и не положено. Зачем ты так срочно вызвал меня?

— Беспокоюсь, Лев Иванович. Мне не нравится оживление в нашей конторе, не нравится — кто именно оживился. Не нравится внешнее спокойствие руководства, они уверены, что сменят Президента.

— До законных выборов?

— Не думаю. Убежден, заготовлен какой-то предвыборный трюк, тогда Президент дискредитирует себя окончательно.

— А Бисковитый?

— Люди не дадут дураку деньги. Имеется третье лицо, пока в тени.

— Мне-то что? Пусть они все перестреляются и переизберутся. Я — офицер криминальной полиции, буду нужен всем властям и режимам.

— Ты — неуправляемый офицер и нужен не будешь, тебя уберут в первую очередь.

— Третье лицо, — неожиданно сказал Гуров, — лицо, не замазанное политикой нынешнего правительствa, наведет косметический порядок, создаст видимость законности и порядка, поддержит вновь избранного Президента.

— Ты говоришь правильно, но все не о том. Если переворот — а я чувствую, он готовится, — нас ждет обыкновенный фашизм. Это верха думают, что они дают миллиарды и рулят. На самом деле руль у них отберут и начнут, как обычно, с расправы с негодными, опасными.

— Что ты меня пугаешь и что я могу сделать?

— Проанализируй свою жизнь за последний месяц. Не знаю, в силу чего, но ты оказался в центре. Тебя хотят использовать для последнего выстрела. Когда Президента сменят, Дума самораспустится, начнется террор. Ты должен найти ключевую фигуру, которую они держат за сценой, и обесточить ее.

— Убить?

— Если понадобится, то и убить.

Гуров взглянул Еланчуку в глаза:

— Совсем за дурака держишь? Я в таком случае не имею даже шанса остаться в живых. И вообще — все. — Он выставил ладони. — Я в политику не играю.

— Но ты нашел киллера.

— Ты доложил?

— Конечно, нет. Хочу взглянуть, зачем он нужен. Значит, играешь, Гуров? — Голос Еланчука погрубел. — Помню, ты спас мне жизнь и из-за меня убил человека. Я долги отдаю, тем более такие.

— Не сомневаюсь. — Гуров хлопнул Еланчука по плечу и открыл ему дверцу машины. Оставшись один, решил подвести итоги. «В министерстве появляется новый зам, явно демократического направления. Уже странно. У нашего министра не должно быть таких замов. Это человек чужой. Допустим, его спустили из администрации Президента, сказав, мол, не трогай убогого, пусть до пенсии доживет. Возьмем, как рабочий вариант... Но Бардин, во-первых, не убогий, во-вторых, сразу начинает с атаки. Ему нужен киллер. Возможно, я ошибаюсь, и он прекрасно осведомлен, кто такой настоящий киллер. Тогда возникает ряд вопросов... Зачем генерал пытается сблизиться с полковником Гуровым? Зачем к делу привлекают женщин? Какую роль тут играет депутат Ион Доронин? Кого вообще представляют эти люди, этот кружок кройки и шитья? Имеет ли к ним отношение налетчик Захарченко? Вряд ли. Плюнуть на них и забыть, да чуть подсказывало: туда ты лезешь, дружище, именно туда. Дамы — камуфляж и прикрытие, создающие атмосферу несерьезности, дилетантства. Но если Якушев в деле, значит, задей-

стованы миллиарды. А такие деньги ставят только на корону, на Россию и более ни на что».

Пожалуй, всегда, не зная, что предпринять, Гуров начинал танцевать от печки. Он вспомнил, что, расставаясь с Ириной с поцелуями и, кажется, страстными объятиями, получил от нее ключ от квартиры и разрешение приходить без звонка.

«Взгляну на квартиру внимательно, — решил он, заводя машину, — дальше жизнь покажет».

Бардин знал, что его жена у сестры, потому, не заходя домой, отправился к свояченице. Кроме сестер, там находились Ион Доронин и телевизионный комментатор Турин. Генерал догадывался, что между его женой и популярным телевизионщиком роман, но, так как к жене давно охладел и сам был не без греха, держался с Туринным по-дружески. А Ион в свободное от заседаний время служил у Иринки прислугой. Вот свояченицу Бардин ревновал, но сделать ничего не мог: Ирина была женщиной свободной и своенравной.

Генерал включился в шумное застолье, хотя и почувствовал, что своим приходом прервал серьезный разговор.

Ирина подняла тост за Бардина, пожелала ему скорее стать министром.

— Я думал, ты ко мне лучше относишься, — отшутился он.

Выпив, все пытались найти тему для разговора, но он не клеился. Турин деловито взглянул на часы, легко поднялся, одернул твидовый пиджак.

— Я начинаю сегодня, только не ждите скандалов. Все будет интеллигентно, в полутонах.

Бардин понял, что эта фраза относится к прерванному разговору.

— Я не против полутонов, Александр. — Неожиданно голос Доронина зазвучал грубо. — Но в вашей передаче должна прозвучать четко обозначенная позиция.

— Постараюсь. — Турин раскланялся, но не вышел, взглянул на Доронина.

— Заговоры — вещь непростая. — Ион Доронин тоже поднялся.

Алла подала знак сестре, чтобы та удержала гостя, но Ирина не шелохнулась, смотрела на происходящее насмешливо.

— На посошок, Ион. И попутного тебе ветра. — Алла налила два стаканчика виски, чокнулась с Дорониным.

— Алла, ты знаешь, мне нельзя!

— Пей и ложись на диван... Не в первый раз, так что не стесняйся, — сказал Бардин.

Звякнул звонок, хлопнула входная дверь, портьеры распахнулись, и в гостиную влетел Гуров.

Он опустился перед Ириной на одно колено, положив ей на руки букет роз, затем легко поднялся и поклонился с таким видом, словно в женщин был влюблен, а каждый мужчина здесь — друг детства и до гробовой доски.

Наступила неловкая пауза. Гуров, не обращая внимания на возникшую неловкость, воскликнул:

— К черту постные мысли, господа! — Выставил на серебряный поднос фужеры, разлил шампанское, себе взял стакан с виски, второй «случайно» сунул в руки Доронина. — В меня промахивались множество раз, но ни разу не промазали с метра. Можно сказать — рекорд! — Он показал дырку на рукаве пиджака. — Пусть они так стреляют и дальше.

— Счастье не бесконечно, — уныло произнес депутат. — Вы взгляните, как мушкетер, да те времена прошли.

— А люди остались. — Гуров низко поклонился Ирине, якобы случайно подтолкнул Иона под руку, и они шархнули по станчику виски.

Шок от неожиданного появления Гурова прошел, все заговорили смелее, более естественными голосами.

Гуров отозвал Бардина и негромко спросил:

— По вашей канцелярии прошла агентурка ФСК о создании группы переворота?

Бардин чуть не подавился маслиной.

— Первый раз слышу.

— Не давало КГБ нам своих разработок и век давать не будет.

— Но вы узнали.

— То, что знаю я, далеко не на все столы попадает.

— Это почему же? — К ним подошел Доронин, пытавшийся ступать твердо.

Гуров усадил депутата на диван:

— Посиди, потом мы с тобой в баньку махнем.

— Знаем мы нынешние баньки, — усмехнулась Алла. — А вы развратник, Лев Иванович.

— Я мужик, со своими плюсами и минусами. — Гуров старался быть в центре внимания.

Бардин подсел на диван к Доронину:

— Ты много пьешь, Ион.

Собравшийся уходить Турин вернулся к столу, налил в бокал шампанского.

— Не понимаю! — возмутился Гуров. — В центре города одна вооруженная группа уложила другую вооруженную группу мордами на асфальт, а главный политический обозреватель России пьет шампанское и плюет на законность.

— Но здесь находится замминистра внутренних дел, и вы, между прочим, человек не штатский! — вспыхнул Турин.

— Мы люди подневольные, подчиняемся приказам. Не знаю, что приказано Николаю Ильичу, а я выполняю оперативное задание.

— Сейчас?! Здесь?!

— Конечно. Вот заглянул по дороге сообщить, что занят. Так что извините, Ирина, вынужден откланяться. — Гуров твердой рукой взял за локоть Доронина. — Идем, Ион, подброшу по ходу. Всем поклон! — Он низко поклонился и повел опешившего депутата к выходу.

Бардин хотя и не был оперативником, но сообразил, что Гуров уводит пьяного, и чем закончится их разговор, неизвестно. Генерал вышел следом:

— Ни к чему депутату в таком виде на людях показываться, пусть на диванчике вздремнет.

— Верно, Николай Ильич, — с удовольствием согласился Гуров, он и не собирался увозить пьяного Доронина, тратить на него драгоценное время. Оперативнику надо было знать, велись «крамольные» разговоры в его отсутствие или не велись. Бардин дорогу преградил, выпившего политика забрал — следовательно, велись.

Стоя рядом с Гуровым, Бардин тихо спросил:

— А что там у мэрии делается?

— Понятия не имею. Бронежилеты, автоматы, полагаю, спецгруппы качают силу.

— А нам ничего не сообщили.

— Может, считают, что мы и так в порядке? — В голосе Гурова звучала издевка. — А может, мы недостаточно надежны? И других на асфальт укладывать не будем, и сами не ляжем, грязно, однако.

— Лев Иванович, как это у вас получается, что вы буквально обо всем говорите с шуточками?

— Николай Ильич, ежели о творящемся в стране рассуждать серьезно, давно пора стреляться.

— А как с вашим основным заданием?

Гуров удивленно поднял брови.

— Не понял. Я нашел подходящего парнишку, но ничего конкретного, агентурная болтовня. Рапорт у вас на столе третий день, решил, вы интерес потеряли. Правда, конкретного там мало чего есть, но подработаем, разберемся.

Бардин побледнел и, хотя их никто не слышал, зашептал:

— Сегодня в восемнадцать, доложите лично.

— Слушаюсь. — Гуров, хотя и был в штатском, лихо козырнул.

Когда дверь за оперативником закрылась, Бардин быстро прошел в спальню, снял телефонную трубку, набрал номер. Не здороваясь и не представляясь, спросил:

— Говорить можешь?

— Так точно!

— Он нашел человека?

— Никак нет, господин... — Отвечавший запнулся. — Есть версии, слабенькие, предположительные.

— А он не морочит тебе голову?

— Пытается, но я владею большим объемом материала, ничего серьезного мимо меня пройти не может. Повторяю, в случае удачи он вам человека не отдаст, но у него пока ничего нет.

— Но как ты считаешь, он найдет?

— Обязательно, и в ближайшие дни.

— Твоя судьба и жизнь в твоих руках. — Бардин положил трубку.

В отделе контрразведки тоже положили трубку, один из оперативников сказал:

— Раз Гуров на подходе, надо забрать у него весь материал, мы не вчера родились, разберемся сами.

— Доложи, пусть решают, мы люди маленькие.

Бардин расхаживал по гостиной, посматривал на жену и своюченицу. Они сидели на огромном плюшевом диване, пили сок, курили, изображали независимость.

Бардин умел владеть собой, потому говорил мягко, задушевно:

— Да, девочки, признаемся, что Мата Хари из вас не получилась. Не расстраивайтесь, живете вы неплохо, а до разбитого корыта мы не допустим.

— А что, собственно, произошло? — Жена смотрела с вызовом.

— Пустяки, дорогая. Мы не поддерживаем нынешнего Президента, но мы не заговорщики, готовые переворот, мы лишь обыкновенная ленивая оппозиция. Вы привели в дом этого, как его, — Бардин шелкнул пальцами, — Иона, заверили, что он ваш раб и будет держать нас в курсе закулисных событий.

Ирина лишь прикусила губу, а Алла откровенно расхохоталась.

— Ион — твой друг детства, и привел его в дом ты, велел приласкать...

— Не стоит ссориться, мы дружили сто лет назад, возможно, в первый раз в дом привел его я. Так, для развлечения. Но он оказался алкоголиком, влюбился, уж не знаю, в кого из вас, главное — изображает заговорщика. Нам это совершенно ни к чему. Тем более он ярый поклонник Президента, болтун и резонер.

— А кто уложил его в кабинете на диван?

— Ты хотела, чтобы я отпустил его, нетрезвого, с полицейским?

— Полицейского в дом пригласили тоже мы?

— Вы хотели познакомиться с сыщиком. Познакомиться. А не крутить с ним любовь и не вести черт знает какие разговоры.

— Хорошо, хорошо. — Алла устало махнула рукой. — Мы во всем виноваты, ты кругом прав, твоя репутация...

— Не будем утрировать, я лишь прошу, чтобы вы мягко с этим полицейским расстались.

Алла испытующе взглянула на сестру, но Ирина лишь равнодушно улыбнулась. Она решила, что еще переспит с Гуровым, но в данный момент холодный и расчетливый полицейский полковник женщину не интересовал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Хотя у Бардина в кабинете никого не было, Гурова продержали в приемной около тридцати минут. Он не сердился, философски рассудив, что все, что ни делается, к лучшему.

— Извини, — сказал Бардин, когда Гурова наконец допустили в кабинет. — Приказано изготовить один документ. Уверен, бумагу никто и читать не будет, но требуется немедленно. В общем, сам знаешь.

— Еще как знаю! — весело ответил Гуров, отметив, что стенографистка отсутствует, а у генерал-лейтенанта нет даже обыкновенной пишущей машинки. Правда, имеется компьютер, но маловероятно, что Бардин умеет им пользоваться.

— Лев Иванович, давай по-честному.— Честный разговор замминистра решил отметить рюмкой коньяка.

Они искренне улыбнулись друг другу и выпили.

— Задание, которое ты выполняешь, не мое задание и не министра, его нам спустили сверху.— Бардин развел руками, усмехнулся.— Чего греха таить, решил воспользоваться вашими талантами, выслужиться чуток.

— Нормально. Не вам же самому бегать по Москве и киллера искать? — Гуров смотрел простодушно, чувствовал себя комфортно. Сыщик знал все, что скажет Бардин, и что он, полковник, ответит. И что из этого получится, тоже знал.

— Сейчас представилась возможность спихнуть весь тяжкий груз на плечи контрразведки.

— И слава Богу! — Гуров широко перекрестился.

— Они сказали, им достаточно вашей дискеты. Возможно, короткой беседы с вами. Вы не возражаете?

— Только приветствую!

Бардину показалось, что массивное кресло, на котором он сидел, качнулось, настолько неожиданна была для генерала реакция сыщика.

— Готов беседовать с коллегами сутки напролет, лишь бы избавиться от головной боли, — радостно продолжил Гуров.

— И прекрасно! — Бардин чуть было не протянул руку для прощального рукопожатия, но вспомнил, как по телефону заверили, что Гуров выйдет на киллера непременно, и в ближайшие дни. Значит, полицейский собирается спихнуть пустую породу, а золотник оставить себе.

— Прекрасно! — повторил Бардин, но прежнего энтузиазма в его голосе не слышалось.

Гуров понял, зайцем проехать не удалось, и постарался, чтобы на его спокойном чеканном лице не промелькнуло и тени.

— Я завтра доложу, пусть решают. Надеюсь, очень скоро, Лев Иванович, мы будем подыскивать для вас более перспективное и интересное задание.

— Будем надеяться, — сдержанно ответил Гуров, пожал начальственную руку и пошел к дверям.

— Добрый вечер, друзья, — сказал Гуров, входя в кабинет Орлова, где на стульчике, съездившись, словно командировочный, подремывал Крячко. — Чуть было не обыграл начальство в подкидного. Но они внезапно бросили карты и произнесли заветное: «Чур-чур, я больше не играю».

Орлов пробормотал что-то про горбатого и могилу. Станислав открыл глаза, хитро посмотрел на друга:

— Хотел спихнуть дело «соседям»? Бардина-то ты объедешь, но ребят из контрразведки никогда. Там работают нормальные, опытные мужики.

— Удивляюсь, как вы не устали друг от друга? — Орлов постучал короткими пальцами по столу. — Если человек покупает ружье, он собирается стрелять, а не забивать им гвозди. Киллер нужен, чтобы совершить политическое убийство. Мы это

знаем, они знают и знают, что мы знаем. Такая детская считалка. Значит, некто желает забрать найденное нами оружие и расстрелять неугодных. И оружие должно быть безукоризненно убедительным. Чтобы из него уже ранее убивали и нашли его не исполнители, а менты, люди от политики далекие. Тогда люди, узнав о новом убийстве, воспримут его обыденно, не заподозрят, что это тщательно подготовленная акция. Все отлично продумано. Есть две опасности. Первая! — Генерал ткнул пальцем в Гурова.

— Полковник Гуров киллера не отдаст.

— Верно, но данный момент наверняка учтен, и киллера заподычат, используя результаты работы полковника, без его согласия.

Гуров и Крячко переглянулись, они забыли, что генерал не в курсе — киллер уже выявлен.

— Допустим, — согласился Гуров.

Крячко опустил взгляд, понял: друг не хочет раньше времени информировать начальника, чтобы в случае неудачи не подставить его под удар. Одно дело — утаивание информации оперативниками и другое — участие в этом начальника главка. Опертов дальше фронта не пошлешь, а генерал, обманывающий министра, — уже криминал. Орлов почувствовал, что ребята темнят, взглянул строго. Крячко было дрогнул, хотел пойти в сознанку, но Гуров резко произнес:

— Если мы не будем верить друг другу, пора доставать удочки. Петр, если ты не веришь мне, то кому веришь?

Орлов смутился и пробормотал:

— Ну, извини, Лева, бес попутал.

— Когда он тебя в следующий раз начнет путать, ты меня уволь к чертовой матери, но не оскорбляй! — Гнев Гурова был искренен.

— Ладно, ладно, ты в ангела не рядись, я извинился, и забудем. А кто тебе будет безоговорочно верить, тот сам дурак. — Генерал довольно хмыкнул, но было ясно, что данную дезу он проглотил. — Как далеко тебе до киллера?

— Руку протянуть.

— Лень или стесняешься? — поинтересовался Орлов.

— Если я протяну, то и другой протянет, а я не хочу, чтобы меня использовали как уличную девку. Зачем понадобился киллер? Кому?

— Пока выжидаешь, ничего не узнаешь. Ты имеешь дело с контрразведкой...

— У которой тысяча дел, — перебил Гуров.

— Мальчик-журналист... — неожиданно сказал Крячко. — Они поклялись прилюдно, что найдут его убийцу до Нового года.

— У них внутренние склоки...

— И честь мундира, — упрямо возразил Крячко. — Теперь я точно знаю, зачем им нужен киллер. Они спишут на него все свои «висяки».

— Когда заказывали киллера, журналист и депутат Думы были живы. — Гуров возражал вяло, в его голосе не слышалось

привычной уверенности и агрессивности. — В любом случае это их головная боль, а от меня ничего не получают.

— Не надо иметь аналитический отдел, достаточно одного сообразительного опера, чтобы в январе предсказать: вскоре произойдут тяжкие убийства, и понадобится козел отпущения.

— Так и искали бы его сами. — Гуров зевнул.

— Лев Иванович, давай я тебя отвезу, переночую у тебя, свербит, беспокойно мне, — предложил Крячко. Он понял, друг на пределе, нервничает.

— Они меня сейчас не тронут, рано. — Гуров поднялся. — Но коли ты просишь...

Орлов подмигнул Крячко, согласно кивнул.

— Кстати, у меня сейчас случайно в твой район идет патрульная машина, вас проводят.

— Петр Николаевич, я тоже люблю случайные совпадения. — Крячко поднялся. — Мы оставим машину полковнику у министерства, пусть специалисты осмотрят ее. Для тренировки.

От Житной, где располагается МВД, до Суворовского бульвара, где живет Гуров, и без sireны ехать всего ничего.

Когда Крячко тронулся со стоянки, его «мерседес» профессионально взяли в клещи две патрульные машины с огнями на крыше и требовательными голосами. Эскорт двигался вежливо, не разгоняя окружающих, но опытные московские водители сами освобождали дорогу.

— Господин полковник, вы случайно не член президентского совета? — поинтересовался Крячко.

— Нас «ведут» профессиональнее и вежливее.

— Что это Петр расцедрился, у нас министра хуже возят. Слушай, Лев Иванович, если ты из ментов уйдешь, шагай прямым ходом во МХАТ, врешь ты достоверно, у них это перевоплощением называется. Я впервые увидел, как Орлов лопухнулся.

— Опомнись, Станислав, — вздохнул Гуров. — Да ни одному моему слову Петр не поверил.

Крячко долго молчал, взглянул на машины сопровождения:

— И что, мы теперь все время так ездить будем?

— Нет, представление разовое, чтобы мы не забывали, с кем имеем дело. Скажи, какой главный вопрос хотел задать, но не задал наш генерал?

— Имеется киллер, значит, существует и хозяин, который руководит и платит, Контрразведка, при ее возможностях, найдет хозяина и выйдет через него на киллера. Вопрос: а что делать с полковником Гуровым? Он в таком раскладе совсем лишний.

Крячко остановил машину у подъезда Гурова. Одна из патрульных машин остановилась впереди, другая сзади. Сыщик распахнул дверцу, но не вышел. Крячко удивленно посмотрел на Гурова.

— Нервы ни к черту. — Гуров болезненно поморщился и вышел из машины.

Внимательно осмотрев дверь своей квартиры, сыщик устало усмехнулся.

— Что они хотят у меня найти? — Он отпер тяжелые сейфовые замки, пропустил Крячко, запер засов. — Мельчает народ, я знал человека, он такие замки открывал, как свой кошелек. Значит, ко мне лезет не комитет, у них специалисты еще остались. Нам только и не хватает таинственных незнакомцев.

Крячко дремал в кресле. Гуров разложил газеты, отчеркивал некоторые строки.

— Союзников у Президента все меньше

— Всех продал. — Крячко не открывал глаз. — Давай организуем пожрать и выпьем по стакану.

Зазвонил телефон.

— Организуй, — ответил Гуров, снимая трубку. — Слушаю. Дорогая, и не пытайтесь изменить голос, не получается.

— Я хочу тебя видеть, — сказала Ирина.

— Я рад, сегодня не могу, позвони утром, часиков в восемь.

— Что? — Ирина чуть не поперхнулась. — Я что, фабричная девчонка? Я в восемь сплю, черт тебя подери!

— Тогда спасибо за звонок и спокойной ночи!

— Хам, мужик, мент.

— Согласен.

— Включи телевизор, через пять минут будет говорить Сашка Турин, прислушайся, мент, может, и в твоей голове здравая мысль появится.

— И за что ты в меня влюбилась, не пойму. Ну ничего, будем терпеть, целую, спасибо за звонок. — Гуров положил трубку, включил телевизор.

Турин, как всегда, был обаятелен, ненавязчив и до неправдоподобия объективен. Казалось, он не сказал ничего нового, лишь однажды Гуров насторожился, когда комментатор сообщил о результатах последнего опроса общественного мнения: Президент теряет популярность, а Бисковитый набирает очки, и они на сегодня котируются на равных.

— Дожили! — воскликнул Крячко. — Ладно, пошли к столу.

Пельмени, красивая безвкусная ветчина иностранного происхождения — дежурный ужин холостяков — друзья украсили рюмкой водки.

— За удачу! — Крячко встал.

Гуров махнул на него рукой.

— До чего же надоела эта окаинная жизнь. — Он вздохнул. — Надо чаще смотреть в ящик, видеть больше несчастных людей, тогда к себе жалости прибавится.

— Верно! Ты живешь в роскошной квартире, сытно ешь, вкусно пьешь, стреляют в тебя не каждый день. — Крячко серьезно посмотрел на друга. Выглядел Гуров плохо, резко обозначились скулы, под глазами залегли тени.

— Борис Галей, конечно, убийца, но злости у меня на него нет, и брат его никакого желания...

— На сей момент предьявить ему нечего, — перебил Крячко.

— Если бы никто не мешал, дал поработать спокойно, то одно убийство я бы ему доказал обязательно. А так ни азарта, ни куражу... Чую, стоит нам с убийцей определиться, приблизиться, как появится востроносенький чиновник с бумаженцией. Мол,

уважаемые менты, благодарствуем, работу вы проделали огромную, пришел наш черед. И куда заберут парня и что ему навешают, узнаем из газет и от ласкового телекомментатора.

— В первый раз? — Крячко наполнил рюмки.

— Что-то в этом деле особенно нечестное и подлое, а мы с тобой, Станислав, главные закоперщики. Не хочу я работать! Не хочу! — Гуров говорил спокойно и ладонь опустил на стол без особой силы, но посуда запрыгала. Свою рюмку Крячко спас просто чудом и, чтобы больше не рисковать, быстро ее выпил.

— Ты вроде как убийце сочувствуешь? Или он убил случайно только одного и по недоразумению?

— Не случайно и не одного, но судить человека следует только за совершенное и доказанное, а не за то, что властям надобно, а я чувю...

— И заткнись! — вспыхнул Крячко. — Откуда ты такой совестливый взялся? Напомнил бы тебе из твоей биографии совсем недавнее...

— Я лучше твоего свои грехи знаю! — вспыхнул Гуров. — Я про себя такое знаю!

Крячко взглянул на часы, вновь наполнил рюмки.

— Дорогой Лев Иванович, сколько бы ты ни грешил, добра ты совершил значительно больше, чем зла. Если Бог есть, он видит! Да сопутствует нам удача!

— Главное, чтобы сопутствовала удача, — согласился Гуров.

Сыщики дружно сплонули через левое плечо, рассмеялись и пошли спать.

Как и предсказывал Крячко, утром Гуров проснулся свежим, бодрым, решительным и злым. За завтраком Станислав одобрительно взглянул на него:

— Ну а теперь мы поглядим, кто кого, или, как говаривали в детстве, «кто у нас выше на стенку писает?»

— И где ты откапываешь подобные выражения?

— Из детства, шеф, исключительно из детства. У меня память хорошая. С чего начнем?

— Нормально начнем, поедем на службу.

Когда они вошли в кабинет, Артем уже возился с компьютером.

— Здравия желаю! — Он привстал.

— И тебе хорошего аппетита, — ответил Крячко.

Гуров молча пожал парню руку, прошел за свой стол:

— Закрывай технику, я тебя, парень, перепрофилирую. Пару дней побегаешь по городу. Мне нужен никому не известный оперативник.

— Как скажете, Лев Иванович, боюсь, толку от меня будет мало, я ведь оперативному делу не обученный.

— Все академики учились читать, так что не бойсь, непосильного я на тебя не нагружу.

Гуров решил обострить ситуацию, больше не выжидать и перейти в наступление. В позиционной борьбе на выигрыш рассчитывать глупо. У тебя одна голова, у противника несколько, да

и вооружены они получше. Если не прихватят в одной ситуации, обязательно прихватят в другой. Надо их заставить суетиться, нервничать, тогда с их стороны возможна ошибка. Главное — выяснить, что конкретно они задумали, и начать драку, а там видно будет.

Станислав Крячко работал за своим столом, делая вид, что все происходящее в кабинете его совершенно не касается. Крячко удивляло, что в напарники сыщик берет мальчишку, без знаний, опыта. Как казалось Станиславу, Гуров относился к Артему с прохладцей, вроде бы даже не очень и доверял ему.

— Я готов. — Артем Ермаков одернул пиджак, вытянулся. Гуров задумчиво смотрел в окно, затем, приняв решение, сказал:

— Береженого и Бог бережет. Тебя, мальчик, не тронут, а мне следует перестраховаться, написать завещание. Садись на место, заряжай свой дьявольский аппарат, я продиктую.

— Значит, так. — Гуров закурил, взглянул на сидевшего напротив Крячко, и ему почудилось, что в ясных глазах друга поблескивают огоньки, словно черти водят хороводы. — В прокуратуру России, — начал диктовать Гуров. — Редакторам газет: «Известия», «МК», «Литературная газета»... — Неожиданно он замолчал, в сомнении потер подбородок, спросил: — А ведь все это в памяти машины остается?

— Обязательно, господин полковник! Однако дискету можно изъять.

— Можно, — поморщился Гуров. — А хранить ее где, да и тебе раньше времени лишнего знать не обязательно. Чего губу отвесил? — усмехнулся он и кивнул на Крячко. — Вот полковник ничего не знает и знать не хочет, потому как любит себя, семью и никому не торопится. Сотри все к чертовой матери. Жди, я недолго. Сам все в одном экземпляре изготовлю, отпечатаю и до времени припрячу.

Гуров вышел. Крячко отвернулся к окну, боясь, что усмешка его выдаст. Понял, Лева валял дурака. Зачем, почему — не ясно, но полковник Гуров старший, а с горки виднее.

Гуров сидел за рулем, Ермаков рядом. Не спеша катили по бульварному кольцу.

— Вчера технари с моей машины сняли «маяк», — объяснял Гуров. — Значит, некто очень интересуется моей скромной персоной. В такой толчее, — он глянул в зеркало на поток ползущих машин, — не разберешь, есть кто за нами, нет ли. Мы сейчас слегка проверимся, но если нами интересуются люди серьезные, то все наши проверки лишь дамские шалости.

Подъезжая к Трубной, Гуров увидел прогал в сплошном потоке, непрерывно сигналив, нарушая все правила, бросил машину вперед и, сопровождаемый матом, визгом тормозов, развернулся и двинулся назад, к Петровке. Проскочил Пушкинскую, свернул на Тверскую, у светофора притормозил.

— Ну, вы даете, Лев Иванович! — восхищенно прошептал Артем. — Если кто за нами и следовал, наверняка потерял, а в такой толчее не достанет.

Гуров согласно кивнул, хотя придерживался иной точки зрения. У Белорусского свернул на маленькую дорожку, обогнул гостиницу «Советскую» и припарковался.

— Здесь мы временно расстанемся, продолжим путешествие на своих двоих. Ты идешь к спорткомплексу ЦСКА и ждешь меня час. Я должен обязательно прийти, если нет, возвращаешься в контору. Мне надо встретиться с человеком, переговорить. С Богом! Следи, чтобы на тебе не «повисли». — Гуров хлопнул Артема по плечу, запер машину и, не оглядываясь, вошел в гостиницу.

Артем потоптался на стоянке, затем неторопливо двинулся по переходу на другую сторону проспекта.

Гурову повезло. Когда он подошел к дверям квартиры Галеев, на площадку вышли трое подвыпивших парней. Александр, опираясь на костыли, стоял на пороге.

— Привет, парни. — Гуров издали показал Галею удостоверение. — Я ваш новый околоточный, познакомиться заглянул.

Парни деловито попрощались и исчезли. Саша был вынужден Гурова впустить, не произойди такой встречи, не открыл бы дверь. Хотя какие документы показывай, Александр незнакомых не пускал.

В прихожей Гуров снял ботинки, поставил в калошницу, оглядел хоромы:

— Ну, вы даете, парни! — Он надел тапочки, прошелся по шикарной гостиной. — То-то все говорят, отхватили Галею у «МММ», те и разорились в момент.

Александр ничего не ответил, прошел на кухню, загремел посудой. Гуров опустил руку в карман, нащупал миниатюрный аппаратик для подслушивания, оглянулся, решая, куда бы его прилепить, но понял, дверь на кухню, искусно сделанная из резного дерева и черного стекла, была с обратной стороны прозрачной, и парнишка за ним наблюдает. Болезненно худой младший Галей вызывал симпатию. Чувствовалось, он несет свой крест без жалоб, не требуя сочувствия посторонних.

«Наверное, он и с братом держится так же, — подумал Гуров, вынимая из кармана сигареты и закигалку. — Неужели он соучастник? Судя по собранным сведениям, они очень дружны, оберегают друг друга. Возможно, Борис о своих подвигах не распространялся, но и задвинуть брату туфту с «МММ» тоже не мог».

— Саша, в доме курят? — громко спросил Гуров, хотя отлично видел пепельницу с окурком, стоящую на журнальном столике.

Александр вернулся в гостиную, ловко неся в одной руке поднос с кофейником и чашками. Опустив его на столик, подвинул к Гурову пепельницу.

— Болтуном тебя не назовешь. — Гуров взглянул на сухое, жесткое лицо хозяина.

— С детства такие. — С незнакомыми Саша всегда говорил о себе во множественном числе. — От слов одни неприятности. Вы к чему зашли, господин полковник? Вопросы какие? При

вашем опыте краситься под околоточного — только себя и людей обижать.

Гуров опешил. По его мнению, Александр Галей не мог знать в лицо полковника Гурова. Он неторопливо отпил кофе, закурил.

— Это я при людях представился... — Гуров миролюбиво улыбнулся, но Галей дружественного тона не принял, смотрел холодно. — Зачем округе знать, что к вам высокие чины наведываются?

Галей слегка оттаял, мент рассуждал здраво.

— Давай к делу, Лев Иванович, мне кухарить надо, обед не готов.

Гурову стало ясно, что его приметы назвал Михаил Захарченко, когда, выполняя его, сыщика, задание, побывал тут недавно.

— Михаил давно был?

Галей с минуту не отвечал, решая, что признавать, а от чего отпираться. Поняв, что лишних неприятностей искать не следует, ответил:

— На прошлой неделе. — И, как бы оправдывая свою откровенность, пояснил: — Тигр не заглянет в курятник случайно, значит, по следу идет.

— Стало быть, я опоздал. Мишка ваш, хоть и обидел меня, даром не нужен. Меня разборщики интересуют. Авторитеты! Бросили пацана под меня и по углам хоронятся. — Гуров замолчал, погладил якобы раненую руку. — Ну, я выяснил, кто есть кто на Масловке, назвали вас, потому и заглянул.

Гуров был доволен собой. Слухач он прилепит, а причина появления прозвучала более чем убедительно.

Напрасно он радовался, с этого визита он начинал проигрывать. Сначала позицию, затем терять фигуры, и так вплоть до шаховой ситуации.

Привык Гуров к своему постоянному интеллектуальному превосходству над противником, тем самым нарушив главную заповедь оперативника-розыскника: «Если ты что нашел, разгадал, всегда будь готов к тому, что то же самое способен сделать и другой человек».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Неподалеку от дома, где жили братья Галеи, меж двух грузовиков стояла заляпанная грязью старенькая «Волга»-такси.

В машине, кроме дремавшего водителя, сидели два немолодых, одетых под провинциалов оперативника контрразведки. Были они голодны и злы, но за домом следили внимательно, хотя изначально к заданию настроились скептически.

— Ежу ясно, пустьшку тянем, — сказал один, опустил боковое стекло и сплюнул. — Начальство нашими лбами хочет стенку прошибить. Нет тут мента и не будет.

— Позвони полковнику, объяви, что он двинулся, и ты своей властью наблюдение снимаешь.

— Найди кого дурей, мне и так звание задерживают. — Внезапно оперативник схватил приятеля за плечо. — Вот он! Точ-

но! — И указал на Гурова. Сыщик, придерживая одной рукой дверь подъезда, выкатил детскую коляску, другой придерживал под локоток молодую мамашу.

Коляска и молодая женщина не были заготовкой. Гуров случайно столкнулся с ними на лестнице, помог спуститься, выйти на улицу. Перед уходом из квартиры Галеев сыщик пособил хозяйину перенести поднос с чашками и кофейником на кухню, а на обратном пути прилепил передатчик к основанию новомодного торшера.

В ответ на благодарность молодой мамыши Гуров чмокнул засмущавшуюся женщину в щеку, прострелил внимательным взглядом улицу: не двинулась ли какая машина, не вышел ли кто из-за угла или подъезда, — и довольный собой отправился к стоянке, где оставил свою машину.

Оперативники забыли про усталость, голод и злость. Они передали в «контору», что «ведут» мента и просят поддержки. Понимали, насколько опытен и осторожен милицейский «полкаш», одним им не справиться.

Гуров шел по улице и думал о братьях Галеях. Прикидывал, что удастся доказать старшему, какова будет судьба младшего. Не будь Гуров так доволен собой, он засек бы наблюдение. Но сыщик пребывал в эйфории, потому ничего не заметил. Он прошел мимо своей машины, оглядел стоянку, проследил, кто подъехал, кто собирается отъезжать. В принципе его уже не волновало, сядет за ним «наружка» или нет. На сегодняшний день он свою задачу выполнил. И сыщик даже представить не мог, что его «зацепят» при выходе из дома.

214

Наблюдавшие за Гуровым оперативники пересели в подъехавшую машину, связались с начальством.

— Ведем наблюдение, находимся... — начал докладывать опер, которому упорно задерживали присвоение очередного звания.

— Знаю, — перебил начальник. — Бросайте его к такой-то матери, возвращайтесь. А ты, майор, смахни слезу, считай, что уже подполковник. Хотя и прощляпил приход Гурова, но раз засек выход, то заслужил.

Полковник контрразведки Игорь Трофимович Ильин прекрасно знал Гурова. Несколько лет назад они работали вместе по одному делу. Контрразведчик был на год старше сыщика, внешностью походил на генерала Орлова. Среднего роста, полноватый, глаз под нависшими бровями и не разглядишь. А характером походил на Гурова. Имея свою точку зрения, начальству не поддакивал, оперативником был классным, в результате его терпели, присвоив звание полковника, спихивали самые неперспективные дела.

Однажды высокий начальник, разбиравшийся в деле на основе информации, вычитанной в лживых рапортах, спросил его:

— Ну, как будем жить, Игорь Трофимович? Пора готовиться к переходу на новое место?

— Это у вас друзья, связи, — ухмыльнулся Ильин. — Не удер-

житесь здесь, вам место всегда найдут. Я же послужу пока до пенсии, а затем подыщу место консультанта в тихой воровской заводи. Надо только подготовиться, и я знаю, как именно. — Ильин изложил свой план: «Нужен профессиональный киллер, которого бы мы держали в руках, про запас. Когда прозвучит команда: «Все м за борт!», мы свалим на него два-три громких заказных убийства. Но мне нужны помощь и поддержка ваших высокопоставленных друзей из команды Президента».

Так в милиции появился сначала генерал Бардин, затем без разговора вернули в строй полковника Гурова и Крячко, которые и получили озadaчившее их задание.

— Гуров найдет, я его знаю, он парень талантливый, — сказал тогда Ильин. — За ним всего лишь надо внимательно приглядывать, потому как с норовом. Да и откровенничать с ним нельзя.

Отношение контрразведчика к розыскнику было неоднозначным. На первом месте, пожалуй, стояла зависть. Ильин хотел во всем походить на Гурова, но не хватало силенок и дерзости. Ильин упрощал сыщика, считая его превосходным профессионалом, не отягощенным балластом совести и сомнений. Кот, безукоризненно лоящий мышцей, всегда и всем нужен, потому свободен, дело его всегда правое, так как грызуны есть зло. Он далек от политиков, не ловчит, карты не передергивает, смел, силен, удачлив, среди своих и среди чужих всегда в авторитете.

«Ну, ничего, — рассуждал Ильин, — мы тебя уважаем, но твои белые одежды слегка говнецом и кровью испачкаем, а то уж больно ты необычен. Все в дерьме, а Гуров всегда в свежей рубашке и при галстуке».

Контрразведчик поднапрягся и получил копию с дискеты, на которой Гуров собирал отфильтрованную информацию. Сначала Ильин информацию о Галеех пропустил, но когда жена Бардина, сам Бардин, телевизионщик Турин стали упорно повторять, что Гуров достиг результата, у Ильина закрались сомнения. Контрразведчик заново просмотрел весь полученный материал и выловил из него то, что уже знал Гуров: школу КГБ, судимость и смерть Исилина и прочее. Возможно, убийца — Галей, сделал вывод контрразведчик, и установил за ним наблюдение.

С «наружкой» Ильин опоздал. Депутата Сивкова уже убили, киллер отдыхал. Кроме успеха в «МММ» и свалившихся на братьев колоссальных денег, ничто гипотезу контрразведчика не подтверждало. Но он был профессионал, потому знал: даже крупница золота не валяется под ногами, ее следует добывать и добывать.

Узнав, что Гуров снял Артема Ермакова с компьютера и начал с парнем кататься по Москве, контрразведчик распорядился с ментов и Бориса Галеев глаз не спускать, на всякий случай присмотреть за домом братьев. Если честно, то Ильин не верил, что наблюдение что-либо даст, но чем черт не шутит. И черт пошутит...

Теперь ясно, Гуров остановил свой выбор на Борисе Галее. И если бы была хоть малейшая зацепка, Галеев уже сидел бы в камере. Гуров никогда не позволит убийце разгуливать на свободе.

«Раз у Гурова нет улик,— думал Ильин,— так и мне не раздобыть, будем ждать вместе, а потом — кто быстрее. Главное, точно рассчитать и вовремя выхватить у Гурова добычу».

Зачем Гуров заходил к Галеям? Тоже мне загадка! Заглянул, прилепил микрофон, вдруг что выловится. Ну и черт с ним, пусть слушает. И контрразведчик дал команду поставить у Галеев еще один микрофон. Будем слушать вместе.

Ильина пригласили к руководству. В кабинете начальника он увидел чиновника из команды Президента, неловко изображающего, что дела генерала и полковника его совершенно не интересуют.

Генерал встретил полковника дружелюбно, но с гостем не познакомил.

— Проходи, Игорь Трофимович, присаживайся. Мы тут ждем важного звонка... Я пригласил тебя узнать новости, заодно продемонстрировать верхам, что не бездельничаю. Докладывай, что у тебя по Гурову, киллеру и т. д. А ты, Олег, полистай журнальчик, к разговору не прислушивайся, он тебе не интересен.

Ильин коротко доложил, ничего не приукрашивая и своих заслуг не подчеркивая.

— Молодец, пора тебе присваивать генерала... Отбросив второстепенное, можно сказать, что вы зверя обложили, но доказательства, что он действительно зверь, добыть не удастся. Ты, Игорь Трофимович, напиши подробный рапорт на мое имя. Работой твоей интересуются очень большие люди. Я знаю, ты человек умный и потому все отлично понимаешь.

— Меня от дела отстраняют? — прямо спросил Ильин. — Написать рапорт и забыть?

— Не будь проще штыковой лопаты! — неожиданно вспыхнул генерал. — Когда надо, я тебе все скажу, а пока иди.

Когда Ильин вышел, чиновник сказал:

— Я был уверен, что старый гэбэшник не годится для тонкой работы.

— Полковник большая умница, а ты будешь самонадеянный дурак, если влезешь в дело раньше времени. Учти, на той стороне стоит Гуров.

— Да что ты меня этим ментом пугаешь? — Чиновник повысил голос. — Если он такой неудобный, так уберите его к ейной матери. Не ставить же государственное дело в зависимость от прибабахов милицейской пешки?

— Ты не забывайся! Гуров не пешка, а один из лучших сыщиков России, такого, как ты, сожрет, костей не выплюнет. Так что жди и не подставляйся. У тебя достойных специалистов для завершения дела нет и быть не может. Когда ваш час придет, я сообщу, мне ваша головная боль ни к чему.

— Ни к чему? — Чиновник хитро улыбнулся. — Ты, значит, за так стараешься?

— За просто так даже воробьи не чирикают. Если ваша возьмет, придется нашу фирму вновь перетряхивать, тогда и обо мне вспомните. Руководители спецслужб не грибы, по два раза в год не растут. Я давно понял, буду нужен, место найдете, а нет, так виляй хвостом, не виляй — все одно.

Еланчук и Гуров сидели в маленьком частном кафе. Еланчук пил кофе, сыщик — водку, которую подливал в стакан из фляжки. Подошла официантка, поджав губы, объявила: с собой принести не положено.

— Прости меня, девочка, — ответил Гуров, — у меня настроение, а денег нет.

Девушка дернула плечиком и вскоре принесла графин с соком, поставила перед Гуровым.

— Шутите, а небось миллионеры!

— Спасибо, родная, — ответил Гуров. — Может, ты и права, я сам не знаю, кто я такой.

— Тебя не назовешь жизнерадостным, — заметил флегматично Еланчук.

— Сегодня жизнерадостные либо дебилы, либо проходимцы. — Гуров глотнул прямо из горлышка. — У тебя конспиративная квартира есть, и у меня имеется, однако мы хоронимся, всего боимся. Потому как явки наши прослушиваются, причем неизвестно кем. Одной конторой, а может, и двумя одновременно... Кому мы с тобой служим, Юра?

— Что изменилось за неделю? — удивился Еланчук. — Я тебя в таком миноре в жизни не видел.

— А ничего не случилось. — Гуров вновь отхлебнул из фляжки. — Вчера по телевизору послушал правителей, ничего нового. Говорить разумно еще не научились. Мой министр выглядел особенно убедительным. Ох, как же мне служить захотелось, удержу нет. Прилив энергии необыкновенный. Я сдерживаться и не стал, вышел бутылку, сейчас отхожу.

— Если я тебе на мозоль наступлю, ты ногой дернешь?

— Валяй! — Гуров допил фляжку, махнул официантке. Когда она подошла, сказал: — Друг решил меня угостить, так что принеси, пожалуйста, водочки и тарелку борща.

— Борща нет, можем предложить...

— Согласен, — перебил Гуров. Когда девушка отошла, он напомнил Еланчуку: — Ты про мозоль говорил...

— Не терпится? Изволь! В нашей конторе тобой занимается полковник Ильин. Знаешь такого?

— Игорь Трофимович? Знаком, он парень с головой. Раз Игорю поручили, значит, меня в вашей конюшне уважают.

— Нашел, чем гордиться. — Еланчук замолчал, выждал, пока официантка поставила на стол бутылку и тарелку с супом.

— Вы с водочкой-то поосторожнее, — сказала девушка и неожиданно погладила Гурова по плечу. — Пить с горя последнее дело. — И, вильнув бедрами, отошла.

— Ты на днях никакой серьезной встречи не имел? — спросил Еланчук.

— Продолжай.

— Один парень из отдела Ильина обронил, что ему звание, которое задерживали больше года, присваивают. Я и подумал, не на тебе ли он отличился?

Тупое безразличие с лица Гурова исчезло. Еланчук тихо рассмеялся.

— Значит, ты засветился, потому как болтун тот работает в «наружке».

— Спасибо. Кто предупрежден, тот вооружен.

— Не знаю, интересно ли тебе, но скажу, что анализ последних теленовостей и выступлений в газетах показывает: наметилась последовательная дискредитация Президента. Одновременно начали все чаще упоминать Висковитого. Его рейтинг приближен к президентскому. Правда это или вымысел — неизвестно. Ясно, началась организация общественного мнения, и за ней стоит серьезный капитал. Вадим Суриков тебе известен? Нет. До недавнего времени никто о нем не слышал. Экономист, кандидат наук, недавно назначен вице-премьером. Кто-то его активно тащит наверх. Несколько раз называли чуть ли не третьим среди претендентов. Под него организована партия, куплено эфирное время и несколько журналистских перьев из тех, что продаются.

— А есть такие, что не продаются? — усмехнулся Гуров.

— Смейся, смейся, но как раз среди журналистов много людей ринципиальных. Нам известны случаи, когда на них оказывали давление, пытаясь спихнуть с одной колеи на другую, не прошло.

— За таких ребят стоит выпить. — Гуров заткнул начатую бутылку водки носовым платком, убрал в карман. — Плати, твоя очередь.

— Конечно, я пью кофе, ты хлещешь водку, а платить — так моя очередь.

Галей взглянул на мужичка, приоткрывшего дверцу «Жигулей», и уверенно сказал:

— Извини, нам не по дороге, приятель.

— Не уверен, Борис Сергеевич. — Мужичонка уселся рядом.

Галей пригляделся к незваному соседу, понял: одежка и простецкая манера поведения — камуфляж, человек явно из спецслужбы, причем не шестерка.

— Я друга жду, потому никуда не поеду, имеешь, что сказать, выкладывай.

Сзади подошла «Волга», прижалась бампером к «Жигулям», одновременно «Нива», стоявшая чуть впереди, подала назад и закрыла возможность выезда. Галей охватила ярость. Не вынимая руку из кармана, он прижал ствол с глушителем к боку незнакомца.

— Передай по связи, чтобы они убрались, тогда, возможно, поговорим, а нет, то не узнаешь, чем тебя наградили посмертно.

Полковник контрразведки Ильин, имевший неосторожность сесть в машину Галея, все просчитал, кроме одного — Галей не ценит не только чужую жизнь, но и свою собственную.

— Если ты знаешь меня, не играй в героя, выполняй.

Ильин пробормотал несколько слов по рации, «Волга» и «Нива» разъехались и исчезли в потоке.

— Борис, не изображай камикадзе. — Ильин с трудом перевел дух. — Знаешь, твоя жизнь...

— Не дешевле твоей. Выкладывай, зачем явился, — перебил Галей. — Кто меня подставил и что вам надо?

— Тебе кланяется Виктор Иванович. Я с ним переговорил и получил разрешение на контакт.

— Похоже, однако почему я должен верить...

— У тебя есть связь, проверь. Завтра встретимся, думаю, наше предложение заинтересует тебя.

— Предложение я могу выслушать и сейчас.

— Необходимо унять болтливого политика. Время и место мы тебе укажем. Пятьсот тысяч. Платить будет твой шеф. С такими деньгами ты с братом можешь уехать на год отдыхать, пока жизнь не нормализуется.

— Почему выбрали меня? У вас исполнители перевелись?

— Исполнители найдутся, у нас «Вальтера» девятого калибра, что ты мне сунул под ребро, нет. А нам надо, чтобы след тянулся издалека.

— вспомнил! — Галей присвистнул. — Та железка разобрана и давно в сточной канаве утонула.

— Я думал, ты не станешь понапрасну хорошую вещь выбрасывать. Пристрелян, надежен, пока другой найдешь, да пообвыкнешься, требуется время. Тебе это не с руки. А насчет улик... В случае чего, можно сказать, что ты эту игрушку вчера по случаю для самозащиты приобрел у лица кавказской национальности. А что у пистоля биография сложная, так ты в том не виноват. А если кто считает иначе, пусть свои догадки подопрет фактами. Я правильно рассудил, Борис Сергеевич?

— Ты, командир, сложно объясняешься... И все-таки «Вальтера» у меня давно нет.

— Жаль, столько времени потеряли. — Ильин открыл дверцу. — Без того «Вальтера» ты человек ненужный. Однако переговоры со своим шефом, может, что в голову и взбредет. Надумай, подъезжай на это место завтра, в это же время.

Контрразведчик вышел из машины, тут же подрулило такси и через секунду скрылось в потоке.

Полковник историю «Вальтера» изложил верно. Мало того, именно тот «Вальтер» лежал в кармане Галей. «Знали бы, брызнули химией в морду, пистолет забрали, а меня схоронили без цветов и салюта», — подумал Галей. Но он ошибался. Ильин предполагал, какое оружие ему воткнул киллер под ребро. Но контрразведчику нужен был не только «Вальтер», но и сам Галей.

Именно он в нужный момент должен увести любопытных журналистов к Гурову и компании, и тогда ведомство Ильина останется далеко в стороне.

Генерал Орлов сидел в своем кабинете за столом, поигрывал карандашом и демонстративно не смотрел на Гурова. Тот стоял у окна и докладывал оперативную информацию о работе своей группы за последние дни. В низком кожаном кресле, стоявшем у стола генерала, скрестив длинные худые ноги, расположился Федул Иванович Грач. В кабинете находился еще и Станислав Крячко. Он сидел в самом темном углу и делал вид, что не имеет к происходящему никакого отношения.

— Вот, в сущности, и все, господа начальники. Только пустые

слова, никаких фактов. Я бы не стал отнимать у вас время, если бы не один прискорбный факт. Я располагаю серьезной оперативной информацией, что полковник контрразведки Игорь Трофимович Ильин очень интересуется работой нашей группы. Контрразведка на то и существует, чтобы интересоваться, плохо другое. Сегодня полковник Ильин встретился с разрабатываемым мною Галеем, беседовал с ним около тридцати минут и мирно расстался. Я, уважаемый Федул Иванович, не сумел в очередной раз нарушить закон и подслушать разговор.

— Петр, как ты работаешь с таким наглым малым, не пойму, — пробурчал Грач.

— Значит, нас двое непонятливых. А чтобы ты удивился еще больше, знай, о разработке Галея я так же, как и ты, слышу впервые.

— Это свидетельствует, господин генерал, о моем к вам уважении. Если я начну о каждой своей догадке вам докладывать, вы, извините, умом двинетесь. Сегодня я получил первый факт, косвенно подтверждающий мои предположения. Докладываю вам и прокуратуре. Я так понимаю, уважаемая спецслужба установила за мной наблюдение и выявила мою заинтересованность. Короче, я где-то лопухнулся. Не рядовой оперативник, полковник спецслужбы идет на встречу с предполагаемым киллером, на счету которого не один покойник. К чему бы это? У меня все. Петр Николаевич, разрешите? — Гуров достал сигареты.

Орлов махнул рукой, взглянул на Грача.

— Они колупаются над убийством депутата Сивкова. Расследование ведем мы, результатов нет. Обыкновенное кусочество, — ответил прокурорский чиновник.

— Ты сам-то в свои слова веришь? — Орлов щелкнул карандашом по столу. — Не проще ли было пожаловаться тебе, что менты утаивают важные для раскрытия убийства факты? Вместо этого проводится конспиративная встреча с разрабатываемым. Я Ильина знаю, он начал служить не вчера и понимает, что встреча с Галеем — затея смертельно рискованная. Однако полковник не обращается к тебе, а рискует. Он что, залетный фраерок из бывших комсомольцев или многоопытный оперативник?

— Петр, ругаться и критиковать я тоже большой мастак. — Грач нахмурил седые кустистые брови. — Ты, генерал, скажи, у тебя идеи имеются? Может, мы перестанем друг перед другом шибко умных изображать, выскажемся проще и начистоту?

Крячко не сдержался и хмыкнул.

— Вот, Станислав тоже пару дней в сыске болтается, а не слышал, чтобы розыскники с прокуратурой по душам беседовали.

— Я сказал — хватит! — Грач повысил голос. — Вчера отменили сыск, надзор, разделили нас на людей и блядей. Кончай бодаться, переходи к делу, иначе не надо было меня звать, копались бы в своем говне и копались!

— Ну, Лева, выкладывай, что у тебя за паухой, под сердцем сохоронено? — сказал Орлов.

— Ничего у меня, кроме боли и сомнений, не припрятано. Я за время работы столько накопал, начни рассказывать, суток не хватит. Кроме того, я не могу всех по имени называть, испачкать человека просто, отмыть трудно. Скажу лишь, в чем убежден. Готовится крупная операция, «соседи» не инициаторы, лишь исполнители, замешаны верха, бьют в Президента.

— Чего его бить? — спросил Грач и закашлялся. — Он сам шею сломает, если уже не сломал.

— У них стрелков нет, что они, наших хотят использовать? — пробурчал Орлов.

— А такому умному не пристало глупые вопросы задавать! — Гуров от злости даже побледнел. — Им нужен чужой человек, чтобы, когда все дерьмо всплывет, они в белых костюмах и перчатках появились, как спасители Отечества. А для этого необходимо, чтобы политическое убийство совершил уголовник. И ответит за все ментовка, мы с тобой в первую очередь.

— Кого же они убивать-то намьлились? — растерянно, как-то по-бабьи, всплеснул руками Грач.

— Понятия не имею! — ответил Гуров. — Эту историю не дурак задумал. У меня против Галея ничего нет, уверен, и у них не больше. Они меня так повязали, что без их ведома я в туалет не зайду. Мне нужны оперативники. Вы, извините, для такой работы староваты. Тот, что в углу хоронится, — сыщик кивнул на Крячко, — известен, как и я. Людей у меня нет.

— МУР отменили или закрыли на ремонт? — ехидно поинтересовался Грач. — Или в главке уголовного розыска России эпидемия гриппа?

— Федул Иванович, договорились, не подначивать, — заметил Орлов.

— Конечно, Лев Иванович сгущает краски, несколько оперативников отыщем. Но, как я понимаю, нужны опытные, проверенные опера, не мальчики, а мужики со стажем.

— Главное, на сто процентов верные, люди, хорошо нам знакомые, — вмешался Крячко. — Чтобы из бочки вытекло все вино, достаточно одной дырки. Лично я поручусь человек за пять, максимум шесть.

— Ну, хорошо, — согласился Гуров. — Наберем человек двадцать, добудем транспорт и связь. Контрразведка будет об этом знать если не через час, так к вечеру. Менты собирают лучших оперативников. Наши приготовления от «соседей» не скрыть. Они напрямую обратятся к генералу Бардину, спросят, к чему готовятся Орлов, Гуров и компания. Вам, Петр Николаевич, необходимо заготовить легенду.

— Хорошо, сменим пластинку. Твоя идея с компьютером, сбором и обработкой данных не оправдалась?

— А как я смог напасть на след Галея?

— Ты не докладывал. Но больше тебе компьютерщик не нужен? Я могу отослать его по месту службы?

— Не торопись, пусть парень побудет у меня. Может, я захочу заглянуть в прошлое?

— Тебе виднее. — Орлов подумал, что знает Гурова третий десяток лет, но далеко не всегда понимает. Лева никогда не

раскрывается полностью, всегда что-то утаивает. Поначалу его скрытность раздражает, но со временем выясняется, что сыщик был прав. Он скрывал от меня Галея, я это чувствовал, злился, теперь понимаю, Гуров поступил верно. Знаю я все, мне труднее было бы докладывать на коллегии. Гуров вполне прилично умеет работать с компьютером, данный факт скрывает. Почему? Орлов вздохнул: — Интересно, как ты будешь работать, когда я уйду на пенсию?

— Никак, — пожал плечами Гуров, — уволюсь в третий, последний раз. Я не собираюсь вам льстить, господин генерал, но вы единственный человек, которому я служу. А вкальвать в обезьяннике, подчищать за макаками дерьмо я не собираюсь...

— Господа менты, вернитесь на грешную землю, — прервал Гурова прокурорский чин. — Я не призываю к откровенности, скажите, что считаете возможным, чем вы собираетесь заниматься?

— У меня от начальства секретов не имеется, — искренне сказал Гуров, и взгляд его был настолько открыт и честен, что присутствующие чуть было не поверили ему.

Грач сердито перебил:

— Давай, только короче.

— Им нужен Галей, значит, кого-то собираются убить. В идеальном случае мы должны выстрел предотвратить и взять Галея так, чтобы получить против него улики. Учитывая, что мы не знаем ни время, ни жертву и нам будет мешать группа отлично подготовленных профессионалов, такой исход можно исключить. Но, даже если мы определимся во времени и окажемся в гуще событий, выстрел все равно не предотвратить. Галей не промахивается, значит, мы будем свидетелями убийства. Акт второй: Галея должны взять и увести со сцены мы, а не наши друзья. При этом желательно не перестрелять своих, чужих и посторонних. Я убежден, наши доблестные оппоненты не рискнут привлечь к операции мальчишек из «Альфы», «Омеги» либо иного спецподразделения, так что мы не будем биться с волкодавами. Нам будут противостоять оперативники, потому шанс мы имеем.

— А зачем огород городить? — спросил Грач. — Почему не взять Галея заранее и не предотвратить схватку? Я понимаю, предъявить ему нечего, но вы — оперативники, придумайте, создайте предлог для задержания. Оно будет на моей, не на вашей совести. Я продержу его, как минимум, дней десять... Потом, если ничего не раскопаем, извинюсь...

— Вы не продержите его и трех суток, — прервал прокурора Гуров. — На серьезную провокацию я никогда не пойду... А если мы задержим его за драку, то через час на вас обрушится телевидение, на следующий день — журналисты. К вечеру вас снимут, а киллера освободят.

— Петр Николаевич, где ты отыскал такого чистоплюя? — поинтересовался Грач.

— Лет двадцать с лишним назад на улице подобрал. Он с детства больной, — серьезно ответил Орлов. — Ты, Федул, не помнишь, нас в те годы учили: не доказано — человек не виновен.

Грач поднялся.

— Ну, желаю удачи, сыщики.— Неожиданно он обнял Гурова, на мгновение прижал, затем оттолкнул и вышел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Гуров расхаживал по своему кабинету, Артем Ермаков лениво шлепал по клавишам, Крячко мастерил из бумаги кораблик.

— Солдат спит, служба идет.— Крячко выставил на стол свое творение.— Артем, скажи, хорошо быть подчиненным? Вторые сутки палец о палец не ударил, сидишь, балдеешь, и совесть ни гугу, помалкивает. Она знает — ты приказа ждешь, начальник рядом, ему с горки виднее.

Артем взглянул виновато. Гуров остановился рядом с Крячко:

— Станислав, я про твою совесть вообще никогда не слышал. Достань чистый лист бумаги и ручку.

— Момент, господин полковник.— Крячко открыл папку, выложил ручку.— Выполнено!

— Лейтенант, подойдите, может, у вас случайно какая-нибудь заваливающая мысль появится.

Ермаков подошел, встал рядом.

— Мне необходимо провести конспиративную встречу у зоопарка.— Гуров нарисовал на листе крестик.— Сколько машин меня «поведут»?

— Наверное, две,— пробормотал Ермаков.

— Одна,— уверенно сказал Крячко,— через пару минут их станет три.

— Согласен.— Гуров чертил и объяснял.— Сворачиваю на Калининна. Тут, я думаю, они разделятся: одна обгонит, другая останется на хвосте, третья свернет на Герцена, пойдет параллельным курсом. Напротив особняка Морозова я убыстряюсь и тут же ухожу направо, на Поварскую.

Минут пятнадцать Гуров и Крячко обсуждали, как обрубить хвосты и с какой стороны выскочить к зоопарку чистенькими, где припарковаться. Ермаков лишь кивал и помалкивал.

Маршрут, который они чертили с Крячко, Гуров нарушил. Дворами ушел от наблюдения и вскоре припарковался неподалеку от дома, где жили Бардины. Разыскав исправный телефон-автомат, Гуров позвонил свояченице Бардина, убедился, что Ирина дома, и повесил трубку. Он опасался, что, спросив разрешения заглянуть, нарвется на отказ.

Сыщик подошел к подъезду и, дождавшись шумной компании молодежи, проскользнул мимо дежурной. У квартиры Гуров достал ключи, задумался. Можно позвонить, но нет гарантии, что дверь откроют. Взбешенная поведением любовника мадам могла сменить замок. Гуров осторожно вставил ключ, дверь открылась легко и бесшумно. Тогда он позвонил, два коротких и длинный, так звонила супруга Бардина.

— Ты? — Ирина удивленно застыла на пороге гостиной. Гуров, не давая женщине опомниться, припал к ее ручке и сказал так, словно они виделись вчера:

— Девочка, дай бедному менту рюмку...

— Да, Гуров, признаю, ты мне не по зубам. — Хозяйка прошла в гостиную, мельком глянув на себя в зеркало. — Налей себе сам и начинай врать... Надеюсь, ты не опустишься до варианта — ехал мимо и заглянул на огонек?

— Ты будешь очень смеяться, милая, но, когда мне нечего сказать, я всегда говорю правду. — Гуров налил себе солидную порцию виски и залпом проглотил.

— Не смешно. — Ирина подошла к бару. — Если нечего придумать, давай свою правду.

— Я соскучился по тебе. На службе у меня нелады, рассчитываю на твою помощь. В свое время я отказался задать тебе несколько вопросов, теперь передумал.

Ирина, даже не взглянув на сыщика, поняла, что он действительно говорит правду, прижалась к нему бедром.

— Выпьем по второй и решим, с чего начать.

Гуров наполнил рюмки:

— Сделаем все шиворот навыворот, сначала сладкое, потом — горькое.

Он взял женщину на руки и отнес в спальню.

Час спустя они сидели на полукруглом диване в гостиной, пили кофе из изящных чашечек, рядом стояли пузатенькие рюмочки с французским коньяком.

— Ну, дорогая, расскажи мне, как вы живете? — Гуров поцеловал Ирину руку. — Положение у меня сложное, возможны скромные похороны.

Ирина закурила, потянулась к пепельнице. Гуров выжидающе посмотрел на нее:

— Меня интересует все, так что давай... Начни со свояка. Он рвется к власти, чего хочет, на что рассчитывает?

— Министр, член президентского совета.

— Довольно скромно, зато реально. Он рассчитывает на смену Президента и всей команды?

— А кто сомневается? — фыркнула Ирина.

— А зачем Бардину телевизионщик?

— Черт его знает! — искренне ответила Ирина. — Может, рассчитывает на рекламу? Сестренка крутит с ним роман, муж знает, помалкивает.

— А что представляет из себя твой депутат Доронин?

Ирина не смутилась, приподняла рюмку с коньяком.

— У меня проблемы с этим делом, — она кивнула на бутылку, — но давай выпьем, тебе это даже выгодно, я легче разговариваю.

Гуров погладил Ирину по обнаженному плечу, почувствовал, что она дрожит.

— Накинь что-нибудь... — Он отставил от нее коньяк. — Будешь пить, сколько налью, и больше не проси, не дам. — Вздохнув, пробормотал: — Останусь жив, пойду в наркологи.

Сыщик старался не смотреть на дрожащие руки Ирины, понимал, причиной ее состояния в основном является он сам, а спиртное лишь сопутствует. И как можно пьющей неуравновешенной

женщине доверять какие-то секреты? Неужели мне собираются двинуть дезу? Пока красавица ничего интересного не сказала...

— Так что Ион? — встрепелась Ирина. — Несовременный, порядочный, потерявшийся. Как мальчик без мамы. Бардин велел Иона в дом больше не пускать, как, впрочем, и тебя.

— Он подчиняется министру или кому-то из президентских прихвостней?

— Не знаю. — Ирина допила свою рюмку. — Николай о министре не упоминает. Иногда обмолвится, был у начальства, и все, даже имени-отчества не назовет. По-моему, они не ладят, и Бардина прислали к вам без ведома министра.

— Случается. А с кем из высших чинов Бардин дружен?

— У нас никто ни с кем не дружен. Стая. Недавно я случайно услышала, как он говорил по телефону с человеком явно очень высокого ранга. По-моему, не с политиком, а финансистом, потому что Николай сказал: для вас это не деньги, а я такие суммы вижу только по телевизору. Названия банков для меня пустой звук, даже не знаю, в каких странах они расположены... Ну как, получится из меня осведомитель?

— Для меня вполне достаточно, что ты красивая женщина. — Гуров поднялся. — Идем на кухню, я сварю тебе крепкого бульона и уложу спать.

Ирина выпрямилась, тряхнула головой, явно хотела что-то дерзко ответить, но, опустив плечи, покорно поплелась за Гуровым на кухню. Приготовив из куриных кубиков бульон, Гуров отправился в ванную. Покопавшись в аптечке, нашел какой-то флакон с белыми таблетками, две бросил в стакан, несколько штук аккуратно завернул в фольгу и спрятал в карман. Настояв, чтобы Ирина выпила кружку до дна, дал ей лекарство. Затем уложил в постель, плотно укутав одеялом, и сел в изголовье. Засыпая, Ирина что-то бормотала в забытьи, но вскоре затихла.

Убедившись, что хозяйка крепко спит, Гуров запер входную дверь и, не вызывая лифт, спустился по лестнице.

Паркуясь у министерства, Гуров увидел «Волгу» с ребятами из контрразведки. С одним из оперативников, сидевшим рядом с водителем, Гуров лет десять назад работал по одному делу. Он подошел к машине, постучал зажигалкой по стеклу:

— Папа, огоньку не найдется?

— Я же не курю, Лев Иванович, — вылезая из машины, смущенно ответил оперативник.

— Ну, что вы зря время теряете и бензин жжете? — Гуров закурил. — Неужели рассчитываете, что я второй раз куда-нибудь приведу?

— Лев Иванович, рассчитывает начальство, мы же выполняем приказы.

Из «Волги» вышел молодой паренек, взглянул на сыщика с любопытством:

— Здравия желаю, господин полковник. Значит, вы тот самый знаменитый Гуров?

— Здравствуй, мальчик, здравствуй. — Гуров оглядел молодого опера и повернулся к старому знакомому. — Папа, приказы

начальства следует выполнять. — Сыщик взял опера за лацкан кожаной куртки. — Прикажут, и ты в меня будешь стрелять?

— Лев Иванович, что вы в душу лезете, и так жить не хочется. — Опер попытался отстраниться, но Гуров держал крепко.

— Я это к тому, чтобы знать, когда увижу у тебя в руках железку, дырявить тебе плечо или медный лоб? — Гуров отпустил парня, бросил сигарету, растер ботинком. — Мы что — оловянные солдатики, ни мозгов, ни совести? Передай Ильину, я его уважал когда-то. Если он хочет у меня что узнать, адрес известен. — Гуров кивнул на здание министерства. — Пусть придет и спросит. На что могу, отвечу... А сейчас убирайтесь отсюда, иначе я своим ребятам шепну, вы вмиг без колес останетесь, придется аварийку вызывать, людей смешить.

В кабинете Гуров появился веселый и беспечный.

— Порядок, ребята. Правда, место встречи по ходу дела пришлось сменить, но от «друзей» я избавился без осложнений. Сейчас увидел на нашей стоянке этих деятелей. Совсем двинулись. Слово не сыщика «пасут», а в казаки-разбойники играют...

Гуров прервал себя на полуслове. Подумал: возможно, что и не он такой умный. Знакомый опер контрразведки умышленно рядом с водителем сед, умышленно засветился и предупредил. А он, многоопытный Гуров, чуть было не сжег парня. Полковник вынул носовой платок, аккуратно промокнул лоб.

Зазвонил телефон.

— Да. — Крячко снял трубку. — Лично? Самого? Заместитель не годится? Ну, что с вами делать, поищем полковника Гурова. — Он постучал пальцем на высветившийся на аппарате номер. — Господин полковник, вас просят из контрразведки, думаю, хотят поблагодарить.

Гуров взял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

— Привет, полковник, это некто Ильин беспокоит. Что-то в вашей конторе юмористов развелось...

— Здравствуй, Игорь Трофимович, — ответил Гуров. — Коллег за горло не берем, совесть у нас чиста, можно и пошутить.

— Не был бы ты, Лев Иванович, старым знакомым, я бы в момент рапорт накатал.

В кабинете начальника отдела контрразведки полковника Ильина находилась группа наблюдения, которую засек Гуров. Майор Павел Кулагин стоял вытянувшись и думал: вот так закончилась его служба. Может, все и к лучшему, уж больно не нравилась ему работа, особенно в последнее время. А уж когда его группу заставили следить за уважаемым полковником милиции, человеком смелым, умным и, безусловно, некоррупцированным, Павел взбеленился. Спорить с начальством было бесполезно, и опер умышленно засветился перед сыщиком. Надо отдать полковнику Ильину должное, в ситуации он разобрался в момент.

— Рапорт — идея подходящая, — спокойно ответил Гуров. — Я поначалу решил: ни к чему генералам в разборках оперативников участвовать. Теперь понял: иначе мне тебя не остановить.

— Группа выполняла специальное задание, — решительно говорил Ильин. — К тебе никакого отношения не имела. Ты узнал Павла Кулагина, тем самым засветил ребят и прогнал их с места наблюдения. Папа — человек честный, вместо того...

— Какой еще Папа с Уралмаша? — возмутился Гуров. — Я твоих топгунов в гробу видел! Оторви задницу от мягкого кресла и взгляни на машину, на которой они работают. Под маскировку используете списанные из таксопарка тачки, а у их машин крыша другого цвета. Я ее за день раз пять видел! Ты бы еще им флаг в радиатор воткнул, конспиратор хреню!

Ильин прикрыл ладонью трубку, спросил:

— У вас машина цветная?

— Какую дали, Игорь Трофимович. — Павел развел руками.

— Ну, ладно, Лев Иванович, не пыли. Если понял, повисли свои, что же ты по городу как очумелый мотался, заготовленные отходы использовал? Остановился бы, переговорил...

— Да пошел ты! Я на встречу с агентом ехал! Одного ты мне спалил! Какое имел право вступать в контакт с чужим? Если у тебя на человека, с которым встречается угро, есть чего, то обязан связаться с инициатором, посоветоваться. Теперь ты его напугал, он на встречу ко мне не пришел. Такую прекрасную разработку порушил.

— Мы его проверяли, он на учете не состоит. — Ильин натужно откаплялся. Пусть Гуров и врет, но обвинения, что оперативник спалил чужого агента, страшнее не бывает.

— Это вы любой мусор в картотеку засовываете, чтобы лишнюю галочку иметь. Да еще нас к своим карточкам не допускаете, а сами в наши без спросу лазаете. Я хорошего человека в жизни не зарегистрирую, не в компьютере, в голове держу. Ладно, кладем трубки, ты своему пишешь рапорт, я — своему. У генералов погоны золотые, ума много, рассудят нас по совести.

— Лев Иванович, не пори горячку, я тебе минут через десять перезвоню. — Ильин положил трубку. — Все выйдите. Павел, задержись.

Когда оперативники вышли, Ильин по-свойски, даже задушевно, сказал:

— Да, Папа, кажется, влипли мы с тобой... Врет он на все сто, а крыть нечем. Помню, еще лет восемь назад я с Гуровым работал, зарок себе дал никогда ему дорогу не переходить. Подзабыл, старый дурак. — Ильин тяжело вздохнул, выждал, не проговорится ли парень, что тоже знаком с Гуровым.

Майор молча стоял, смотрел в окно.

— Бойшься? Нормальный человек и должен бояться. Этот сумасшедший сыскарь — человек безжалостный, проглотит и не заметит, как косточку от маслины. Ты маслины любишь?

Павел понял, что милицейский полковник победил и его, майора Кулагина, из-под удара вывел. Он посмотрел на начальника:

— Какие будут указания, товарищ полковник?

— Товарищей отменили, остались лишь господа, друзья и враги. Так вот, я — твой друг, а Гуров — злейший враг. Работу за ним, конечно, бросай, до завтра отдыхайте...

Крячко слышал разговор Гурова по телефону. Когда полковник положил трубку, Станислав вышел из-за стола, заговорщики улыбнулись Гурову.

— Лев Иванович, нас генерал Орлов просил заглянуть.

Гуров, выходя из кабинета, сказал:

— Артем, мне позвонят, передай: к начальству вышел, скоро вернется.

Крячко быстро шел по коридору, верно действительно спешил, свернув к лифтам, остановился.

— Я сто лет шучу, обыываю тебя гением. А ты действительно гений, без всяких шуток.

— Брось, Станислав, — засмутился Гуров. — Я не заговливал, все случайно получилось.

— Как просто: выдать Галея за агента, и пусть проверяют. — Крячко хлопнул Гурова по плечу. — Иди, находчивый, добывая этого прохвоста.

— Тут у меня еще одна идея появилась. — Гуров замялся, так как они уже подошли к кабинету.

— Минуточку, господин полковник вернулся. — Ермаков протянул Гурову телефонную трубку.

— Слушаю.

— Лев Иванович, мы с тобой люди битые, не стоит размазывать кашу по тарелке. Ты ошибся, я поторопился, пусть останется между нами. — Ильин старался говорить спокойно.

— Мои условия, полковник, простые. За мной наблюдение снять. Если увижу... пеняй на себя. И еще. Ты получил компру на моего человека, ты оперативник — обязан работать. Наблюдай, подслушивай, на уши становись, но никаких личных встреч. То — мой человек, ты меня понял, полковник? Как говорят в Одессе: бью два раза, второй — по крышке гроба.

— Но у меня свое начальство, — возразил Ильин.

— Твое начальство — твоя головная боль.

Гуров положил трубку, взглянул на Артема Ермакова и назидательно произнес:

— КГБ, или как их там нынче обыывают, могучая организация. Но она состоит из человек, каждый из которых отлично знает, что шкура у него только одна.

Совещание финансовых тузов закончилось ничем. К единому мнению не пришли, но Виктор Иванович Якушев понял, что единомышленники от него отказались. Если отбросить словеса, которые произносили, щадя самолюбие Якушева и не желая нажать в лице магната личного врага, суть всех выступлений сводилась к нескольким позициям. Каждый должен заниматься своим делом. Финансист — финансами, политик — политикой, солдат — чистить ружье. Россия — страна богатая, громадная, если за столько лет не разворовали, то и на наш век хватит. Президент пусть балуется своими указами, они никому жить не

мешают. А Дума — думает, так как больше ничего делать не умеет. Интеллигенция разговаривает и возмущается, так было всегда, среди них есть славные ребята, их забавно слушать. «Ящик» работает, для того его и придумали, газеты пишут — все, как в цивилизованных странах. Одно плохо — бандиты. Но их в Россию послал Бог, и не нам противиться Божьей воле. Мы откупимся, а за Россию пусть Президент отвечает.

Якушев слушал невнимательно. Но, когда заговорили о благотворительных фондах, он бесцеремонно перебил кого-то из коллег:

— Невмешательство в политику, говорите? — И хохотнул. — Придут большевики и поотнимают у вас все к такой-то...!

Все оцептели. Затем раздался уверенный голос:

— Большевики уже никогда не придут!

— Придут, придут. Молодые, зубастые и голодные. А под каким флагом, тебе неинтересно? Будем в подвале блевать и молить, чтобы последнее забрали, только б жизнь оставили.

— Не пугай, Виктор Иванович, тридцать седьмой канул в лету.

Якушев зло посмотрел на спокойно говорившего коллегу:

— Ты, Лешенька, знаешь: кто куда канул и надолго ли? Ты на Канарах виллу прикупил, пару миллионов зеленых за бугром упрятал... Хочешь, точно скажу, где и сколько у тебя лежит? Да понадобится, тебе дальше Малаховки не дадут уехать.

— Слушай, Иванович, — произнес старший из присутствующих, бритоголовый бизнесмен, в солидной тройке и с золотой цепью на животе. — Ты, спору нет, силен и ловок, признаю. Ни скипетр и корона, ни мешок золота тебе не нужны. Ты желаешь видеть Россию в одном ряду с европейцами, а для себя лично — гарантию для спокойной работы и нормальное человеческое уважение. Но пойми: Россия в клочья порвана, где не горит, там тлеет. Если мы сейчас людям все, до копейки, отдадим, нам не то что спасибо не скажут, даже не помянут добрым словом...

— Не говорите за всех, Тимур Васильевич, — вступил в разговор Александр Морозкин, молодой человек с ясными спокойными глазами и мягкими уверенными движениями. — Я с вами, Виктор Иванович. Но наше время еще не пришло. Напрасно мы решили Президента менять и правительство перетасовывать. Нам главное — на властителей не походить, иметь каждый свое, но человеческое лицо. Не договорились? Не страшно! Разойдемся уважительно. Кто не хочет политики касаться, пусть так и живет. Я же считаю, надо выждать.

Бизнесмены стали расходиться. Якушев задержал Тимура Васильевича и Александра Морозкина. Они вновь сели за стол.

— Вы правы, коллеги. Но ведь никто не знает, состоятся ли выборы в девяносто шестом, или Президента попытаются заменить в девяносто пятом. Плох он или хорош, я лично его на дух не переносу, но он не фашист и резни не допустит. А вот если Президента сменят и посадят на трон безмозглого солдата либо Бисковитого, тогда нам останется только бежать. Поэтому я и предлагаю по мере сил участвовать в избрании нового Президента. Никого не пытаться свергнуть, ничего не перетасо-

вывать, нам это не под силу, но помочь деньгами разумным, уравновешенным людям, не делающим единственную ставку на силовые министерства.

— А конкретно? — спросил Морозкин.

— Недавно назначен вице-премьером молодой, насколько мне известно, прогрессивно мыслящий Вадим Суриков.

— Терпеть не могу слово «народ», у меня сразу перед глазами табун или стадо, — огладил Тимур бритую голову, — потому спрошу так: люди, жители России, его знают?

— Я его знаю... Считаю, Вадиму не обойти нынешних зубров, — заметил Морозкин.

— Вадим Суриков не замазан ни в крови, ни в грязной жижи, — продолжал Якушев. — А для чего существуют средства массовой информации — телевидение, радио, газеты?.. Здесь наши личные связи и деньги могут сработать и сделать из молодого вице-преьера если не знаменитость, то человека достаточно известного и симпатичного.

Якушев, конечно, не обмолвился о том, что для воплощения в жизнь задуманного плана уже нанят киллер. Началась борьба между ФСК и МВД. И все происходящее сегодня, тем более то, что свершится завтра, не имеет ничего общего ни с демократией, ни с надеждами людей, живущих в России.

Поздним вечером в квартире Гурова собрались несколько оперативников, знавших Крячко и Гурова многие годы. Мужчины в возрасте сорока, не отличавшиеся физической силой и мужественностью лиц, с усталыми и равнодушными глазами. Но каждый из них источал спокойную уверенность.

Все хорошо знали друг друга. И хотя многие не виделись годами, ни объятий, ни восторженных восклицаний не последовало. Большинство были друг у друга в должниках. Один прикрыл другого от ретивого начальства, другой вытолкнул друга с простреливаемого участка, третий оказался быстрее напарника в стрельбе. А уж такие вещи, как не сказал лишнего, не спросил, не напомнил, и сосчитать невозможно. Мужики с любопытством осмотрели квартиру Гурова, одобряя ту или иную вещь, переглядывались, подмигивали, доброжелательно ухмылялись. В конце осмотра опер-важняк полковник Добродеев произнес:

— Лев Иванович, квартирка у тебя хороша. В первый раз смотрю на чужой достаток и не думаю: а на какие, собственно, шиши он приобретен?

— И напрасно, потому как тут моего — самая малость, — ответил Гуров, — остальное дареное.

— Ясное дело, понравился мужик, чего ему трехкомнатную хатку с обстановочкой не подарить, — вставил кто-то.

— Тем более что мужик оказался ловчее убийцы, да и мою нищую коммерсантскую душу от застенка спас.

Посмеялись дружно, но тихо и коротко. Особенность гостей заключалась в том, что они разговаривали мало и негромко.

Быстро накрыли на стол, кто-то отыскал стаканы, двухлитровый баллон «Фанты». Гуров оглядел стол, усмехнулся. Достал из холодильника бутылку водки и разливая, сказал:

— Вытащите свои запасы, бросьте в морозильник, иначе потом теплую придется пить.

Когда приказание хозяина выполнили и вновь расселись, Гуров поднял стакан:

— За встречу!

Старший из присутствующих, полковник Добродеев, решил сразу приступить к делу:

— Плесните по второй, кто помоложе, а ты, хозяин, выкладывай.

Гуров согласно кивнул: действительно, не стоит оттягивать разговор. Учитывая профессионализм слушателей, Гуров кратко изложил суть дела и положение на сегодня.

— Ничего говеннее ты придумать не мог? — после долгой паузы, во время которой оперативники ели-пили без тостов, спросил Добродеев.

Крячко достал конверт, высыпал на стол фотографии Галей: портретик, в рост, снимок машины и ее номера.

Оперативники осмотрели снимки без энтузиазма. Каждый знал: опознать человека, находящегося в толпе, да еще опытного, практически невозможно.

— А он не сменит пистолет на винтовку с оптикой? Не устроится на чердаке?

— Это вряд ли, — ответил Гуров.

— Нам предлагают вопросы: «Когда?», «Где?», «Кого?». Ставь задачу. Мы еще выпьем и пойдем думать.

— Считаю, все произойдет обязательно на улице, скорее всего на митинге, — объяснил Гуров. — Мишень не Президент и не премьер.

— Спасибо.

— Не за что, — кивнул Гуров. — Начнем с исполнителя. Рост — сто семьдесят, вес — семьдесят, возраст не называю, возможен камуфляж. Если замолодится, возможна вязаная шапочка и длинные волосы. Костыли и подобную атрибутику отбросим сразу, его готовят не пацаны. Особая примета: либо забинтованная рука, либо должен что-то в руке держать. Доставать пистолет из кармана он не станет.

— Протезные шины — это из нашей молодости. Должно быть что-то современное. Например, фототехника, она сейчас бывает разная.

— Узнать его должен я, а показать вам сумеет Станислав. После чего вы должны киллера блокировать.

— Ну, это просто. Комитетчики расступятся: мол, валяйте, ребята, становитесь поудобнее.

— И сколько гэбэшников и просто личных амбалов-охранников там соберется?

— Охрану не считайте, они будут толкаться у микрофонов, в толпу не пойдут, — ответил Гуров. — У наших коллег проблема, что и у нас, а дабы ведро не текло, людей будет минимум. Полагаю, человек десять, не более...

— Стрелять в толпе не осмелятся, а в рукопашной, в мечущейся толпе, мы их быстро утихомирим.

— Ты, Филя, как всегда, через пролет шагаешь, — заговорил

Крячко.— Лев Иванович случайно устанавливает время и место.

— Лева, не темни, у тебя агентурный подход имеется?

— Возможно,— помялся Гуров.— Надеюсь, что будет.

— Я, как лицо приближенное,— Крячко поклонился Гурову,— хочу продолжить. Мы знаем время и место. Приходим. Каждый должен видеть меня. Если Лев Иванович мне просемафорит, надеюсь, я киллера определю. Надо договориться, как я вам его покажу, и вы подтянетесь к герою.

— Если не втянут в драку и не поломают ребра.

— Ребра за счет профсоюза.— Крячко скривился в улыбке.— Кто получит серьезные повреждения, пусть попытается уйти самостоятельно...

— А как мы тебя-то будем видеть?

— Гарантирую, отлично увидите. Момент настал, киллер стреляет, жертва падает. Выстрела, конечно, никто не услышит и, кроме нас и десятка гэбэшников, ничего не поймет. Все решат, что человеку плохо, и стоящие рядом поддержат его.

— Но толпе захочется взглянуть, что произошло, и она качнется к трибуне.

— Верно! Это наш момент. Кто окажется ближе, желательно двое, берут убийцу, остальные прикрывают отход. Особого внимания эти действия не привлекут.

— Стрелка следует вырубить и не дать ему сбросить пушку, а то затопчут, ничего не докажешь.

— Верно, но если мы до того момента доживем, о нем разговор особый,— сказал Гуров.— Главное — убийцу довести до нашей машины живым и усадить, уложить, как получится, но тут тоже разговор особый.

— Допустим,— усмехнулся Добродеев.— Но они профессионалы, браток, не малограмотные авторитеты-уголовники. Если все, что ты предполагаешь, действительно готовится, то тебя на место действия попросту не пустят. Изолируют до конца операции, а потом обольют такой грязью, что любые твои заготовки станут бессмысленны.

— Вряд ли, коллега.— Гуров наполнил всем рюмки.— Давайте выпьем и объявим сухой закон до окончания дела.

— Удачи! Чтобы в тебя промахнулись!

Вскоре Гуров и Крячко остались наедине с грязной посудой. Гуров открыл окно, Крячко начал уборку, недовольно бормотал:

— Могли бы и помыть за собой менты-товарищи.

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

— Очень приятно, Лев Иванович. Это некто Ирина беспокоит, если помните, конечно.

— Припоминаю, здравствуй.— Гуров растерялся.— Загуляла, девочка? Двенадцатый час, пора ложиться в койку.

— Без пошлости, пожалуйста,— ответила Ирина.— Теперь серьезно. Включи ящик, третью программу, напряги свои ментовские мозги и попытайся понять, что сообщит Сашка Турин. И завтра, часиков в десять утра, позвони. Для тебя есть новость. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— слушая частые гудки, проговорил Гуров.

Он позвал из кухни Крячко, включил телевизор. Информационная программа была обычной, как все последние дни. Президент принял иностранную делегацию... Премьер встречался с одним из лидеров оппозиции, Бисковитым, затем Турин взял короткое интервью у Вадима Сурикова, недавно назначенного вице-премьером. Лет тридцати пяти, с приятным открытым лицом и подкупающей улыбкой. Кандидат исторических и экономических наук, готовится к предвыборной кампании в президенты.

Когда ведущий заговорил о событиях за рубежом, Гуров включил телевизор.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил он. — Зачем мне звонили? Что нового я узнал из передачи?

— Девушка просто соскучилась, захотела услышать твой голос. Поинтриговала и назначила свидание на завтра.

— Не та девушка.— Гуров помял сигарету, сломал, бросил в пепельницу. — Она абсолютно трезва, что при ее образе жизни и позднем времени странновато. Может, мне сейчас съездить к ней?

— Зато ты нетрезв. Дождись утра, оно, как известно, вечера мудренее.

Крячко видел: друг растерян и подавлен, что случилось с Гуровым крайне редко. Стремясь отвлечь его, Крячко сменил тему:

— Поговорим лучше о теленовостях. Каков Турин? Судя по передаче, он не шибко-то влюблен в нынешних правителей. Интервью с генералом, ура-патриотом и недоумком.— Крячко соорудил гримасу.— На словах генерал ратовал за правительство, но на фоне трупов демагогия о защите России звучала кощунственно. Далее Президент... Показали его в кремлевских покоях, напыщенного, протокольно улыбающегося. Ты запомнил, с кем он встречался?

— С каким-то премьером или послом, какая разница...

— Вот именно, никакой,— кивнул Крячко.— Ты думаешь, у Турина не было другого материала, или телеведущий считает данную встречу важнейшим событием в рабочем дне Президента?

Только в этот момент Гуров включился и начал соображать, куда клонит Крячко.

— Затем встреча премьера с неуправляемым Бисковитым. Самое важное дело премьера за сегодняшний день? И почему вообще первое лицо правительства России должно встречаться один на один с оголтелым фашистом? И зачем такую встречу показывать в вечерних теленовостях? Да потому, что они оба — главные соперники Президента на предстоящих выборах. А затем кого нам показали?

— Симпатичного парня, юриста-экономиста. Он тоже выдвинут в кандидаты и даже имеет некую программу, как вывести нас из кризиса.

— Видишь, какой ты умный! Тогда должен сообразить, что

в теленовостях, возможно, присутствовало ненавязчивое представление россиянам будущих претендентов на пост Президента. На первом месте ныне правящий, следом в паре премьер и неофашист и неизвестный широкой аудитории симпатичный, молодой, ни в чем себя не запятнавший юрист-экономист. Как расклад?

Гуров уже не слышал друга, приняв идею, быстро считал варианты.

Версия, возможно, яйца выеденного не стоила. Но опытный сыщик знал, если версия появилась, то должна быть максимально просчитана, при возможности проработана.

Теоретически вполне возможно, что сейчас перед избирателями указали четыре фигуры, расположив их в определенном порядке, чтобы вбить в сознание людей и сами фигуры, и порядок, в котором они стоят. Значит...

— Лев Иванович! — Крячко тряс Гурова за плечо. — Опустись на грешную землю. Уж если не желаешь мыть посуду, то вытереть и разложить по местам не сочти за труд.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующее утро Гуров проснулся позже обычного. Взглянув на часы, прикинул, что успеет на службу как раз к десяти, и решил оттуда позвонить Ирине, все равно она сейчас еще спит.

В министерстве полковник не успел дойти до своего кабинета, как из приемной генерала Орлова вылетела секретарь, схватила его за руку.

— Лев Иванович, родненький, обыскались! К Бардину! Срочно! Что-то там горит или уже сгорело! А они без вас!..

— Ну-ну, Верочка, — успокоил секретаря Гуров. — Вот он я, собственной персоной. Петр Николаевич уже у них? Иди, вари кофе. Я взгляну на пожарнице, тут же вернусь.

Секретарь Бардина отсутствовал, дверь из приемной в кабинет была полуоткрыта. Гуров вошел без доклада и увидел Орлова, который стоял у огромного окна, сцепив короткие руки за спиной и выпятив живот. Заместителя министра в кабинете не было.

— Здравия желаю, Петр Николаевич, — сказал Гуров. — Я здесь и весь внимание.

— Здравствуй, здравствуй, — приглушенным голосом ответил генерал.

Гуров пожал плечами, прошелся по кабинету.

— Николай сейчас выйдет. — Орлов кивнул на портьеру, прикрывавшую дверь в комнату отдыха. — В девять тридцать дежурный сообщил, что у дома Бардина в своей машине убита его свояченица. КамАЗ, расплющивший ее «пежо», обнаружен в квартале от места катастрофы. Звонил дежурный следователь прокуратуры. КамАЗ угнан ночью с Варшавского шоссе. В кабинете острый запах алкоголя и бутылка с остатками спирта «Рояль». Николай хочет, чтобы ты подъехал туда.

— Зачем? — Гуров тяжело слотнул, налил из графина воды,

выпил.— Если бы я ночью подъехал, она осталась бы жива.

Орлов не выразил удивления:

— А должен был подъехать?

— Сейчас ясно, что должен. Ночью собирался... Что теперь мусолить, не поехал...

Из-за портьеры появился Бардин. Занял свое место за столом; без нужды переложил бумаги.

— Лев Иванович, вы в курсе происшедшего, подъезжайте, разберитесь. Я хочу знать, несчастный случай или... Ну, ты сам понимаешь.

Из комнаты отдыха неслышно вышла, на ходу застегивая саквояж, медсестра. Орлов подхватил ее под руку, вывел в приемную:

— Что у него?

— Ему необходимо лежать, лучше в госпитале.

— Хорошо, проследим.— Орлов вернулся в кабинет и с лету оценил накалившуюся обстановку. Бардин бушевал.

— Не забывайте, полковник! — замминистра оперся кулаками на стол.

— А ну-ка сядь и не изображай! — негромко, но приказным тоном произнес Орлов. Подошел к шкафу, брякнул посудой. Поставил перед Бардиным стакан коньяку.— Пей и не разговаривай. Если Лева считает, что на месте происшествия ему делать нечего, значит, у него есть на то основания.

Бардин послушно выпил.

— Посиди минут пять и домой, врача я тебе пришлю. Позже позвоню, может, мы подъедем.— Орлов выглянул в приемную, жестом подозвал дежурного офицера.— Дружок, отвези Николая Ильича домой. Если там еще не все убрали, толпится народ, не подпускай генерала. Журналистов направляй ко мне. Потребуется, примени силу.

В кабинете Орлова Гуров заставил себя съесть приготовленные Верочкой бутерброды, выпил чашку кофе. Затем рассказал о ночном звонке и разговоре с Ириной.

— Не кори себя, я бы тоже не поехал,— успокоил Орлов.— Значит, она ждала твоего звонка в десять, но ее выманили...

— Вот я над этим и думаю,— перебил Гуров.— Если в десять с минутами Ирина вышла из дома, то встать она должна была не позже восьми тридцати. Кто и под каким предлогом мог ее поднять в столь раннее время?

— Родители живы?

— Живы, но они на даче. Думаю, никакое сообщение об их здоровье не могло заставить Ирину вскочить с постели и броситься в машину. Она не сентиментальная, не трусливая, умная, конечно, хитрая.

— Когда она с тобой последний раз разговаривала, ты не почувствовал, что рядом с ней кто-то был?

— Вроде нет,— невнятно произнес Гуров, восстанавливая ночной разговор.— Головой не поручусь... Полагаю, она была одна.— Гуров замолчал, протер ладонями осунувшееся лицо.

Орлов вздохнул:

— Соберись, не мальчик. Потеря не первая и, к сожалению, не последняя.

— Меня поражает, даже возмущает реакция людей на убийства,— медленно произнес Гуров.

— Ты это к чему? — спросил Орлов, доливая из кофейника остатки кофе.

— Не знаю. Думаю о смерти Ирины, копаюсь в своих чувствах... А жалею-то я не ее, а Льва Ивановича Гурова. Не разобрался, не сумел, не успел и потому виноват. Если я научился плакать, то скорбеть я должен об этой женщине... О сыщике Гурове забыть и не вспоминать... А я не могу, все о нем думаю, сейчас говорю только о нем, сволочь!

Орлов словно и не слышал полковника, заговорил спокойно, уверенно:

— Ты достанешь их, Лева, не сомневаюсь. Они грубо ошиблись. Не могли допустить вашей встречи, но убийство не спланировано заранее, лепилось на скорую руку. Расколоть такое дело для сыщика экстра-класса пустяк. Ты говоришь, ее трудно было поднять утром, а заставить ненакрашенной куда-то поехать просто невозможно. Какую и где она схватила смертельную информацию? Кто и на какой крючок вытащил женщину под колеса КамАЗа? Ты эти вопросы должен разъединить. Они торопились. А ты не спеши, у тебя времени уйма.

Гуров посмотрел в простецкое лицо генерала. Насмешливо произнес:

— Я вот только закурю и на один вопрос отвечу. — Закурив, он занял привычное место у окна. — Информацию Ирина схватила в своем доме, больше нигде. Бардин либо знает ее, либо, если его использовали втемную, теперь догадывается. Он не сыщик, но и не дурак.

Гуров встретился взглядом с генералом. Вспомнил, какую бурную деятельность проявил Петр в кабинете замминистра, и лишний раз убедился, что порой его начальник и друг соображает быстрее.

— Мы не можем допрашивать...

— Побеседуем,— перебил Орлов.— Я же обмолвился, что вечером позвоню, и мы навестим болящего.

— То-то ты суетился, заботу изображал, коньячку поднес...

— Конечно, я не хочу, чтобы он знал о моих предположениях,— миролюбиво ответил Орлов, затем неприязненно продолжил: — Тебе пятый десяток, а ты человека в одной плоскости меряешь. Стыдоба, полковник. Какую бы роль в убийстве Николай не исполнял, никто не запретит мне по-человечески ему сочувствовать. И коньяк можно дать даже врагу, который только что пытался тебя убить.

— Пойду я,— неуверенно произнес Гуров.— В девятнадцать часов позвоню, доложусь.

— Подожди.— Орлов остановил Гурова, который уже взялся за ручку двери.— Будешь искать крючок, на который утром подцепили девушку, учти мое мнение. Это не политика, не ты, в каких бы взаимоотношениях вы ни находились. Это чисто

бабский крючок, таким в старину носки вязали. Иди и учти, что я сегодня тобой не доволен.

В свой кабинет Гуров вошел так резко, что едва не зашиб дверь отпирывшего засовы Артема Ермакова.

— Артем, срочно отправляйся к ребятам, прослушивающим квартиру Галеев. Могут быть новости не для телефонных разговоров. Вернешься, отпиши рапорт на мое имя и запри в сейф.

— Я ночью совершил ошибку, когда не пустил тебя, — сказал Крячко, когда Артем ушел.

Гуров снял телефонную трубку, оглядел кабинет, звонить передумал:

— Сходим в буфет, перекусим.

Выйдя из кабинета и заперев замки, они прошли до лестницы, остановились на площадке.

— Я уже не верю ни телефону, ни собственному кабинету, — сказал Гуров.

— Мне Артем не очень нравится...

— Молодой, прости парня. Такое дело, Станислав. Ты, конечно, уже знаешь, что Ирину убили. У меня на сегодня дело, но я должен переключиться на убийство. Вместо меня на встречу с опером контрразведки пойдешь ты.

— С каким опером? — удивился Крячко.

— Помнишь мой разговор с контрразведкой по телефону? Я им тогда подбросил идею, что Галей мой человек?

— Не забуду до гробовой доски.

— Так я в тот момент не только им руки укоротил, но одного их парня от плахи спас. В тринадцать у меня с Павлом Кулагиным назначена встреча.

Гуров объяснил, где, в какой машине будет находиться контрразведчик.

— Он тебя знает, о том, что мы друзья, — тоже. Так скажи ему, что у Гурова есть лишь один вопрос.

— Он мне ответит, что на твои вопросы будет отвечать только тебе.

— Вполне возможно. И все-таки спроси: Лев Иванович интересуется, будет ли Павел Кулагин стрелять в полковника Гурова, если получит подобный приказ.

Крячко посмотрел на друга с любопытством.

— Ты надеешься склонить его на свою сторону?

— Я уже это сделал, — ответил Гуров. — Теперь хочу, чтобы он данный факт осознал. В случае, если начальство поставит его перед выбором, Павел должен быть к ответу готов, а не искать его. В острой ситуации можно принять неправильное решение.

— Значит, вербуешь, — утвердительно сказал Крячко.

— Я пытаюсь установить с человеком нормальные дружеские отношения, и только. Павел Кулагин приличный парень, хороший оперативник...

— Я попытаюсь выполнить задание, но за результат не ручаюсь.

— Вот и попробуйся, а я двину в другую сторону. Встречаемся после восемнадцати.

Генерал Барсук подписал лежавшие перед ним документы, закрыл папку и взглянул на сидевшего напротив Еланчука:

— Собрался, Юрий Петрович, все в порядке?

— Мне собрать чемодан часа хватит. — Еланчук с удивлением поглядывал на генерала. — Командировка в Австрию на три года... Люди годами как волки грызутся... Я такого за всю службу ни разу не встречал.

— В жизни все случается. — Барсук протянул ему папку с документами. — Семью прищем быстро, не сомневайся.

— Спасибо, Степан Акимович.

— Самолет у тебя в двадцать два, время есть. Но ты с Гуровым не встречайся и не звони. Моя личная просьба. Договорились? — Генерал пожал полковнику руку, даже проводил до дверей.

«Эх, сопляки вы, хотя мозгами многих Бог не обидел», — подумал он, возвращаясь к своему столу.

Еланчук знал, что два дня назад генерал Барсук дал своему новому молодому начальнику бой. Тому, минуя генерала Барсука, доложили, что разрабатываемый полковник милиции Гуров дружит с полковником Еланчуком, и хотя контрразведчик не имеет к разработке отношения, однако лучше перестраховаться. Молодой зампред вызвал Барсука и приказал сослать Еланчука к чертовой матери. И тут старик проявил норы и неожиданную смелость, заявив, что такими профессионалами не бросаются. А уж если Еланчук в Москве сейчас лишний, то следует его отправить в Европу и там законсервировать до лучших времен.

238 Молодой генерал поначалу вспылил, однако быстро отошел, согласившись, что профессионалов действительно следует ценить, решайте вопрос сами, но полковника Еланчука в течение двух суток из Москвы убрать. Вакансия в Вене открылась еще три месяца назад, но австрийцы не принимали кандидатуры Москвы. Еланчук лет десять назад в Вене работал, был известен спецслужбам досконально, и вопрос с кандидатурой Еланчука те решили мгновенно, рассудив: на вакантную должность русские все равно пришлют разведчика, так уж лучше иметь под боком умного, интеллигентного человека, чем неизвестно кого, но из того же ведомства.

Так полковник Еланчук убрался с линии огня в тихую благодатную заводь, а полковник Гуров лишился профессионального консультанта, на которого имел серьезные виды.

Не без труда, но довольно быстро Гуров разыскал депутата думы Иона Пантелеевича Доронина. Он был уже не трезв, но еще не пьян, бесцельно разгуливал у дома Бардиных. Там его и подобрал Гуров. Доронин молча обнял сыщика, безропотно уселся в машину.

Недолго думая, Гуров привез Доронина к себе домой, благо еды и выпивки со вчерашнего вечера оставалось много.

Ион, подчиняясь хозяину, сел за стол, выпил рюмку водки, съел тарелку пельменей. Неожиданно спросил:

— Несчастный случай, или ее убили?

— Выбросьте из головы, глупости все это.

Доронин взглянул на Гурова трезво и пытливо.

— Ты, Лев Иванович,— легко переходя на «ты», произнес Доронин,— человек проникательный, а простых вещей не понимаешь, потому часто ошибаешься. Я не про твою чертову профессию, а про быт, простую жизнь, без хитростей, ловушек и сложных комбинаций. Лева, жизнь проще, а может, и сложнее, черт не разберет. Я вконец запутался! Как ты полагаешь, мне еще можно выпить? Я не превращусь в свинью?

Гуров улыбнулся.

— Самое простое в нашей жизни — давать советы.— Он наполнил рюмки.— Кроме тебя самого, тебе никто не поможет.

Доронин согласно кивнул:

— Ты считаешь меня человеком недалеким и алкоголиком. На самом деле я далеко не глуп. Два года назад практически не пил. Я любил Ирину, знал, что мы никогда не будем вместе. Ты прекрасно понимаешь, почему... И вот ее убили. Ведь ты сыщик, знаешь, кого и где следует искать. Верно?

— Верно.— Гуров закурил.

— Виноват Николай. Тщеславный дурак, считающий себя хитрым, опытным политиком. Я знаю свои недостатки... Кончится срок, уйду из этого...— Доронин не нашел подходящего слова и вышел.— Я вчера около семи вечера приехал к Ирине. Без предупреждения. Трезвый. Понял, она кого-то ждет, посидел для приличия минут десять и уехал. Никто не звонил, никаких разговоров о политике не было. Спрашивай, что тебя интересует?

— Кто мог заставить Ирину встать в начале девятого, выйти из дома в такую рань и сесть за руль? — спросил Гуров.

— В десять с минутами из Шереметьева улетала ее любимая сестренка. Ты наверняка догадался, что сестры терпеть друг друга не могли.

— Даже не думал об этом,— признался Гуров.— Слышал, близнецы в большинстве случаев обожают друг друга.

— Я же говорил, ты в житейских делах не шибко сообразителен. Две молодые красивые женщины. Одна замужем. Приемы, деловые встречи мужа, постоянные поездки, его подчиненные и прихлебатели увиваются... У другой — два неудачных замужества.— Доронин помолчал.— Но у нее больше мужиков и свободы. Разные они, сестры. Вообще женщины по своей природе завистливы.

— Супруга Бардина улетела,— задумчиво произнес Гуров.— Случайно не знаешь, куда?

— Точно не знаю, но в теплые страны. Слышал разговор о купальниках.

«Поездка на курорт одной и убийство другой — просто совпадение,— подумал Гуров.— А не могла Алла из машины позвонить сестре, сказать, мол, что-то забыла, попросить привезти? Нет, не годится. Одна не попросит, другая не поедет. А если следовало подвезти нечто взаимовыгодное?»

Гуров вспомнил опись вещей, обнаруженных при погибшей. Он видел эту бумажку на столе у Орлова, когда зашел к генера-

лу перед самым выездом. В сумке Ирины лежали две тысячи долларов. Находившиеся в кабинете следователи и оперативники рассуждали, могли ли эти доллары иметь отношение к убийству. Сумма не очень-то значительная, да и попытки завладеть деньгами не было. КамАЗ разбил легковушку и умчался. Следователь предположил, что погибшая кому-то везла доллары. Ребята не знали, что сестра убитой находится по дороге в Шереметьево, а Гуров сейчас знает. Сестры жили в одном доме, но предлог придумать легко. Может, Алла обещала что-то купить сестре, а деньги забыла. Хочешь получить желаемое, привези. В таком случае выстраивается убийство с заранее обдуманном намерением. Стало быть, в нем принимали участие и Бардин, и его супруга.

— Да будь они прокляты! — сказал Гуров.

— Что-то нехорошее придумал, сыщик! — встрепенулся Доронин.

— Придумать в нашем деле каждый может. Ион, как думаешь, что собиралась сказать мне Ирина? Что она могла узнать вчера вечером, если ее тут же решили ликвидировать?

— Николай никогда лишнего не скажет, его супружница просто ничего не знает. Я же тебе говорил, Ирина кого-то ждала. Видимо, этот человек и сообщил ей сенсационную новость. Ирине захотелось поделиться... Узнай, кто у нее был...

— Посиди, выпей чайку, я сейчас вернусь. Только... — Гуров замялся: — Убедительно прошу не пить без меня.

Он прошел в гостиную, плотно прикрыв дверь. Позвонил Орлову, услышав недовольное ворчание, спросил:

— Ты один?

— Продолжай.

— Ребята из МУРа и прокуратуры осматривали квартиру?

— Естественно.

— А «соседи» при осмотре присутствовали?

— Приезжали отметить, для протокола, так сказать...

— Они по делу приезжали. Сняли слухачи, квартира прослушивалась. Петр, мне таким делом заниматься нельзя, найди толкового парня, пошли его на телецентр. Необходимо узнать: вечерние теленовости, которые вел Александр Турин, шли в записи, или он работал в прямом эфире? Если записывали, то в котором часу, если был прямой эфир, то когда ведущий появляется в студии?

— Слушаюсь! — рявкнул Орлов и бросил трубку.

Гуров, как ни скверно было на душе, улыбнулся. Вновь набрал номер, укоризненно произнес:

— Когда ты меня о чем-то просишь, я трубку не бросаю. Найдите дежурную подъезда, работавшую вчера, узнайте, не видела ли она Турина. Он парень знаменитый, могла обратить внимание. Спасибо, господин генерал, извините... — Гуров вновь услышал частые гудки.

Телевизионный ведущий Александр Турин вывел свой «мерседес» на проспект Мира, лукаво взглянул на сидевшего рядом Гурова:

— То вас днем с огнем не разыщешь, то вы, словно нечистая сила, материализуетесь из воздуха.

— Профессия. — Гуров, глядя в жизнерадостное лицо телезвезды, понял, что тот еще не знает о смерти Ирины. — Припаркуйтесь где-нибудь в сторонке.

Когда машина остановилась, Гуров равнодушно поинтересовался:

— В каком часу вы вчера приехали к Ирине? Постарайтесь вспомнить.

— Лев Иванович, неужели ревнуете? — Турин обаятельно улыбнулся.

— У нее никого не было? — спросил Гуров.

— Я квартиру не обыскивал! — Телезвезда начинал раздражаться. — Вы следите за мной или за ней? Или привыкли? Противно!

«Визит не отрицает, говорить о смерти или подождать?» — размышлял Гуров.

— Александр, помните, я обещал, если у меня появится сенсация, вы о ней узнаете первый?

Гуров думал о том, почему парень зашел к Ирине, а не к ее сестре, за которой ухаживал? Тем более любимая женщина на завтра уезжала. А если, зная о близости Ирины и сыщика Гурова, парень умышленно сообщил ей секретную информацию и посоветовал внимательно посмотреть программу тelenовостей?

— Простите, но я деньги получаю за работу. — Турин выразительно взглянул на часы.

— Вчера видел вас в вечерней передаче, выглядите превосходно, говорите недурственно, а содержание... — Гуров пожал плечами. — Материал отбираете сами, или этим делом занимается режиссер, вы лишь озвучиваете?

«Турин потушился, или мне показалось?»

— У вас отвратительная манера резко менять тему разговора. — Турин смотрел вызывающе.

— Профессия. — Гуров удержал взгляд собеседника. — Вы во время работы тоже всегда спрашиваете и никогда не отвечаете.

Тележурналист вынул ключи из замка зажигания, стал поигрывать брелоком. «Явно занервничал. Кажется, я угадал, — решил Гуров, — парень через Ирину решил мне что-то передать, теперь раскаивается, не знает, на чьей я стороне. А если он ведет на свой страх и риск журналистское расследование? Некто решил использовать телезвезду, приоткрылся, прощупывая парня? И тот решил вести двойную игру?»

— Все, мне надо ехать по своим делам. — Турин вернул ключи на место, включил зажигание.

— Это вряд ли. Сначала ты отвезешь меня назад, к моей машине.

— Со мной министры разговаривают на «вы»...

— Я не министр, обыкновенный мент. Давай, давай, крути направо. Ты, Саша, как все нормальные пацаны в детстве, играл в казаки-разбойники? Хочу тебе напомнить, детство кончилось, а разбойники остались. Сегодня утром они убили Ирину. А ты с ней беседовал вчера вечером...

Турина остановил машину так резко, что едущие позади взорвались возмущенными сигналами.

— Двигай, Саша, могут морду набить. Я человек тренированный, а твое лицо — национальное достояние.

Турин включил передачу. «Мерседес» легко уехал от преследователей, через несколько минут остановился рядом с «Жигулями» Гурова.

— Как убили? Почему? Кто? — Турин попытался схватить Гурова за лацкан пиджака, но сыщик перехватил протянутую руку, подвернул кисть.

— Наехали КамАЗом, в девять двенадцать утра. Дешевый наемник, сейчас он вряд ли жив. А почему? Мы поймем, когда ты расскажешь, что конкретно сказал Ирине вчера вечером.

— Вы уверены, Лев Иванович?

— Обязательно.

— Еще до нашей первой встречи один человек рассказывал мне о вас.

— Кто, если не секрет?

— Пожилой мужчина. Сейчас пенсионер. Когда-то вы работали под его началом. Он просил меня не называть его имени. Говорил о вас только в превосходной степени. Что вы за всю его долгую службу в органах ну самый, самый, просто нет слов. Я хотел сделать передачу о нем, но он отказался, утверждая, что говорить стоит только о Леве Гурове.

Гуров рассмеялся, он понял. Турин встречался с Константином Константиновичем Туриным, генералом на пенсии, с ним Гуров проработал более десяти лет. Именно он всегда называл полковника Гурова Левой.

— Хорошо, будем живы, мы с тобой сделаем передачу об этом генерале. Теперь рассказывай.

— Я недоговаривал, больше намекал, в конце сообразил, что Ирина просто не понимает меня. Я сорвался и, хвастаясь, заявил, что никогда против Президента не пойду, а господа на мне далеко не уедут. А если и уедут, то совсем не в ту сторону, в которую рассчитывают.

— Ты большой молодец, — произнес Гуров таким тоном, что знающие полковника мгновенно бы поняли издевку и презрение, но журналист принял похвалу за чистую монету, скромно потупился.

— Может, и не стоило так прямолинейно...

— Чего теперь воду толочь? Уж если решил довериться женщине, так и кандидатуру, и тон выбрал правильный. Теперь мы имеем то, что имеем.

— Вы хотите сказать, что из-за этих слов...

Гуров жестом прервал журналиста:

— Ты родом откуда? Москвич?

— Москвич, — растерялся Турин.

— А родители?

— Я вас не понимаю... Родители родились в глубинке, сейчас живут и работают в Москве.

— Кто-нибудь из близкой родни вне Москвы сейчас проживает?

— Пока вы не объясните цель ваших вопросов...

— Обязательно.— Гуров сжал руку журналиста так сильно, что парень взвизгнул.— Тебе следует из Москвы срочно убраться. Придумай легенду. К примеру, серьезно заболела бабушка, живущая в дальней глухомани.

— Раз убили Ирину, могут убить и меня?

— Не могут. Должны. Они не рассчитывали, что я так быстро доберусь до тебя. Им очень нужна телезвезда.

— Я никуда не уеду, и не будем об этом. Мои коллеги сейчас работают, а я сбегу из Москвы, потому что трус, недоумок, болтун.

Гуров посмотрел по сторонам.

— Насколько я понимаю, нас еще не засекали. Но завтра с утра ты будешь уже под наблюдением. То ли они тебя сразу..., то ли захотят еще раз поговорить... Неизвестно... Ты живешь один?

— С женой, мы еще не зарегистрировались...

— Прекрасно. У тебя острый приступ радикулита, обмотайся платком, сиди дома. Жена пусть не выходит из квартиры. Пригласи друзей, найди объяснения. Позвони начальству, снимайся с эфира. В квартире все время должны быть люди. Сейчас они не полезут в квартиру устраивать бойню.

Ровно в восемнадцать Гуров вошел в свой кабинет. Дверь отпер Крячко:

— Парень оставил рапорт, отправился к зубному врачу.

Гуров прочитал рапорт Ермакова. Борис Галей третьи сутки дома не появляется, ему никто не звонил, к младшему заходят соседи да выпивохи из округи.

— У нас барахлил телефон. Пришлось вызывать мастера. Он исправил шнур, сказал, можете жить спокойно.— Крячко взглянул вопросительно.

— Докладывай,— махнул рукой Гуров.— Все едино, не можем же мы из сортира не вылезать.

— Встреча прошла нормально, парень держался уверенно, сказал, что знает меня. На твой вопрос ответил с юмором, мол, стреляет отвратительно, а в человека и с пяти метров не попадет. В конце разговора сообщил, что в их казарме солдаты крайне недовольны жизнью, посылают все начальство по известным адресам, чуть ли не половина личного состава взяла бюллетени. Что у тебя?

— Позвони Петру, узнай, примет нас или подождать?

Крячко просьба явно не понравилась, однако подвинул аппарат, соединился с начальством.

— Господин генерал, господин полковник Гуров спрашивает разрешения зайти.— Крячко выслушал ответ, подмигнул Гурову.— Вы, как всегда, правы, господин генерал, только ни в цирк, ни на эстраду в условиях нынешней конкуренции меня не возьмут. Я, конечно, передам, только боюсь, они нас не услышат. Нет, телесно они присутствуют, но разум их отбыл. Понял.— Крячко положил трубку.— Велено прибыть минут через двадцать.

— Станислав, тебе не надоело паясничать?

— Надоело, только ежели я это дело брошу, вскоре попаду в дурдом. У меня же нет таких нервов, как у некоторых.

— У них тоже плохо, Станислав. Я утром на секунду вожжи бросил, Петр тут же объявил, что мной недоволен.

— Так и сказал? — Крячко возмутился. — В первое же чаепитие я ему генеральскую морду набью.

— Ты полагаешь, Петр из цельного железа скроен? Порой думаешь, ну так плохо, хуже не бывает. А время откапает, убеждаешься — бывает и хуже. — Гуров закурил и резко сменил тему разговора: — Как считаешь, Бардин похож на убийцу?

— Убийца? Кто такой? Извини, встречал несколько... Пойдем, Лев Иванович, а то ты еще чего спросишь. Мне генерал тоже прибыть велел, но еще один твой вопрос, и до генеральского кабинета не доберусь.

Генерал Орлов тяжело вздохнул, словно собирался не выслушивать доклады подчиненных, а землю копать. Выдержав значительную паузу, взглянул на Крячко:

— Ну, у тебя дерьма поменьше, выкладывай.

Станислав доложил о результатах встречи с оперативником контрразведки; о рапорте Артема Ермакова в связи с исчезновением Бориса Галея.

— Хорошо. — Орлов кивнул. — Полагаю, Галея мы увидим, если вообще увидим, только под занавес, — и перевел взгляд на Гурова.

Сыщик старался говорить как можно короче, потому делал паузы, аккуратно подбирая слова. Когда закончил, Орлов подвел итог:

— Доказательств, как всегда, никаких. Хорошо работаем, продуктивно.

— Как всегда? — возмутился Крячко. — Случалось, мы добывали и доказательства.

— Профессионалы, Петр Николаевич, — спокойно заметил Гуров, — не обязаны оставлять нам доказательства. Но они явно готовятся. Начнут действовать, появятся и доказательства.

— Старый, как мир, анекдот. — Орлов тихо рассмеялся. — Приходит женщина в милицию, жалуется, что сосед угрожает убийством. А дежурный в ответ: это все слова, тетя, вот убьют, тогда зайдете... — Он взял лежавшую на углу стола газету. — Друзья мои, вы «Правду» давно не читали? Давно. Очень плохо. — Орлов развернул газету. — Либерал-демократы обратились в мэрию с просьбой разрешить им провести митинг... Много слов о том, какой митинг и почему. Нам безразлично, о чем они будут говорить, важно, что на данном митинге вы, Лев Иванович, получите кое-какие доказательства. — Генерал перелистнул газету, поправил очки. — Имеется обращение и непосредственно к вам, господин полковник, — он улыбнулся Гурову. — Вот... В беседе с нашим корреспондентом высокопоставленный чиновник из аппарата Президента сообщил, что органами контрразведки после длительной и кропотливой работы выявлен киллер, совершивший ряд заказных убийств. Ну, тут перечисляется то,

что нам известно.— Генерал вновь заглянул в газету: — ...в том числе и убийство журналиста, которое вызвало бурное негодование среди так называемой интеллигенции. После проведения оперативных мероприятий мы сообщим подробности.

Орлов смял газету, швырнул в корзину для мусора.

— А Галей исчез! Мог он взять на себя журналиста?

— Вряд ли,— отмахнулся Гуров.— Он не то что чужого не возьмет, от своего кровного отпрется, а доказательств — ноль.

— А если он сохранил «Вальтера» и его напши?

— Убийца человек обученный, опытный,— ответил Гуров,— прекрасно знает, что является доказательством прямым, а что лишь косвенным. Он заявит: творится беспредел, купил у неизвестного лица кавказской внешности пистолет для личной самообороны. О прошлом «Вальтера» ничего не знает и требует адвоката. В контрразведке и прокуратуре работают тоже люди опытные. Имея один пистолет, никто рта не раскроет. Иначе пресса сегодня таких обвинителей на куски разорвет. Так что, господин генерал, ваша «Правда» обращается не к моей скромной персоне, а к жаждущему сенсаций обывателю. А мое мнение,— продолжал Гуров,— статья является не обращением, а первым открытым ходом в готовящейся сложной операции.

— Переспорить тебя, Лева, мне в жизни не удавалось.— Орлов снял очки, потер переносицу.— Могу лишь приказать. Потому выкладывай, что ты про запас оставил. Я же не смогу, дружок, поверить, что ты собираешься сидеть сложа руки и ждать.

— Позвоните, пожалуйста, Бардину, спросите...

— Не могу,— перебил Орлов.— Бардина забрали в госпиталь, телефон, конечно, имеется, но просили не беспокоить.

— Паршиво. Необходимо найти водителя, отвозившего жену Бардина в аэропорт. Не думаю, что он отдал свою персоналку, наверняка вызвал из гаража...

— Так позвони в гараж и спроси у диспетчера. Скорее всего использовали разгонную, и она еще работает. Но зачем, какая идея?

— Объясню. Надо поговорить с водителем, но так, чтобы об этом не знала вся округа.

Орлов вызвал секретаря. Когда Верочка вошла, мягко сказал:

— Девочка, позвони в наш гараж, узнай у диспетчера, кто сегодня утром отвозил в Шереметьево супругу замминистра Бардина. Объясни, что она обронила в машине женскую безделушку, и попроси водителя тебе перезвонить. Соедини со мной.

— Хорошо, Петр Николаевич.— Верочка озорно улыбнулась.— И кто бедной девушке за переработку платить станет?

— Полковник Гуров,— успел сказать Крячко, прежде чем девушка вышла из кабинета.

— Распустил я вас.— Орлов вновь обратился к Гурову.— Так какова идея?

— Чудится мне, мадам ехала в аэропорт не одна, прямо

у дома в машину подсел мужчина. Если я прав, то этот человек нас очень интересует.

— Кто подсел, если не секрет?

— Подождем водителя. Подтвердит, скажу, иначе смеяться будете.

Зазвонил один из стоявших на столе генерала аппаратов. Орлов снял трубку:

— Слушаю, старина, чего стряслось? — И, прикрыв ее ладонью, пояснил: — Дежурный. Да, есть такой. — Орлов взглянул на Гурова. — Как? Когда? Кто выехал? Кто сообщил? Понимаю, будь здоров, мягкого тебе дежурства. Крепитесь, мужики...

Гуров отошел от окна, встал, широко расставив ноги. Крячко поднялся со стула, спросил:

— Кого?

— Парня вашего, как его?

— Ермакова, — подсказал Крячко. — Убили?

Гуров повел себя странно: облегченно вздохнув, перекрестился:

— Слава Богу! Кошунственно, конечно. Но как я испугался за водителя.

— А пацана, так и не жаль? Твой ведь пацан!

— Он ихний пацан. — Гуров закурил. — Ну Ильин! Ну сука! Узнаю орла по полету, а добра молодца по крови. Своих начал убивать. Значит, началась чистка, значит, до финала рукой подать!

Орлов вышел из-за стола, открыл дверь в приемную:

— Чайник включи, пожалуйста. Нашли водителя?

— Так точно. Был у подъезда, сейчас явится. — Верочка выгнулась, попыталась щелкнуть туфлями, но, так как была на высоких каблуках, чуть не упала.

— Стой, дуреха, нос расшибешь. — Орлов подставил секретарю стул. — Я же просил, чтобы он позвонил.

— Не могу знать, господин генерал! — Верочка вновь вскочила. — Позвонил мужчина, представился: водитель машины номер такой-то, через минуту будет у генерала.

— У Станислава научилась? — Орлов покачал головой. — Не главк, а балаган. — Вернувшись в кабинет, ткнул пальцем Гурову в грудь. — Ну, так будь любезен, поясни! Коротко и простыми словами.

— Я заподозрил Ермакова с первой минуты. Высококвалифицированный компьютерщик! Что вы, ребятенки? Это же кадры не наши, не ментовские. И вдруг сразу лучшего на блодечке. О покойниках плохо не говорят. Кстати, как и где?

— В собственном подъезде, выстрел в затылок, в упор, — ответил Орлов.

— Ликвидатор. Конечно, жаль парня, но если бы он мне признался, я бы его уберег. Я пару раз проверил по мелочам, он и прокололся. Артем работал на Ильина, снял копию с дискеты. Мы с тобой, Станислав, пахали по-черному, а они получили чистенький, обработанный материал, вышли на Галеев вместе с нами, возможно, раньше. Ну, когда я убедился во

всем, то покойному серьезный материал давать перестал, а дезу Ильину протолкнул.

— Какую? — быстро спросил Крячко.

— Не скажу. Это, между прочим, в твоём присутствии происходило.

Дверь приоткрылась, и Верочка доложила:

— Прибыл водитель. Разрешите?

Орлов кивнул, Верочка открыла дверь пошире, и в кабинет вошел Василий Иванович Светлов, бывший опер МУРа, работавший в группе Гурова и знавший присутствующих не один десяток лет.

— Чапаев! — Крячко вскочил. — Какими судьбами?

Орлов вышел из-за стола, пожал старому товарищу руку, затем Гуров долго тряс руку Светлова.

— Меня на пенсию вытолкнули, — смущаясь столь бурной встречи, бормотал Светлов. — Ну поболтался я на вольных хлебах, однако мент он и есть мент, устроился вольнонаемным в наш гараж. Хотел зайти к тебе, — кивнул он Орлову, — но как-то неловко, ты — генерал, я — водила... Сам понимаешь... Сейчас, когда диспетчер мне сказал о какой-то бронзулетке, якобы оброненной в машине, и чтобы я позвонил твоему секретарю, я понял, лучше прибыть, чем выслушивать ваше вранье по телефону. Так что вас, господа сыщики, интересует?

Орлов оглядел Светлова, вернулся в свое кресло и кивнул Гурову.

— Присядь, Василий, сейчас чай дадут. — Гуров прошелся по тесному кабинету. — Ты утром отвозил в аэропорт супругу Бардина. Она ехала одна?

Светлов, улыбаясь, опустился на предложенный стул.

— Я не зря с вами работал, друзья, чуть сыщика не потерял. Ты, как всегда, прав, Лев Иванович. Только мы уложили вещички и тронулись, как мадам, увидев мужчину, голосовавшего у соседнего дома, попросила остановиться. Я решил, что сосед просит подбросить куда-нибудь. Но мужчина лишь поздоровался, сел позади. Мне показалось, он прикрыл лицо и на сиденье устроился в углу, который не просматривается в зеркало заднего вида. Мне это сразу не понравилось. Хотя я видел его мельком, на любовника не похож. Они шептались, мужчина в чем-то мадам убеждал, когда мы на Ленинградском проспекте миновали «Динамо», та попросила остановиться у супермаркета. Они вышли вдвоем, вернулась мадам одна, мужчина испарился. Как я понимаю, он вас интересует?

— Очень, — сказал Гуров. — Но сам факт, что мужчина в машину подсаживался, уже очень важен. Ты его разглядеть не мог, опиши, как можешь.

— Лет сорока, сутулый, прихрамывает на левую ногу, одет...

— Василий, ты старый сыщик, понимаешь, человек может ссутулиться, начать хромать, одеть на себя что угодно, — сказал Гуров. — Рост, вес?

— Рост примерно сто семьдесят пять, худощавый, тут не

прикинешься. Был в вязаной шапочке, но думаю, что темно-русый, речь культурная, слов не подбирает.

— В таких салазках далеко не уедешь, — усмехнулся Крячко.

— Уж не привезти ли его сюда, чтобы ты, Станислав, внимательно разглядел? — огрызнулся Светлов.

— Спасибо тебе огромное. — Гуров принял у Верочки поднос с чашками и кофейником, поставил на угол стола. — Василий, ты с возрастом не ошибся, он не может быть моложе?

— Исключено, командир, — ответил Светлов. — Когда он из машины вылезал, отвернулся, но левую руку на спинку переднего сиденья положил. Кисть я видел отлично, не молодой, пальцы худые, цепкие, неухоженные.

— Мадам вернулась в машину со свертком? — поинтересовался Орлов. — Сколько времени отсутствовала?

— В руках у нее был лишь ридикюльчик. Вернулась минут через семь-восемь. За такой срок в нашем магазине ничего и не купишь. Почему-то я думаю, она выходила позвонить.

— Превосходно думаешь, Василий Иванович. Нам крупно повезло, что за рулем оказался старый сыщик. — Гуров налил в чашки кофе.

— Ну? — Орлов смотрел на Гурова требовательно. — Говори, здесь все свои.

— Предположительно мужчина уговорил мадам позвонить сестре, чтобы Ирина привезла в Шереметьево доллары. Когда Василий отъехал, мужчина сел в машину, которая следовала за ними от самого дома, и дал команду перегнать КамАЗ, угнанный ранее, к дому Бардиных.

— Спасибо, Лева, но об этом мы уже догадались. Мужчину опознаешь? — спросил Орлов.

— Возможно, — ответил Гуров, не удержался и добавил: — По таким приметам грех не опознать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В последнее время под Москвой развернулось бурное строительство. Землю получают, покупают, кто шесть соток за две-три верст от кольцевой, иной соток поболее, зато и верст от Кремля поменьше. Один бытовку ладит, иной на хозблок еле-еле собрал, а некоторые счастливики кирпичные замки сооружают, этажа в три-четыре.

В одной из таких вилл, расположенной хотя и на природе, но неподалеку от Лубянской площади, третий день жил Борис Сергеевич Галей. Правда, приехал он на виллу не на своем «жигуленке» и не по своей воле, хотя ни у дверей, ни в воротах ограды часовые с ружьями не стояли, Галей не мог отправиться куда глаза глядят.

Все произошло не эффектно, скорее буднично. Третьего дня он вышел из своего дома, сел в «Жигули», не успел доехать до родного «Динамо», как его остановил гаишник. Представившись по форме, розовоцекий сержант взял водительские пра-

ва, техпаспорт, вежливо козырнул и попросил открыть багажник.

Галей выскочил из машины, отпер багажник:

— Извини, командир, я «калашников» дома оставил.— Он был в настроении и необычно словоохотлив.

К «Жигулям» подошел ладно скроенный парень, забрал у гаишника документы Галея, и только в этот момент киллер понял, что дела его плохи. Парень сунул документы в карман, профессионально проверил, нет ли в карманах Галея чего лишнего.

— Борис Сергеевич, присядь на минуточку в машину.— И указал на стоящую позади «Жигулей» «Волгу». — Разговор имеется.

Галей глянул на «прохожего», курившего возле его «Жигулей», затем на водителя «Волги», озабоченно пинавшего безвинные колеса, и, будучи человеком опытным и не любившим насилия, сел в «Волгу». «Прохожий» устроился на переднем сиденье, парень, столь ловко «общмонавший» Галея, рядом с ним на заднем.

— Борис, ты понимаешь, мы лишь извозчики, разговаривать с тобой дело не наше. Дай-ка ключи от машины, тебе после домой ехать.

Галей отдал ключи, сидевший на переднем сиденье их молча взял, перешел в «Жигули», и обе машины быстро покатались по улицам столицы. Галей откинулся на спинку, закрыл глаза, пытаясь сообразить, какая контора его «замела» и что ему может быть предъявлено.

Выехав за кольцевую, Галей понял: в камеру его сажать не собираются. К чему бензин жечь, они имеются и поближе. Вскрест «Волга» свернула с шоссе, еще через несколько минут остановилась.

— Приехали, вылезай! — весело объявил сопровождавший.

Галей вышел не торопясь, огляделся. Дачный поселок, новостройка, — определил он, хотя трехэтажные строения вычурной архитектурой не походили на дачи, а десяток таких замков нельзя было назвать поселком.

«Жигули» Галея загнали в гараж, значит, не на чашку кофе привезли, понял киллер, следуя за водителем.

Его ввели в просторную комнату, где у камина в кресле сидел мужчина, читая журнал. Увидев вошедших, он отложил журнал, поднялся:

— Вот и свиделись, Борис Сергеевич. Здравствуй, рад видеть тебя спокойным, не тычешь пушкой под ребро.— Хозяин указал на кресло, стоявшее напротив.— Присаживайся. Знаю, не пьешь, не куришь, может, чай, кофе?

Галей сразу узнал «мужичка», однажды подсевшего в его «Жигули», хотя полковник Ильин сегодня не рядился под приезжего, был одет в дорогой костюм и белоснежную рубашку.

— Я в прошлый раз не представился... Зовут меня Игорь Трофимович, а остальное тебе не интересно. Верно? Ведь ты, Борис Сергеевич, человек деловой.

Привезший Галея парень вкатил столик с чашками, кофейником и легкой закуской, на второй полке стояли бутылка коньяка с рюмками. Поправив салфеточку, спросил:

— Я больше не нужен, господин полковник?

— Спасибо, свободен, можешь расслабиться.

Галей чуть заметно скривил тонкие губы. Понял, что оперативник проговорился, обратившись к хозяину по званию.

— А «господин» не жмет, пообвык? — Галей налил себе кофе.

— Борис, я знаю, после нашей встречи с тобой беседовали, ты обещал подумать. — Ильин тоже взял чашку с кофе. И что надумал? Не нашел ли случайно кем-то оброненный «Вальтер» девятого калибра?

— Полковник, на пустой крючок кильку ловят, — раздраженно ответил Галей. — Я тебе не верю, потому искать, кто, где, чего обронил, не собираюсь.

— Пятьсот тысяч зеленых — плохая наживка? — удивился Ильин. — Ты меня не знаешь, вправе не верить. Но твой хозяин, человек солидный, поручился за меня и ранее тебя не подводил.

— Я сам себе хозяин! — огрызнулся Галей, заметив, как напрягся полковник, миролюбиво добавил: — Ты в своей конторе всякое видел, должен понимать, если я себя не уберегу, меня никто не убережет.

— Пугать тебя не хочу, но либо мы договариваемся, либо нет. Подумай, как себя подстраховать, какие желаешь гарантии. Поживи здесь в покое и тишине, суток трое я могу обождать.

— Игорь Трофимович, может, меня в запас переведете? Такой, как я, и через полгода, и через год может понадобится. А? — Галей достал носовой платок, аккуратно промокнул пот со лба.

— Сам понимаешь, дорога ложка к обеду. Я — полковник, обед готовят чины покруче.

Галей взял себя в руки, убрал платок и вновь заговорил жестко:

— Тогда объясни, почему именно в меня уперся, и я буду думать.

Вроде не дурак, а вопрос задаешь идиотский. — Ильин взял бутылку коньяка, плеснул в свой бокал, Галею не предложил. — Никто ничего тебе объяснять не собирается. Ты когда ликвидировал банкира Белоуса, дельца Исилина, депутата Сивкова, вопросов не задавал. Тебе предлагают выполнить работу, получить большие деньги. Я не понимаю, Борис Сергеевич. В чем проблема?

Галей молчал, думал о Сашке, который хотя и живет в роскошной квартире, но без него пропадет.

Ильин, попивая коньяк, пытался понять, как он, многоопытный профессионал, залез в дерьмо по самые уши, попал в зависимость от прямолинейного, упрямого убийцы. Ведь практически все уже было в руках, в прошлый раз пистолет лежал у Галея в кармане. Но это мог быть не тот «Вальтер», — начал оправдывать себя Ильин, — и все пошло бы насмарку. Ну, задержали человека с оружием. Эка невидаль. В тот момент он, полковник

Ильин, рассуждал правильно. Имеется наемный убийца, которого его хозяин отдает со всеми потрохами. Зачем хватать, рисковать втемную, когда можно киллеру сделать нормальный заказ? Кто мог предположить, что парень окажется столь упрям и не управляем?

Может, спустить малого в канализацию и найти другого исполнителя? Нет, начальство не согласится. Такой выстрел надо произвести только из одного пистолета. Но, возможно, его уже в природе не существует. Однако и поведение Галея при упоминании «Вальтера», и чутье профессионала подсказывали: киллер не уничтожил любимое оружие. Необходимо во что бы то ни стало «засвеченный» пистолет разыскать и последний раз из него выстрелить. И все будет «в шоколаде». Высокое начальство станет решать свои проблемы, а он разделается с Гуровым.

Ильин лишь однажды в разговоре с начальством упомянул имя полковника. Какое дело большим генералам до меня? Гвоздь в ботинке? Выдерни гвоздь или выброси ботинки, — рассудило начальство, но не полковник Ильин. Гурова необходимо уничтожить. Не просто убить, хоть и сложно, но вполне выполнимо. Его надо превратить в дерьмо. Размазать. Посмотреть живому в глаза, терзаемому газетчиками, возможно, ожидающему суда. Только посмотреть в глаза, ничего не сказать. Он умный, все поймет.

Ильин никогда не думал, что может так ненавидеть человека. Они были знакомы давно, даже как-то работали по одному делу. Ильин относился к сыщику угро без симпатии, но отдавал должное его профессионализму. В этом году их интересы перекрестились. Ильин с самого начала настаивал, чтобы в ментовке нашли противника попроще. Но когда удалось быстро, без хлопот ввести в группу Гурова своего человека, Ильин успокоился, даже радовался, что утрет нос известному сыщику. И как могло быть иначе, если свой парень работает в штабе противника, и не рядовым оперативником, а собирает и группирует собранную информацию. И все шло нормально. Ильин получил копию дискеты Гурова, аналитики вычислили Галея, как возможного кандидата в киллеры, «наружка» засекла Гурова при выходе из дома подозреваемого, казалось, круг замкнулся. И тут начались сбои. Гуров придумал фантастическую историю об агенте. Наглая ложь — не более, но опытный сыщик просчитал верно, на уровне министров не разбираются, кто из подчиненных лжет, а кто говорит правду. Министрам главное, чтобы их не сталкивали друг с другом, не поднимали шум. Гуров не сомневался, противник такого поворота испугается. И Ильин испугался. Гуров расколол соплика, молча отстранил его от компьютера, превратил в оперативника-бегунка, влез в семью Бардина, и что сыщик там нашел, неизвестно, но он встал Ильину поперек горла.

— Господин полковник, ты случайно не уснул? — Насмешливый голос Галея вернул Ильина к действительности. — Чем выше кресло, тем тяжелее шапка... Отпустил бы ты меня, сам говорил, три дня подождать можешь. Я не соплик безмозглый, в бега не брошусь.

— Согласен, мужик ты серьезный,— кивнул Ильин.— Но с валютой необязательно бегать, можно летать. У меня нет лишних людей, чтобы круглосуточно за тобой и братцем наблюдать.

Галей лишь сморгнул при упоминании брата, но Ильин почувствовал, что ткнул в больное место, и вспомнил, как, читая собранные по Галею материалы, отчеркнул строчки, где говорилось о необыкновенной любви братьев друг к другу.

— Так что поживи здесь, в тепле и уюте, раскинь мозгами. Надеюсь, сговоримся.— Ильин отставил бокал.— Особой охраны мы не держим, но если тебе шлея под хвост попадет, братца твоего возьмем в одночасье. Сам знаешь, был бы человек, а статья в УК всегда найдется.

Галей угрожающе привстал. Ильин ногой нажал кнопку звонка, дверь мгновенно открылась.

— Слушаю вас, Игорь Трофимович.— На пороге застыл опер, перегонявший «Жигули» Галей.

— Я уезжаю, Борис Сергеевич решил несколько дней здесь отдохнуть. Покажи гостю комнату, бильярдную, библиотеку. В отношении выпивки он не партнер. Можете рыбку вместе поудить, а в Москве Борису Сергеевичу пока делать нечего.

И довольный собой Ильин удалился.

Шли третьи сутки, Галей жил спокойной, размеренной жизнью, но спокойствие было лишь внешнее. Гуляя у дома, листая журналы, смотря телевизор или беззлобно переругиваясь с оперативниками охраны, Галей непрерывно искал выход. И если две ночи он проспал относительно спокойно, то в третью, последнюю, сомкнуть глаз не смог.

Существовали факты бесспорные, понятные. Где-то он зажегся, и спецслужба вышла на него. Доказательств у них нет, и это тоже факт. Вспоминая все разговоры, Галей уяснил, что всеисильной службе нужен не только он, но в еще большей степени им необходим «Вальтер». Пока пистолет не попал в руки полковника, жизнь Бориса Галей вне опасности. Готовится убийство политического лидера, убийство хотят связать с ранее совершенными и еще черт знает с чем... Возьмется за задание, выполнит его или нет, он, Борис Галей, не жилец. Существует миллион причин, по которым его нельзя оставлять в живых. «Засвечена» сама спецслужба, полковник, оперативники, хаза, где Галей сейчас держат. Он знает о заговоре, и не имеет значения, сам Галей пришьет политического болтуна или это сделает другой. Все дело в «Вальтере». Именно он должен выстрелить. Значит, рассуждал Галей, следует тянуть до последнего, чтобы они не теряли надежды на успех, иначе придумают, как обойтись без Галей и даже без его «Вальтера».

Конечно, никто не будет возбуждать уголовное дело, передавать его в суд. Спецслужба всеисильна. Она и следствие, и прокуратура, и суд, что надо, то с человеком и сотворят. А уж Бориса Галей использовать и убрать из жизни — легче легкого. К примеру, отвезти на проселок, прострелить башку, посадить в собственные «Жигули» и бросить. Таких случаев по столице и области

уйма, никто даже внимания не обратит. Для проформы составят протокол осмотра, нарисуют на тонкой папочке номер и забудут в милицейском сейфе. Милиция. Тут Галей неожиданно для себя с надеждой подумал об угрозыске. Если попасть к ним, ситуация изменится. Оперупы угро, конечно, вцепились бы, начали мотать, крутить, вязать Галею свои висячки, могли и бока намять в камере, но убивать не стали бы, им это ни к чему.

И тут Галей вспомнил, как недавно Сашка рассказывал о странном мужике. Тот заходил к ним, назвался новым участковым, но явно из угро. Интересовался Мишкой Захарченко, неожиданно исчезнувшим из Москвы. Борис тогда расспросил брата о госте подробно, прикидывая, не по его ли душу заскочил сыщик. Сашка охарактеризовал гостя очень высоко. Спокойный, сильный, уверенный и, добавил Сашка, судя по всему, сыщик людей уважает.

Тогда Борис в основном думал о том, что ничего конкретного против него нет, и, будь залетный гость действительно полковником Гуровым, из пустого места доказательств не добудешь. Сегодня Галей на тот разговор взглянул иначе. Сыщик такого класса самолично не будет разыскивать сопливого гопстопника, даже если тот и поранил полковника. Значит, он приходил по мою душу. Видно, вычислил меня сыскарь, а спецслужба ему дорогу перешла, рассуждал Галей. В таком случае по закону я — клиент розыскника, а не службы безопасности...

Если полковник розыска, такой сильный и принципиальный, каким его рисуют деловые, узнает, что его клиента перехватила спецслужба, сыщик вздыбится. Слабенькая, но надежда.

За такую тонкую ниточку и ухватился киллер после бессонной ночи. Днем он гонял бильярдные шары с опером Вадимом, парнем беззлобным, равнодушным, явно не знавшим истинной сути поднадзорного. Забывая очередной шар, Вадим шутил:

— Опять ты приехал, вылезай и сдавайся. — Тщательно натерев кий мелом, продолжал: — И чего ты с шефом стойку держишь? Он уже звонил, велел передать, что к обеду будет, срок истек.

— Твоя взяла. — Галей бросил кий. — Пошли к телефону, хочу с брательником покалякать.

Ему было разрешено один раз в день звонить брату домой. Ильин решил, что вреда от таких подконтрольных разговоров не будет, а польза очевидна. Получая послабление, Галей решил, что к нему относятся с уважением, в расчете на дальнейшее сотрудничество. Калека же, поговорив с братом, не станет трепать языком, что Борис пропал. Братья в округе люди известные, ни к чему лишние разговоры да сплетни.

Опер и Галей поднялись в кабинет, где имелся телефон с отводной трубкой. Галей в который раз оглядел книжные полки, заставленные разноцветными томами, и вновь подумал, что хаза явно для служебного пользования и никто книжки в руки не возьмет, а ведь не поленились, завезли, расставили, пусть все как в нормальном доме выглядит.

Опер набрал номер Галеев, услышав гудок, отдал трубку

Борису. Сам снял отводную, положив палец на кнопку, чтобы прервать разговор, если он покажется подозрительным.

— Слушаю,— ответил младший.

Братья справились о здоровье друг друга, обмолвились о погоде, после чего Борис перешел к главному вопросу.

— Участковый мусор не заходил, тот, что однажды в штатском заявился и о Мишке расспрашивал?

— Бог миловал,— насторожился младший. Еще после первого звонка он понял, что старший попал в переделку и разговор наверняка прослушивается.

— Понимаешь, я того мента позже видел, он меня по «тухлому» делу свидетелем тянет. Не хочу, чтобы мент думал, что я сбежал, значит, виноват. Ты его повидай обязательно, скажи, брат не сбежал, отъехал по делам. Ты понял, вопрос серьезный, мент должен знать.

— Не дурак, будет сделано,— ответил Александр, пытаюсь вспомнить, как зовут того штатского и где его искать.

— Будь здоров.— Борис отсоединился.

Сашка положил трубку, опираясь на костыль, постоял, раздумывая. Значит, братан в петле, коли у ментовки помощи просит.

Александр прошел на кухню, где Мишка Захарченко чистил картошку. Он появился вчера вечером и заночевал. Объяснив, что ездил к бабке, но в деревне сидеть сил нет, податься некуда. Сашка разрешил переночевать, о менте в штатском, который заходил, интересовался им, не сказал.

— Вот, Сашок, почистил.— Мишка вытер руки о штаны.

Сашка одобрительно кивнул, решая, как начать разговор, и стоит ли его вообще начинать? Мишка знает о том сыщике ничего не может, но и другого пути нет, решил хозяин и спросил:

— Тот мусор, что тебя чуть не прихватил, каков из себя был?

— Да я же говорил...— Захарченко напрягся, разговор поворачивался не в ту степь.

— Заходил тут один, интересовался тобой.— Александр взял с мраморной полки соль, сыпанул в кастрюльку.— Куда папан запропал, мне с него должок получить требуется?

— Еще один выискался! — недовольно произнес Михаил.

— А может, твой крестник, которого ты порезал?

— С каких дел? Он ни имени моего не знает, ни району, где я обитаю.

— Он левую руку неловко держал, потому я и подумал,— небрежно продолжал Александр.— Лет сорока, высокий, плечистый, шатенистый, виски седые, глаза голубые, одет фартово...

— Я с ним сшибся в темноте. Чего рассмотреть мог? — сказал насмешливо Михаил, ощущая, как между лопаток струится пот. Сашка описал полковника точно. «Ну зачем я мог срочно понадобиться Льву Ивановичу?» — занервничал Захарченко, не подозревая, что визит Гурова не имел к нему, Михаилу, никакого отношения.

Галей-младший собрался с силами и задал главный вопрос:

— Очень мне нужен этот мент. Понимаешь, Мишка, заговорили мы о моей ноге, и он сказал, что ихний госпиталь получил из Америки какой-то аппарат, облучающий человека. Говорит,

чудеса творит. Может, попробовать? Американцы чего угодно придумать могут. Я тогда его слова мимо пропустил, а теперь жалею. Где теперь его найти? Ты же знаешь, у брата деньги имеются.

— Да, жаль, лопухнулся ты. Ментов много, не разыщешь. В нашем участке наверняка его не знают. Могу спросить у одного «авторитета»... Но ты не надейся особенно. Главное, не трепись, люди неправильно понять могут.

— У меня нога больная, а не голова, — обиделся Александр. — Может, сегодня и спросишь, а то болит, сил нет.

— Если найду того человека, — неуверенно ответил Захарченко. Он прекрасно помнил телефон Гурова и очень хотел помочь другу.

Гуров узнал о разговоре от службы прослушивания. И когда позвонил Захарченко, полковник уже просчитывал варианты, но действительного положения вещей, конечно, определить не мог.

Записали разговоры в квартире Галея и контрразведчики, но для них, не знавших всю предысторию, болтовня пацанов не представилась заслуживающей внимания.

Виктор Иванович Якушев, как простой смертный, прошел через таможенную и пограничный контроль в международном порту Шереметьево. Пожелай он, с такими формальностями справился бы без труда, его бы с низким поклоном провели мимо таможенников и пограничников. Но у миллиардера Якушева существовали принципы: пользоваться привилегиями лишь в тех случаях, когда без них обойтись невозможно. Это в какой-нибудь задрипанной буржуазной стране типа Франции перед законом все равны, а в России к серьезным людям относятся серьезно и с должным уважением.

Рейс задерживался. Якушев прошел в ресторан, заказал пиво, что позволял себе крайне редко, так как боялся располнеть. Настроение у него было противоречивое. С одной стороны, приятно вырваться из круговорота деловых забот, расслабиться и ни о чем не думать. С другой — ни о чем не думать практически невозможно.

Он читал, что в основе любого крупного состояния, возьми хоть Ротшильдов, хоть Морганов, лежит преступление. Почему он, Виктор Якушев, должен составить исключение? Вернуть Россию на подобающее ей место в мире может лишь дисциплина, порядок и труд. В основе же, безусловно, должен лежать капитал. Очень красиво и значимо, только зачем людей убивать? Якушев не содрогнулся, но остался собой крайне недоволен. Нанял киллера, приказал убить неугодного депутата Сивкова, теперь отдал киллера спецслужбе. Они надували Галея и без меня, попытался успокоиться новоиспеченный магнат. Теперь киллер будет убивать не по моему указанию. Вскоре его, конечно, тоже ликвидируют. Будь хотя бы перед собой честен. Ты организатор одних убийств, соучастник других, еще не свершившихся. Струсил и улетаешь из Москвы, бежишь. Ни следовательно, ни суд тебе не грозят, можно не прятаться. Но куда денешься от

себя самого? От столь мрачных мыслей Якушев так расстроился, что, потеряв всякий контроль, оставил бокал с пивом и вытер губы ладонью. Поймав себя на таком плебейском жесте, Якушев расстроился еще больше. Облегченно вздохнул, когда услышал, что объявлена посадка на его рейс. Тогда он белоснежным платком дотронулся до уголков губ и, окончательно успокоившись, вышел из ресторана.

Гуров и Саша Галей сидели в убогой комнатухе бабки-знахарки. Она жила неподалеку от дома Галеев и травами да заговорами безуспешно лечила ногу младшего. Встретиться именно здесь подсказал Гурову оперативник, ведущий за домом наблюдение. Он докладывал, что Александр ежедневно выходит на улицу, ковыляя в дом по-соседству.

Гуров смотрел на худое, нервное лицо Александра Галея и не знал, что сказать больному, несчастному парню.

Саша рассказал о звонке Бориса, пытался доказать менту, что брат попал в какую-то историю, видимо, опасается за свою жизнь, иначе никогда бы не обратился за помощью в ментовку. Гуров прекрасно понимал, кто схватил киллера и что держат его на конспиративной квартире, но где она расположена, не знал. Как и не знал, что может в создавшейся ситуации предпринять.

Судя по звонку Бориса Галея, он отказывается от предложения спецслужб, ищет выход. Если киллера сразу не ликвидировали, даже разрешают звонить, значит, хозяева надежды на «сотрудничество» не теряют, пытаются уговорить. Или добиваются чего-то иного?

— Моя милиция меня бережет. — Сашка взглянул на Гурова вызывающе: — Попал бы в беду чей-нибудь сынок, так все бы на уши встали.

— Когда квартиру ремонтировали, вы полы меняли, стены переставляли? — спросил Гуров.

— Чего? — не понял парень.

— Я решаю, где у твоего брата тайник находится, — ответил Гуров. — Наверняка очень хитро изготовлен, и найти трудно. Ты знаешь, что он убийца?

— Какой еще убийца? — Сашка заплакал.

— Врагу не пожелаю такой работы! — Гуров поднялся, подошел к окну, завешанному лянными шторами. Стоя к Сашке спиной, Гуров старался разозлиться. Нашел несчастеньких, словно горя человеческого никогда не встречал. Трудно парни жили, так тысячи живут значительно труднее. Брат без ноги остался? Так люди и без двух ног остаются людьми. Ну, этот мальчишка за дела брата не в ответе. Гуров повернулся, посмотрел в уже сухие, лихорадочно блестящие глаза парня:

— Что ты от меня хочешь?

Сашка прошептал:

— Не мог братан убивать, никак не мог!

— Ты кого пытаешься обмануть? Меня или себя? Или весь белый свет? Ведь никаких билетов «МММ» у вас не было! Ты это знаешь прекрасно. Деньги с неба не падают. Так откуда Борис добыл миллионы? Я ищу твоего брата давно...

— Найдите его сейчас! — жарко зашептал Александр. — Иначе его убьют.

— Сначала я должен обнаружить его пистолет, он спрятан где-то в вашей квартире.

— Ищите, я ничего не знаю, — упрямо повторил парень.

Без техники тайник не найти, рассуждал Гуров. Если вызову бригаду, Ильин узнает мгновенно. Галей тогда станет им не нужен, опасен. Его мгновенно убьют. Но ведь и он убивал. За что сражаться? Почему «Вальтер» должен находиться в квартире, мало других мест? Делали капитальный ремонт, Галей должен был изготовить тайник, просто не мог упустить такой шанс.

А если Галей взяли с «Вальтером» в кармане, и я вообще ищу вчерашний день? Нет, тогда киллеру не позволили бы звонить брату. И Ильин, получив отказ, вел бы игру иначе. А гэбэшник заигрывает с Галеем...

— Саша, на тебе крови нет, и соучастия не докажешь, — заговорил Гуров. — Я понимаю, ты печешься не о себе... Решай. Если укажешь тайник и я найду нужный пистолет, то попробую захватить твоего брата. У меня будут для этого законные основания.

Сыщик обманывал не только парня-калеку, но и себя самого. Даже получив пистолет и заключение баллистической экспертизы, что убийства совершены из этого оружия, Гуров Бориса Галея не получит. Спецслужба никогда не признает, что захватила киллера и держит его у себя. Галей ликвидируют, начнут искать иное решение.

Гуровым руководил уже не разум и трезвый расчет, а тупое упрямство, нежелание отступить, признав свое бессилие.

— Если Бориса захвачу я, брата ждет следствие и суд. Останется там, где находится, — его убьют. Однозначно. И он это прекрасно понимает, потому и попросил найти меня. Борис сделал выбор... Ты же встаешь против воли брата.

— Я ничего не знаю, — прошептал Александр.

Борис Галей признал, что «Вальтер» целехонек, и дал согласие ликвидировать человека, которого ему укажут. Полковник Ильин внутренне ликовал, но внешне воспринял согласие киллера равнодушно:

— Я знал, что ты поступишь разумно. В конце концов, Борис Сергеевич, каждый делает свою работу.

За обедом они разговаривали мало, каждый думал о своем.

Если доверить решающий выстрел киллеру, то и брать его следует на месте. С большим шумом, привлекая внимание окружающих. Ну а тот факт, что в руках правоохранительных органов окажется труп, конечно, накладка... В нашей работе всякое случается... — рассуждал Ильин. На радостях позволил себе выпить рюмку водки, на Галея взглянул с симпатией.

Когда дома я достану «Вальтер», меня сразу не убьют, ведь тогда надо будет и Сашку «решать». Полковник чистодел, ему морока ни к чему, прикидывал Галей, доедая плов, и привычно вытер тарелку корочкой хлеба. Они меня подведут на позицию, укажут «мишень», дадут выстрелить. Тут-то мне и каюк. Киллер

перехватил взгляд гэбэшника, улыбнулся. Я получил отсрочку, а завладев пистолетом, найду выход...

Они подошли к камину. Ильину подали коньяк, Галее — кофе, наступило время обсудить детали.

— В квартиру тебе идти не следует, — объяснял Ильин. — За домом наблюдают. Захватят на выходе с пистолетом в кармане и упекут в камеру. Осудят и расстреляют. Укажи место, где спрятан пистолет. Я пошлю человека, он все выполнит аккуратно. Ты только позвони брату, чтобы дверь открыл и не поднимал шум.

Ильин говорил, Галее согласно кивал. Затем усмешливо спросил:

— Все? Ты, Игорь Трофимович, профессионал, а меня за придурка держишь. Кто же «горячую» пушку в своем доме хранить будет? Она лежит в ином месте. Но заехать домой я должен обязательно. Таково мое условие. У тебя тоже есть обязательства. Когда люди договариваются, они идут навстречу друг другу.

— Ты можешь сначала взять оружие...

— Не перебивай. Я первый раз в жизни ночь не спал, все обдумал. — Тон у киллера был столь решительный, что Ильин решил выслушать Галея. Тот продолжил: — Я соглашаюсь ради спокойствия брата. Мне нужно приехать домой, переодеться в чистое, я хоть и не верующий, но крещеный. Проститься с братом. И успокойся, я войду в свой дом так, что ни один мент не заметит. В моей квартире имеется потайной вход.

— Очень убедительно, особенно тронуло сообщение, что ты крещеный. — Ильин отставил рюмку. — Чистое белье тоже впечатляет. Однако одного я тебя не отпущу.

— Твое право. — Галее пожал плечами.

Александр Галее спал чутко, потому, когда из кухни донесся скрип отодвигаемой потайной двери, включил бра, нацупал костыли.

— Борис? Это ты? — закричал Сашка.

— Дух мой! — ответил Борис, заходя в спальню. Он обнял брата. — Тут со мной гости... — И кивнул на стоявших на пороге двух крепких парней. — Чайку поставь. Пойду переоденусь. Да, я поутру звонил тебе в отношении участкового, так забудь, не беспокойся. И чего мне взбрело в голову, сам не пойму.

Переодеваясь, он решал, что предпринять... Забрать пушку, пришить двух придурков, что дальше? Из Москвы следует уйти немедленно, ведь спецслужба «на уши встанет», и здесь не схорониться, не отсидеться. В очередную «горячую точку»? Там не только человек, бронепоезд затеряется, никто не найдет. Но тогда Сашку придется оставить на растерзание. Его немедленно посядут как сообщника убийцы.

Такой вариант Галее отмел сразу. Брата он не отдаст.

Охранники разделились. Один наблюдал за Борисом, другой за Александром.

— Сашка, брось возиться с чаем, некогда! — крикнул Борис, выдвигая ящик комода.

Оперативник мгновенно оказался рядом, отстранил хозяина и содержимое ящика вытряхнул в кресло.

Борис не отреагировал, продолжал переодеваться. Сашка пришел из кухни, присел на краешке кресла:

— Когда вернешься?

— Через недельку, — беспечно ответил Борис. — А ты не скучай, читай своих мушкетеров и будь за меня спокоен.

— Не бойсь, братан, у меня порядок, — заверил Сашка. Он знал: в толстом томе «Трех мушкетеров» уложены плотные пачки долларов.

Прощались братья сдержанно, без эмоций. Сашка открыл потайную дверь:

— Удачи, братан. Звони.

— Будь здоров. — Борис шагнул к дверям, но оперативник остановил его, прошел первым. Сверкнув карманным фонариком, скомандовал:

— Идем.

Борис вышел на площадку черной лестницы, пропустил второго оперативника:

— Пойдите, дверь закрывается только с этой стороны.

Наступил главный момент. Тайник, где хранился пистолет, находился в стене, рядом с потайной дверью. Охранники спустились на несколько ступенек вниз и оттуда подсвечивали Галей фонарем. Борис, изображая, что возится с хитрым устройством двери, нажал в известном только ему месте. Стальная пластинка бесшумно отодвинулась. «Вальтер» скользнул Борису в карман.

Взглянув на беспомощного брата, на благоустроенную квартиру, Галей от стрельбы и побега отказался. Решил воспользоваться другой комбинацией, которая в случае успеха гарантировала ему прежнюю жизнь, а может, и получше. Довольный собой, он сел в машину.

— Куда едем? — спросил оперативник. Начальство его предупредило, что они должны заехать еще в одно место.

— На вашу хазу, — ответил Галей. — Мне требуется переговорить с Игорем Трофимовичем.

Ильин молча выслушал доклад подчиненных, устроившись в кресле напротив убийцы, срывающимся голосом спросил:

— Как тебя понимать, Борис Сергеевич?

— Уважаемый Игорь Трофимович, у меня интересная мысль появилась. Почему бы вам не взять меня к себе на службу? Образование специальное имеется, через кадры проводить не требуется, так как ни на звание, ни на оклад я не претендую, на свои гонорары проживу. У вас негласных сотрудников до хрена, но и толку от них столько же.

От такой наглости Ильин обомлел. Поистине, этот человек не управляет, его надо все время держать за горло, иначе загрызет. Сейчас сотрудничество предлагает, а представится возможность — пристрелит в момент.

— Ты кое-что обещал... Почему не выполнил?

— Я слово свое всегда держу. — Галей опустил руку в карман.

Ильин напряженно следил за убийцей. Галей рассмеялся и внезапно крикнул:

— Стоять, мать твою! — В руке у него оказался пистолет с глушителем.

Полковник вскочил. Охранник, стоя в дверях, рвал из-под пиджака запутавшийся в «сбруе» пистолет.

Галей спокойно положил свой «Вальтер» на стол, подтолкнул его Ильину. Повернулся к охраннику, доставшему наконец оружие, насмешливо сказал:

— Исключительно из уважения к господину полковнику я оставил вам жизнь, педерасты.

— Класс признаю. — Ильин опустил в кресло, до «Вальтера» не дотронулся. — Как тебе удалось?

— Я, Игорь Трофимович, профессионал. — Галей налил в бокал минеральной воды.

— Интересно взглянуть на человека, который тебя уволил.

— Разве человек увольняет? — Галей усмехнулся. — Будто сами не знаете, как все происходит. Исполняет чиновник, а сокращают единицу. Сейчас, извините, я спать пойду, а вы решайте, как дальше жить будем. И мой вам совет: данную пушку в свою контору на экспертизу не высылайте, а то жизнь себе сильно усложните. Не имел же я два «Вальтера» одного калibra.

Галей поднялся на второй этаж. Ильин сидел у камина, размышлял. Борис, конечно же, прав, отдавать «Вальтер» экспертам нельзя. Они отстреляют пистолет, проведут сравнительную экспертизу и установят, что «Вальтер» в розыске. Информация, что найдено оружие, из которого убит депутат Сивков, может уйти на сторону. Какой-нибудь выскочка, стремясь выслужиться, обязательно доложит верхам.

«Хорошо, с пистолетом повременим, — рассуждал полковник, — а что делать с Галеем? Его предложение заманчиво... Сегодняшней ночью жизнь не кончается, а парню цены нет. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца».

Полковник Ильин не заметил, как перестал называть убийцу убийцей, и отношение контрразведчика к Борису Галею в корне изменилось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

У Бардина оказался микроинфаркт, и врачи не разрешили ему переехать на квартиру, держали в госпитале, боялись нервной встряски и рецидива. На похороны Ирины Гуров не поехал. Не хотел светиться перед людьми Ильина, которые на кладбище обязательно придут.

Звонил Ион Доронин. Приглашал на поминки. Получив вежливый отказ, возмутился и, заявив, что ошибся в Гурове, бросил трубку.

Звезда телеэкрана послушно «болел» радикулитом, лежал дома, Александра Турина никто не беспокоил. Он даже оскорбился, что земная слава проходит так быстро. Гуров посоветовал ему сплюнуть через левое плечо, потому что славу в отличие от

жизни можно вернуть, а радикулит — болезнь не смертельная.

Ни Галея, ни его «Жигулей» Гуров не искал. Тот факт, что труп и машина не обнаружены, доказывал: Ильин и его компания от своего замысла не отказались и наступившее затишье следует расценивать как затишье перед бурей.

И все же на кладбище Гурову поехать пришлось, но не на то, где хоронили Ирину, а в Митино, к гробу Артема Ермакова. Убили члена группы, и отсутствие на кремации Гурова и Крячко не поняли бы ни свои, ни чужие.

Друзья соблюли приличия и незаметно удалились.

— Он был нормальный парень, — вздохнул Крячко, усаживаясь за руль своего «мерседеса». — Честен, служил, как положено.

— Откройся Артем мне, остался бы жив, — ответил Гуров и поспешно добавил: — Извини, ты, конечно, прав. Мальчик служил своему начальнику. Думаю, покойный этого подонка никогда в глаза не видел. Ничего, придет время, мы убийцу достанем. Нас политика не касается, мы обязаны людей охранять...

— Не грызи себя, всех людей охранить и всех убийц достать невозможно. — Крячко вырулил на окружную.

— Я не про всех, я только о своих собственных пекусь. Поедем ко мне, Станислав, помянем парня согласно христианскому обычаю. Он свою службу нес исправно, мы на него обиду держать права не имеем...

Особый цинизм происходящего усугублялся тем, что розыск убийцы Артема Ермакова взяли в свое производство сами убийцы.

— На следующий день Гурову позвонил Ион Пантелеевич Доронин.

— Извини меня, Лев Иванович, — сказал он сильным голосом. — Конечно же, я не прав...

— Да ладно, случается, — ответил Гуров. — Как здоровье? Что-то ты сипишь больно.

— На кладбище просквозило, затем поддал, теперь отхожу. Может, заглянешь на чашку чая? Помню, я тебя как-то приглашал в гости, чтоб ты взглянул, как жирно живут народные избранники. Я ведь после кончины супруги совсем один. Сейчас тяжело мне, выбери часок...

— Договорились, сегодня буду. — Гуров положил трубку, пояснил Крячко: — Доронин... Вроде приболел, на чай зовет.

— Двигай, тортик купить не забудь.

Доронин встретил гостя, кутаясь в огромный женский платок.

— Раздевайся, проходи... — Хозяин ушел в комнату.

Еще подъезжая к дому, расположенному в одном из переулков Замоскворечья, Гуров обратил внимание на грязь и запустение. Подъезд и лестница были не чище. Такие трущобы Гуров в основном видел во времена работы в МУРе.

Гуров оглядел маленькую полутемную прихожую, дощатый, давно не крашенный пол. Прошел следом за хозяином и оказался в просторной светлой комнате, уставленной старинной мебе-

лю, с двумя огромными окнами и высоченным лепным потолком.

Доронин сел в кресло-качалку, подобрав пестрый платок. На столе перед ним лежала ультрасовременная кинокамера.

— Ты по-англицки понимаешь? — Ион кивнул на яркую, из глянцеvitой бумаги книжицу, видимо, инструкцию. — Увлeкся на старости лет, а чего нажимать — не пойму. Присаживайся, сейчас чай пить будем. Я завязал, трезвенник теперь. — Он тяжело поднялся и отправился на кухню.

Гуров осмотрелся. На одной из стен висело несколько фотографий. В старинных рамках красного дерева были изображены, судя по прическам, покрою одежды, родители нынешнего депутата.

Одна фотография оказалась сравнительно недавнего происхождения. Некрасивая молодая женщина натянуто улыбалась, но глаза у нее были замечательные: огромные, с легкой грустинкой. Это, конечно, жена, понял Гуров. Он слышал, что молодая женщина скоропостижно скончалась от инфаркта. Трагедия произошла во время предвыборной кампании Иона Доронина. Тогда он даже хотел снять свою кандидатуру. Но друзья и команда поддержки уговорили его не делать этого, справедливо рассуждая, что в такой тяжелый период жизни опасно оставаться одному. А людская суета, дела да заботы помогут Иону пережить тяжелую потерю.

Хозяин принес чайник с кипятком, выставил на стол большие фарфоровые чашки, серебряную сахарницу и тарелочку с печеньем.

Гуров молча пил кофе, давая возможность хозяину самому начать разговор, объяснить, почему после столь резких высказываний он пошел на мировую и чего желает услышать от него, грешного.

Гуров и Крячко, как обычные чиновники, отписывали необходимые бумаги и чуть ли не впервые в жизни привели в порядок свою канцелярию. Оперативники, привыкшие сутками держаться на пределе нервного напряжения, получили передышку. Так во время войны отдыхают солдаты, когда их часть выводят из окопов для переформирования, и люди расслабляются, хотя прекрасно знают, что завтра их вернут в окопы на передовую линию.

Дошло до того, что Крячко принялся разгадывать кроссворды, а Гуров с удовольствием помогал ему отгадывать слова позаковыристей. И вот, когда они решали очередной кроссворд, зазвонил давно молчавший телефон.

— В ружье! — прокомментировал звонок Крячко.

Гуров снял трубку и только успел сказать:

— Здравствуйте, вас...

Договорить ему не дали, знакомый голос перебил:

— Срочно подъезжай на стоянку перед «Известиями». —

И трубку повесили.

— Накаркал! — Гуров поднялся. — Будь на месте, готовь свое ружье...

Машины у «Известий» было, как всегда, много. Не успел Гуров воткнуть свои грязные «Жигули» между сверкающими черными «Волгами», как передняя дверца открылась и рядом уселся полковник Еланчук.

— Здравствуй, рад тебя видеть.— Гуров пожал тонкую руку разведчика.— Я уж подумал...

— Я в Европе,— перебил Еланчук.— Выдворили из Москвы в двадцать четыре часа. Звонить тебе запретили. Сегодня улетаю назад. Заскочил в контору, взял ответ на мой запрос месячной давности.— Он протянул Гурову конверт.— Оказалось, что твой приятель совсем не тот человек, за которого себя выдает. Если ты с данным материалом проколешься, меня мгновенно ликвидируют. Удачи.

Еланчук выскользнул из машины и через несколько секунд затерялся в людском потоке. Гуров не спеша убрал конверт во внутренний карман пиджака, закурил. Только выкурив до конца сигарету, тронулся с места.

Вернувшись в кабинет, Гуров закрыл дверь на засов и сел на свое место.

Крячко решал кроссворд, на происходящее не реагировал. Быстрое возвращение, засов на двери, изучение какой-то бумаги — все свидетельствовало, что Гуров схватил секретную информацию. А оперативники даже ближайших друзей о секретах не спрашивают.

Гуров читал копию с документа, в правом верхнем углу его стоял штамп: «Совершенно секретно», — а весь лист по диагонали пересекала темная полоса. Гуров знал, на оригинале эта полоса красного цвета.

Прочитав текст, сыщик скомкал бумагу. Положил в пепельницу и поджег.

По сложившейся оперативной обстановке на запрос Еланчука должен прийти лаконичный ответ: «Не значится», «Не проходит». Что мы имеем? Человека за связь со мной высылают из страны, в то же время отвечают на его запрос в полном объеме. И такая бумага лежит в канцелярии чуть ли не месяц. Бардак, да и только! В такой конторе правая рука не знает, что делает левая.

И как только Еланчук решился снять копию и мне передать?

— Я когда такие сцены на экране вижу,— сказал Крячко, вытряхивая пепел и вытирая пепельницу,— всегда думаю, ох, гонится за эффектом киношник! Чего жечь, когда можно порвать и в унитаз? Знаешь, почему бумага горела плохо? Ее в Финляндии изготавливали. Финны такие дотошные, чего ни делают, все на совесть.

— Ты помнишь, как Василий Иванович описывал мужчину, подсевшего к мадам Бардиной в машину?

— Особенно удачно получилось описание кисти руки,— ответил Крячко.— Ты намерен в кабинете Петра обмолвиться, что догадываешься, кто был сутулый незнакомец...

— Я полагаю, что его используют втемную, хоть и злодей, но

одновременно и жертва. Оказалось, он фигура центральная. Убийца. Так что нам предстоит перестраиваться. Первым делом убедить шефа принять участие в предстоящих событиях, чтобы обязательно надел форму. Нам необходим генерал. Что ни говори, а золотые погоны на людей действуют магнетически. Ну, надо помочь телезвезде Александру Турину, пусть перестанет «болеть», покажется на людях. Иначе его неожиданное явление в финале расценят неверно.

— Очень интересно, как, находясь в первых рядах толпы, убийце удастся достать пистолет и прицелиться? — задумчиво произнес Крячко. — «Вальтер» с глушителем не авторучка, не трость в конце концов.

— Мне тоже интересно, — признался Гуров. — В таких вопросах гэбэшники нас опередили...

— Спецслужбы защищают государство, а менты — человека. Ну, гений, решай, что мы теперь делать будем? А я позволю пока, напомню нашему приятелю, что мы живы и здоровы.

Крячко разговаривал по телефону. Гуров, думая о полученном сообщении, небрежно листал газету с нерешенным кроссвордом и неожиданно наткнулся на карикатуру. На ней были изображены четыре лошади, соревнующиеся в бешеной гонке. Над каждой лошадкой развевался флаг с надписями. Две первые именовались: «Президент» и «Премьер», — чуть поотставшая несла флаг со свастикой, в шаге за ней мчался явно молодой жеребец. На его флаге было написано: «Люди, будьте бдительны», — и подпись — Вадим Суриков. Под копытами первых трех лошадей корчились умирающие люди, а Суриков скакал по ржаному полю.

— Да, да, понял. — Крячко положил трубку, кивнул на газету, спросил: — Ну как?

— Меня политические интриги не интересуют. Я офицер криминальной полиции. Сыщик.

— Кстати, в субботу перед зданием мэрии состоится митинг. Организует его партия Бисковитого и примкнувшие к ней. Наши демократы совсем руки опустили, инициативу отдали.

— Митинг у мэрии — место подходящее... — Гуров задумался.

— Суббота, пятнадцать часов. Собираться начнут за час, а то и раньше. Сегодня у нас вторник, отправляйся к Петру, докладывай.

Полковник Ильин, сидя за столом в своем служебном кабинете, поглядывал на расположившихся вдоль стены оперативников недовольно.

— Господа-товарищи офицеры, дела у нас, прямо скажем, дерьмовые. Приказы руководства обсуждать не положено, но я не только начальник, но и человек, потому говорю с вами полюдски. Мы контрразведчики, а используют нас словно вертухов из охранки. Я этим крайне недоволен. Отлично понимаю, как не довольны и вы. Нас обязали бороться с коррупцией и организованной преступностью? Обязали. Значит, должны данный приказ выполнять. По поводу субботнего мероприятия наш генерал тоже не прыгает от радости, однако пойдет сам лично.

— На трибуну...

— Под охрану ОМОНа!

— А нам в толпе бока намнут или морду набьют.

— Офицеры, профсоюзное собрание окончено. — Голос Ильина зазвенел, оперативники приумолкли. — В верха поступил сигнал, что на митинге готовится теракт. — Полковник, лично готовивший убийство, продемонстрировал отличные актерские данные: беспомощно развел руками, как бы говоря, мы люди маленькие, нам приказывают, мы выполняем. — Кто собирается совершить, покрыто тайной. Наше дело на митинге присутствовать и предотвратить. Ну а если, не дай Бог чего, преступника задержать. Площадь, конечно, будет набита ментами, вы осторожнее, без эксцессов.

— Господин полковник, разрешите вопрос? — поднялся парнишка, недавно назначенный в отдел.

— Спрашивай, если невтерпеж.

— Почему бы нам с ребятами из угро не собраться в субботу утром, не познакомиться? Разделить площадь, хотя бы условно?

— Если мы начнем с ментами тесно сотрудничать, то в один прекрасный момент нас с ментами соединят в одно управление. Это означает: проведут сокращение, переведут в подчинение МВД, уменьшат оклады. — Ильин посмотрел на Павла Кулагина, скривил губы. — Твой пацан?

— Так точно, господин полковник!

— Объясни ему, чтобы не задавал дурацких вопросов. Все свободны.

Оставшись один, Ильин долго сидел неподвижно, размышляя о развивающейся операции, клял и правых, и виноватых. Многолетняя служба давно избавила его от сентиментальности, но до последнего времени он строго соблюдал правила, в частности, защищал своих подчиненных, если они выполняли его приказы исправно.

Артем Ермаков служил неплохо, особых заслуг не имел, но в соперничестве с Гуровым принес ощутимый результат. Парня ликвидировали без ведома полковника Ильина. Раньше такое было просто невозможно. Сегодня же, когда службы разделились и образовались самостоятельные отделы, подчиняющиеся неизвестно кому, полковник даже не знал, какая служба конкретно ликвидировала Ермакова.

Ильин, поняв, что Гуров парня раскрыл и играет с ним в кошки-мышки, доложил об этом генералу.

— Значит, парень спалился? Нам совершенно ни к чему выслушивать обвинения МВД, что мы негласно внедряем своих людей в их службу. Твой парень стал нам не нужен, главное — опасен.

Ильин пытался объяснить, что Артем и так продержался в группе Гурова черт знает сколько времени. И никакой вины его в том, что опытейший сыщик в конце концов ситуацию просек, нет. За свое выступление Ильин получил выволочку. Его обвинили, что он боится какого-то паршивого мента, а начальство не желает слышать даже имени этого сыскаря.

Таким образом, участь Артема Ермакова была решена. Ильин

в очередной раз получил по физиономии. Виновен во всем этом вновь оказался полковник Гуров.

Ермаков в свое время доложил Ильину, что сыщик написал нечто вроде завещания в нескольких экземплярах, которые в случае смерти Гурова попадут в газеты и канцелярию Президента.

Ильин долго обдумывал сообщение. Похоже, сыщик элементарно блефует, страхуясь от покушения. Ведь будь у Гурова конкретный компромат против опасных конкурентов, то переслал бы его по адресам, не ожидая выстрела. Такое решение вполне логично. Гурова можно спокойно вывести из игры, даже не убивать, просто отправить в госпиталь. Но, с другой стороны, он может обладать компроматом не вполне достаточным, пока жив и здоров. А в случае его смерти те же факты, требовавшие тщательной проверки, мгновенно могут превратиться в неоспоримые доказательства.

Ильин, окончательно запутавшись, твердо решил против Гурова лично ничего не предпринимать. Сегодня, совершенно неожиданно, его вызвали на ковер и спросили:

— Как мы понимаем, у вас все готово, полковник?

— Так точно, господин генерал. — Ильина неприятно кольнуло, что в обращении к нему слово «господин» опустили.

— А как поживает ваш друг, этот сыскарь из ментовки, запомятовал фамилию?

— Служит.

— Так вот, чтобы в субботу на митинге сыщика не было. Судя по его шустрости, нам неожиданности и сюрпризы совершенно ни к чему.

Вспоминая утренний разговор, Ильин про себя матерился. Легко же руководство раздает задания. Интересно, как полковника Гурова не пустить на митинг? Туда свободно только ленивый не приходит... Господи! Может, организовать автомобильную аварию? Нет. Времени на подготовку все равно не хватит, о таком деле предупреждают не за сутки.

Ильин, снова выругавшись, открыл лежавшую перед ним тоненькую папочку. Конечно, это сопли, а не компромат, но лучшего не имеется. Он снял телефонную трубку и позвонил в городскую прокуратуру.

Генерал Орлов выслушал Гурова, взглянул на привычно молчавшего Крячко:

— А что, если нам не ввязываться? Пусть свершится Божья воля, правительственные чиновники и контрразведка копаются в своей грязи. Главк уголовного розыска не обязан присутствовать на митинге. Лично я не имею никаких указаний по данному поводу.

— Я тоже, как каждый россиянин, полагаю — раз мою хату не трогают, так и сиди на печи, — подал голос Крячко.

Гуров молчал. Орлов на злые слова Станислава не обратил внимания.

— Что имеем? Исчез киллер. Что полагаем? Киллера используют для громкого политического убийства. Таковы факты, все

остальное — домыслы. — Орлов помолчал, затем обратился к Гурову: — Твоего телевизионщика никто не тронул и трогать не собирается. Я его из-под домашнего ареста освободил.

Гуров быстро взглянул на Крячко. Орлов взгляд перехватил, насушился.

— Снова секреты, — буркнул он недовольно, вынул из папки бумагу, протянул Гурову. — Телефонограмма из прокуратуры, тебя приглашают к следователю Семенюку. Завтра в двенадцать, в качестве свидетеля.

Гуров убрал телефонограмму в карман.

— Непременно буду. Так что предпримем, Петр Николаевич?

— Думать, едрена корень! Окромья думанья, у нас другого дела сейчас нет. Зачем тебя депутат в гости зазвал?

— Болеет. Скучно мужику, водку употреблять бросил, а пить чай в одиночестве не научился.

— Все! — Орлов похлопал ладонью по столу, чувствовалось, что он не столько призывал к порядку подчиненных, сколько успокаивал себя. — Шуточки оставили, иначе рассержусь. Итак, зачем приглашал?

— Не скажу, что ночи не сплю, но думаю об этом непрестанно, — ответил Гуров. — Сам не могу понять, мозги заколдобило. Ясно, не на чашку чая... Живет он скромно, привилегиями не пользуется. Не ради же демонстрации своей честности он меня пригласил? Нутром чую, что-то здесь не так...

Гуров с Крячко вновь обменялись быстрыми взглядами, и Станислав сказал:

— А если они тебя сфотографировали, хотят связать с Дорониным?

— И что это дает? О нашем знакомстве знают десятки людей. Ни фотография, ни киноплёнка ничего не прибавят. — Гуров отрицательно покачал головой.

— Оставим. Верю, ты не разобрался... Но как собираются использовать киллера, если он известен в лицо? Его рядить собираются?

— А вы, Петр Николаевич, на митинге когда-нибудь присутствовали? — вмешался Крячко. — Вы представляете количество людей и их плотность?

— Допустим, кому-то нужен лишь точный выстрел, — согласился Орлов. — Но стрелку-то собственная судьба не безразлична. Борис Галей — сумасшедший или камикадзе? — Он посмотрел на Гурова. — Ты разрабатывал человека, должен его знать.

— Галей ни за какие деньги не полезет в дело, если не уверен в своей безопасности.

— А если ему скажут: либо ты рискнешь, либо тебя закопают прямо здесь? — спросил Орлов.

— Галей сразу согласится. — Гуров неожиданно рассмеялся. — Оказавшись на площади, среди людей, он сразу полезет на трибуну, в объятия милиции. Он уверен, доказательств против него нет. Пусть держат, мурыжат, допрашивают, даже судят. Все можно пережить, а смерть пережить невозможно. Известный вам Ильин, человек опытный, все варианты просчитает не хуже нас с вами. Галей никто принуждать не станет. Он пойдет доброволь-

но, застрахованный надежней, чем в любом нынешнем банке.

— Ясно, где взлетели, там и сели. Теперь, господа офицеры, вы мне расскажите свои тайны. Гуров, ты умный мальчик и не станешь отрицать, что тайны имеются. Имеются?

— Обязательно,— легко согласился Гуров.— Но если я тебе болтану лишнего, крайним станет генерал Орлов. Ты будешь очень смеяться, но данный генерал — мой ближайший друг, а подставить своего лучшего друга я не могу...

Лицо Орлова покрылось пятнами. Крячко быстро подвинул начальнику стакан воды.

— Клянись твоим здоровьем, Петр,— твердо произнес Гуров,— что материалами, имеющими отношение к предполагаемому покушению, я на данный момент не располагаю.

Орлов облачился в генеральский мундир, секретарь Верочка крутилась рядом со щеткой.

— Отстань, егоза,— недовольно говорил генерал.— Гуров не звонил?

— Обязательно,— сверкнув зубами, ответила Верочка.— Они звонили в одиннадцать, доложили, что отправляются в прокуратуру и придут на место вовремя.

— И ты ему поверила?

Верочка хотела сказать, что Лев Иванович без острой нужды не врет, но в полуоткрытую дверь постучали.

— Здравия желаю, господин генерал! — бодро произнес мужчина лет тридцати, появляясь на пороге. И, хотя был в штатском, шелкнул каблуками.

— Здравствуйте,— ответил Орлов, но войти в кабинет не пригласил.— Кто вы и что вам надо?

— Петр Николаевич, мы срочно разыскиваем полковника Гурова.

— Гуров в прокуратуре,— коротко ответил Орлов и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Гурова в прокуратуре нет.— «Штатский» мялся на пороге.— Нам позвонили...

— А вы, собственно, кто будете? Почему не представились? Ваши документы! — Орлов говорил тоном, которого Верочка за многие годы работы ни разу не слышала.

— Виноват! — Мужчина протянул удостоверение.

Орлов развернул красную книжечку, взглянув мельком, бросил ее себе на стол.

— Я сказал, ваши документы! — побагровев, зарычал генерал.— А не милицееское прикрытие, которое вы суете под нос фраерам!

— Виноват, господин генерал! — Гэбэшник покорно протянул другое удостоверение.

Орлов внимательно изучил полученный документ, возвращая его, насмешливо произнес:

— Очумел от безделья, майор? Сейчас тринадцать часов тридцать четыре минуты. Гурова пригласили в прокуратуру к двенадцати. Полковник Гуров — старший оперуполномоченный по особо важным делам, и у него в отличие от тебя могут появиться

неожиданные обстоятельства. Ну нет в половине первого Гурова в прокуратуре! Почему следователь не позвонил моему секретарю, а сразу сообщает в контрразведку? Я проверю, звонил ли следователь в вашу контору.

— Мне приказали, я обязан...

— Очень быстро тебе приказали, слишком быстро ты явился. Все, иди. Я занят.

— Удостоверение, господин генерал.— Гэбэшник указал на стол Орлова.

— Это удостоверение сотрудника милиции. Тот, кто тебе его выдал, пусть у меня и получит. Разговор окончен. Иди.

Гэбэшник повернулся к двери, но Орлов неожиданно остановил его.

— Стой! — Генерал замаялся.— Не знаю почему, но ты, пацан, мне симпатичен... Если случайно столкнешься с полковником Гуровым, учти, я груб только на словах, а он очень груб в деле.

По связи ГАИ сообщали:

— Разыскиваются «Жигули» вишневого цвета седьмой модели, гознак номер... При обнаружении машину не останавливать, если она стоит, к машине не подходить. Срочно сообщить ее местоположение или маршрут движения дежурному.

В машине Гурова имелся аппарат связи с ГАИ, но в момент передачи, что его машина разыскивается, полковник зашел в пункт обмена валюты. Деньги кончились, пришлось обменять сто долларов, оставшиеся еще со времен службы у Юдина. Это была не последняя сотня, но доллары кончались, и вскоре Гурову предстояло жить на милицейский оклад.

«Все живут, и я проживу», — успокаивал он себя, направляясь к «Жигулям», хотя за время работы в коммерческой структуре избаловался изрядно. Он так огорчился предстоящим бытом, что не обратил внимания на двух мужчин в штатском и бойца ОМОНа в камуфляже и с автоматом. Они осматривали шикарную иномарку, стоящую неподалеку от машины Гурова. Сыщик достал ключи, представляя себе осклизлые пельмени, должны вскоре стать мечтой его холостяцкого существования, когда почувствовал: его взяли под руки. Раздался мужской голос со знакомой интонацией:

— Только без глупостей, Лев Иванович. Вас просили подъехать в прокуратуру.

Конечно, гэбэшники могли уложить Гурова мордой на асфальт, но они получили приказ только разыскать полковника милиции и доставить в прокуратуру. И хотя их предупредили, что полковника следует опасаться, оперативники не ожидали, что реакция на достаточно вежливое предложение окажется столь бурной.

Для своего возраста Гуров оказался необычайно быстр и прекрасно координирован. Гэбист еще не договорил, как сыщик, резко присев, развернулся на сто восемьдесят градусов, одновременно нанося удары. Одному штатскому досталось ребром ладони чуть ниже уха, второму ботинком по голени. Оба упали.

Получивший удар по ноге зашелся криком, другой свалился молча. Молодой омовец, вообще бывший не в курсе происходящего, единственное, что знал — задерживают старшего офицера, застыл в нелепой позе, так как ситуации просто не понял.

— Возьми свою пукалку за ремень и аккуратно опусти на землю. Иначе продырявлю тебе правое плечо, — приказал Гуров, в одной руке он держал слетевшую шляпу, в другой — пистолет.

Дело происходило в два часа дня на Цветном бульваре рядом с Центральным рынком. Секунду назад народу здесь было не протолкнуться. Но москвичи и гости столицы очень быстро за последнее время вернули себе данный им от рождения инстинкт самосохранения. Оперативники еще падали, Гуров ловил соскользнувшую шляпу и вынимал пистолет, а народ уже «брызнул» в разные стороны.

— Ты у Белого дома был? — спросил омовца Гуров, опрокидывая ногой приподнявшегося оперативника.

— Никак нет! — Омовец завороченно смотрел на вороненый ствол пистолета.

— Значит, стрелять в жилом городе не научился. Помогли начальникам, а я на секунду отъеду.

Гуров сел в свои «Жигули» и сразу же затерялся в потоке машин.

У них радиосвязь, к мэрии меня не подпустят, рассуждал Гуров, сворачивая с Цветного на Петровский бульвар. Словно подслушав его мысли, ожила внутренняя линия связи.

— Разыскиваемые «Жигули» двигаются по Петровскому бульвару в сторону Пушкинской площади.

Гуров выключил переговорник, свернул направо в переулок, выкатился к некогда родному дому, известному на всю Россию как Петровка, 38. Припарковавшись в гуще машин, пошел вдоль, разглядывая водителей, в надежде увидеть знакомое лицо. Но прошло слишком много времени с того момента, как сыщик покинул альма-матер. За рулем сидели молодые, незнакомые ребята.

Наглость — второе счастье, успокоил себя Гуров присказкой, открывая дверцу милицейского «мерседеса». Упав на заднее сиденье, протянул удостоверение к самому лицу опешившего водителя.

— Главк! Полковник Гуров. Быстро к зданию мэрии!

— Товарищ полковник, хозяина жду!

— Обернешься прежде, чем хозяин почистит ботинки! Двигай, парень, у меня особо опасный уходит.

Водитель включил мигалки, выехал со стоянки и рванул к Садовому, нарушая все, что удавалось нарушить.

У мэрии народ толпился всюю, но еще не создавая единой массы, так как трибуна пустовала, приветствовать, клеймить, да и просто глазеть было еще не на кого.

Крячко стоял с оперативниками неподалеку и наблюдал за происходящим. На легком ветру трепыхались довольно жалкие плакатики с крикливыми прыгающими буквами.

Пьяные, плохо одетые мужики, едва державшиеся на ногах,

женщины неопределенного возраста пришли сюда из ближайших кварталов просто поглазеть, вышить с друзьями...

Особую жалость вызывали ветераны войны. Почти никто из них не приколот боевых наград на одежку, и все равно их было легко определить по седине, морщинам и потерянности поведения. Они отличались молчаливой сосредоточенностью и походили на состарившихся детей, которые силятся вникнуть в происходящее, но ничего не понимают.

Стоявшая поодаль, ближе к своим иномаркам, молодежь, перебросившись с окружающими несколькими словами, быстро уходила. Они отличались не только молодостью и одеждой, но и ростом. Новое поколение обогнало отцов и матерей по всем статьям. Ребятам ничто не интересовало. У них свои заботы.

— Вот перевернется власть, возьмут вас каленым железом за больное место, враз политиками станете, — сказал кто-то из оперативников.

— Где же Гуров?

— Я же предупреждал, Леву тормознут, — объяснил старший из оперов. — В их главке не только идиоты служат, имеются такие головастики, позавидуешь.

— Гуров сейчас прибудет. — Крячко взглянул на часы.

— Лева — всего лишь живой человек, — возразил ветеран. — Так что, Станислав, хватай вожжи и правь.

Недалеке завывла сирена. Сверкнув лакированным боком, рядом с Крячко остановился «мерседес». Из роскошной машины вышел Гуров и направился к друзьям-коллегам.

— Здорово, парни. — Гуров снял шляпу. — Я так вырядился, потому что собираюсь стоять среди иностранных корреспондентов, — и приколот на лацкан пиджака карточку «Пресса».

Александр Турин шел по бесконечным коридорам Останкинского телецентра, постоянно раскланиваясь с коллегами. Стоит не ответить на чье-то приветствие, тут же начинаются обиды и обвинения в зазнайстве. Потому Турин был собран и внимателен, словно шел не полутемными коридорами, а находился перед камерой. Однако вынырнувшего из-за угла завредакцией Турин не заметил. Начальник схватил его за рукав.

— Саня, привет! Как здоровыце? — Зав смотрел цепко, испытующе. — Кто-то из великих актеров сказал, что уважительной причиной неявки на спектакль может служить только смерть.

— Я не помню автора, но убежден, великий не употреблял слова «явка». Извини, я жив. Можешь записать мне прогул.

— Черт с тобой! Учти, мы готовим для тебя материал — сенсацию! — Зав сложил пальцы в щепотку, поднес к губам и чмокнул.

— Надеюсь увидеть пленку не за час до эфира.

— Снимали не мы. Пленку привезут с минуты на минуту. Да, старина, что Бог не делает, все к лучшему. Помнишь, ты собирався сделать передачу о каком-то милиционере? Еще ругался, что тот от съемок отказался. Было? Так вот, мне передали, что он обосрался по самые уши. Но если о нем чего снято, тащи ко мне. Велено передать наверх.

— У меня о сотрудниках милиции материалов нет. А если бы и были... — Турин развел руками и пошел дальше. За спиной тихо выругались, затем крикнули: «Гуров! Его фамилия Гуров!»

Турин не ожидал услышать фамилию полковника... Резко остановившись, неожиданно вспомнил слова Высоцкого: «...Идет охота на волков... Идет охота!»

Да, встретиться с полковником в открытой схватке они слабаки. А расстрелять с вертолета смелости не хватает.

Гуров стоял неподалеку от импровизированной трибуны в группе журналистов. Крутом кипели страсти. Выступающие натужно кричали в микрофоны так, словно пытались докричаться до стоящих в задних рядах людей и еще дальше, до Кремля и далеких деревень России.

Журналисты с фото- и кинокамерами бегали вдоль оцепления, состоящего из молоденьких милиционеров и облаченных в пятнистую форму опытных бойцов. Пишущая братия вела себя спокойнее. Нацелив микрофоны на выступающих, они курили, изредка хлопали.

Гуров, засунув руки в карманы пиджака, стоял неподвижно, ни с кем не разговаривал. Не слышал ругань выступающих, слепо смотрел в лица митингующих. Где Галей? Жив киллер или уже мертв? Если здесь, то должен стоять в первых рядах... Пистолет ему не достать. А выстрелив, тем более не уйти... Зачем тут стою я? На что рассчитываю? Зачем привел людей? Он искал меня...

Изредка Гурова толкали, но он не реагировал. Журналистам надоели повторяющиеся ораторы, а уйти было невозможно — толпа перекрывала все выходы. Кто-то из скучающих журналистов обратил внимание на элегантную неподвижную фигуру.

— Извините, у вас не найдется закурить? — Молодой парень в кожаной куртке с видеокамерой в руке тронул Гурова за плечо.

— Не курю! — огрызнулся Гуров. Ему наконец-то пришла стоящая мысль...

— А сигареточку к губе для красоты прилепили?

Стоявшие рядом и прислушивающиеся к разговору журналисты рассмеялись так громко, что на миг заглушили выступающего.

Гуров сплюнул давно погасшую сигарету, вынул из кармана пачку, протянул журналисту, увидев у него видеокамеру, потянулся к ней.

— Эй, такой обмен не годится, приятель!

— Как эта штука называется? — быстро спросил Гуров, отнимая видеокамеру у растерявшегося журналиста. — А побольше они бывают?

— Как? — не понял журналист.

— Внутри она пустая?

— Приятель, ты болен, это же видеокамера!

— Извини! — Гуров оттолкнул журналиста.

Парень, возмущенный такой грубостью, хотел возмутиться, но, увидев стеклянные глаза Гурова, попятился.

Гуров вспомнил комнату Иона Доронина, старинный стол и на нем видеокамеру. Ответ на мучивший сыщика вопрос, зачем

Ион пригласил в гости, пришел сам собой. Он хотел показать полковнику видеокамеру, чтобы, увидев депутата на митинге с камерой, сыщик не удивился. И документ, полученный от Еланчука, подтверждал догадку. В сознании Гурова замелькали вопросы, затем возникла ясная и четкая картина.

Гуров снял шляпу, провел ладонью по волосам, что означало: приступаю к задержанию, создайте коридор для отхода. Оперативники утро, разуверившиеся в успехе проводимой операции, уже давно не сводили глаз с этой шляпы. Розыскники, буравя толпу, бросились к Гурову. Они не имели понятия, кого и как будет брать полковник, их задача — вывести сыщика к стоящим неподалеку машинам.

Орлов разговаривал с молодым, очень важным человеком, имени и должности которого не знал, но безошибочно определил, что парнишка — лицо приближенное. Генерал слушал его болтовню о переустройстве столицы, поглядывал на стоявшего неподалеку Гурова и, когда Лева снял шляпу, буркнул:

— Извините! — Но не последовал за кинувшимися в сторону Гурова, а начал продвигаться в сторону машин.

Осознав картину происходящего, Гуров быстро нашел взглядом Иона Доронина, находившегося внутри оцепления, неподалеку от ораторов. Гуров не знал, сколько у него времени.

К микрофону вышел Владимир Бисковитый, вскинул руки, словно футболист, забивший победный гол. Толпа заревела и зашвистела. Рядом с фюрером суетился громила-охранник, зачем-то поднявшийся с шефом. Теперь, оправдывая свое присутствие, он начал передвигать микрофон, крутить его тонкую шею, так как предыдущий оратор был повыше Бисковитого.

Гуров понял, что опаздывает. До Доронина оставалось метров десять, но журналисты и охрана сгрудились в такую плотную массу, что каждый шаг давался с трудом. Полковник наткнулся на здоровенного парня-охранника. Уступать дорогу он не собирался, с насмешливым вызовом ковырнул пальцем карточку «Пресса» на груди полковника. Тот, упершись взглядом в глаза охранника, еле слышно произнес:

— Отойди, когда буду выводить, прикрой.

Скрежещущий шепот сделал свое дело. Охранник отодвинул рядом стоявших, пропустив Гурова, двинулся следом. Парень не сомневался, что мужик в шляпе очень большой начальник.

Ион Доронин поднял камеру, навел на Бисковитого, вдавил красную кнопку до упора. В этот момент его толкнули, жесткие пальцы сдавили горло.

Произошло одновременно несколько событий. Позади здания мэрии ударила автоматная очередь. И хотя стреляли далеко, и никакой опасности не было, люди испугались, шарахнулись от трибуны. Тем более что находившиеся близко к трибуне увидели, как, неловко взмахнув руками, начал падать стоявший рядом с Бисковитым громила-охранник.

— Помогите, подхватите за ноги! — скомандовал Гуров. Сорвав с шеи шарф, обернул выпавшую из рук Доронина камеру, сунул себе за пазуху.

Гуров и здоровенный парень выволокли бесчувственного Дор-

нина с трибуны и оказались перед жиденьким оцеплением, отделявшим «простой» народ от избранных. Люди уже не рвались дружно к трибуне, а толкали и колошматили друг друга. Стоявшие впереди стремились уйти, а находившиеся сзади проталкивались вперед, им интересно было узнать, что же происходит.

Гуров со своей ношей оказался как бы на нейтральной полосе. Склонился над Дорониным, опасаясь, не сломал ли ему в горячке позвонки. Депутат шевельнулся, приподнял голову. Гуров облегченно вздохнул, и тут рядом с его ботинком впиалась туля. Теперь охотятся за мной, понял Гуров и, не зная, что предпринять, растерялся. «Ведь не закрывать же собой?» — в отчаянии подумал сыщик и услышал знакомый голос:

— Спокойно, Лева. — Сверкая генеральскими погонами, рядом возник Орлов.

Через оцепление проталкивались оперативники, их было немного, но они создавали для стрелка непреодолимую преграду. Плотнo обступив Доронина, понесли его к машинам.

Подошел Павел Кулагин, с ним еще два парня, перехватив настороженный взгляд Гурова, майор контрразведки сказал:

— Не бойсь, Лев Иванович, свои. Не знаю, кого ты волочешь, но верю: Акела не промахнулся. Кажется, так говорят у вас в группе?

— Паша, мы с тобой одной крови, ты и я, — ответил Гуров.

Когда началась заваруха, Крячко находился на другой стороне площади. Сейчас, подбежав, он двигался впереди генерала Орлова, громко повторяя:

— Господа-товарищи, пропустите, человеку плохо, счет идет на секунды!

Пришедшего в себя Доронина усадили в «Волгу», подперев с двух сторон оперативниками, рядом с водителем расположился Орлов.

Гуров, Крячко, еще несколько человек из розыска внимательно осмотрелись. Орлов приоткрыл дверцу:

— Благодарю за службу! — И машина тронулась.

— Нам будет не так комфортно. — Гуров открыл дверцу второй «Волги». — Но вы меня берегите, главный и единственный вецдок у меня. Что бы ни случилось, камеру доставьте Орлову.

Под недовольное ворчание водителя оперативники набились в машину и без происшествий доехали до министерства.

— А где же главный? Чью карточку ты там показывал — молодой, лобастый, с прижатыми ушами? — любопытствовал Добродеев.

— Того малого мы уже не увидим. — Даже стоя у здания МВД, Гуров настороженно оглядывался. — Парни, два дня на передачу материалов в прокуратуру, затем вновь собираемся у меня. Прошу, не приносите с собой горячительного, — кивнул он на стоявшего рядом Крячко: — Станислав богатенький, побеспокоится.

Распрощавшись с коллегами, Гуров и Крячко прошли в Министерство. Оказавшись в лифте одни, Станислав спросил:

- Я что-то не пойму, он что же, из камеры стрелял?
- Камера не стреляет, умница. Но изготовить из нее кобуру для пистолета специалисту несложно.
- А как ты догадался?
- Выходи, приехали. — Гуров вытолкнул друга из лифта.

ЭПИЛОГ

«Видеокамеру» вскрыли. Внутри, как и предполагалось, был вмонтирован «Вальтер» девятого калибра. Эксперты установили, что камуфляж изготовлен не кустарным способом, видимо, иностранного происхождения, но рассчитан на пистолет меньшего размера, так что русским умельцам пришлось слегка потрудиться, вгоняя «Вальтер». Ствол пистолета уложили в объектив, а выходное отверстие закрыли специальной пленкой, со стороны очень похожей на стекло. В общем, изготовлено по классу люкс...

Отпечатки пальцев Иона Пантелеевича Доронина обнаружили на футляре в большом количестве.

Охранник, схвативший пулю, предназначенную Владимиру Бисковитому, оказался лишь ранен, жизни его ничто не угрожало. Таким образом, Доронину могли предьявить только покушение на убийство. Контрразведка мгновенно устранилась: дело не наше, милиция задержала преступника, следствие ведет прокуратура, коррупции или организованной преступности не наблюдалось, стало быть, наше дело сторона.

Тело Бориса Галея обнаружили в принадлежавших ему «Жигулях». Машина, потеряв управление, вылетела с окружной и разбилась об опору моста. Чтобы извлечь труп, ее резали автотеном.

Человека, стрелявшего в Доронина во время его задержания, не нашли да, по правде сказать, и не искали.

Баллистическая экспертиза дала однозначное заключение: убийства М. М. Карасика и В. С. Сивкова совершены из изъятого у Доронина «Вальтера». Но Ион Пантелеевич во время совершенных убийств имел стопроцентное алиби.

На первом допросе в прокуратуре Доронин туго молчал, на другой день заявил, что занимался лишь видеосъемкой и ни о каком пистолете понятия не имеет. Когда следователь доходчиво объяснил, что Доронин городит чушь, последний впал в истерику, начал «косить» на сумасшествие.

Гуров хотел встретиться с арестованным, но, узнав о его поведении, махнул на все рукой, пришел к Орлову:

— Уволь, Петр Николаевич, я данным делом больше не занимаюсь. Мавр сделал свое...

— Я тебя понимаю, однако одобрить не могу. Ты же отлично знаешь, сколько «хвостов» у данной истории. Вот ты от прессы скрываешься, а меня они рвут на части. Твой друг, телезвезда, требует эксклюзивного интервью...

— Дорогой друг и начальник. — Гуров опустился в низкое кресло для гостей. — Требовать Саша Турин у меня ничего не может. Пусть снимает тебя. Генерал Орлов в полный рост встал над задержанным и закрыл обзор снайперу. Если будешь особо

приставать, я растроблю о данном факте на всех углах, тогда поймешь, что такое газеты и телевидение.

— Лева! — Орлов взмахнул руками. — Наивный голубоглазый мальчик докатился до шантажа!

— Пока только самооборона. Петр, давай жить мирно. Лучше я расскажу, что скрывал от тебя в последние дни.

— Ну? — Орлов оперся на стол кулаками, положив на них подбородок, и стал походить на сфинкса.

— Я получил сообщение: судя по всему, Доронин убил свою жену, а за два года до этого убил собственную мать. Женщины скончались якобы от инфаркта. Обе ранее никогда на сердце не жаловались. Вскрытие не производили, тела кремировали. Смерть матери — полный мрак, а с женой произошло иначе. Когда она скончалась, Доронин избирался, уже был на виду. И случайно, а может, и нет, возле ее тела оказался опытный сотрудник спецслужбы и на глазок, по запаху, определил цианид. Врач настаивал на вскрытии, но на него надавили, эскулап написал: «Инфаркт», — и исчез. А Доронин попал в надежные руки. Видимо, то, что вытворяет герой следствия, не такой уж блеф.

— Доронина завербовали?

— Нет. Однако секретная справочка на него имеется, нам ее никогда не покажут, я видел лишь копию.

— Чего молчал?

— А зачем тебе знать все мои источники?

— А то я не догадываюсь.

— Ты молчишь, я молчу, жить надо дружно. Некто задумал многоходовую операцию. Необходим был скандал, убийство фашистского лидера из пистолета, бывшего в употреблении много раз. Полковника Ильина и нашего с тобой шефа Бардина использовали втемную. Ты знаешь лучше меня, что в окружение Президента не проникнуть, клубок не распутать, вдохновителя и организатора происшедшего не выявить.

— Складно излагаешь и без бумажки. Значит, ни министром, ни тем более Президентом тебе не быть.

— У меня есть и другие недостатки, — рассмеялся Гуров. — Жаль, я с тобой тогда не поспорил. Ты утверждал, что нас запросто втемную использовать могут.

— Не нас, а тебя, — поправил Орлов.

— Мы с тобой одной крови, ты и я! — возразил Гуров.

Мансур

Закиров

У пермского художника Мансура Закирова — несмотря на то, что ему еще нет и 27 лет, — очень трудная судьба. И это не просто слова, потому что нет и не может быть ничего трагичнее в жизни живописца, если вдруг начинают слепнуть его глаза. Мансур перенес уже несколько операций, болезнь немножко даже притормозила, но один глаз он все-таки потерял. Несмотря на выпавшие на его долю страдания, он сумел закончить в своем родном городе художественно-графическое училище, поработал профессиональным художником в ПТУ, а четыре года назад все бросил и, как сам говорит, «стал торопиться жить».

— Я тогда отчетливо понял, что пора начинать самостоятельный путь, пора создавать что-то свое, пора найти собственный почерк и пластический язык.

Эти искания молодого художника пришлись как раз на трагиче-

ское лето 91-го года, и он создает серию картин, перекликающихся с московскими событиями, под названием «Зловещая тишина, или Рождение Дьявола».

Затем Закиров создает новую, не менее впечатляющую серию работ, которую сам называет «хулиганской». В ней он попытался, конечно, не первый из художников, отобразить те страшные, мерзкие пороки, что пронизали наше общество в последнее время. Народ, поднявшийся из грязи, в картинах Закирова предстает в образах матросов, матрешек, великих покойников, святых, известных поэтов и писателей, женщин с нимбом и в кокошнике, — и все они выбираются из пучины грязи наверх, к свету. Пусть персонажи этих картин выполнены иногда в абстрактной, а иногда и некой символической манере письма, но внимательный зритель отчетливо выделит на полотне переживаемый художником образ и обязательно отметит, что изображен он чистой и честной рукой. А непосредственность восприятия этих образов самим художником органически сплавлена с его философским созерцанием нашей тревожной, а порой и трагической действительности.

Летом прошлого года у Мансура Закирова прошла персональная выставка в известной московской галерее «Та-Ис». Отзывы об этой выставке были самые разные — от откровенно хулигельных до сдержанно восторженных. Ни те, ни другие никак не повлияли на молодого художника — работоспособность и энергия его бьют ключом, он по-прежнему осознает мир таким, каков он есть сегодня, а самое главное — отчетливо знает, кто он есть в своем искусстве и на что способен.

БОРИС ЛЕОНИДОВ

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Пуст дом без детей

┌ «...А в руке у него пистолет»

┌ Пишу не только для того, чтобы рассказать о себе, — втайне, в уголке души надеюсь, что кто-нибудь поможет. Дело в том, что мы с мужем хотим иметь ребенка, хотим слышать в нашем доме детский смех, хотим обрести родительское счастье, но, к сожалению, у нас нет своих детей и уже не будет.

Нам 33—35 лет, материальных трудностей не испытываем, имеем большое подсобное хозяйство — все продукты со своего двора, со своего огорода. У нас хороший, светлый дом. Но этот дом пуст без детей...

Мы уже давно решили усыновить ребенка и по наивности думали, что сделать это просто, раз есть дети, которым нужны мама и папа, и есть мы, которые отдадут все, что есть, обиженному судьбой ребенку. Малыш обретет семью, мы — долгожданного ребенка, государство сэкономит деньги и получит нормального гражданина.

Мы обращались в разные инстанции, писали письма и ездили сами, но пока безрезультатно. Во многих местах с нами вообще не хотели разговаривать, письма оставались без ответа. Доходило до абсурда: когда мы обращались в соседние области, нас называли иностранцами и выпроваживали вон. Там же, где нас все-таки принимали

и выслушивали, в группах детей дошкольного возраста в 20—30 человек не находилось ни одного, которого можно было бы отдать в семью: каждый ребенок из-за множества причин не подлежал усыновлению. А ведь мы не привередливы, мы бы взяли необязательно грудного, как многие хотят, а и четырех-, пятилетнего, словом, любого малыша дошкольного возраста. Мальчик или девочка — для нас тоже не столь важно.

Когда мы обращались непосредственно в детские дома, дома ребенка, нас посылали в управления народного образования, в отделы по опеке, а те отфутболивали к директорам детских домов или показывали список очередников на усыновление на пять — шесть лет вперед... Получается какой-то замкнутый круг, из которого мы никак не можем найти выхода. «Зачем вам это нужно?» — слышали не раз от работников РОНО. Но мы-то насмотрелись на дошколят в детских домах, помним их глаза, полные ожидания и боли, и знаем, что так и останутся они в детдомах, не согретье домашним теплом и любовью. Кто из них вырастет?

У нас есть знакомые «по несчастью», которые все-таки смогли усыновить детей, но

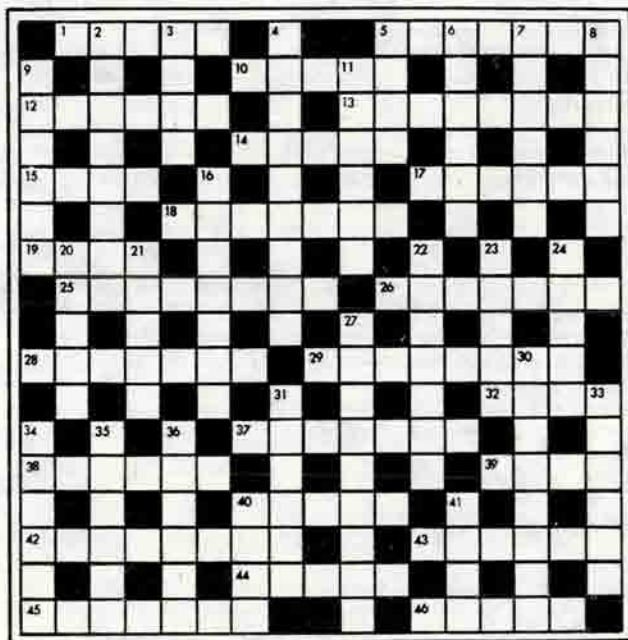
только мы знаем, через какие мытарства они прошли. Почему? Почему чуть не ежедневно по телевидению рассказывают о несчастных судьбах детей-сирот, а когда находятся люди, которые хотят взять этих сирот под свое крыло, они сталкиваются с такой системой, которую никак не пробить? Я ни в коем случае не хочу обидеть всех работников этой системы — мир не без добрых людей. Но наш личный опыт удручает. Я надеюсь, что вы напечатаете мое письмо и адрес и найдутся люди, которые поймут меня, помогут нам с мужем стать счастливыми родителями, а ребенку обрести любящих папу и маму. Наша судьба сейчас в ваших руках. А пока наш дом пуст без детского смеха...

ЗОЯ КЛЮЧИНСКАЯ,
476055, Казахстан, Кокшетауская обл., Келлеровский район, с. Макашевка

Как-то вечером поехала я известить больную подругу, которая живет в центре города, в одном из престижных домов. Подхожу к подъезду, вижу, что у тротуара останавливается иномарка и из нее выходит молодой человек. С иголочки, так сказать, одет, ботинки блестят — для наших мужчин это такая редкость, что я невольно именно на это обратила внимание. Словом, вхожу в подъезд, молодой человек за мной. Нажимаю кнопку лифта, а поскольку я была с сумкой-тележкой, то обернулась, чтобы вкатить ее в лифт, не зацепившись, да и не помешав человеку. И тут вижу: в руке у него пистолет, которым он мне как бы указывает, дескать, поезжай, да побыстрее, а сам стоит и по сторонам зыркает. Поскольку я оружия отро-

дять «живьем» не видела, то както и не испугалась. Может, потому, что я, пенсионерка с минимальной пенсией, никогда не думала, что кто-то позарится на такой «объект». Все произошло моментально: я вошла в лифт, владелец пистолета за мной не ринулся, двери закрылись. Слышу только, что он понесся вверх по лестнице. Приехала на нужный этаж, позвонила, и когда подруга впустила меня — тут, пожалуй, и испугалась. Рассказываю: об этой жути, а она смеется: «Да никто на тебя не покушался, просто так директор магазина домой возвращается. Извини, забыла тебя предупредить — он недавно тут квартиру купил. Мы-то все уже знаем: сначала появляется один охранник — и бегом по лестнице, потом второй — в лифт, а уж следом — «хозяин» и охранник сзади». Когда пришла я в себя, мы еще и пожалели «бедняжку». Да пропади пропадом любое богатство, если так жить приходится! Попав в квартиру живым, одно и остается — напиться. Вот только с радости или с горя?

Н. И. КИРИЛЛОВА,
Москва

1. Гавань Древнего Рима. 5. Течение реки, примыкающее к устью. 10. Стекло с фокусом. 12. Королевское начало с жертвой. Бывает принятым и отказанным. 13. Самый отчаянный среди воробьиных птиц защитник гнезда. 14. Музыкальный инструмент из хрустальных колоколов, звучавший на фонтанах Петергофа. 15. Любимый деликатес А. Дюма. 17. Скульптор, создавший колесницу Славы и рельеф «Освобождение Москвы» для Триумфальных ворот. 18. Болгарский певец, чей голос напоминает Шаляпинский. 19. В романе И. Тургенева «Новь» господа «размазисты, как...». 25. Танец «лисий шаг». 26. Металл. Полупроцентная добавка его к бронзе или латуни придает им свойство стали. 28. Танцевальная поза на одной ноге. 29. Шелковичная труженица, делающая, чтобы сплести кокон, триста тысяч движений. 32. Египетская богиня, кормившая грудью двух крокодилчиков. 37. Подмосковная деревня, где на подносах расцветают небывалые цветы. 38. Кристаллическое вещество, используемое для опознания спиртов и фенолов. 39. Автор литературной декларации «Почему мы «Серрапионовы братья». 40. Знаменитый француз, чьей первой самостоятельной книгой были «Философские мысли». 42. Самый музыкальный из сверчков. 43. Обманщица жуков. 44. Орех с плавающими пузырями. 45. Оса, чьи гнезда ради уничтожения мух фермеры США раньше вешали в столовых.

46. Японский завтрак в коробочке, который берут дома или покупают по дороге на работу.

По вертикали.

2. Латинская американская защитница от солнца. 3. Библейский пророк, предсказавший царю Ахаву трехлетнюю засуху и голод. 4. Прибор с первоначальным названием «флеа глассер» («блошиное стекло»). 5. Название нахала, какое можно встретить в «Мертвых душах» Н. Гоголя. 6. Русский силач, на чьих плечах помали телеграфные столбы. 7. Представитель древнегерманского племени, известного грабежами и захватами. 8. Математик, чьи «Начала» выдержали более пяти сот изданий. 9. Ипостась Чайльд-Гарольда в поэме Байрона. 11. Светопропускник. 16. Тип образности в произведениях Х. Босха, П. Брейгеля. 20. Бесшквивный морской блок. 21. Физик, построивший кабельную телеграфную линию Петербург — Царское Село. 22. Людмила в «Джентльменах удачи» (актриса). 23. Бельгийский город, по которому назван сладкозвучный колокольный звон. 24. Страна, где более двух тысяч лет назад делали кокс. 27. Глухая крапива. 30. Самоцвет. Ограниченный можно спутать с бриллиантом. 31. С гирей, а не весы. 33. Художник. Нарисовал светлую мантию на картине Джорджоне «Спящая Венера». 34. Старинный польский и украинский кафтан. 35. Места в театре, которые в XVIII веке во Франции были закрыты сетками. 36. Мебель возле камина в романе М. Лермонтова «Княгиня Лиговская». 40. Содержимое ягдташа. 41. Источник сабура, сильного слабительного.

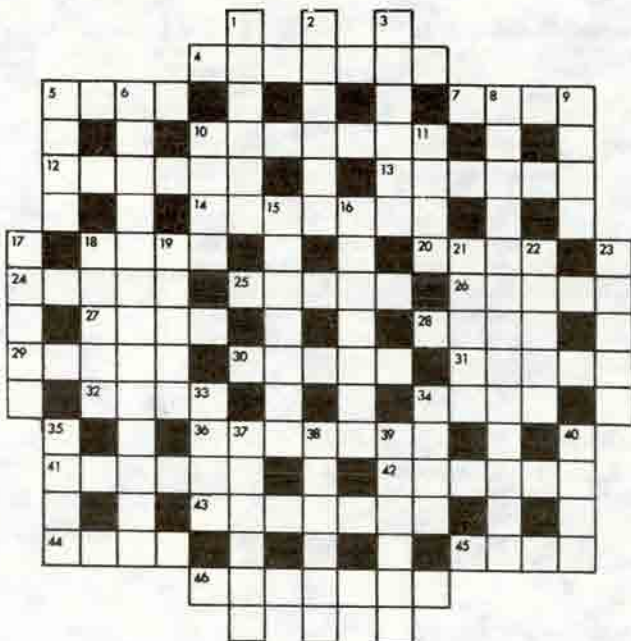
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали.

1. Флешь. 6. Осмий. 10. Баран. 12. Аппиан. 13. Криуша. 14. Чалек. 16. Ортодокс. 17. Медовуха. 18. Аид. 20. Эрг. 22. Зивие. 25. Недотрога. 26. Крупа. 29. Лепид. 32. Умножение. 34. ...Нитуш. 35. Гай. 38. Фет. 42. Стриптиз. 44. Романтик. 45. Титан. 46. Лесбия. 47. Шамфор. 48. Насос. 49. Овчар. 50. Канна.

По вертикали.

2. ...лепота. 3. Штандарт. 4. Барасинги. 5. Гарем. 7. Сердолик. 8. Итуруп. 9. Харон. 11. Марал. 14. Чка. 15. ...кефир. 19. Ремез. 20. Зозин. 21. Гро. 23. Ерсей. 24. Оптик. 27. Император. 28. Дог. 30. Диопсида. 31. Гусит. 33. Жарарака. 36. Пселл. 37. Брюсов. 39. Тон. 40. Стефан. 41. Якорь. 43. Зилан.

КРОССВОРД
Составила
И. РЕЧКИНА,
Касимов
Рязанской
области

По горизонтали.

4. Русский изобретатель и электротехник, редактировавший журнал «Электричество». 5. Здание для стоянки и ремонта трамваев. 7. Опыт в литературном смысле. 10. Хлопчатобумажная ткань, модная в 50-е годы. 12. Французский драматург, обладавший титулами придворного драпировщика и личного служителя короля. 13. Пространство за пределами Земли. 14. «Постный» мусульманский месяц. 18. Тюремный (жарг.) обыск. 20. Дом детских игр. 24. Расположение, соотношение различных цветков на картине. 25. Самый тихий из наставников. 26. Музыкальный инструмент, известный еще в Древнем Египте. 27. Фелонь (суть). 28. Азиатская полупустыня, где обитала лошадь Пржевальского. 29. Навахо, кайова, мескалери, липан, чирикахуа, хикарилла (общее название). 30. Металл, какой древние египтяне возили из Персии. 31. В старину — сухопутная часть водного пути. 32. Центр эгейской культуры на юге Крита. 34. Роман И. Тургенева. 36. Горный массив в Швейцарии, объект альпинизма и туризма. 41. Музыкальный инструмент, чей путь в Европу начался с нашествия мавров в Испанию. 42. Снорка. 43. «... спасет мир» (Ф. Достоевский). 44. Азиатское государство. 45. Сотая часть доллара. 46. Проявление доблести.

По вертикали.

1. Пустая мечта. 2. Вид спорта. 3. Римский философ и писатель, сказавший: «Труден путь через поучения, но короток через примеры». 5. Жанр, присущий Рылееву. 6. Массовое посещение святого места. 8. Единственное занятие Нарцисса. 9. Российский порт на Азовском море. 10. Французский писатель, осчастлививший фантастически много детей. 11. Одна закидка невода. 15. «Разговор в одиночку». 16. Лечебное действие знахаря. 17. Бронза как материал. 18. Денежное наказание. 19. Финиковое место в Сахаре. 21. Языковая единица. 22. Столица Хазарского каганата. 23. Русский губернский город на одноименной реке. 33. Представитель древнего народа, из которого выделились алтайцы, монголы и другие. 34. Второй царь Древнего Рима. 35. Загнать в ... (поставить в безвыходное положение). 37. Арбузный мед. 38. Причина свечения собаки Баскервиль. 39. Состояние психики очень замкнутого человека. 40. «Разговорное» движение рукой или головой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали.

1. Царев. 4. Эклер. 7. Апарт. 9. Отгадка. 10. Новиков. 12. Люрса. 15. Дыня. 17. Сев. 19. Эмма. 20. Филумения. 23. Храм. 26. Лафатер. 27. Сечь. 29. Альт. 31. Долг. 33. Билибин. 34. Гевелий. 35. Имам. 37. Лава. 38. Маяк. 40. Сенявин. 43. Зуав. 46. Коротанье. 47. Дрын. 48. Ант. 49. Чаша. 51. Шнитт. 54. Мандрил. 55. Оторопь. 56. Есаул. 57. Кульм. 58. Коала.

По вертикали.

1. Цыганка. 2. Руда. 3. Ваал. 4. Этна. 5. Лувр. 6. Рекамье. 8. Агреман. 9. Отдых. 11. Враль. 13. Юсуф. 14. Свет. 16. Бильбасов. 18. Жирование. 21. Латимер. 22. Неделин. 24. Рубка. 25. Малик. 27. Сглаз. 28. Чайка. 30. Лим. 32. Лев. 36. Пятница. 38. Мадам. 39. Язычник. 41. Ноан. 42. Ватт. 44. Уланова. 45. Вуаль. 50. Урал. 51. Шлем. 52. Толк. 53. Роза.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

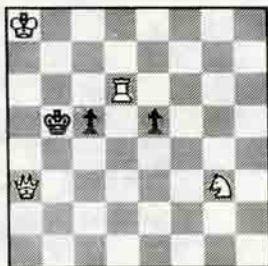
Начинаем публикацию итогов III международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1994 год. В конкурсе двухходовок участвовали 253 задачи 107 авторов (опубликованы 48). Из конкурса исключены: №№ 20, 40, 50, 61, 73, 74, 82, 109 — из-за предшественников, №№ 12, 29, 80 — из-за побочных решений, №№ 3, 38, 106 — как ранее опубликованные.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов.

I приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселица, Украина

б) Kg3—a1

а) 1. Лб6? ~ 2. Фa4x, 1... c4 2. Фa5x, но 1... Крс4! 1. Кв4 Крс4 2. Фa4x, 1... c4 2. Кс3x

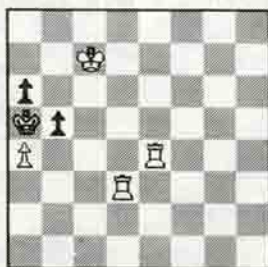
б) 1. Кра7? Крс4 2. Фb3x, 1... c4 2. Лb6x, но 1... e4! 1. Кс2 ~ 2. Фa6x, 1... Крс4 2. Фd3x, 1... c4 2. Фb4x

В двух близнецах (в каждом — две равноценные фазы) осуществлена многократная перемена матов, первые две фазы осложнены парадоксом Домбровскиса. Сложность замысла оправдывает некоторые издержки: положение белого коня «вне игры» и наличие «плохого» ложного следа 1. Крb7?

II приз

В. МЕЛЬНИЧЕНКО

г. Котовск, Украина

1... ba 2. Лd5x
1. Лd5? — пат!

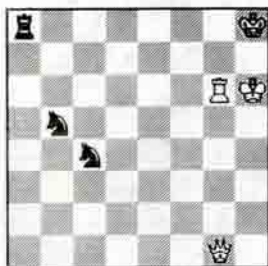
1. Лa3? b4 2. Лe5x, но 1... ba!
 1. Лb3? ba 2. Лe5x, но 1... b4!
 1. ab! Крb5 2. Лd5x, 1... ab 2. Лa3x

В содержании этой миниатюры выделяются два момента: чередование защиты и опровержения в двух ложных следах, объединенных матом 2. Лe5x, а также матующие ходы действительной игры, бывшие вступлениями ложных следов (к сожалению, неравноценных).

III приз

Н. ЗИНОВЬЕВ

*Усть-Каменогорск,
Казахстан*

б) Фg1—b1 в) Кc4—c6

- а) 1. Фf2? ~ 2. Фf6x, 1... Лa7 2. Фf8x, но 1... Лg8!
 1. Лe6? ~ 2. Фg7x, 1... Лa7 2. Лe8x, но 1... Лg8!
 1. Фh2! ~ 2. Крg5x, 1... Лa7 2. Фh8x
 б) 1. Лf6! ~ 2. Фh7x, 1... Лa7 2. Лf8x
 в) 1. Лg7! ~ 2. Лh7x, 1... Лa7 2. Лg8x

По замыслу автора — пятикратная перемена угрозы и мата на 1... Лa7. Однако наличие «паразитных» ложных следов разрушает четкость замысла (некоторые из них качественнее тематических, например: 1. Фg5? ~ 2. Фf6x, 1... Лa7 2. Фd8x, но 1... Лf8!).

1-й почетный отзыв — задаче № 30 **В. Мельниченко** (г. Котовск).

2-й почетный отзыв — задаче № 63 **А. Зарха** (Рига, Латвия).

В обеих задачах представлена многократная перемена матов, но без каких-либо запоминающихся нюансов.

3-й почетный отзыв — задаче № 97 **В. Желтоножко** (Екатеринбург).

Симпатичная миниатюра, в которой две фазы с чередованием угрозы и мата варианта дополнены третьей фазой.

4-й почетный отзыв — задаче № 28 **Н. Зиновьева** (Усть-Каменогорск).

Четкое выражение темы Рухлиса в одном варианте.

5-й почетный отзыв — задаче № 99 **А. Хильдебранда** (Швеция).

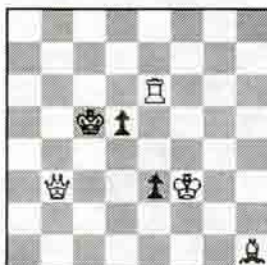
Тема Флека в трех вариантах.

Похвальные отзывы (на равных) задачам: № 21 **Д. Гургенидзе** (с. Чайлури, Грузия), № 31 **С. Цырулика** (дер. Озераны, Беларусь), № 32 **А. Завезжая** (с. Мельня, Сумской обл.), № 92 **М. Власова** (г. Кудымкар), № 100 **В. Морозова** (Москва).

Специальный приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселица, Украина

1. Фa4? ~ 2. Лc6x, но 1... d4!
 1. Лb6? ~ 2. Фb4x, 1... d4 2. Фb5x, но 1... Крd4!
 1. Крe2! d4 2. Лc6x, 1... Крd4 2. Фb4x

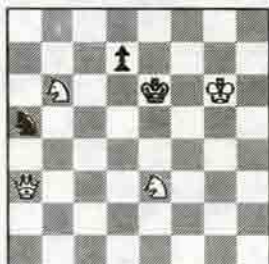
Двухвариантная тема Домбровскиса. Специальный почетный отзыв — задаче № 93 **В. Желтоножко** (Екатеринбург).

Перемена функций ходов на фоне «звездочки» черного короля.

Специальный похвальный отзыв — задаче № 107 **У. Хаммерстрема** (Швеция).

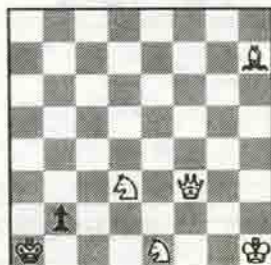
ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

82. А. ЗАРХ
Рига, Латвия

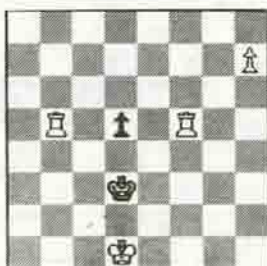
Мат в 2 хода

83. Х. ФРЕБЕРГ
Швеция

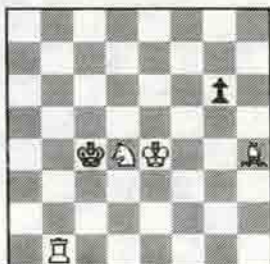
Мат в 2 хода

84. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия

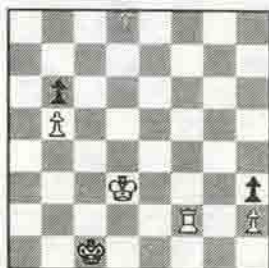
Мат в 3 хода

85. В. ЖЕЛТНОЖКО
Екатеринбург

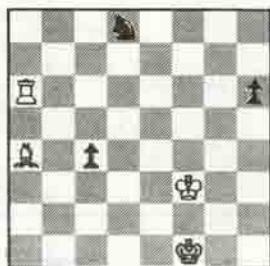
Мат в 3 хода

86. В. АНТИПОВ
г. Боровичи
Новгородской обл.

Мат в 4 хода

87. Б. КОЦДОН
ФРГ

Мат в 5 ходов

«СМЕНА» — 96

В первом полугодии мы планируем опубликовать: новую повесть Николая Леонова о любимом всеми Льве Турове, триллер известной английской писательницы Сьюзен Хилл «Женщина в черном», повесть немецкого писателя Франка Брауна «Одной пули хватит», классический американский детектив Фрэнка де Фелитты «Похоронный марш марионеток», приключенческий роман французского писателя Шарля Эксбрая «Любите ли вы Павла?».

Министерство связи РФ
„Роспечать“

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал **70820**
(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов	I
-----------------------	---

на 1996 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер	на _____ журнал	70820							
				(индекс издания)							
«СМЕНА»											
Стоимость	подписки пере-адресовки	руб.	коп.	Количество комплек-тов	I						
		руб.	коп.								
на 1996 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

«СМЕНА» — 96

Это — 5900 рублей за один номер, 17 700 — за три, полугодовая подписка — 35 400 рублей (цены указаны по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

▲ МАНСУР ЗАКИРОВ. Ангелы прилетели.

ДЖЕАННЭ СТИНГРЭЙ